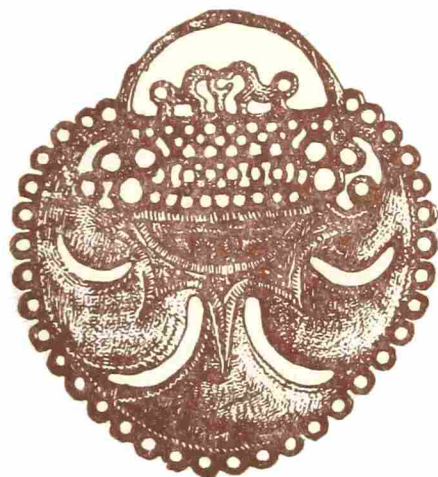

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2

1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ № 2
АРХЕОЛОГИЯ 1980

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. Д. Блаватский, Н. Н. Гурина,

Л. В. Кольцов (отв. секретарь), *В. В. Кротокин,*

Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев,

А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский,

С. А. Плетнева (зам. главного редактора),

А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Амирханов Х. А., Анникович М. В., Борзьяк И. А. (Москва, Ленинград, Кишинев). К проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа	5
Переводчикова Е. В. (Москва). Типология и эволюция скифских наверший	23
Гей О. А. (Москва). Черняховские памятники Северного Причерноморья (к постановке проблемы)	45
Плейнерова И. (Прага). О характере раннеславянских поселений пражского и корчакского типов	51
Домбровска Э. (Варшава). Проблема так называемых «великих городов» у западных славян в раннем средневековье	56
Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. (Москва, Ленинград). Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса)	67
Кызласов И. Л. (Москва). Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в.	80
Чернецов А. В. (Москва). Три резных посоха XV века	94
Юшко А. А., Чернов С. З. (Москва). Из исторической географии Московской земли	116

Публикации

Сидоров В. В., Трусов А. В. (Москва). Луково озеро I — стоянка льяловской культуры	126
Сокольский Н. И. Таманский клад бронзовых орудий	144
Черных Е. Н. (Москва). О химическом составе металла Таманского клада	150
Кошлов В. П., Марченко К. К. (Ростов-на-Дону, Ленинград). Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону	155
Бадалянц Ю. С. (Рязань). Новые хронологические соответствия личных имен на родосских амфорах	161
Сарианиди В. И. (Москва). Культовый сосуд из Маргяны	167
Могильников В. А., Суразаков А. С. (Москва, Горно-Алтайск). Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алаганл	180

Швецов М. Л. (Донецк). Котлы из погребений средневековых кочевников	192
Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. (Киев). О ремесленном производстве на киевском Подоле	203

Заметки

Бодунов Е. В., Жилин М. Г., Воробьев В. М. (Калинин, Москва). Поздне-мезолитическая стоянка Старокопстантиновская III близ Калинина	220
Петрин В. Т., Шорин А. Ф. (Свердловск). Антропоморфная скульптура эпохи бронзы с Южного Урала	226
Сагдуллаев А. С. (Ташкент). Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6	228
Федоров-Давыдов Г. А. (Москва). Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника	235
Штова Т. Б. (Ленинград). Ближневосточная керамика IX в. из Старой Ладогги	238
Симонова Е. Н. (Будапешт). Средневековое поселение в Залавар-Резеш	240
Мясникова Н. В. (Калинин). К дендрохронологии Смоленска (по материалам раскопа XI по улице Соболева)	246
Белоцерковская И. В., Сапожников Н. В. (Москва). О вятичских древностях из Смоленска	251

Критика и библиография

Титов В. С. (Москва). Kalicz N., Makkaу J. Die Linienbandkeramik in der Grossen Ungarischen Tiefebene. Budapest, 1977	254
Семенов Г. Л., Шкода В. Г. (Ленинград). Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977	264
Алексеев Л. В. (Москва). Новые книги по археологии белорусских городов	269

Хроника

Козенкова В. И. (Москва). VII Крупновские чтения (Черкесск, 1977 г.)	275
Батчаев В. М., Керефов Б. М. (Нальчик). VIII Крупновские чтения (Нальчик, 1978 г.)	279
Памяти Отто Николаевича Бадера	286

*Founded
in 1957*

SOVIET **№ 2**
ARCHAEOLOGY **1980**

Editor-in-chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Amirkhanov Kh. A., Anikovich M. V., Borziyak I. A. (Moscow, Leningrad). On the problem of the transition from the Moustierian epoch to the Upper Palaeolithic in the Russian plain and Caucasus	5
Perevodchikova E. V. (Moscow). The typology and evolution of the Scythian pole-tops	23
Gey O. A. (Moscow). The Cherniakhovo culture sites of the North Pontic area	45
Pleinerova I. (Prague). On the character of the early Slavic settlements of the Prague and the Korchak types	51
Dąbrowska E. (Warsaw). The problem of the so-called «great towns» of the Western Slavs in the early medieval period	56
Leontyev A. E., Ryabinin E. A. (Moscow, Leningrad). The stages and forms of assimilation of the tribe Merya, mentioned in chronicles	67
Kyzlasov I. L. (Moscow). The Kypchaks and the uprising of the Yenisei tribes in the XIIIth century	80
Chernetsov A. V. (Moscow). Three carved staves of the XVth century	94
Yushko A. A., Chernov S. Z. (Moscow). A contribution to the historical geography of the Moscow region	116

Publications

Sidorov V. V., Trusov A. V. (Moscow). Lukovo ozero I — a site of the Lyalovo culture	126
Polonski N. I. The Tamanian hoard of bronze artifacts	144
Chernykh E. N. (Moscow). About chemical composition of the metal of the Tamanian hoard	150
Kopylov V. P., Marchenko K. K. (Rostov-at-Don, Leningrad). Hand-made pottery of the Elizavetovskoye cemetery at Don	155
Badalyants Yu. S. (Ryazan). On the chronological position of some personal names at the Rhodes amphoras	161
Sarianidi V. I. (Moscow). A ritual vessel from Margiana	167
Mogilnikov V. A., Surazakov A. S. (Moscow, Gornoaltaysk). Archaeological investigations in valleys Borotal and Alagil	180
Shvetsov M. L. (Donetsk). Coppers from burials of the medieval nomads	192
Gupalo K. N., Ivakin G. Yu. (Kiev). On the handicraft production of the Podol in ancient Kiev	203

Notes

Bodunov E. V., Zhilin M. G., Vorobyev V. M. (Kalinin, Moscow). The late mesolithic site Starokonstantinovskaya III near Kalinin	220
Petrin V.T., Shorin A. F. (Sverdlovsk). The Bronze Age antropomorphous sculpture from the Southern Urals	226
Sagdullaev A. S. (Tashkent). The excavations of the ancient Bactrian site Kyzylcha 6	228
Fedorov-Davydov G. A. (Moscow). The late Sarmathian bimetallic dagger from the Baranovski cemetery	235
Shitova T. B. (Leningrad). The IXth century Near Eastern pottery from Staraya Ladoga	238
Simonova E. N. (Budapest). The medieval settlement Zalavar-Rezes	240
Myasnikova N. V. (Kalinin). On the dendrochronology of Smolensk (on the materials of section XI at the Sobolev street)	246
Belotserkovskaya I. V., Sapozhnikov N. V. (Moscow). On the antiquities of Vyatichi from Smolensk	251

Reviews and bibliography

Titov V. S. (Moscow). Kalicz N., Makkay J. Die Linienbandkeramik in der Grossen Ungarischen Tiefebene. Budapest, 1977	254
Semenov G. L., Shkoda V. G. (Leningrad). Isakov A. I. The citadel of the ancient Pendzhikent. Dushanbe, 1977	264
Alekseev L. V. (Moscow). The new books on the archaeology of the Byelorussian cities	269

Chronicle

Kozenkova V. I. (Moscow). The VII Krupnov memorial conference (Cherkessk, 1977)	275
Batchaev V. M., Kerefov B. M. (Nalchik). The VIII Krupnov memorial conference (Nalchik, 1978)	279
To the memory of O. N. Bader	286

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.01.80 Подписано к печати 21.03.80 Т-05249 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. 25,2+1 вкл. Уч.-изд. л. 29,1 Бум. л. 9,0 Тираж 3577 экз. Зак. 2706

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Х. А. АМИРХАНОВ, М. В. АНИКОВИЧ, И. А. БОРЗИЯК

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА ОТ МУСТЬЕ К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ НА ТЕРРИТОРИИ РУССКОЙ РАВНИНЫ И КАВКАЗА

Проблема перехода от мустье к верхнему палеолиту представляет собой одну из важнейших проблем современной исторической (в широком смысле слова) науки, поскольку в ней как в фокусе сосредоточиваются наиболее спорные и острые вопросы, уводящие в философию истории: когда и как происходило становление человеческого общества, где лежит начало человеческой истории и что под этим началом следует понимать и т. д.?

Мы считаем, что успешное решение этих вопросов невозможно без всестороннего и углубленного анализа археологических данных — единственных непосредственных свидетельств, оставшихся от эпохи становления *Homo sapiens*. Не случайно поэтому крупные обобщающие работы, посвященные происхождению человечества, в которых археологические источники привлекаются для подтверждения отдельных постулатов (зачастую — бессистемно и недостаточно квалифицированно), несмотря на свою внутреннюю логичность, не встречают поддержки среди палеолитоведов.

Ответственность за это не следует целиком возлагать на Б. Ф. Поршнева, Ю. И. Семенова и других исследователей, выдвинувших целостные гипотезы становления человеческого общества с привлечением данных самых различных дисциплин. Беда в том, что первобытная археология как наука сама еще находится в стадии становления и зачастую оказывается бессильной не только соотнести свои данные с данными других наук, дать надежно обоснованные исторические или социологические выводы, но даже убедительно увязать между собой результаты, достигнутые двумя различными археологическими методами: типологическим и трасологическим. Поэтому, обращаясь к проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту по данным археологии, следует учитывать как глубину и сложность стоящей задачи, так и узость, недостаточность современных методов для ее конечного решения.

Цели настоящей работы ограничены. Мы пытаемся выделить среди восточноевропейских верхнепалеолитических стоянок наиболее надежные и показательные для подхода к поставленной проблеме, отметить их некоторые положительные и отрицательные стороны как источников, указать на отдельные пути их исследования. При этом мы основываемся на материалах наиболее богатых и наиболее изученных районов сосредоточения верхнепалеолитических стоянок. Таковыми являются: Костенковско-Боршевский район (среднее течение Дона), Днестровско-Карпатский регион и Кавказ.

Сравнительно недавно при господстве стадияльной концепции развития техники и форм каменных орудий казалось, что мустьерские индустрии по своему археологическому облику однообразны и всегда хорошо отличимы от верхнепалеолитических и что по крайней мере на террито-

рии Европы верхнепалеолитическое население проходило через ряд последовательно сменявших друг друга стадий или ступеней социального развития, отразившегося в наборе каменного и костяного инвентаря.

Вследствие неравномерности исторического развития одни группы племен могли проходить через соответствующую стадию раньше, другие позднее¹, т. е. при строгом подходе и в рамках стадияльной концепции не следовало смешивать понятия «памятники одной стадии» и «памятники одного возраста», но на практике это почти не учитывалось, датировка памятников по их археологическому облику применялась повсеместно. Для того чтобы выделить древнейшие верхнепалеолитические индустрии, достаточно было указать на их «ориньякский», реже «солютрейский» облик (в зависимости от того, как понималась ранняя стадия развития верхнепалеолитической техники), в особенности если «ориньякские» формы орудий сопровождались «мустьерскими» (скреблами, остроконечниками и пр.). Утвердившаяся в советской археологии концепция археологических культур исходит из того, что специфические технические приемы и формы орудий отражают не только стадии социального развития, но в первую очередь культурные, этнографические особенности. Археологический облик одновременных, но разнокультурных памятников может быть резко различным. Поэтому при установлении их возраста на первый план выступают данные стратиграфии, дополняющиеся другими данными: палеонтологией, палеогеографией, методов абсолютного датирования и собственно археологическими. Когда палеолитический памятник по той или иной причине геологически слабо изучен и не связывается в культурном отношении со стоянками, датированными стратиграфически, предположения о его возрасте на основании только технико-морфологического анализа кремневого инвентаря требуют большой осторожности.

Нуждается в уточнениях понятие «архаизм каменной индустрии» в применении к европейским верхнепалеолитическим памятникам. Мы считаем, что среди верхнепалеолитических технических приемов и форм орудий невозможно выделить безошибочно более или менее архаичные, так как в различных и разновременных археологических культурах они могут давать самые разнообразные сочетания. Архаичными элементами в данном случае могут считаться лишь технические приемы и формы орудий, в массе характерные для нижнепалеолитических памятников, но сочетающиеся в одном комплексе с верхнепалеолитическими элементами.

В настоящее время, однако, совершенно не достаточно простого указания на такое сочетание, необходимо установить роль и значение этих элементов в конкретных индустриях. В качестве простейшего приближения к решению этого вопроса мы выделяем три основных варианта или степени архаизма. 1. Архаичные элементы в комплексе играют ведущую роль, они в большом количестве прослеживаются как в технике первичной и вторичной обработки, так и в наборе орудий; типологически устойчивее чем верхнепалеолитические (однако последние не должны при этом быть единичными, случайными). Индустрии подобного рода характеризуются как переходные; при отсутствии геологических данных их зачатую невозможно разграничить на мустьерские и верхнепалеолитические. 2. Архаичные элементы составляют устойчивую, выразительную часть комплекса, сочетаясь с количественно богатыми и типологически выразительными техническими приемами и формами орудий верхнего палеолита. Датировка подобных комплексов без должного геологического обоснования непременно начальной порой верхнего палеолита может быть и ошибочной: в отдельных археологических культурах архаичные элементы даже в виде устойчивого комплекса могли существовать в течение длительного периода, выражая не хронологический этап, но опре-

¹ *Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона.* — МИА, № 121, 1963. с. 122, 123.

деленные традиции. Примеры такого рода будут приведены нами ниже. 3. Архаичные элементы представлены разнородными и маловыразительными единичными формами, составляющими ничтожную часть верхнепалеолитического инвентаря. Подобного рода находки, как отмечалось в литературе², могут появляться в самых различных по возрасту верхнепалеолитических стоянках и не являются показателем тех или иных связей с мустье, хотя и могут выступать в отдельных случаях в качестве одного из культуроопределяющих элементов. Индустрии, обладающие первой и второй степенью архаизма, независимо от их возраста одинаково важны для решения проблемы перехода от мустье к верхнему палеолиту.

Не менее важны индустрии, **датирующиеся** начальной порой верхнего палеолита, независимо от их археологического облика. Сложность состоит в том, что эти индустрии не всегда имеют «переходный» характер, мы согласны с Г. П. Григорьевым, что становление верхнего палеолита в Европе проходило по-разному: в одних археологических культурах путем постепенного, иногда очень длительного изживания мустьерских технических приемов и форм орудий, в других — смена мустьерских традиций верхнепалеолитическими происходила настолько быстро, что проследить этот переход чрезвычайно трудно³. Ярким примером такого рода является ориньякская культура, одна из древнейших культур Западной Европы, характеризующаяся тем не менее с самого начала своего существования вполне развитыми верхнепалеолитическими техническими приемами и орудиями.

Таким образом, мы не отождествляем между собой индустрии, относящиеся к начальной поре верхнего палеолита (их археологический облик не обязательно должен быть архаичным в нашем понимании) и верхнепалеолитические индустрии архаичного облика (они не обязательно должны датироваться начальной порой верхнего палеолита), но считаем и те и другие важными источниками для установления связей с мустьерской эпохой.

Обратимся к рассмотрению конкретных верхнепалеолитических стоянок Восточной Европы. На Среднем Дону, в Костенковско-Боршевском районе находится хорошо известная группа многослойных верхнепалеолитических стоянок. Их относительный возраст определяется на основании стратиграфии верхнеплейстоценовых отложений данного района; древнейшие костенковские памятники (по А. Н. Рогачеву — первая хронологическая группа⁴) залегают в так называемой пижней гумусированной толще, под линзами вулканического пепла. А. Н. Рогачев относит эти памятники к началу верхнего палеолита, ряд других исследователей (П. И. Борисковский, А. А. Величко, Г. П. Григорьев, П. П. Ефименко) датируют их более поздним временем.

Проблема состоит в установлении геологического возраста нижней гумусированной толщи. Несмотря на явную переотложенность гумусированных прослоек, в их строении на всей территории Костенковско-Боршевского района наблюдаются общие закономерности⁵, указывающие на существование каких-то циклов в накоплении гумусированных толщ. Судя по спорово-пыльцевым данным, полученным для разных разрезов,

² Борисковский П. И. Ук. соч., с. 119.

³ Григорьев Г. П. Селет и костенковско-стрелецкая культура. — СА, 1963, № 1, с. 9.

⁴ Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. — МИА, № 59, 1957.

⁵ Величко А. А. Стоянка Спичына (Костенки XVII) и ее значение для решения основных вопросов геологии Костенковско-Боршевского района. — МИА, № 121, 1963; Аникович М. В. Строение верхней гумусированной толщи в с. Костенки и относительный возраст залегающих в ней стоянок. — В сб.: Палеэкология древнего человека. М., 1977.

за время накопления гумусированных суглинков происходили значительные изменения растительности и климата⁶, позволяющие соотносить это время не со сравнительно кратким отрезком времени (29—25 тыс. лет), обычно принимаемым для брянского интерстадиала, выделенного А. А. Величко, а с более длительным периодом, характеризующимся неустойчивым климатом, неоднократными сменами периодов потепления и похолодания. Этими чертами обладает выделяемое некоторыми авторами средневалдайское межледниковье⁷ («молодо-шекснинское», «гражданский проспект»).

Наиболее надежная абсолютная дата, полученная по образцу древесного угля из культурного слоя Ia Костенок XII, приуроченного к основанию верхнего гумуса (II хронологическая группа): $32\,700 \pm 700$ (GRN — 7758), также говорит о более древнем возрасте костенковских стоянок, залегающих в гумусированных суглинках. Исходя из этой даты, стратиграфически еще более древние стоянки, залегающие в нижней гумусированной толще (I хронологическая группа), датируются древнее 32 тыс. лет, т. е. относятся к начальной поре верхнего палеолита. Оговоримся, что окончательное установление возраста древнейших костенковских стоянок еще впереди; в частности, полученная дата требует неоднократной проверки.

С археологической точки зрения, стоянки I хронологической группы относятся к двум археологическим культурам: костенковско-стрелецкой (Костенки XII, III культурный слой и Стрелецкая II) и спицынской (Костенки XVII, слой II; возможно, Костенки XII, слой II)⁸.

Ранний этап стрелецкой культуры лучше всего характеризуется материалами III слоя Костенок XII, так как инвентарь Стрелецкой II намного беднее и, возможно, смешан. Нижний культурный слой Костенок XII — памятник с индустрией, обладающей ярко выраженными мустьерскими чертами со следующими особенностями: полное отсутствие призматической техники раскалывания; преобладание в числе заготовок осколков плиток и отщепов. В технике вторичной обработки — наличие односторонней занозистой и двусторонней плоско-выпуклой ретуши, практически полное отсутствие «вертикальной» ретуши, резцового скола и чешуйчатой подтепки. В наборе орудий (рис. 1, 11—20) — количественное преобладание и большая типологическая выразительность «мустьерских» форм (скребла, остроконечники, «кэнсоны», заготовки с прямоусеченными концами, ряд двусторонних листовидных орудий, например асимметричные изделия с суженными концами, обработанные плосковыпуклой ретушью, листовидные острия с массивным основанием — всего 30 экз., или 29% от общего количества орудий) по сравнению с «верхнепалеолитическими» (скребки, резец, «*pièces écaillées*», треугольные накопечники с вогнутым основанием и наконечник типа «лист тополя» — всего 27 экз., или 26%⁹). При этом один резец и два «*pièces écaillées*» — случайные, атипичные изделия. Скребки разнородны, грубы; подобные орудия обычны и в мустьерских комплексах. В мустье появляются впер-

⁶ Федорова Р. В. Природные условия в период обитания верхнепалеолитического человека в районе с. Костенок Воронежской области. — МИА, № 121, 1963.

⁷ Заррина Е. П. Стратиграфия и геохронология позднего плейстоцена Северо-Запада Европейской части СССР. Автореф. канд. дис. Таллин, 1971, с. 22—24.

⁸ К I хронологической группе относятся также Костенки VIII, слой IV и Костенки XIV слой IV, но собранные материалы слишком бедны. Стратиграфическое положение V слоя Костенок I в настоящее время остается неясным — есть основания сомневаться в его принадлежности к нижней гумусированной толще. См.: Борисковский П. И. Очерки по палеолиту..., с. 115; Аникович М. В. Ук. соч.

⁹ Остальные 48 изделий со вторичной обработкой (ретушированные отщепы, плитки с приостренным краем, некоторые единичные формы) могут одинаково часто встречаться как в мустьерских, так и в верхнепалеолитических комплексах. Подробнее см.: Аникович М. В. Каменный инвентарь нижних слоев Волковской стоянки. — В сб.: Проблемы палеолита Центральной и Восточной Европы. Л., 1977.

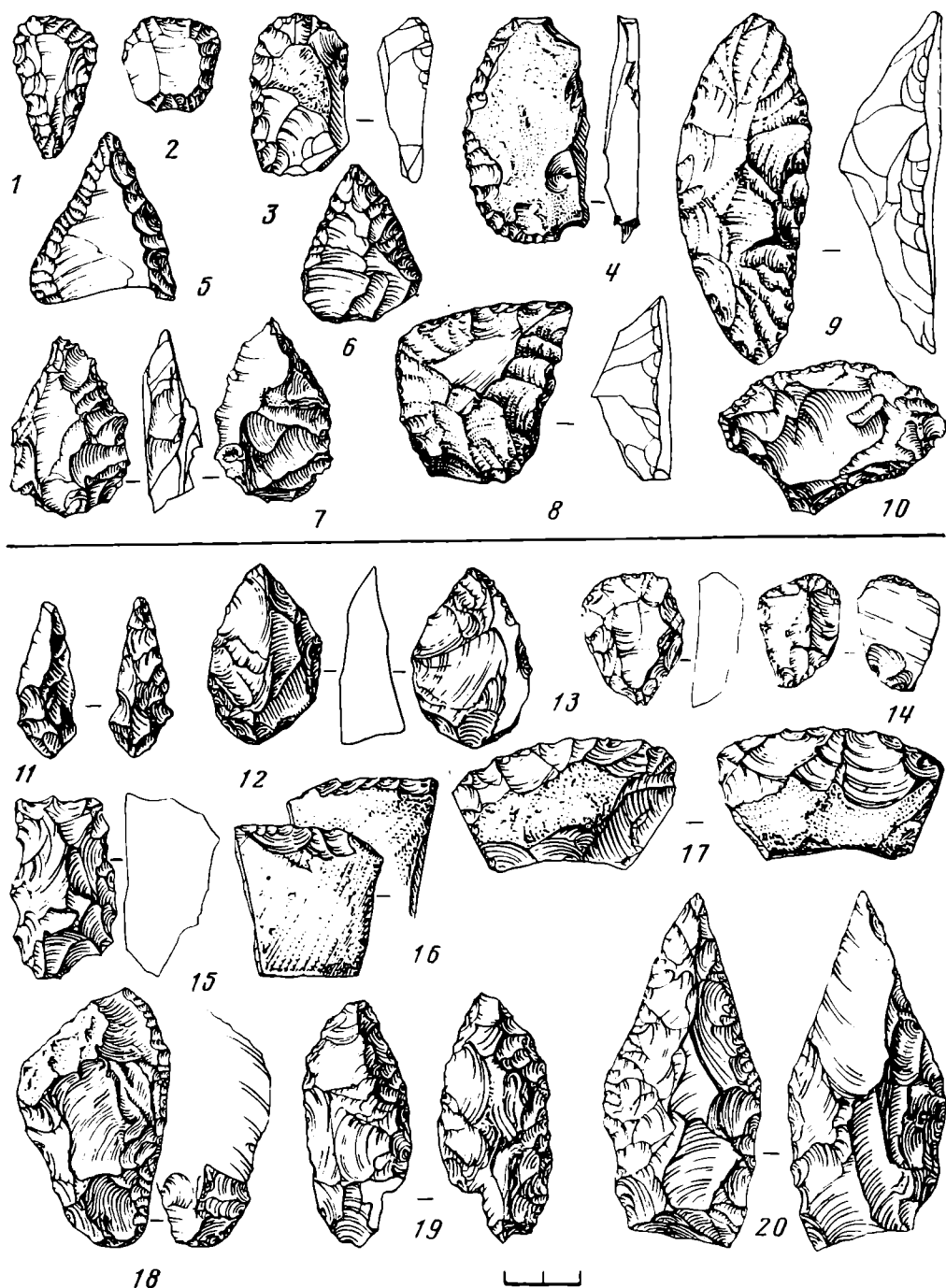

Рис. 1. Костенки XIV, слой II (1—10); Костенки XII, слой III (11—20). 1—3, 13, 14 — скребки; 4, 8, 10, 17, 18 — скребла; 5, 6, 20 — остроконечники; 7, 12, 19 — двусторонне обработанные орудия архаического облика; 9 — лимас; 11 — «кэнсон»; 15 — «тронке»; 16 — плитка с прямым режущим краем

вые и наконечники с вогнутым основанием, в том числе имеющие линзовидное сечение¹⁰. Таким образом, как справедливо полагал А. Н. Рогачев¹¹, архаизм инвентаря III слоя Костенок XII не сводится к отдельным «случайным» элементам, но является важнейшей характеристикой индустрии этого слоя во всех ее основных аспектах. По своему археоло-

¹⁰ Кетрару Н. А., Борзияк И. А. Палеолитическая стоянка в гроте Тринка III. — АИМ в 1973 г. Кишинев, 1974, с. 3—12.

¹¹ Рогачев А. Н. Ук. соч., с. 71.

гическому облику это едва ли не самый архаичный памятник из всех верхнепалеолитических стоянок Русской равнины.

Стоянки спицынской культуры, стратиграфически одновременные III слою Костенок XII, не обнаруживают в инвентаре мустьерских элементов. Их индустрии характеризуются призматической техникой раскалывания, ограниченным набором технико-морфологических групп орудий (резцы, скребки, «*pièces écaillées*», острия), среди которых преобладают резцы (160 экз. или около 53% от общего количества орудий). Из них абсолютное большинство составляют боковые (Костенки XVII, II слой). Последнее обстоятельство наряду с полным отсутствием архаичных элементов, развитой техникой сверления уже использовалось в литературе для доказательства относительно позднего возраста стоянок I хронологической группы¹².

Выше мы уже отмечали, что относительная «развитость» каменной индустрии верхнепалеолитического памятника, в частности отсутствие в ней мустьерских элементов, сама по себе еще не является убедительным хронологическим показателем. Для определения возраста нижнего культурного слоя Костенок XVII (основного памятника спицынской культуры) решающее значение имеет его залегание в нижней гумусированной толще, которую, как указывалось, есть основания датировать древнее 32 тыс. лет.

Таким образом, в Костенковско-Боршевском районе памятники I хронологической группы относятся к начальной поре верхнего палеолита. Среди них спицынская культура представляет собой случай раннего и быстрого изживания в инвентаре мустьерских традиций, в то время как хорошо выраженный архаичный комплекс технических приемов и форм орудий в индустрии III слоя Костенок XII позволяет искать конкретные связи между раннестрелецкими и мустьерскими индустриями.

Другой источник для установления генетических связей с мустье — памятники более поздней городцовой археологической культуры (верхняя гумусированная толща, II хронологическая группа), содержащие в инвентаре наряду с развитыми верхнепалеолитическими формами комплекс архаичных орудий¹³. Особенно показателен II культурный слой Костенок XIV (рис. 1, 1—10). В его инвентаре около 30% орудий составляют скребла, остроконечники, лимасы и диски, зубчато-выемчатые формы, хорошо выраженные, дифференцирующиеся на типы. Но они сопровождаются значительным количеством скребков и «*pièces écaillées*» (вместе около 50%), отдельными резцами, проколками, а также богатым костяным инвентарем, включающим прекрасно орнаментированные изделия. Таким образом, индустрия этого памятника в целом значительно менее архаична по сравнению с III культурным слоем Костенок XII. Архаичный комплекс II слоя Костенок XIV по ряду показателей отличен от архаичного комплекса стоянок стрелецкой культуры. Так, в нем отсутствуют двусторонние листовидные орудия, изделия с прямоусеченными концами, кэнсоны, но имеются лимасы, диски, остроконечники со скребковой ретушью основания, которых нет ни в III слое Костенок XII, ни в других памятниках стрелецкой культуры. Городцовские скребла отличаются от стрелецких наличием различных вариантов дулезвийных, двойных конвергентных скребел, сочетающихся со скребковой ретушью конца заготовки. Отличаются и формы остроконечников. Все это, возможно, свидетельствует о происхождении городцовой и стрелецкой верхнепалеолитических культур из различных вариантов мустье. Сложность конкретного решения данного вопроса состоит в том, что в бассейне Среднего Дона или в ближайших окрестностях нет совокупности мустьер-

¹² Борисковский П. И. Ук. соч., с. 118—120.

¹³ По Г. П. Григорьеву, к ним относятся Костенки XII, I культурный слой; Костенки XIV, II культурный слой, Костенки XV. См.: Григорьев Г. П. Верхний палеолит. — МИА, № 166, 1970, с. 48.

ских памятников, среди которых можно было бы искать связующие звенья с костенковским палеолитом. Для стрелецкой культуры наиболее вероятный район поисков мустьерских предшественников очерчивается отдельными находками треугольных наконечников с вогнутым основанием или близких по форме орудий в мустьерских стоянках Крыма (Староселье), Кубани (Ильская), Молдавии (III культурный слой грота Тринка III). Для городцовой культуры поиски генетических связей с мустье — дело будущего.

Для юго-запада Русской равнины, т. е. для Днестровско-Карпатского региона до сих пор нет единой стратиграфической схемы позднеплейстоценовых отложений с привязкой памятников палеолита, хотя работы в этом направлении начаты¹⁴. Разработанные для молодых стоянок стратиграфические колонки И. К. Ивановой¹⁵ имеют огромное значение, однако соотнесение с ними других памятников палеолита региона затрудняется сложной стратиграфией позднечетвертичных отложений, которые для остальной территории региона остаются практически нерасчлененными и недостаточно изученными. Поэтому говорить об относительном и абсолютном возрасте описываемых ниже стоянок намного сложнее по сравнению с костенковскими памятниками.

Однако в отличие от Костенковско-Боршевского района здесь имеются не только верхнепалеолитические памятники с комплексом архаичных орудий, но и большое количество мустьерских стоянок, подразделяющихся по характеру инвентаря на различные варианты. Это дает большие возможности для поисков конкретных путей перерастания мустье в верхний палеолит. Советские и зарубежные исследователи неоднократно касались этой проблемы в той или иной связи, хотя специально ее не рассматривали. Так, П. И. Борисковский и А. П. Черныш выделяли на данной территории группу ранних верхнепалеолитических памятников. Но П. И. Борисковский, полагая, что для территории бассейнов Днестра и Прута в позднепалеолитических комплексах мустьерские формы орудий нехарактерны, тем самым как бы отрицал генетическую связь мустьерских и позднепалеолитических памятников региона, а предположение А. П. Черныша о генетической связи древнейших верхнепалеолитических памятников Поднестровья с мустье типа нижних слоев Молодово I и V недостаточно обосновано фактическим материалом¹⁶.

Из советских исследователей палеолита наиболее близко подошел к решению отдельных сторон этой проблемы Н. А. Кетрару, а из зарубежных — М. Битири. По Н. А. Кетрару, инвентарь нижнего слоя грота Брынзены I содержит элементы, восходящие к мустье типичному и к мустье в леваллуазской фации типа индустрии грота Бутешты. Наличие листовидных орудий как в индустрии грота Бутешты, так и в памятниках зубчатого мустье объясняет сходство индустрий Бубулешты VI и Брынзены I между собой, а также с памятниками селета Центральной Европы¹⁷.

Румынский исследователь М. Битири выделила пласт ранних позднепалеолитических памятников в Румынской Молдове, в бассейнах Прута и Бистрицы. Обычно эти памятники определяются как ориньякские, а не-

¹⁴ Грищенко М. Н. Материалы по геологической характеристике некоторых археологических памятников в пещерах и гротах Северо-Западной Молдавии. — «Охрана природы Молдавии», 1969, № 7, с. 135—145.

¹⁵ Иванова И. К. Геологические условия находжений палеолитических стоянок Среднего Приднестровья. — Тр. КИЧП, 1959, т. XV.

¹⁶ Борисковский П. И. Палеолит Украины. — МИА, № 40, 1953, с. 412; Черныш А. П. Поздний палеолит Среднего Поднестровья. — Тр. КИЧП, 1959, XV; его же. Палеолит и мезолит Приднестровья. М., 1973, с. 26.

¹⁷ Кетрару Н. А. Палеолитические и мезолитические местонахождения бассейна р. Реут. — В сб.: Антропоген Молдавии. Кишинев, 1969, с. 24—88; его же. Палеолитическая стоянка в гроте Бутешты. — «Охрана природы Молдавии», 1970, № 8, с. 113—132; его же. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта МССР, вып. 1. Кишинев, 1973, с. 71—73.

которые из них — Миток-Валя Изворулуй, нижний слой стоянки Четэ-дика I — считаются переходными от мустье типа нижних слоев Рипичени-Извор¹⁸.

Итак, большинство исследователей указывают на связи позднего палеолита региона с местным мустье, однако при выделении самых ранних верхнепалеолитических памятников пока нет единства взглядов на конкретные пути такого перехода.

При подходе к данной проблеме остановимся вначале на характеристике различных вариантов мустье, выделяемых в Днестровско-Карпатском регионе. В разные годы исследователи выделили здесь следующие варианты мустье: 1) мустье обыкновенное в леваллуазской фации; 2) микромустье зубчатое двустороннее в примитивной фации; 3) дуруиторско-мерсынский вариант мустье; 4) мустье двустороннее в леваллуазской фации¹⁹. Почти в каждом из перечисленных вариантов выделяются позднемустьерские памятники, которые мы будем учитывать в первую очередь при сравнении с верхнепалеолитическими индустриями.

Мустьерские слои среднестровских стоянок Молодово I и V, относящихся к мустье обыкновенному в леваллуазской фации, А. П. Черныш связывает с наиболее ранними стоянками молодовской культуры. Однако данную культуру, не обнаруживающую мустьерских черт, даже в самых ранних, по А. П. Чернышу, комплексах (Бабин I, нижний слой) трудно увязать с каким бы то ни было вариантом мустье. Убедительных археологических аргументов в пользу гипотезы А. П. Черныша привести невозможно, а одного факта существования на одной территории позднемустьерских и ранних верхнепалеолитических стоянок для утверждения их генетической связи, по нашему мнению, совершенно недостаточно. Не находят продолжения характерные черты мустье обыкновенного в леваллуазской фации и в других верхнепалеолитических стоянках рассматриваемого региона.

Микромустье зубчатое двустороннее в примитивной фации характеризуется инвентарем стинковских стоянок на Среднем Днестре; I—VII слоев грота Буздужаны I в Попрутье; стоянками Пенинсула, Салинь в Добрудже²⁰. По нашему мнению, этот вариант мустье генетически связан с позднепалеолитическими памятниками типа Климатуца I, Брынзены III, Буздужаны II.

Согласно Н. К. Анисюткину, индустрия нижнего слоя Стинки I характеризуется протопризматической техникой расщепления, сочетающейся с незначительной долей леваллуазских заготовок (индекс леваллуа 3, 7). В наборе орудий преобладают зубчато-выемчатые формы (вместе составляют около 35% от всего набора орудий), имеются типично мустьерские скребла и остроконечники, леваллуазские острия, «верхнепалеолитические» изделия (преимущественно скребки). В целом характерно наличие довольно значительного числа специфических форм орудий²¹. Н. К. Анисюткин исчерпывающе доказал генетическую связь нижнего слоя Стинки I с верхним, относящимся, очевидно, уже к финальному мустье. В этом слое при той же технике расщепления по-прежнему велика доля зубчато-выемчатых орудий, сопровождающихся зубчатой сопряженной группой (стамескообразные, клювовидные резак и др.). Скребки (высо-

¹⁸ Bitiri M. Cu privire la începuturile paleoliticului superior în România.— SCIV, 1965, 1, № 16, p. 9.

¹⁹ В целом при перечислении вариантов мустье мы следуем В. Н. Гладиллину. См.: Гладиллин В. Н. Антоновская мустьерская культура и ее место в раннем палеолите Восточной Европы. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 21, 22.

²⁰ Анисюткин Н. К. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре.— АСБ. ГЭ, 1969, вып. II, с. 5—17; Cîrciutaru M., Mogoșanu Fl., Păunescu Al. Unele considerații privind paleoliticul mijlociu din Dobrogea.— «Pontica», 1972, V.

²¹ Анисюткин Н. К. Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите.— СА, 1973, № 1, с. 228—234.

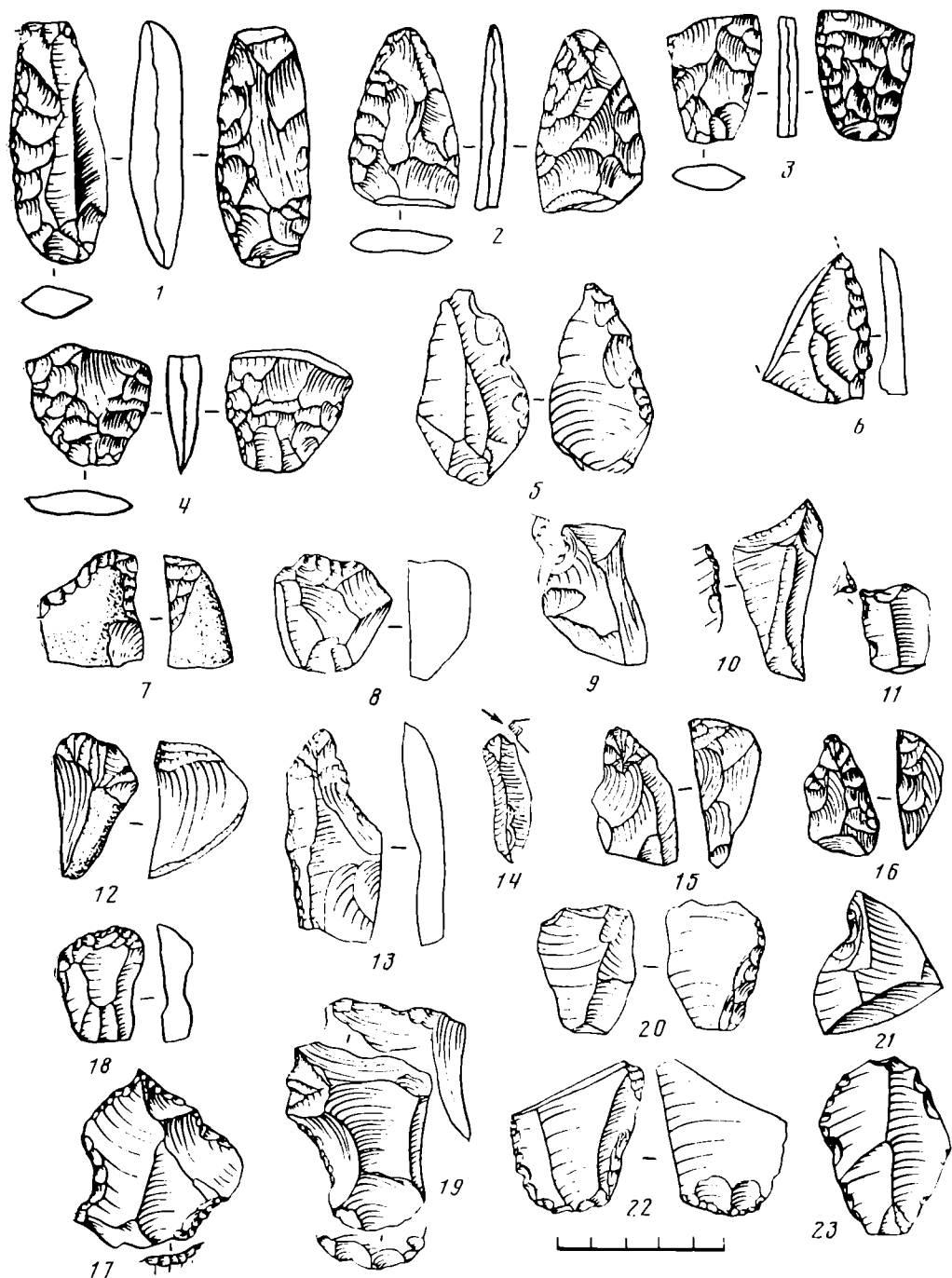

Рис. 2. Каменные орудия верхнего слоя Стычки I (по П. К. Анисюткину). 1—4 — бифасы; 5, 6, 20 — скребла; 7, 8, 12, 15, 16, 18 — скребки; 9, 11 — клювовидные резак; 10, 13 — острия; 14 — резец; 17, 21, 23 — зубчато-выемчатые орудия; 19, 22 — стамескообразные орудия

кие, узкие, ладьевидные) уже численно преобладают над скреблами. Появляются микропластины с ретушью. Специфичны двусторонние орудия — как правило, узкие, с округлым основанием (рис. 2).

Из сопоставляемых с данным вариантом мустье, сходных по технико-типологическим показателям верхнепалеолитических памятников, охарактеризуем инвентарь стоянки Климауцы I как наиболее богатый и выразительный. Для индустрии этой стоянки характерна та же техника первичного раскалывания, но с уменьшением в числе заготовок доли левал-

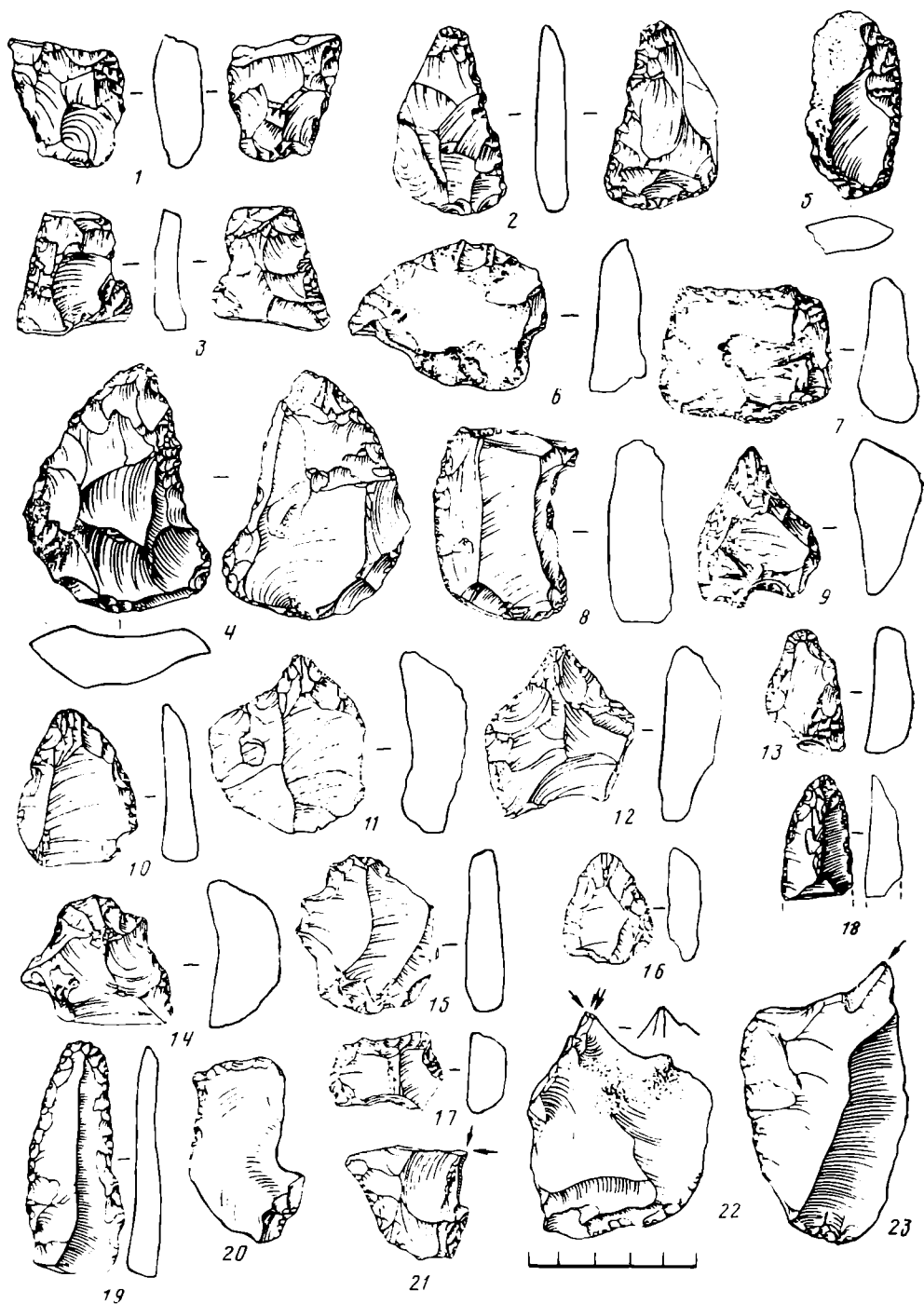

Рис. 3. Каменные орудия стоянки Климауцы I. 1—4 — бифасы; 5—8 — скребла; 9—19 — скребки; 20 — клювовидный резак; 21—23 — резы

луазских отщепов и увеличением количества пластин, причем в отличие от Стинки I здесь налицо удлиненные с правильной огранкой спинки экземпляры. По-прежнему большинство орудий (252 экз., или 48% от общего числа) составляют зубчато-выемчатые формы, среди которых имеются почти все типы и разновидности, встреченные как в комплексах Стинки I, так и в других памятниках, включенных в этот же вариант мустье. Среди других изделий отметим наличие бифасов «стинковского» типа, близкие формы скребков (нуклевидные, каренэ, ладьевидные, клювовидные, à museau), орудия единичных форм, включая пять пластин с

притупленным краем. По-прежнему присутствуют скребки, но доля их опять-таки уменьшается (17 экз., или 3,24%). Впервые появляются резцы (рис. 3). Таким образом, несмотря на отличия, сводящиеся в основном к ослаблению архаичных и усилению верхнепалеолитических элементов комплексов, можно говорить о генетическом родстве рассмотренных индустрий, несмотря на то, что Стинковские стоянки — мустьерские, а Климатуцы I — верхнепалеолитическая. Сходство между ними дополняется однородностью используемого сырья, близкими техническими показателями (индексы пластинчатости, леваллуа, фасетажа ударных площадок и пр.), а также некоторыми более частными элементами оформления отдельных орудий.

Двустороннее мустье в леваллуазской фации (нижние слои стоянки Рипичени-Извор, грот Бутешты²²) характеризуется леваллуазской техникой расщепления с небольшой примесью протопризматических ядрищ, обилием скребел (полукина, поперечные, продольные, двусторонние), остроконечников — как леваллуазских, так и мустьерских, наличием разнообразных двусторонних форм, низким процентом зубчато-выемчатых орудий²³. В технике вторичной обработки показателен специфический прием утоньшения заготовок (рис. 4). Мы вслед за М. Бптири полагаем, что к памятникам этого типа восходят комплексы таких позднепалеолитических стоянок, как Миток-Валя Изворулуй, Четэцика I, нижний слой (рис. 6). Для индустрии стоянки Миток-Валя Изворулуй характерен архаизм в технике первичного раскалывания: дисковидные, протопризматические, аморфные нуклеусы, отдельные сколы леваллуа. Среди скребел наблюдается элемент утоньшения с брюшка, листовидные наконечники крупнее стинковских и более тщательно обработаны.

Процент зубчатых орудий несколько выше, чем в указанных мустьерских комплексах, однако они оформлены не на массивных заготовках (как в Стинке I), а на пластинчатых; отдельные из них напоминают зубчатые орудия из грота Бутешты. Указанное сходство индустрии данной стоянки с описанными мустьерскими памятниками позволяет нам считать их генетически связанными. Подобное же сходство, с небольшими исключениями, обнаруживают и другие позднепалеолитические памятники региона: Четэцика I, нижний слой и др.

Третий путь сложения верхнепалеолитической индустрии — на основе двух вариантов мустье: мустье зубчатого двустороннего и мустье двустороннего в леваллуазской фации — прослеживается в комплексах стоянок Бубуешты VI и Брынзены I (рис. 5). В индустриях обеих этих стоянок наблюдается сочетание обычных верхнепалеолитических орудий: скребков, резцов, острий на пластинах, с выразительным набором архаичных форм: скребел, ножей с естественным обушком, остроконечников, бифасов, ничем не отличающихся от орудий эпохи мустье. Группа архаичных орудий составляет в комплексах Бубуешты VI и Брынзены I соответственно 38 и 46% от всего набора инвентаря. С памятниками мустье зубчатого двустороннего их связывает высокий (свыше 27%) процент зубчато-выемчатых орудий, с тем же набором специфических форм, что и в памятниках типа Стинка I. С памятниками мустье двустороннего в леваллуазской фации их связывает наличие леваллуазских пластин и отщепов (7%), специфический прием утоньшения заготовки с брюшка, некоторые формы бифасов (рубильца), и листовидные наконечники подтреугольной формы и др.

Итак, в Днестровско-Карпатском регионе намечается по крайней мере три различных пути постепенного перехода от мустьерских индустрий к верхнепалеолитическим. Разумеется, это только предварительные, спор-

²² Кетрару Н. А. Палеолитическая стоянка в гроте Бутешты...

²³ Păunescu Al. Sur la succession des habitats paléolithiques et postpaléolithiques de Ripiceni-Izvor.— «Dacia», 1965, № 9.

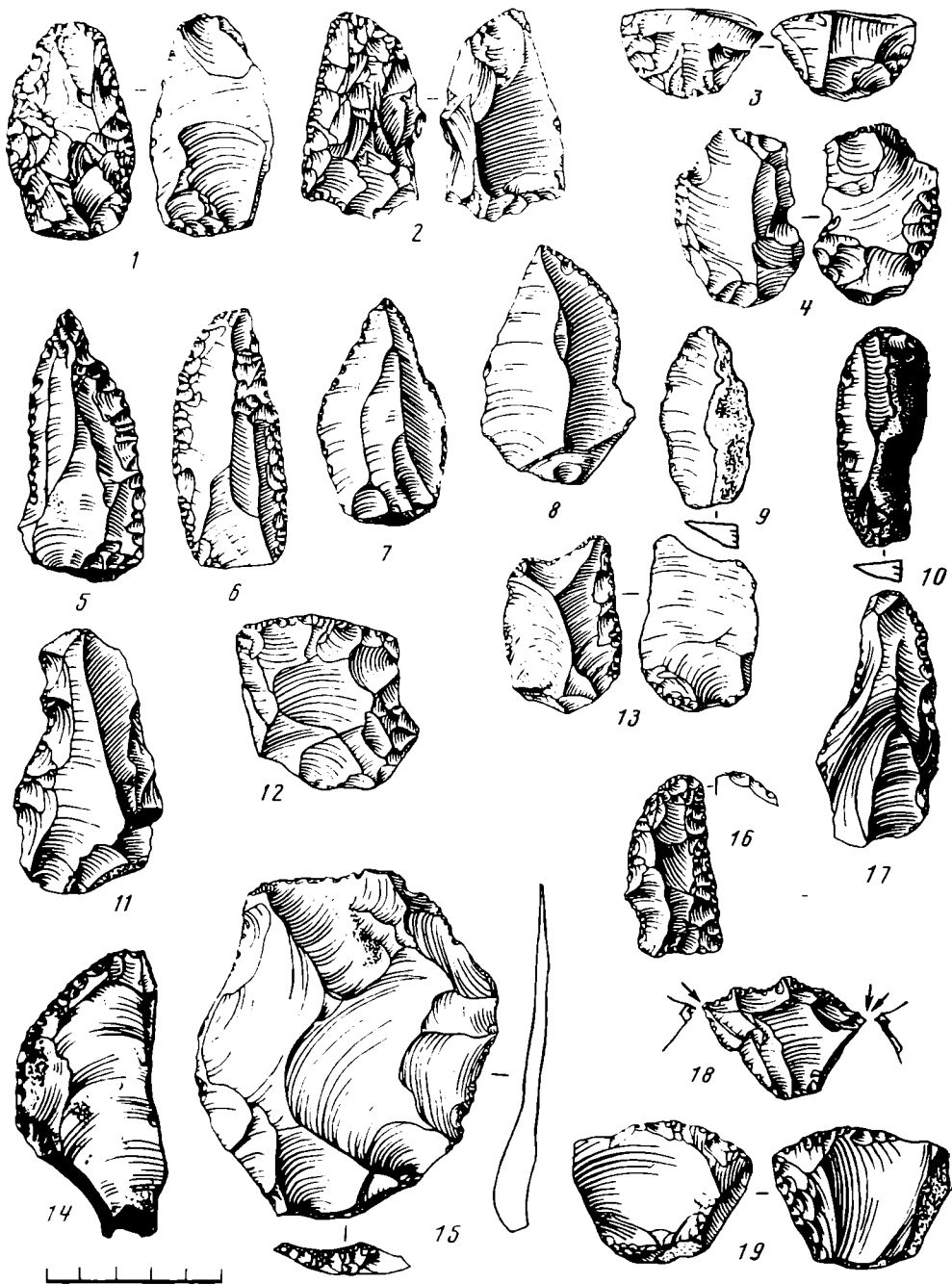

Рис. 4. Каменные орудия мустьерской стоянки в гроте Бутешты (по Н. А. Кетрару). 1—4 — бифасы; 5, 7, 8 — остря; 9, 10 — ножи с естественной спинкой; 6, 11—14, 16, 17, 19 — скребла; 15 — отщеп леваллуа с ретушью; 18 — зубчатое орудие

ные предположения и их проверка и уточнение — дело будущих исследований.

Перейдем теперь к территории Кавказа. Отметим сразу, что работы по геологической датировке пещерного палеолита только начаты и результаты их или очень общи²⁴ для геохронологического подразделения

²⁴ Мурагов В. М., Фриденберг Э. О. Палеогеографические интерпретации рыхлых отложений пещер Западного Кавказа. — В сб.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974.

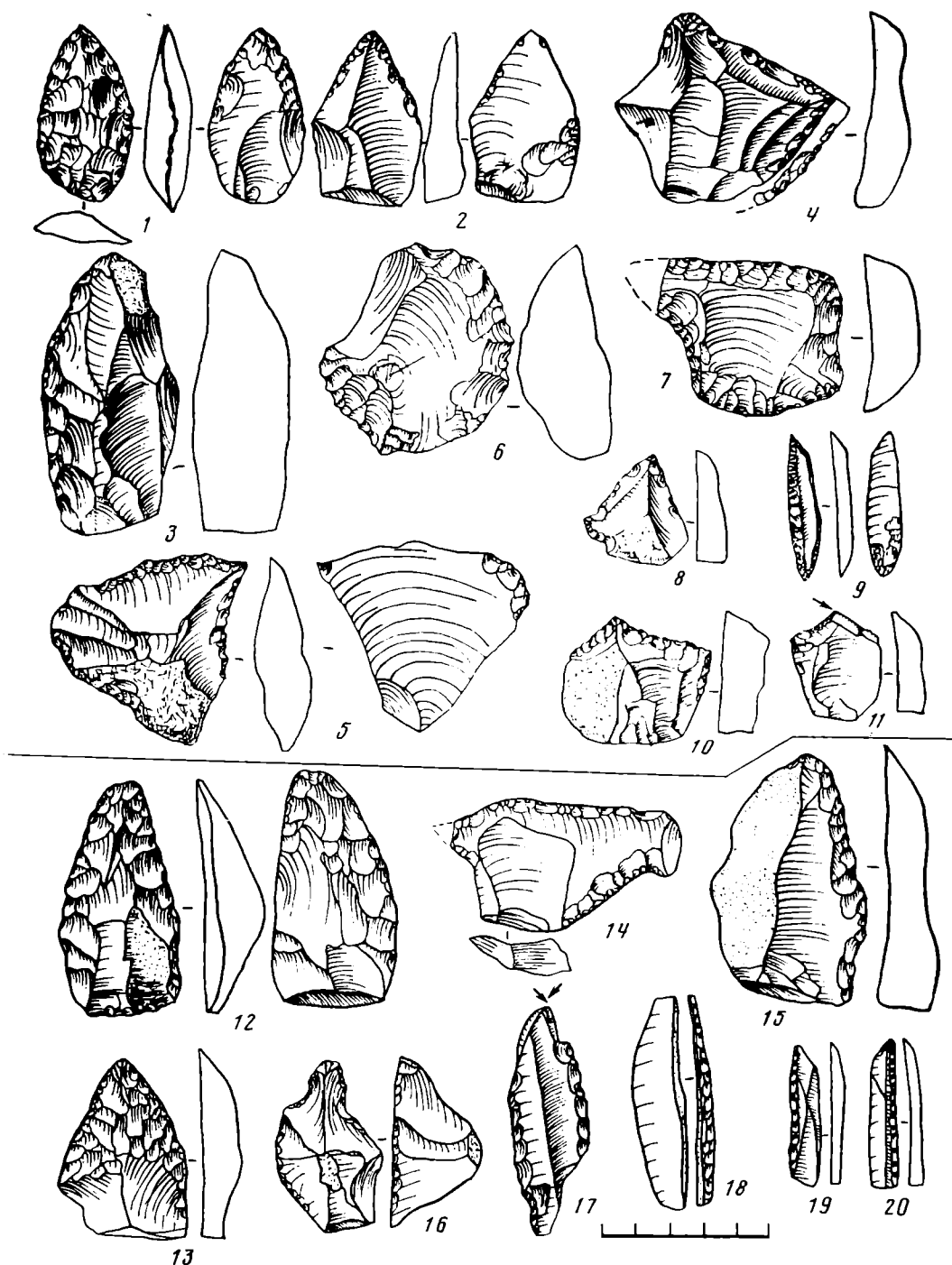

Рис. 5. Каменные орудия верхнепалеолитических стоянок Бобулеşti IV (1—11) и слоя III грота Бриньены I (12—20) (по Н. А. Кетрару). 1, 12 — бифасы; 2, 13 — остроконечники; 3—5, 6, 7, 14, 15 — скребла; 8 — острие; 9, 18—20 — пластины с притупленным краем; 10, 16 — скребки; 11, 17 — резцы

верхнего палеолита, или недостаточно фундированы²⁵. С другой стороны, в отличие от территории Днестровско-Карпатского региона на Кавказе меньше типологически стыкующихся между собой мустьерских и верхнепалеолитических памятников. Таким образом, ранние верхнепалеолитические памятники Кавказа трудно выделить с той точностью, какую допу-

²⁵ Kozłowski J. K. Górny paleolit w kraich zakaukaskich i na bliskim wschodzie.— In: Prace Komisji archeologicznej oddziału PAN w Krakowie, 1970, № 9.

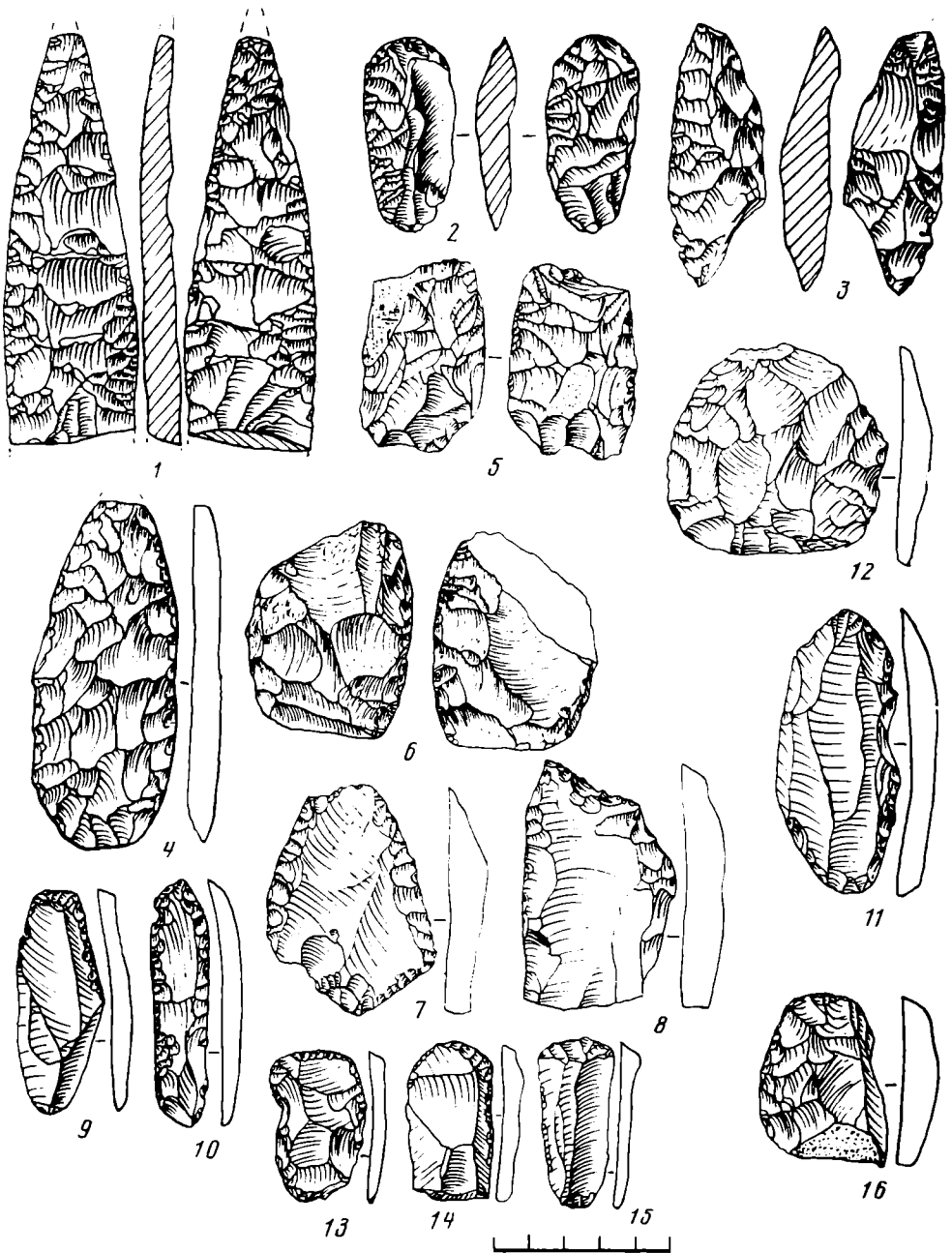

Рис. 6. Каменные орудия верхнепалеолитических стоянок Миток Валя Изворулуй (1—3, 6), Ын Поноаре (4), Истецика I (5, 7—16) (по М. Битири, Н. Моросану и К. С. Николаеску-Плошпору). 1—6 — бифасы; 7, 8, 11, 12 — скребла; 9, 13—16 — скребки; 10 — пластина с ретушью по всему контуру

скает стратиграфический метод датировки, и пока практически невозможно проследить конкретные пути перерастания определенных мустьерских культур или отдельных памятников в определенные верхнепалеолитические культуры. Поэтому, разрешая поставленные здесь задачи, мы исходим из того, что дальнейшие исследования имеющихся памятников и новые открытия значительно дополнят наши представления.

Известно, что в последние годы в Румынии, в частности в районе Миток Валя Изворулуй, были обнаружены стоянки верхнепалеолитического периода. В настоящее время ведутся работы по их исследованию.

тенденция к пересмотру его представлений в плане критики положения об однолинейности эволюции верхнего палеолита и в направлении уточнения хронологических этапов этой эволюции. Эти новые поиски выразились сначала в выделении на территории Грузии наиболее поздних мустьерских памятников, которые можно было бы отнести к древнейшей фазе верхнего палеолита. Именно так были квалифицированы Н. З. Бердзенишвили в 1964 г. материалы слоя I—A Сагварджиле, слоя II Чахатской пещеры и Морго. С этими памятниками было синхронизировано также и Хергулис-кльде²⁷. Указанные стоянки предлагалось тогда считать первой («постмустьерской», «зачаточной») фазой верхнего палеолита Грузии. Ко второй фазе, датируемой, как и первая, ранней порой позднего палеолита, тогда же были отнесены слои I—B Сагварджиле, Таро-кльде и др. В 1972 г. Н. З. Бердзенишвили несколько пересмотрела эти представления. Из числа памятников древнейшей фазы верхнего палеолита Грузии был справедливо исключен явно мустьерский памятник Морго, а Хергулис-кльде было отнесено уже ко второй фазе наряду с другими, главным образом вновь открытыми памятниками: Амткельская пещера, Самерцхле-кльде, Дзудзуана и, предположительно, нижний слой Окумской пещеры²⁸. Дальнейшее изучение конкретных материалов показало отсутствие каких-либо оснований для увязки с начальной порой верхнего палеолита и инвентаря слоя II Чахатской пещеры. Видимо, к подобному выводу приходит и сама З. Н. Бердзенишвили, говоря о рассматриваемом инвентаре в одной из своих последних работ как о мустьерском²⁹. В древнейшей фазе верхнего палеолита Грузии, стало быть, остается только нижний слой Сагварджиле, но опубликованных по этому памятнику данных³⁰ недостаточно, чтобы сделать определенный вывод о его возрасте. Во всяком случае присутствие в нижнем слое Сагварджиле отдельных субстратовых верхнепалеолитических форм (скребки на мустьерских отщепках, резцы, некоторые остря) не является достаточным основанием для датировки этого инвентаря началом верхнего палеолита, так как подобные изделия нередко встречаются и в раннепалеолитических комплексах. Таким образом, комплексы «древнейшей» фазы верхнего палеолита Грузии оказываются или явно мустьерскими, или спорными.

Не все бесспорно и в отношении памятников второй (по Н. З. Бердзенишвили) фазы, которые вследствие вышесказанного должны были бы считаться наиболее ранними среди других закавказских верхнепалеолитических стоянок. Я. Козловский считает, что материалы Хергулис-кльде и Таро-кльде являются механической смесью мустьерских и верхнепалеолитических комплексов. Но совсем недавно новые раскопки Хергулис-кльде подтвердили единовременность происходящего оттуда материала³¹. У нас нет, следовательно, убедительных данных считать, что иначе обстоит дело и с материалами Таро-кльде. Таким образом, мы не видим пока достаточных оснований для пересмотра положений С. Н. Замятина об относительной датировке этих двух памятников ранней порой верхнего палеолита.

Иначе обстоит дело с памятниками Дзудзуана и Самерцхле-кльде. Обнаруживая тесную типологическую близость между собой, эти памятники

²⁷ Бердзенишвили Н. З. Новый памятник каменного века в ущелье Цхалици-тела (на груз. яз.). Тбилиси, 1964.

²⁸ Бердзенишвили Н. З. К вопросу о начальной стадии верхнего палеолита Грузии.— В сб.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972, с. 42.

²⁹ Бердзенишвили Н. З. Нижнепалеолитические остатки в окрестностях г. Кутаиси.— МАГК, VI, 1974, с. 23, 24.

³⁰ Киладзе Н. З. Результаты полевых работ Дзеврской археологической экспедиции 1952 г.— В сб.: Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, с. 21, 22.

³¹ Дочанашвили Г. П. Палеолитический материал из Хергулис-кльде (1967–1968 гг.).— МАГК, VI, 1974, с. 51.

по некоторым признакам отличаются от стоянок имеретинской культуры. Наиболее существенным из этих различий является мизерное содержание в инвентаре двух названных памятников пластинок с притупленным краем. Расценивая указанное обстоятельство как показатель архаичности инвентаря, Н. З. Бердзенишвили отнесла оба памятника к ранней поре (вторая фаза) верхнего палеолита. Другие авторы склонились к объяснению особенностей этих памятников их культурным своеобразием и вывели на основе Дзудзуаны и Самерцхле-кзде отдельную локальную группу³². Поэтому ранневерхнепалеолитический возраст Дзудзуаны и Самерцхле-кзде, по-видимому, нужно считать проблематичным.

Таким образом, с той степенью вероятности, какую это позволяет датировка на основе типологического метода, к ранней поре верхнего палеолита из закавказских памятников могут быть отнесены нижний слой Сагварджиле, Хергулис-кзде, Таро-кзде, Амткельская пещера и, может быть, нижний слой Окумской пещеры. Из северокавказских памятников, с теми же основаниями, что и названные выше стоянки, ранней порой верхнего палеолита датируется Каменноостская пещера³³. Датированный ранним этапом верхнего палеолита инвентарь VI слоя Чохской стоянки в свете новых работ представляется более молодым³⁴.

Относительно путей перехода мустьерских индустрий в верхнепалеолитические в литературе по палеолиту Кавказа имеются лишь общие указания и, пожалуй, одно конкретное допущение о вызревании индустрий Дзудзуаны и Самерцхле-кзде на основе мустье типа Джручулы³⁵. Наиболее результативный шаг в вопросе о взаимоотношении мустье и верхнего палеолита Кавказа сделал А. А. Формозов. Им обосновано положение о концентрации в эпоху мустье на Кавказе памятников без двусторонне обработанных орудий и отражении этой картины в верхнем палеолите данного региона³⁶. Однако для рассматриваемого здесь вопроса это положение довольно общо. Из него с несомненностью следует лишь автохтонность верхнего палеолита Кавказа в целом.

Недавно было убедительно доказано наличие в кавказском мустье археологических культур, и на основе их изучения В. П. Любиным был сделан важнейший для первобытной истории Кавказа вывод о том, что «поверхность Кавказа в эпоху мустье была уже не только картой физической или зоогеографической, но и этнографической»³⁷.

Мы допускаем возможность более тонких увязок мустьерских культур с верхнепалеолитическими, в частности — постепенное перерастание конкретной мустьерской культуры в верхнепалеолитическую, с сохранением на ранних этапах позднего палеолита ее опознавательных черт. Это, разумеется, не отрицает существования отмеченного выше общего влияния кавказского мустье на все производные от нее верхнепалеолитические культуры в целом. На территории Европейской части СССР в настоящее время для подобных увязок наиболее надежен, как мы отмечали, Днестровско-Карпатский регион.

³² Тушабрамишвили Д. М. Итоги работ в Квирильском ущелье.— АО — 1967. М., 1968, с. 229; Ниорадзе М. Г. Пещера Самерцхле-кзде и верхний палеолит Западной Грузии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1968.

³³ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965; его же. Каменноостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье.— МИА, № 173, 1971; его же. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья.— КСИА АН СССР, № 98, 1964.

³⁴ Амирханов Х. А. Новые исследования Чохской стоянки.— АО — 1974. М., 1975.

³⁵ Тушабрамишвили Д. М. Итоги работ археологических экспедиций в Квирильском ущелье в 1969 г.— В сб.: Археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси, 1971, с. 138; Бердзенишвили Н. З. К вопросу о начальной стадии..., с. 42.

³⁶ Формозов А. А. Проблема локальных различий в древнем палеолите СССР.— СА, 1958, № 1, с. 42, 43.

³⁷ Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Автореф. док. дис. М., 1975, с. 45.

Проблемы перехода от мустье к верхнему палеолиту труднее всего решать на основе отдельных стоянок, изолированных территориально и в культурном отношении. Приведем наиболее показательный, с нашей точки зрения, пример. Находящаяся в Украинском Полесье Радомышльская стоянка ныне единодушно определяется как один из древнейших восточноевропейских памятников верхнего палеолита, несмотря на полное отсутствие геологических данных по этому вопросу. Единственным основанием такой датировки остается каменный инвентарь, характеризующийся хорошо выраженными ориньякскими чертами (высокие формы скребков и острий на пластинах, пластины с ретушью по обводу, преобладание многофасеточных резцов) в сочетании с отдельными архаичными в нашем понимании элементами: отдельными дисковидными нуклеусами, скребками, остроконечниками³⁸. Однако в рамках позднего палеолита Восточной Европы хорошо известны стоянки с «ориньякоидными» чертами, датирующиеся средней и даже поздней порой верхнего палеолита (Костенки I, слой II, Рашков VII—XIII³⁹). Что касается архаичных изделий — их процент по отношению ко всему набору инвентаря очень незначителен; судя по рисункам, эти орудия достаточно разнородны, не дают устойчивых серий⁴⁰. Учитывая сказанное, мы не считаем убедительной датировку Радомышля непременно началом верхнего палеолита. С таким же успехом этот памятник может быть более молодым, например синхронным тому же второму слою Костенок XIV. Это не умаляет значения Радомышля как одного из своеобразнейших и богатейших верхнепалеолитических памятников Восточной Европы и не исключает возможность привлечения его материала к решению проблемы сложения верхнего палеолита данного региона. Однако до определения его культурной принадлежности, уточнения возраста, специального анализа архаичного комплекса инвентаря и сравнения его с архаичными комплексами других верхнепалеолитических стоянок для последующих поисков возможных связей с определенными мустьерскими индустриями можно говорить лишь в самом общем виде о своеобразии радомышльской каменной индустрии, о переживании в ней архаичных (мустьерских) традиций.

Итак, на территории Русской равнины и Кавказа есть достаточное количество стоянок, на основе которых может и должен решаться вопрос о происхождении и становлении верхнепалеолитических археологических культур. Решающее значение при этом имеют памятники (мустьерские и верхнепалеолитические), сосредоточенные компактной группой на ограниченной территории. Пути к решению этой проблемы — как определение и уточнение возраста соответствующих стоянок, так и многосторонний анализ их кремневого инвентаря. Такого рода подготовительная работа в настоящее время не завершена даже в наиболее изученном Костенковско-Боршевском районе и, пожалуй, наиболее далека от завершения на территории Кавказа. Выполнение этой работы, по нашему мнению, является одной из важнейших задач советских археологов-палеолитоведов.

³⁸ Шовкопляс И. Г. Палеолитична стоянка Радомішль.— Археологія, 1964, № 16.

³⁹ Григорьева Г. В. Позднепалеолитическая стоянка Рашков VIII.— СА, 1974, № 3.

⁴⁰ Шовкопляс И. Г. Ук. соч.

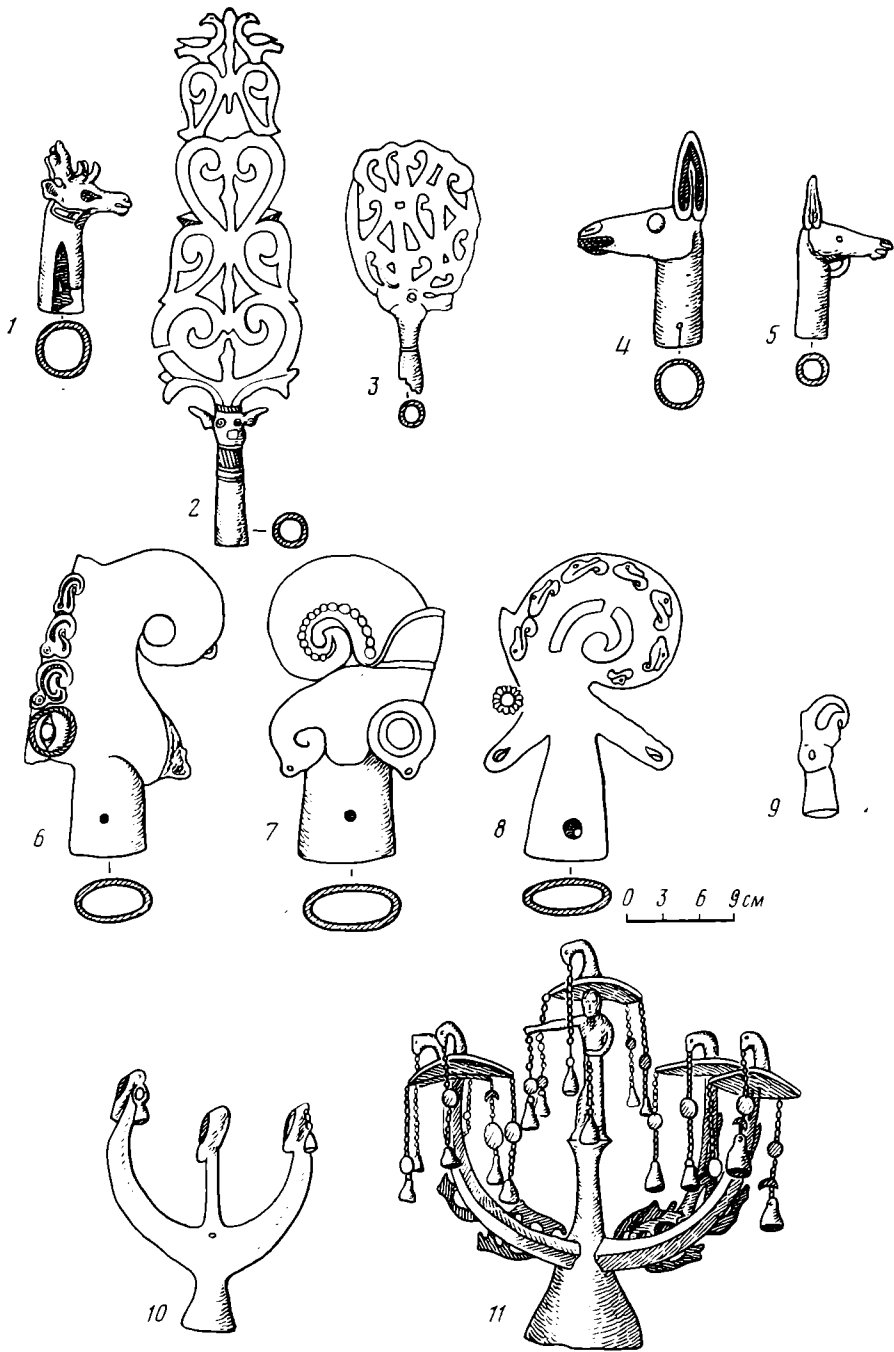

Рис. 1. Навершья I (1—9) и III (10, 11) типов. 1 — Майкопский музей (Ильинская В. А. Навершья из Майкопского и Новочеркасского музеев. — СА, 1967, № 4, с. 296, рис. 2); 2 — Новочеркаский музей (там же, с. 297, рис. 4); 3 — Анап-курган (ОАК за 1900 г. СПб., 1901, с. 37, рис. 96, 97); 4 — Келермес, кург. 1 (ОАК за 1904 г. СПб., 1907, с. 88, рис. 139); 5 — окрестности Майкопа (Ильинская В. А. Про скифські навершники. — Археологія, XV, 1963, с. 36, рис. 2, 4); 6 — Ульський курган № 2 (ОАК за 1909—1910 г. СПб., 1913, с. 151, рис. 216); 7 — с. Защита, кург. 1 (Бокий Н. М. Нові пам'ятки скифського звіриноного стилю в Кіровоградщині. — Археологія, XXIII, 1970, с. 183, рис. 1); 8 — с. Раскопы (Нудельман Г. А., Рикман Э. А. Навершние и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии. — ИМФАН, № 4 (31), 1956, рис. 2); 9 — окрестности Майкопа (Ильинская В. А. Ук. соч., с. 36, рис. 2, 5); 10 — Александропольский курган (ДГС, Атлас, табл. II, 1); 11 — Днепропетровщина (ДП, II, рис. на с. 14)

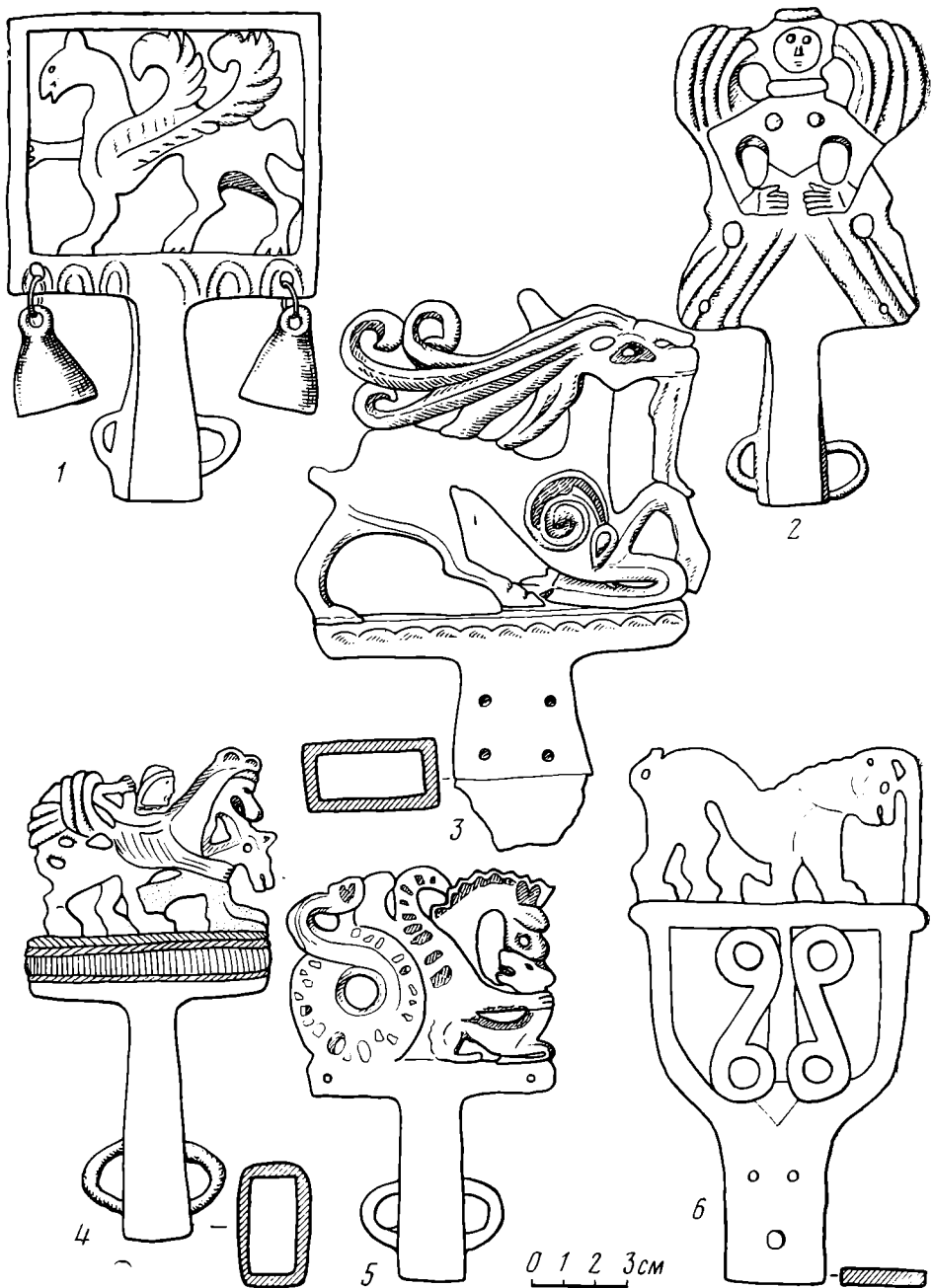

Рис. 2. Навершья II типа. 1, 2 — Александропольский курган (РД, 2, с. 94, рис. 78, с. 91); 3 — Чмырева могила (ИАК, 49, СПб., 1913, с. 110, рис. 70, 72); 4 — Слоновская Близница (ДГС, 2. Атлас, табл. XXVI, 1); 5 — Краснокутский курган (там же, табл. XXV, 3; XXIV, 1, 2); 6 — Чертомлык (там же, табл. XXVIII, 3, 4)

помещены высокие треугольные или каплевидные прорезы, дно или сплошное, или с маленькими прорезями такой же формы, что и на стенках. Эти навершья увенчаны головами быков, птиц или грифонов в круглой скульптуре. На четырех навершьях (рис. 5, 8—10) низкие прорезы расположены в три ряда: два по стенкам бубенца (треугольные или каплевидные, в шахматном порядке вершинами вверх или основаниями друг к другу) и один — на донце. На вершине их помещена фигурка «молодого оленя» с подогнутыми ногами.

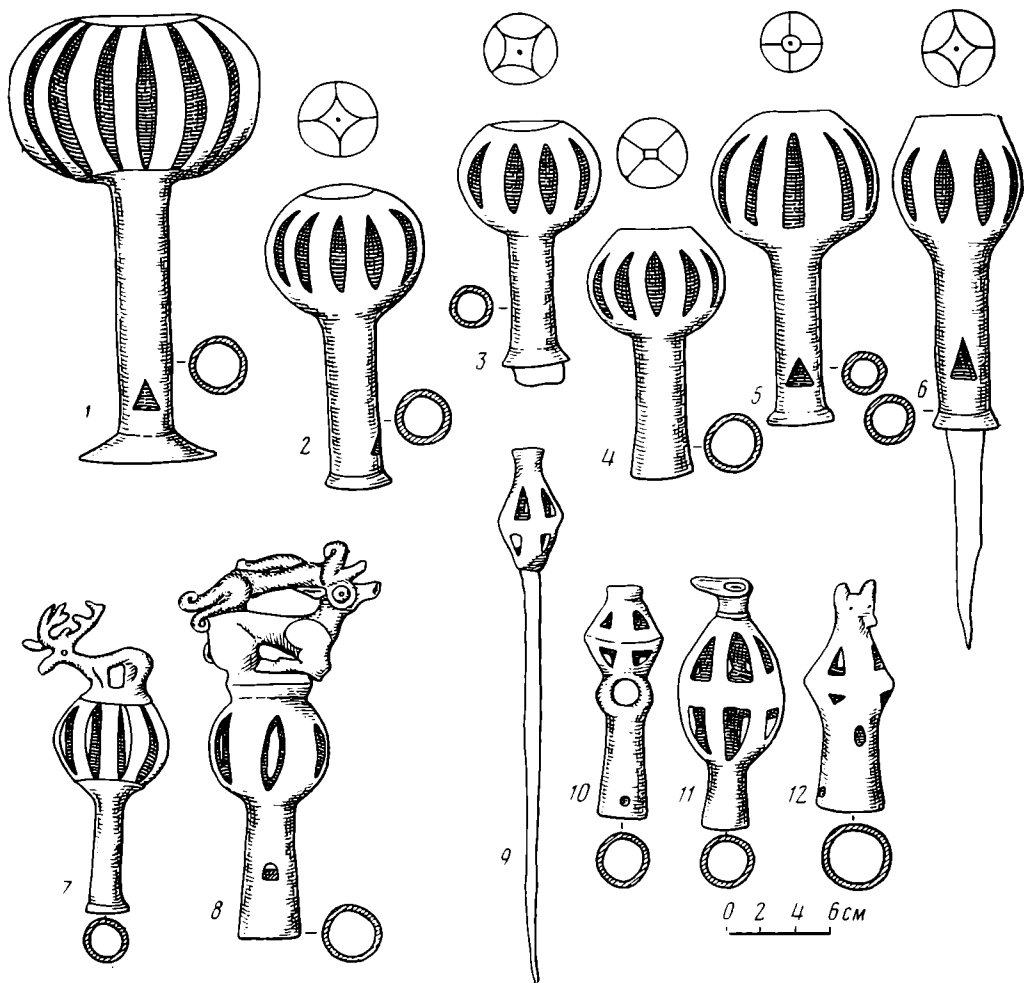

Рис. 3. Навершия IV (1—8) и VI (9—12) типов. 1 — Келермес, кург. 1 (ОАК за 1904 г., с. 89, рис. 140); 2 — там же (Ильинская В. А. Ук. соч., с. 34, рис. 1, 3); 3, 4 — там же, кург. 2 (там же, с. 34, рис. 1, 13, 12); 5, 6 — там же, кург. 3 (там же, рис. 1, 11, 10); 7 — ст. Губская (Марковин В. И. Бронзовое навершие из Прикубанья.— СА, 1971, № 4, рис. на с. 214); 8 — ст. Махашевская (Смела, III, с. 66, фиг. 20а); 9 — Келермес, кург. 1 (Ильинская В. А. Ук. соч., с. 34, рис. 1, 7); 10 — ст. Махашевская (Смела, III, с. 66, фиг. 20б); 11 — Поповка, кург. 5 (там же, табл. IX, 5); 12 — Межиречка (ДП, VI, табл. XIII, 347)

VIII тип (рис. 6, 1—4) — навершия с грушевидными бубенцами с двумя рядами прорезей на втулке круглого сечения (8 экз.) также делится на два варианта: 1 — с высокими треугольными прорезями в верхнем ряду и низкими той же формы — в нижнем (рис. 6, 1—3); 2 — с прорезями одинакового размера в обоих рядах (рис. 6, 4). И в том и в другом случае прорези расположены в шахматном порядке вершинами вверх.

На навершиях первого варианта этого типа помещены изображения голов грифонов (рис. 6, 1, 3) или грифо-баранов (рис. 6, 2), выполненные в круглой скульптуре. По мнению В. А. Ильинской, «торчащие вверх остроконечные уши», «сужение средней части морды и расширение ее у конца» позволяют считать, что на навершиях из Волковцев (рис. 6, 1) изображены лошадиные головы, а на навершиях из Будков (рис. 6, 3) — головы фантастических существ, сочетающих в себе черты грифонов из Келермесского кург. 3 (рис. 4, 7) и коней¹⁵. Что касается первого признака, то он характерен для изображений как коней, так и грифонов,

¹⁵ Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля.— СА, 1965, № 1, с. 95; *ее же*. Про скифські навершики, с. 44, 45.

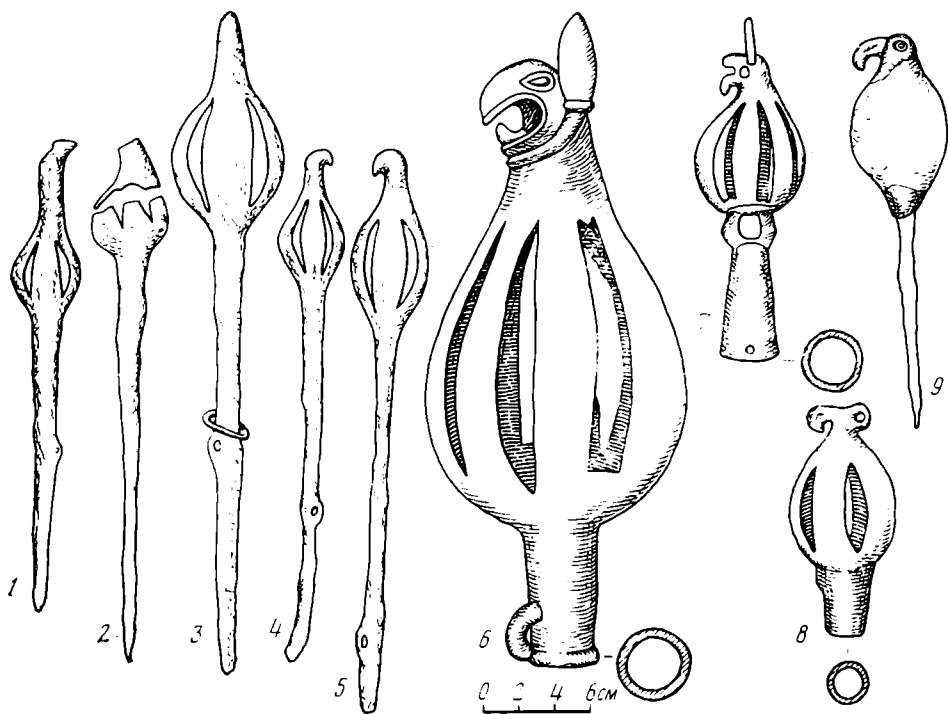

Рис. 4. Навершия V типа. 1, 2 — Келермес, кург. 1 (Ильинская В. А. Ук. соч., с. 34, рис. 1, 4, 5); 3 — Поповка, кург. 3 (Смела, III, табл. IX, 4); 4 — Журовка, кург. 407 (Бобринский А. А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде. — ИАК, № 14, 1905, с. 34, рис. 78); 5 — Репяховатая Могила (Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Скифские курганы у с. Матусов близ Шполы. В сб.: Скифия и Кавказ, Киев, 1979); 6 — Келермес, кург. 3. (Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922, pl. XV); 7 — там же (Ильинская В. А. Ук. соч., с. 34, рис. 1, 9); 8 — там же, кург. 1 (ОАК за 1904 г., с. 91, рис. 150); 9 — Волковцы, кург. 7 (Смела, III, табл. XVII, 5)

а расширяющаяся у конца морда — отличительная черта упомянутых изображений из Келермеса. Поэтому, принимая предложение В. А. Ильинской о преемственности лесостепных вещей по отношению к келермесским по таким признакам, как торчащие вверх остроконечные уши, раскрытая пасть со свисающим языком и отсутствие четко акцентированных глаз, заметим, что нет необходимости говорить о влиянии образа коня на изображения грифонов из Посулья.

Навершия второго варианта увенчаны фигурками «молодых оленей» с подогнутыми ногами, выполненными в круглой скульптуре.

IX тип (рис. 7) — навершия с бубенцами биконической формы (положение наибольшего диаметра — не выше $\frac{1}{3}$ высоты) с двумя рядами прорезей, расположенных в шахматном порядке (нижнего ряда может не быть, но тогда за ним сохраняется место, куда прорези верхнего ряда не продолжают; при этом в верхнем ряду прорези могут быть высокие или низкие, треугольные или в форме «ласточкина хвоста»¹⁶, в нижнем — низкие треугольные) — включает 41 навершие и делится на два варианта по форме втулки (круглого или подпрямоугольного сечения). У наверший первого варианта (рис. 7, 1—10) она довольно тонкая сверху, что позволяет бубенцу резко расширяться (при этом ребро на месте наибольшего диаметра достаточно четкое). У вещей второго варианта (рис. 7, 11—14) втулка широкая и короткая, переход от бубенца к втулке менее резок, ребро бубенцов несколько сглажено. Что касается изображений, то на навершиях первого варианта они самые разные: быки (в рост или головы), «молодые олени» с подогнутыми ногами, птицы

¹⁶ Термин предложен К. Бакаи: *Vākāy K. Op. cit.*, p. 16.

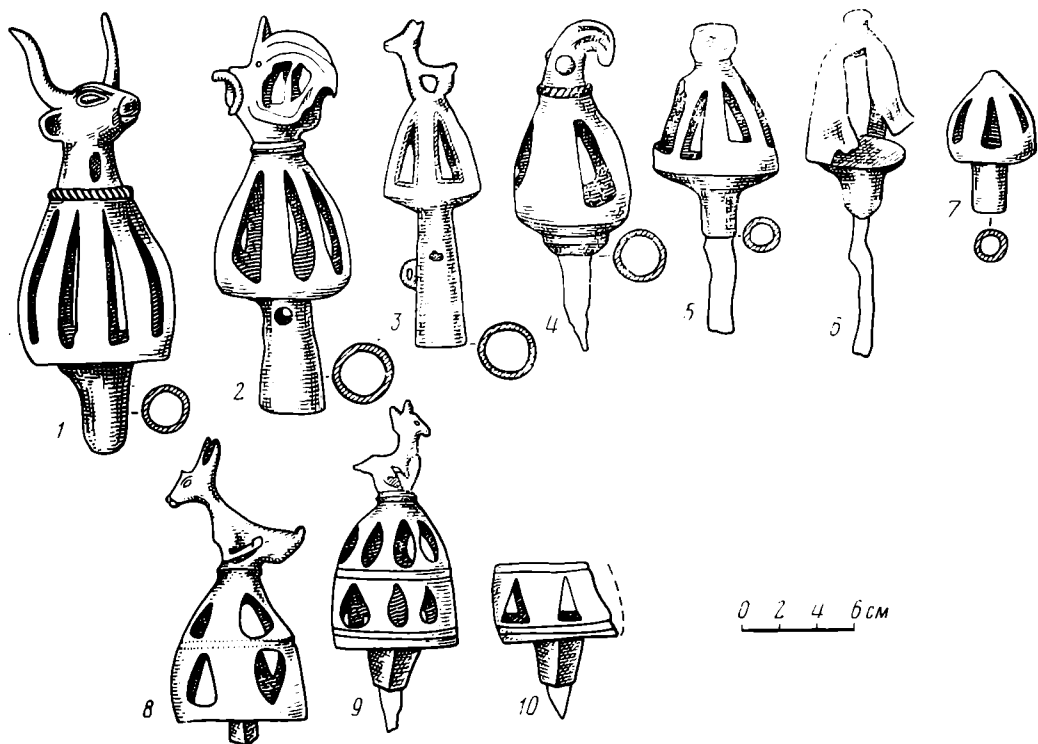

Рис. 5. Навершия VII типа. 1 — Ульский курган № 2 (ОАК за 1909—1910 г., с. 150, рис. 215); 2 — там же, кург. 1 (ОАК за 1907 г., СПб., 1912, с. 118, рис. 169); 3 — Somhid (*Hampel M. Skythiai emlékek Magyarorszagban.* — АЕ, № 3, 1893, és, 400, 401, kép. 21); 4 — Роменский у. (Смела, III, табл. IX, 1); 5 — с. Межиречка (там же, с. 67, фиг. 16); 6 — ст. Тульская (*Галінська В. А. Ук. соч.*, с. 34, рис. 1, 14); 7 — х. Красное Знамя (раскопки В. Г. Петренко 1975 г.); 8 — Gernyeszeg (*Hampel M. Op. cit.*, és. 405—406, kép. 23, 24); 9, 10 — Бухарестский музей (*Pârvan V. Getica. Bucuresti, 1926, p. 21, 24, fig. 10—12*)

(головы или в рост), а на вещах второго варианта только фигуры в рост: птицы с распростертыми крыльями в круглой скульптуре или грифоны в рельефе.

X тип (рис. 6, 5, 6) — навершия с биконическими бубенцами, наибольший диаметр которых расположен на середине высоты, с прорезями такими же, как и в предыдущем случае, — насчитывает 8 экз. Все они увенчаны фигурками стоящих оленей, выполненными в невысоком рельефе. Втулка подпрямоугольного сечения оканчивается железным стержнем.

XI тип (рис. 8) — навершия с грушевидными бубенцами (они уже и профилированы слабее, чем у вещей V и VIII типов) с фигурными прорезями, на низкой втулке подпрямоугольного сечения (12 экз.), увенчаны фигурами оленей или грифонов в рост, выполненными в невысоком рельефе.

Далее предлагается табл. 2¹⁷, где навершия сгруппированы согласно выделенным типам с указанием датировок, принятых в литературе.

Исходя из данных табл. 2, можно предварительно датировать и локализовать типы наверший.

I тип существует с рубежа VII—VI вв. по IV в. до н. э. Распространен в основном на Кубани (оттуда же происходят наиболее ранние эк-

¹⁷ В этот перечень не вошли навершия из Краснодарского музея, представленные в докладе И. Г. Волкова, прочитанном 20 февраля 1979 г. на симпозиуме «Вопросы происхождения и хронологии Скифской культуры» в Ленинграде. Не останавливаясь подробно на этих вещах, отметим, что они не противоречат нашей типологии и эволюции.

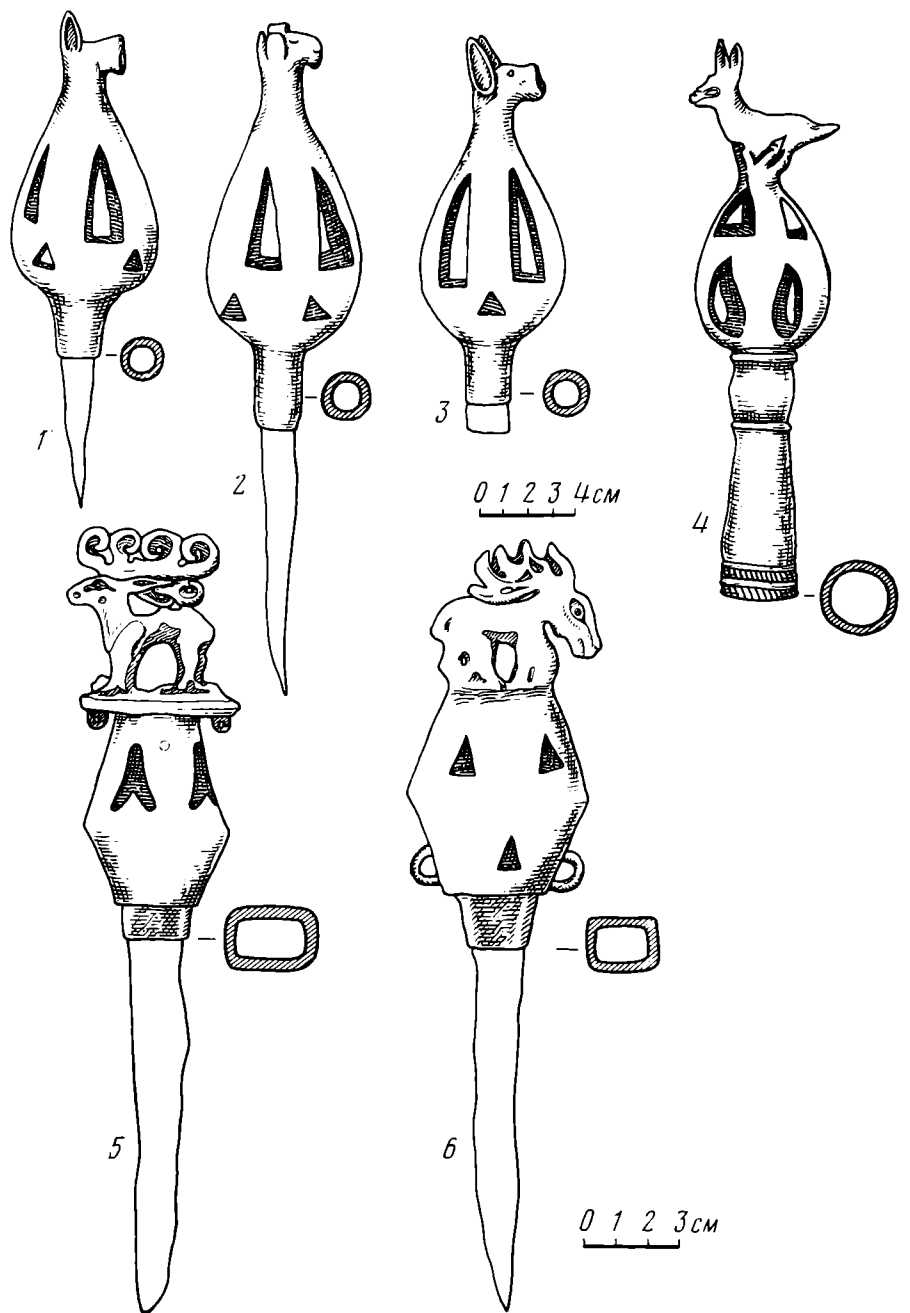

Рис. 6. Навершия VIII (1—4) и X (5, 6) типов. 1, 2 — Волковцы, кург. 476 (Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968, табл. XXXVI, 11, 12); 3 — Будки (ДП, VI, табл. I, 434); 4 — Роменский у. (Смела, III, табл. IX, 3); 5 — Аксютинцы (ДП, VI, табл. VI, 436); 6 — Волковцы, кург. 1 (ДП, II, табл. XI, 224)

земляры), отдельные вещи встречаются в Правобережной Лесостепи и в Молдавии.

II, III и XI типы исключительно поздние — IV — начало III в. до н. э. Встречаются только в степном Приднепровье (два навершия происходят с прилегающей территории — из Северного Крыма).

IX тип относится к VI—IV вв. до н. э. Деление его на варианты прежде всего хронологическое: навершия на втулке круглого сечения датируются концом VI — первой третью V в. до н. э.; навершия на прямоугольной втулке — IV в. до н. э. При этом ранний вариант распространен в Посулье и Подунавье, а поздний — в степном Приднепровье.

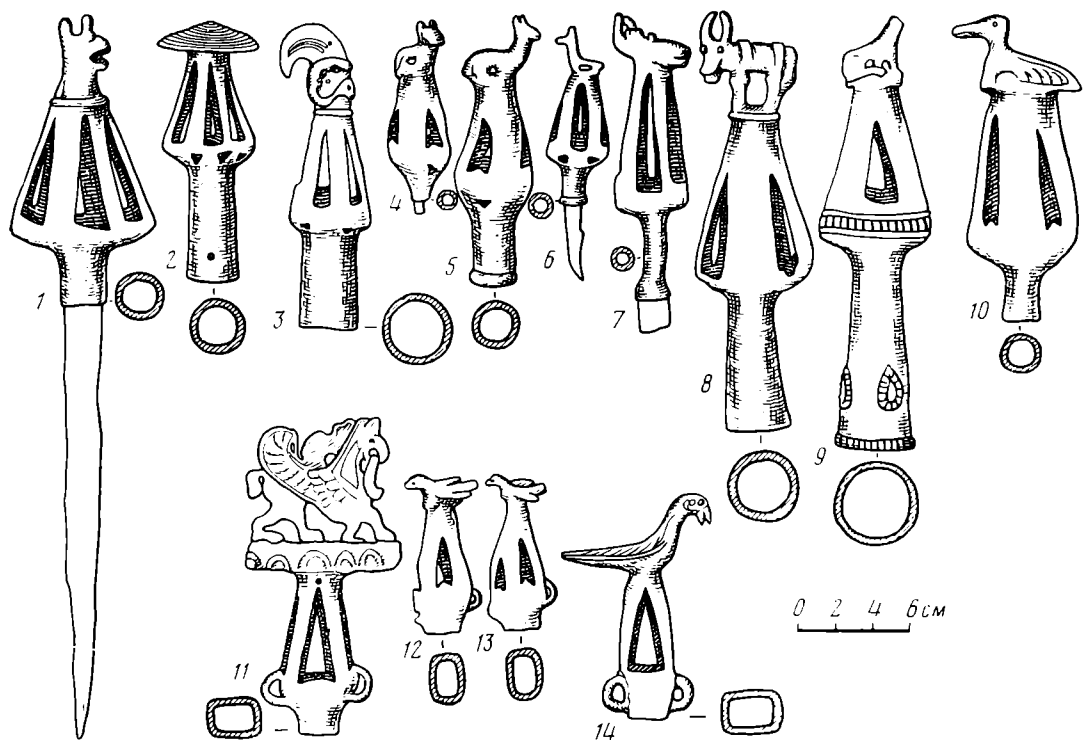

Рис. 7. Навершия IX типа. 1 — Роменский у. (Смела, III, табл. IX, 2); 2 — Татарская Горка (Пальинская В. А. Скифское навершие из окрестностей Чернигова. — КСИА АН УССР, № 12, 1962, с. 83, рис. 2); 3 — Волковцы, кург. 476 (ДП, VI, табл. I, 433); 4, 5 — Gyöngyös (Márton L. Skytha sírletek Gyöngyösről. — АЕ, № 18, 1908, tábla 1, kép. 11—13); 6 — Mihályfa (Bákaу K. Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections. Budapest, 1971, pl. XII); 7 — Старшая могила (МРЗ, X, № 1446, 1447); 8 — Nagytarcsa (Bákaу K. Op. cit., pl. IV); 9 — Szurdokrűspöki (Ibid., pl. VIII); 10 — Малая Лепетиха, кург. 2 (ОАК за 1913—1915. СПб., 1918, с. 222, рис. 275); 11 — Краснокутский Курган (ДГС, 2. Атлас табл. XXV, 1, 2); 12 — Чертомлык (Лалінська В. А. Ук. соч., с. 41, рис. 5, 13); 13 — Краснокутский курган (ДГС, 2. Атлас, табл. XXIV, 3—5); 14 — Александропольский курган (ДГС, 2. Атлас, табл. II, рис. 6—8)

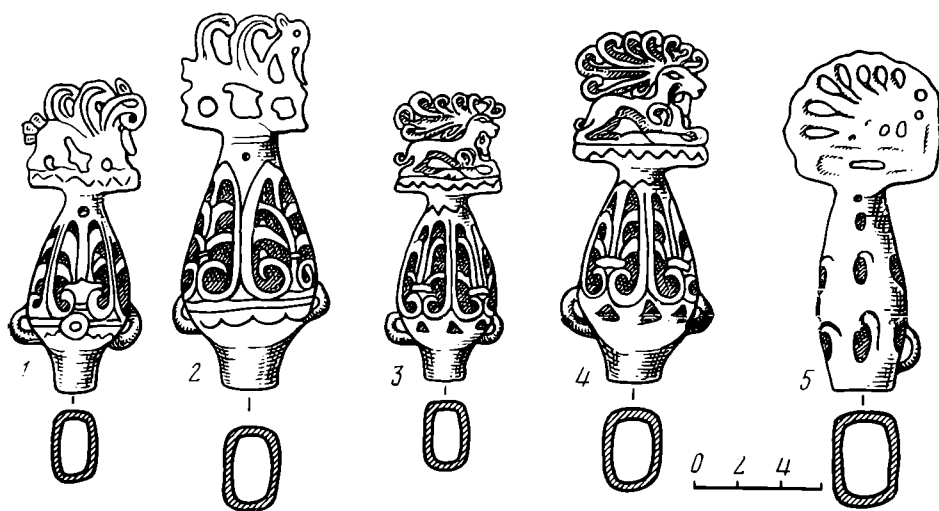

Рис. 8. Навершия XI типа. 1—4 — Толстая Могила (Мозолевский Б. Н. Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине. — СА, 1972, № 3, с. 293, рис. 28); 5 — Чертомлык (ДГС, 2. Атлас, табл. XXVIII, 1, 2)

Сводная таблица наверхний

	Количество	Наличие комплекса	Район	Дата (до н. э.)	Основания для датировки	Литература
Этого музея асского му- тана эса Майкопа кург. 2 Майкопа с. Зацита цы	3	4	5	6	7	8
	2	-	Кубань	Раньше Новочер- касского V в.	Стиль	Ильинская, 1967, с. 298
	2	-	»	»	»	Ильинская, 1967, с. 297
	4	+	»	IV в.	»	Боровка, 1928, с. 62
	2	+	»	Конец VII – начало VI в.	Материал кургана	Граков, 1948, с. 71
	3	-	»	»	Сходство с Ке- лерм.	Ильинская, 1963, с. 35
	2	+	»	Вторая пол. VI – начало V в.	Материал кургана	Артамонов, 1966, с. 28
	1	-	»	Начало V в.	Стиль	Бокий, 1970, с. 186
	2	+	Правобережная лесостепь Молдавия	Конец VI – начало V в. IV в.	Аналогия Уль- скому	Нудельман, Рик- ман, 1956, с. 129
	1	-	»	»	Стиль (см. ниже)	Ильинская, 1963, с. 10
льского сандрополь- лы лы го кургана лимана	4	+	Степь	Первая пол. III в.	По материалу кургана	Ростовцев, 1925, с. 432
	2	+	»	Первая пол. III в.	»	»
	4	+	»	IV в.	»	Ростовцев, 1925, с. 457
	4	+	»	Середина IV в.	»	Бидзили, 1971, с. 55
	4	+	»	Рубеж IV–III вв.	»	Граков, 1962, с. 95
	4	-	»	Рубеж IV–III вв.	Аналогия Крас- ноцутскому	Фонды Одесского музеи * (не из- дано)

Таблица 2 (продолжение)

Тип	Навершие	Количество	Наличие комплексов	Район	Дата (до н. э.)	Основания для датировки	Литература
1	2	3	4	5	6	7	8
	С терзаием из Водославки	1	-	Северный Крым	IV в.	Стиль	Черепанова, Щепинский, 1966, с. 75
	С композицией из трех фигур из Слоновской Близницы	4	+	Степь	IV в.	Материал кургана	Ростовцев, 1925, с. 457
	С композицией из трех фигур из Водославки	1	-	Северный Крым	IV в.	Стиль	Черепанова, Щепинский, 1966, с. 75
	С фантастическим существом из Чертомлыка	4	+	Степь	Вторая пол. IV - начало III в.	Материал кургана	Граков, 1962, с. 95
III	Трезубец с птицами из Александропольского кургана	1	+	»	Первая пол. III в.	»	Ростовцев, 1925, с. 432
	С 4 ветвями с изображением мужской фигуры **	1 (2)	-	»	IV - III вв.	»	Ильинская, 1963, с. 41, 42
IV	Без изображения из Келермеса	7	+	Кубань	Конец VII - начало VI в.	»	Граков, 1948, с. 41
	С оленем из ст. Махопешская	2	-	»	VII в.	Форма	Ильинская, 1963, с. 43
	С оленем из ст. Губскал	4	-	»	Начало VI в.	Стиль	Марковин, 1971, с. 214
V	Железные из Келермеса	4	+	Кубань	Конец VII - начало VI в.	Материал кургана	Граков, 1948, с. 41
	Железные из Великих Будков	4	-	Басс. Сулы	Середина VI в.	»	Ильинская, 1968, с. 70
	Железные из кург. 3 у с. Поповка	4	+	»	Конец VI - начало V в.	»	Ильинская, 1968, с. 74
	Железные из кург. 407 у с. Журовка	2	+	Басс. Тясмина	Середина VI в.	»	Ильинская, 1975, с. 59

Таблица 2 (продолжение)

Тип	Навершие	Количество	Наличие комплек-са	Район	Дата (до н. э.)	Основания для датировки	Литература
1	2						
	Железные из Гепиховатой Могилы	2	+	» Ставропольский край Кубань	VI в.	»	Ильинская, 1979 Не изданы
	Железные из хут. Красное Знамя	4	+		Конец VII в.	»	
	С головами грифонов из Келермеса	6	+	»	Конец VII – начало VI в.	»	Граков, 1948, с. 41
	С головой птицы из Келермеса	1	+		Конец VII – начало VI в.	»	
	С головой птицы из кург. 7 у с. Вол- ковцы	1	4		Конец VI – начало V в.	»	
VI	Без изображения из Келермеса	2	+	Кубань	Конец VII – начало VI в.	»	Граков, 1948, с. 41
	Без изображения из ст. Махошевская	1	-				
	С головой птицы из кург. 5 у хут. По- повка	2	-	Басс. Сулы	VI в.	Материал кургана	Ильинская, 1968, с. 70
	С головой животного из Межиречки	1	+		VI в.		
VII	С головой грифона из Ульского кург. 1	1	+	Кубань	Первая пол. VI в.	»	Артамонов, 1966, с. 28
	С головой быка из кургана на водохра- нилище Четук	1	-				
	С головой быка из Ульского кург. 2	3	+	Кубань	Вторая пол. VI – начало V в.	»	Артамонов, 1966, с. 28
	Без изображения из кург. 3 у хут. Крас- ное Знамя	2	+				
	С «молодым оленем» из Somhid	1	-	Ставропольский край Румыния	Конец VI – пер- вая треть V в.	Форма	Бакал, 1971, с. 93
	С головой птицы из Роменского уезда	1	-	Басс. Сулы			
С обломанным верхом из ст. Тульская	1	-	Кубань				

Таблица 2 (продолжение)

Тип	Навершие	Количество	Наличие комплек-са	Район	Дата (до н. э.)	Основания для датировки	Литература	
1.	2	3	4	5	6	7	8	
VIII	С обломанным верхом из Межиречки	1	+	Румыния	VI в.	Материал кургана Позже роменских вещей	Ильинская, 1963, с. 40 Бакаш, 1971, с. 92	
	С «молодым оленем» из Сепуезезег	1	-		Конец V в.			
	С «молодым оленем» из Бухарестского музея	1	-		Конец V в.			
	Фрагментированные из Бухарестского музея	2	-		Конец V в.			
VIII	С головой «грифона» из кург. 476 у с. Волковцы	4	+	Басс. Сулы	Конец VI — начало V в.	Материал кургана	Ильинская, 1968, с. 72	
	С головой «грифона» из с. Будки	2	-		Конец VI — начало V в.			Ильинская, 1968, с. 74
	С «молодым оленем» из Роменского уезда	2	-		V в.			Бакаш, 1971, с. 91
IX	С головой грифона из Роменского уезда	1	-	»	Конец VI — начало V в.	Материал кургана	Ильинская, 1968, с. 72	
	С головой барано-птицы из кург. 476 у с. Волковцы	2	+					»
	С диском из окрест. Чернигова	1	-	Басс. Сулы	Конец VI — начало V в.	По форме бубенца синхронно кург. 476	Ильинская, 1962, с. 84	
	С «молодым оленем» из Minályfa	4		Венгрия	Конец VI — первая треть V в.	у с. Волковцы	Бакаш, 1971, с. 93	
	С «молодым оленем» из Gyöngyös	6	+	»	Вторая пол. VI в.	По форме бубенца — сходство со Старшой Могилой	Бакаш, 1971, с. 92	
	С головами быков из Старшой Могилы	2	+	Басс. Сулы	Первая пол. — середина VI в.	По удлилам и фаларам	Ильинская, 1951, с. 210	
С водопадающей птицей из Малой Лепетихи	4	+	Степь	IV в.	Материал кургана	Ростовцев, 1925, с. 457		

Таблица 2 (окончание)

Тип	Навершие	Количество	Наличие комплек-са	Район	Дата (до н. э.)	Основания для датировки	Литература
1	2						
	Со стоящим быком из Nagytarcsa	3	+	Венгрия	Конец VI – первая треть V в.	По удшдам	Бакаи, 1971, с. 92
	С сидящими животными из Szudok-rüspöki	4		Венгрия	Конец VI – начало V в.		Бакаи, 1971, с. 91
	С грифоном из Краснокутского кургана	4	+	Степь	Рубеж IV–III в.	Материал кургана	Граков, 1962, с. 95
	С птицей из Краснокутского кургана	2	+	»	Рубеж IV–III в.	»	»
	С птицей из Чертомлыка	2	+	»	Вторая пол. IV – начало III в.	»	»
	С птицей из Одесского музея *	2	-	»	Середина IV в.	По стилю анал. Гаймановой	
	С птицей из Гаймановой Могилы	2	+	»	Середина IV в.	»	Бидзля, 1971, с. 55
	С птицей из Александропольского кургана	2	+	»	Первая пол. III в.	»	Ростовцев, 1925, с. 432
X	С оленем из Аксютинцев	4		Басс. Сулы	V в.	Стиль	Ильинская, 1963, с. 47
	С оленем из кург. 1 у с. Волковцы	4	+	»	Первая пол. IV в.	Материал кургана	»
XI	С оленем из Толстой Могилы	3	+	Степь	Первая пол. IV в.	»	Мозолевский, 1972, с. 308
	С грифоном из Толстой Могилы	3	+	»	Первая пол. IV в.	»	»
	С оленем из Чертомлыка	4	+	»	IV в.	»	Ростовцев, 1925, с. 455
	С обломанным верхом из Гаймановой Могилы	1	+	»	Середина IV в.	»	Бидзля, 1971, с. 55
	С обломанным верхом из Одесского музея *	1	-	»	Первая половина – середина IV в.	Форма бубенца	

* Автор приносит глубокую благодарность В. Г. Петренко, предоставившей неопубликованные наработки из своих раскопок в Старополье в 1975 г.; А. М. Ждановскому (Кубанский гос. университет), а также Э. И. Диаманту и дирекции Одесского Археологического музея за предоставление неопубликованных наработок из фондов Краснодарского и Одесского музеев.

** Фрагменты аналогичного навершия были найдены в кургане у с. Марьинское на Украине в 1963 г. (Ильинская В. А. Навершия..., с. 299).

Ильинская, 1967 — *Ильинская В. А.* Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев.— СА, 1967, № 4; Бровка, 1928 — *Vorovka G.* Scythian art. London, 1928; Граков, 1948 — *Граков Б. Н.* Литейное и кузнечное ремесло у скифов.— КСИИМК, XXII, 1948; Ильинская, 1963 — *Ильинська В. А.* Про скифські навершики.— Археологія, XV, 1963; Артамонов, 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага — Л., 1966; Бокій, 1970 — *Бокій Н. М.* Нові пам'ятки скифського звіриноного стилю з Кіровоградщини.— Археологія, XXIII, 1970; Нудельман, Рикман, 1956 — *Нудельман Г. А., Рикман Э. А.* Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии.— ИМФАН, № 4(31). Кишинев, 1956; Ростовцев, 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925; Бидзиля, 1971 — *Бідзіля В. І.* Дослідження Гайманової Могили.— Археологія, I, 1971; Черепанова, Щепинский, 1966 — *Черепанова Е. Н., Щепинский А. А.* Там, где пройдет Северо-Крымский. Симферополь, 1966; Марковин, 1971 — *Марковин В. И.* Бронзовое навершие из Прикубанья.— СА, 1971, № 4; Ильинская, 1968 — *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968; Ильинская, 1975 — *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). Киев, 1975; Ильинская, 1979 — *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Скифские курганы у с. Матусов близ Шполы.— В сб.: Скифия и Кавказ. Киев, 1979; Бакаи, 1971 — *Bákāy K.* Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections. Budapest, 1971; Ильинская, 1962 — *Ильинская В. А.* Скифское навершие из окрестностей Чернигова.— КСИА АН УССР, № 12, 1962; Ильинская, 1951 — *Ильинська В. А.* Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скії.— Археологія, V, 1951; Мозолевский, 1972 — *Мозолевский Б. Н.* Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине.— СА, 1972, № 3.

X тип датируется V и IV вв. до н. э.

Остальные типы наверший ранние. IV тип относится к рубежу VII—VI вв. до н. э. и четко локализуется на Кубани. Деление его на варианты не отражается ни на хронологии, ни на географии. Такая же ситуация и с двумя вариантами V типа, относящегося к концу VII — началу VI в. до н. э. и распространенного как на Кубани, так и в лесостепи (Правобережье и Левобережье).

Варианты VII типа (VI и начало V в. до н. э.) оказываются локальными: бубенцы с высокими прорезями характерны для Прикубанья и Посулья, а с низкими прорезями в два ряда — для Подунавья.

VIII тип относится к концу VI—V в. до н. э. и распространен в Посулье.

VI тип наверший существует в VII—VI вв. до н. э. Вещи этого типа встречаются на Кубани и в Левобережной лесостепи. Таковы вкратце основные итоги классификации.

Для построения типологической эволюции (рис. 9) прежде всего необходимо проследить связи между выделенными типами наверший. Связи намечаются по признакам, о которых говорилось выше. При этом стараемся выявить те элементы сложных признаков (формы бубенца и комбинации прорезей), которые говорят о родстве форм наверший. Прежде всего это касается наверший с бубенцами.

Навершия с шаровидными бубенцами с высокими прорезями (IV тип) связаны с навершиями V типа по таким признакам, как округлая форма (для бронзовых), высокие прорези, круглая втулка с ободком треугольного сечения по краю со вставленным в нее железным стержнем (для бронзовых)¹⁸. Крючок, вещающий некоторые железные навершия, по мнению К. Бакаи, обозначает птичью голову¹⁹, что дает основания включать эти вещи в один тип с бронзовыми.

Различие форм бубенцов наверший IV и V типов (шаровидные с одной стороны и овальные и грушевидные — с другой) можно объяснить

¹⁸ У железных наверший биконические бубенцы и прямоугольное сечение стержня — признаки, зависящие от материала изготовления.

¹⁹ *Bákāy K.* Op. cit., p. 46.

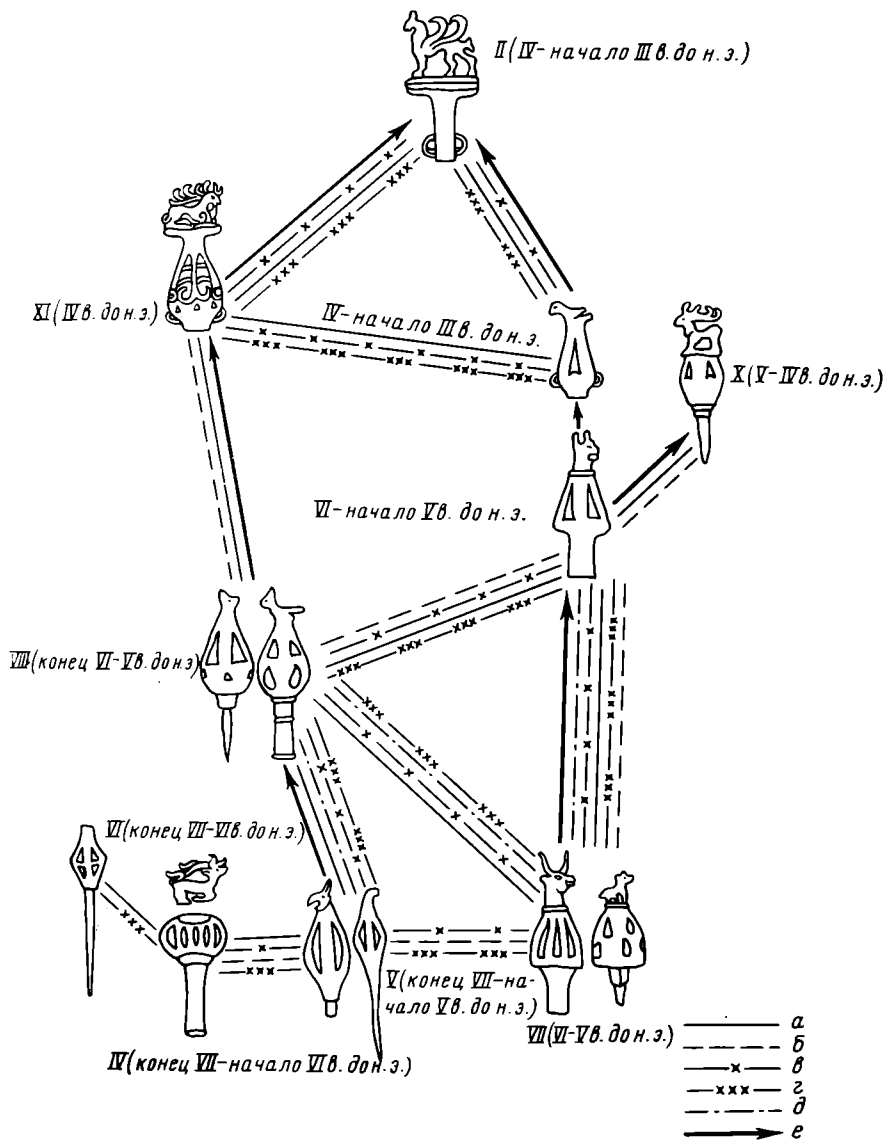

Рис. 9. Типологическая эволюция наверхий. *a* — форма бубенца, *б* — комбинация прорезей, *в* — манера изображения, *г* — форма сечения втулки, *д* — мотивы изображения, *е* — общая линия развития

сюжетом изображения. Навершия, увенчанные головами животных, видимо, воспринимались как изображения полых звенящих птиц или грифонов, для которых сферическое тулово было бы неестественным, поэтому его вытягивали до грушевидного или овального. Форма прорезей, видимо, не имела особого значения (на бубенцах келермесских наверхий рядом расположены линзовидные, треугольные и узкие прямоугольные прорези, выполненные крайне небрежно) — важно было сделать их высокими. При этом на шаровидных бубенцах встречаются прорези только линзовидные, что говорит о связи формы прорезей с формой бубенца (различались «равносторонние» и расширяющиеся книзу формы).

Высота прорезей и небрежность их исполнения связывает V тип паверхий с седьмым. Однако здесь последняя черта проявляется ярко только на наверхиях из Ульского кургана с головками быков. На остальных экземплярах прорези аккуратные, треугольной или каплевидной формы. Они могут быть как высокими, так и низкими (последние расположены в два ряда и характерны для дунайских наверхий). Низкие прорези та-

кой же формы, как и на стенках, расположены и на дне колокольчика — это уже предпосылка появления второго ряда прорезей.

Прорези в два ряда: верхний — высокие, нижний — низкие — характерны и для IX типа наверхий. Если учесть, что эти два типа связаны такими признаками, как круглое сечение втулки, манера изображения (круглая скульптура) и сюжет изображения (голова быков, птиц и грифонов), можно предположить их родство между собой. При этом IX тип выглядит производным от седьмого: дно колокольчика выгнулось, так что стали видны прорези нижнего ряда (или сплошная полоса без прорезей, на которую никогда не заходят прорези верхнего ряда). По сюжету, а в некоторых случаях и по манере изображения наблюдается преемственность именно между этими типами. «Воротничок» между бубенцом и головой животного, вообще весьма редкий признак, встречается именно на вещах VII и IX типов.

VIII тип, сохранивший форму бубенца пятого (грушевидную) и по сюжету и манере изображения явно производный от него, испытал на себе несомненное влияние VII типа — это прослеживается по форме прорезей: такое же перенесение прорезей дна колокольчика на нижнюю зону стенок бубенца, как и в случае с VII и IX типами. Об этом же свидетельствует и сохранение локальных различий в расположении прорезей и сюжета изображения.

Что касается IX типа, то, как уже было сказано, он делится на два варианта по форме сечения втулки. У наверхий на втулке подпрямоугольного сечения, короткой, прямой и широкой, бубенец вытягивается, ребро его сглаживается, и он превращается в простое продолжение втулки. Не имея дна, такой бубенец уже не может звенеть, поэтому появляются петли для подвешивания колокольчиков. Все это признаки логически поздние — атрофируется бубенец, первоначально основная функциональная часть наверхий.

Другая, боковая линия развития ранних биконических бубенцов приводит к X типу: ребро поднимается до середины бубенца. Сохраняется два ряда прорезей (при этом в верхнем ряду теперь, естественно, такие же прорези, как и в нижнем). Прорези тех же форм (треугольные и в форме «ласточкина хвоста»), что и на бубенцах VIII типа. Оттого что прорези верхнего ряда уменьшились, а нижнего — не увеличились, бубенец стал более глухим и, возможно, хуже звенел — на наверхий этого типа прикреплены петли для колокольчиков²⁰. Такой путь изменения форм наверхий вряд ли был основным (об этом говорит как немногочисленность таких вещей — их всего восемь, так и отсутствие производных форм).

Вернемся к основной линии развития наверхий. XI тип (наверхий с грушевидными бубенцами с фигурными прорезями) явно сродни V и VIII типам (тоже наверхий с грушевидными бубенцами), но его отличают поздние признаки: низкая втулка подпрямоугольного сечения, вытянутая форма бубенца и плоское изображение (т. е. те же, что отличают поздний вариант IX типа, за исключением характера изображения). Прорези в два ряда (нижний — низкие треугольные) говорят о преемственности по отношению к VIII типу. Верхний же ряд прорезей (в форме пальметок) трудно вывести из существовавших ранее, так как орнамент этот появился впервые под влиянием греческого искусства. Можно предположить, что этот тип дал производные формы. Если взглянуть под этим углом на плоские наверхий с непопаятым существом из Чертомлыка, то можно считать ажурную конструкцию между втулкой и изображением, с одной стороны, проекцией ажурных бубенцов с пальметочными прорезями (при силуэтной восприятии эти вещи очень похожи, так как двой-

²⁰ К. Бакаш, исследовавший звучание наверхий, к сожалению, ничего не сообщает о такой зависимости, так что наше предположение остается недоказанным.

Известно, что такие элементы, как захоронения в подбоях, катакомбах, могилах с заплечиками, каменные конструкции, подмазка дна зеленоватой глиной, характерны для скифо-сарматского погребального ритуала, они широко представлены в памятниках рубежа нашей эры Северного Причерноморья и Крыма¹⁶. Как мы видим, удельный вес их в черняховских могильниках Северного Причерноморья по сравнению со среднеднепровскими довольно велик. В пяти некрополях (Викторовка, Гавриловка, Каборга, Кobleво, Ранжевое) они отмечены для большинства захоронений (всего 85 случаев). Таким образом, можно говорить об определенном вкладе скифо-сарматской культуры в формирование черняховского погребального ритуала Северного Причерноморья.

Остановимся теперь на материале поселений. В литературе широко распространено мнение о том, что наиболее яркой отличительной чертой памятников римского времени, расположенных на побережье Черного моря, является каменное домостроительство. Однако факт существования здесь каменных построек сам по себе ни о чем не говорит. Различия в строительном материале носят чисто географический характер и связаны с различиями в природных условиях. Камень применялся, по всей вероятности, в тех районах, где его было много, и там, где это было целесообразно. Но тип жилища зависит не только от природных условий. Определяющими факторами являются также культурно-исторические традиции, экономическая структура общества и, в конечном счете, уровень его социальной организации. В этом плане, видимо, и следует рассматривать различия построек на поселениях. В Среднем Поднепровье распространены наземные и углубленные постройки, состоящие из одной или двух камер. В Северном Причерноморье подобный тип жилища зафиксирован только в Викторовке, Тилигуло-Березанке и Бургунке. На большинстве поселений (Дарьевка, Дудчаны, Каиры, Каменка-Анчекрак, Кobleво, Ранжевое, Киселово, Капустино и др.) представлены совсем иные постройки: многокамерные каменные дома, в которых жилые и хозяйственные помещения соединены каменной стеной и часто расположены вокруг внутреннего двора. Подобные сооружения аналогичны строительным комплексам, распространенным на территории Северного Причерноморья в предшествующее время на позднескифских и античных памятниках, и являются прямым продолжением позднескифских и античных традиций домостроительства.

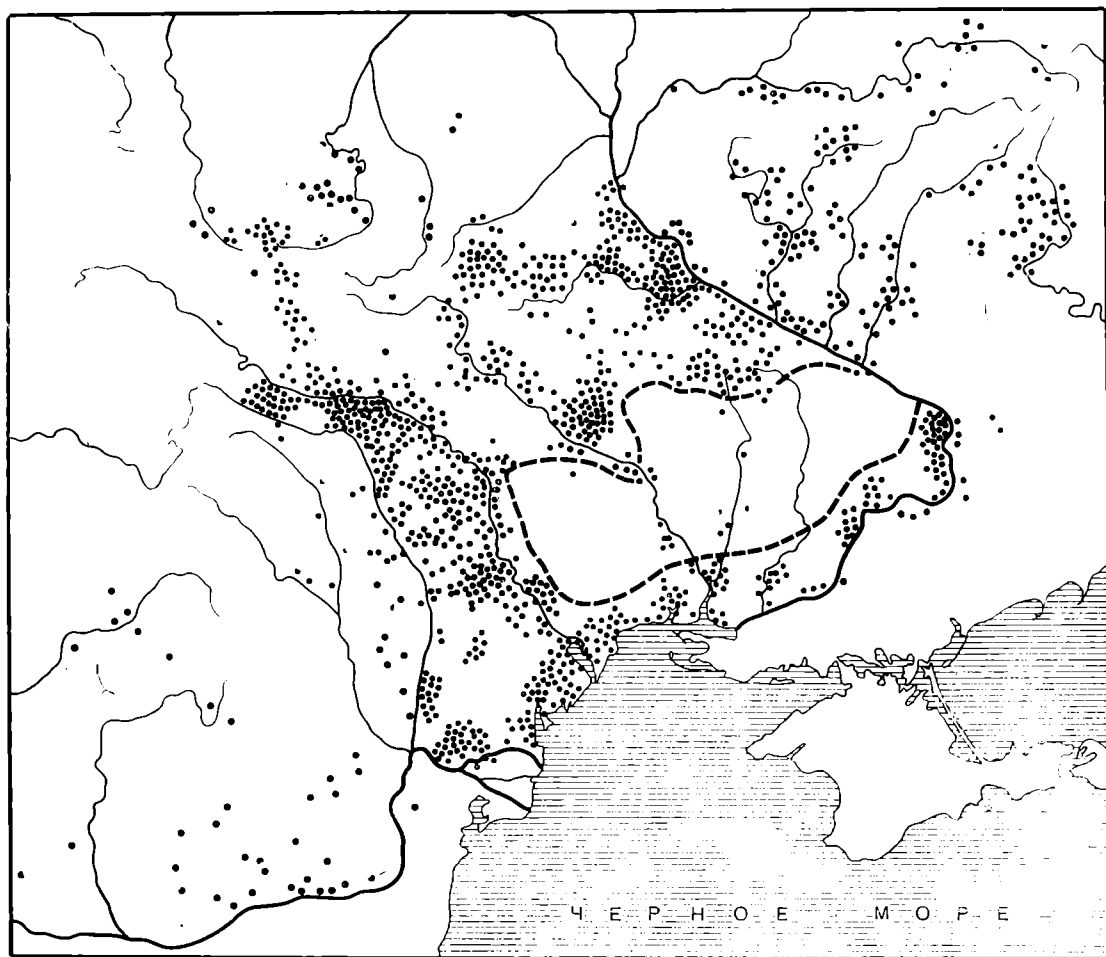
Все эти факты говорят о том, что при решении вопроса о формировании черняховской культуры в Северном Причерноморье нельзя не учитывать роль предшествующих культур, в основном позднескифской и сарматской.

Интересными материалами по рассматриваемой нами проблеме располагает в настоящее время также антропология. Как полагает большинство исследователей, черняховское население представлено единым антропологическим типом, обнаруживающим наибольшее сходство со скифами VII—III вв. до н. э. и с поздними скифами; сарматские черты прослеживаются, но в незначительной степени. Поэтому в свете антропологических данных наиболее вероятно предположение о том, что процесс генезиса черняховской культуры происходил в среде праиндоевропейских пле-

---

ном Причерноморье.— МИА, № 139, 1967, с. 211—231; *его же*. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре.— МИА, № 82, 1960, с. 112, 208—220; *его же*. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья.— СА, XXIV, 1955, с. 301—306; *Магомедов Б. В.* Могильник Каменка-Анчекрак в Николаевской обл.— Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. Ужгород, 1978.

¹⁶ *Сымонович Э. А.* Культура поздних скифов..., с. 69; *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев, 1972, с. 101; *Богданова Н. О.* Могильник I ст. до н. э.— III ст. н. э. біля с. Завітне Бахчисарайського району.— Археологія, № 15, 1960, с. 96.

Карта памятников черняховской культуры (по И. Ионице 1966, Е. В. Махно, 1960, Э. А. Рикману, 1975, Э. А. Сымоновичу, 1964, Г. Е. Храбану, 1964). Пунктиром обозначена почти не заселенная полоса степи, разделяющая Среднее Поднепровье и Северное Причерноморье

мен, в основном поздних скифов¹⁷. А это значит, что Северное Причерноморье (один из районов распространения позднескифских племен) нельзя исключать из зоны формирования черняховской культуры.

Если обратиться к карте черняховской культуры, можно заметить, что степень насыщенности памятниками не везде одинакова. Так, например, в лесостепном районе Правобережья, в междуречье Прута и Днестра, сконцентрировано большое количество поселений и могильников, тогда как Среднее Поднепровье и Северное Причерноморье разделяет почти пустая полоса степи. Такое положение вещей может, конечно, объясняться разной степенью изученности отдельных районов черняховской культуры. Однако Е. В. Махно в результате работы по картографированию черняховских памятников пришла к выводу о том, что даже если количество известных пунктов станет во много раз больше, «то соотношение густо населенных областей и областей, в которых они встречаются лишь спорадически, останется стабильным»¹⁸.

¹⁷ Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972, с. 110, 111; Алексеева Т. И. Славяне и германцы в свете антропологических данных.— ВП, 1974, № 3, с. 65.

¹⁸ Махно Е. В. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты).— МИА, № 82, 1960, с. 10.

Дальнейшие исследования подтвердили это предположение. Несмотря на все увеличивающееся число новых памятников, степной район, разделяющий Северное Причерноморье и Среднее Поднепровье, остается наименее насыщенным. Это обстоятельство имеет большое значение. Как известно, процесс этногенеза может протекать только при регулярном и непосредственном общении людей. А возможность такого общения возникает лишь при условии общности территории¹⁹. Имеющиеся сейчас в нашем распоряжении данные о территориальной разобщенности населения черняховской культуры Среднего Поднепровья и Северного Причерноморья могут служить косвенным подтверждением того, что этногенетический процесс протекал в каждой из этих областей самостоятельно. Это, конечно, не исключает проникновения в Северное Причерноморье отдельных групп населения из более северных областей, о чем говорит появление здесь некоторых новых традиций домостроительства, а может быть, и возникновение обряда трупосожжения²⁰.

O. A. Geu

THE CHERNIAKHOVO CULTURE SITES OF THE NORTHERN PONTIC AREA

Summary

The problem of the origin of the Cherniakhovo culture in the Northern Pontic region is still disputable. The most part of the investigators suppose that the sites of this culture appeared there as a result of the migration from the north. But some features, such as high percentage of inhumations, catacomb and niche graves, stone buildings with a lot of chambers may indicate the local origin of the Cherniakhovo culture. This is confirmed indirectly by the fact, that the northern part of the territory, occupied by this culture is detached from the southern. The author supposes, that the ethnic process in each part of this area was separate and independent.

---

¹⁹ Козлов В. И. Этнос и территория.— СЭ, 1971, № 6, с. 89.

²⁰ Земляночные постройки, зафиксированные на отдельных поселениях (Викторовка, Бургунка) аналогичны подобным сооружениям из Среднего Поднепровья. На некоторых могильниках не прослеживаются отмеченные выше статистические закономерности. В Каменке-Днепровской преобладают трупосожжения, захоронение по обряду ингумации — лишь одно. Могильник Гавриловка строго биритуален.

И. ПЛЕЙНЕРОВА

О ХАРАКТЕРЕ РАНЕСЛАВЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПРАЖСКОГО И КОРЧАКСКОГО ТИПОВ

В исследованиях последних лет большое внимание уделяется раннеславянскому периоду. Это прежде всего относится к Советскому Союзу и Польше, затем к Чехословакии и Германской Демократической Республике. В попытках общей характеристики структуры раннеславянского заселения больших успехов пока достигли польские археологи и историки, что подтверждается работами З. Хильчеруны¹ и З. Подвинской². Работы советских ученых, среди которых прежде всего следует выделить раскопки И. П. Русановой³ и В. Д. Барана⁴, принесли удивительное множество новых памятников VI—VII вв. Следовательно, могло бы показаться, что для рассмотрения характера раннеславянских поселений сложились весьма благоприятные условия. В действительности же до сих пор в большинстве случаев исследования (раскопки и сборы с поверхности) носили скорее характер спасательных мероприятий, так что при ближайшем рассмотрении среди множества памятников найдется лишь несколько систематических или в большом объеме исследованных памятников, которые могли бы представить данные для решения интересующего нас вопроса.

Преимущественное расположение раннеславянских поселений, состоящих в большинстве своем из небольших углубленных жилищ, на краях террас или на песчаных возвышенностях в тесной связи с сетью водных путей было доказано и уже упоминалось в ряде работ. К примеру, топографией раннеславянских поселений на чешской территории подробно занимался Й. Земан⁵. Более сложными и неясными пока являются вопросы о размерах поселений и особенно их внутренней планировке, продолжительности существования и других факторах, связанных с характером хозяйства раннеславянского населения.

Надежные данные о размерах поселения может дать только полностью исследованный памятник, а не подъемный материал, дающий ограниченную информацию. В областях пражского и корчакского типов в раннем периоде существовали небольшие поселения; однако заметны определенные различия, которые необходимо проследить детальнее. Число жилищ чаще всего колеблется от четырех до десяти. Величина застроенной площади — от 0,5 до 2 га. Сравнение крайних величин указывает, следовательно, на довольно существенную дифференциацию.

¹ *Hilczarówna Z. Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początków XI wieku.* Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967.

² *Podwińska Z. Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wczesniejszym średniowieczu.* Wrocław — Warszawa — Gdańsk, 1971.

³ *Русанова И. П. Поселения у с. Корчак на р. Тетерева.* — МИА, № 108, 1963, с. 39—50.

⁴ *Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю.* Київ, 1972.

⁵ *Zeman J. Nejstarší slovanské osídlení Cech.* — *Památky archeologické*, t. LXVII. Praha, 1976.

Планировкой раннеславянских поселений в рамках широкого отрезка времени занимались прежде всего З. Подви́нска⁶ и А. Питтерова⁷. Из их работ вытекает вывод об относительной одновременности двух основных типов поселений. Помимо поселений с неопределенной и редкой планировкой уже в раннеславянском периоде наблюдается тип с частой застройкой, а также с площадью в центре. Поселения с рядовой планировкой жилищ, которая вначале зависела от топографических условий, в рамках раннеславянского периода являются несколько более поздними.

Каждое поселение следует считать определенной единицей, складывающейся как из застроенной территории, так и из хозяйственной площади — полей, лугов, пастбищ, вод, иногда лесов. С этой точки зрения следовало бы размещение застроенной площади поселения сопоставить с его расположением на местности. Предположим, что вблизи отдельных жилищ всегда были небольшие обрабатываемые участки. Тогда вероятно, что у поселений с меньшей площадью, но более частой застройкой преобладающая часть обрабатываемой почвы была сосредоточена вне поселения. При редкой и разбросанной застройке большая часть этих участков могла быть включена прямо в поселение. На это влияли как естественные условия, так и общественно-экономические факторы, что мы постараемся проследить на различных примерах.

Й. Херрманн⁸ попытался по густоте расположения славянских памятников на территории ГДР установить величину хозяйственной территории поселений в отдельные периоды. По его подсчетам, в старославянский период она составляла пространство радиусом 0,75 км, т. е. площадью приблизительно 180 га. Условия природной среды раннеславянского поселения в Бржезно у Лоун⁹ в северо-западной Чехии позволяют составить приблизительное представление о размерах всего ареала поселения, так как оно размещалось на четко выделяющейся площади, образующей довольно выразительное целое. Масштаб ареала соответствует предположениям Й. Херрманна. Для обработки земли здесь благоприятна равнинная поверхность в 50—60 га южнее поселения. Некоторые памятники на Украине также могли бы подтвердить или уточнить эти данные, поскольку в ряде мест густота расположения поселений там весьма значительна. Интервалы между поселениями обычно не превышают 2—3 км. Для подобных рассуждений, однако, необходимо более точное определение относительной хронологии. Для этого столь же полезным было бы рассмотрение поселений, основанных на четко ограниченных, небольших песчаных возвышенностях.

Сложной проблемой является продолжительность существования сельских поселков. Кроме некоторых однофазовых, т. е. явно кратковременных поселений, на всей территории пражского и корчакского типов очень часто встречается заселение одних и тех же мест в позднейшие периоды, в VIII и IX вв. Это можно продемонстрировать на памятниках Чехии. Помимо одного систематически исследованного поселения (Бржезно) существуют еще три поселения (Беховице, Бржежанки, Кадань), где были проведены большие спасательные работы. Только поселение в Центральной Чехии — Беховицы у Праги¹⁰ представляет собой однофазовое поселение. На остальных трех были обнаружены и слои VIII—IX вв. (местами и X в.). Возникает вопрос, является ли это под-

⁶ Podwińska Z. Op. cit., s. 50—63.

⁷ Pitterová A. Typy nejstarších slovanských sídlist vesnického charakteru a jejich vývoj ve světle archeologických pramenů.— Český lid, № 55, 1968, s. 169—179.

⁸ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der Stämme zwischen Oder/Neisse und Elba. Berlin, 1968, S. 11.

⁹ Pleinerová I. Vyzkum osady z doby stehovani narodů a doby slovanske v Březno u Loun.— AR, t. XVII, 1965, s. 495—496; *idem*. Březno. Vesnice prvních Slovanů v severozápadních Čechách. Praha, 1975, s. 18—20.

¹⁰ Vencl S. Casne slovanské osídlení v Bechovicích o. Praha — východ.— PA, t. LXIV, 1973, s. 340—391.

линой преемственностью, т. е. непрерывным заселением того же места, или преемственностью только в смысле археологической схемы, т. е. в действительности с временными пробелами.

В Бржезно мы обнаружили интересные факты, имеющие значение для рассмотрения этого вопроса¹¹. Это прежде всего стратиграфия близких по времени и расстоянию объектов, свидетельствующая об определенных временных пробелах в заселении. Зернохранилище № 126, относящееся к позднейшей фазе раннеславянского заселения, нарушало полуземлянку № 11, относящуюся к раннему этапу раннеславянского периода. Три землянки ранней славянской деревни (№ 22, 24, 34) были по большей части перекрыты славянскими постройками (№ 25, 23, 33) IX в. Другой примечательный факт — ориентация жилищ VIII в. по сравнению с более ранними славянскими представляется иной. Важны также наблюдения, касающиеся количества находок. Если считать славянское заселение с середины VI до конца IX в. непрерывным, то получается, что люди, поселившись на одном месте, провели там 300—350 лет. Но для такого предположения находок VI, VII, а также VIII в. обнаружено **недостаточно**. Напрашивается объяснение, что поселение было оставлено, а через некоторое время вновь заселено, причем новая деревня была основана приблизительно на том же месте.

На поселении северо-западной Чехии в Кадани¹² воссозданная картина, особенно в отношении размещения объектов, довольно фрагментарна. Поселение было значительно большим, чем исследованная площадь. Другой пункт северо-западной Чехии — Бржежанки¹³, хотя и значительно нарушенный, предоставил больше данных. Автор сообщения указывает на возможность разрастания и частичной перегруппировки поселения приблизительно на том же пространстве, по существу почти без перерыва во времени. В связи с этим он указывает на единственный пример перекрытия объектов¹⁴. Далее автор указывает на тот факт, что более поздние, относящиеся к среднегородищенскому периоду объекты концентрируются в западной части памятника. Они занимают большую площадь и в значительной степени перекрывают древнейшее селение. Следовательно, в горизонтальной стратиграфии нет прямого доказательства постепенного разрастания поселения. Очевидно, следует допустить, что нет доказательств и противоположного предположения о последующих заселениях территории после определенных перерывов.

Предположение о перемещении поселений, происходивших, как я полагаю, прежде всего в VI и VII вв., а местами, наверное, и позднее, помимо сведений с бржезненского памятника может опираться на ценные наблюдения И. П. Русановой¹⁵ о 14 близко расположенных поселениях в окрестностях с. Корчак на Украине. Хотя все они в общих чертах относятся к раннеславянскому периоду, между ними можно было проследить небольшие хронологические различия. Из исследованных поселений Корчак VII и IX представляются несколько более ранними, чем Корчак I. Поселения располагались в аналогичных условиях как в отношении близости к водным источникам, так и высоты их размеще-

¹¹ Pleinerová I. Březno..., s. 96—99.

¹² Bubeník J. Staroslovanské sídlisté v Kadani.— AR, t. XXIV, 1972, s. 373—386.

¹³ Bubeník J. Slovanské sídlisté u Bžezanek, okr. Teplice.— AR, t. XXVII, 1975, s. 642—650.

¹⁴ Перекрытие построек на поселениях — явление скорее исключительное, случайное, поскольку и по прошествии времени место, где находилось жилище, выделялось по крайней мере видом растительности. Благодаря достаточному пространству это место можно было миновать при постройке других жилищ. Поэтому важны и немногочисленные случаи нарушений. Все, однако, осложняет тот факт, что и в рамках одной фазы нельзя исключить длительных перестроек и ремонтов, которые при исследовании могут показаться нарушениями.

¹⁵ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, вып. Е1—36. М.—Л., 1973, с. 23, 24.

ния. Прежде всего это относится к поселениям I и IX. Этим фактам хорошо отвечает предположение о перемещении поселений.

Подобные выводы были бы возможны и на некоторых памятниках Волыни и Поднестровья, опубликованных В. Д. Бараном. Правда, здесь не во всех случаях выяснены хронологические соотношения, поскольку чаще всего проводились небольшие спасательные раскопки. Определенные данные могли бы, наверное, предоставить: Городок I (вторая половина VII в.); Городок II (VI—VII вв.); Бовшев I (VI — середина VII в.); Демьянов I (VII в.), а также Рипнев I (VII в.) и Рипнев II (VI — середина VII в.).

Другим доказательством перемещения поселений и не совсем устойчивого заселения в раннеславянском периоде является существование кратковременных поселений с одной фазой заселения. Не найдено обычных следов неожиданного, насильственного прекращения жизни на поселениях, все признаки скорее свидетельствуют о преднамеренном оставлении поселка.

Если принять во внимание в общем небольшое количество находок, как построек, так и инвентаря, в раннеславянских поселениях и сравнить его с количеством памятников, местами как бы гнездящихся в определенных областях, это опять приведет нас к мысли о кратковременных и перемещавшихся поселениях. Не хотелось бы этим создать впечатление, что в густо заселенных местностях в действительности не существовало никаких синхронных поселений. Несомненно, синхронные поселения были, однако следует иметь в виду возможность перемещения и в этом плане корректировать представление о заселении данного пространства.

Кратковременными можно считать и некоторые памятники со следами нескольких фаз заселения, которые можно рассматривать как места, заселенные вновь после определенного перерыва, не всегда заметного в материальной культуре. Если перерыв был большим, то археологически его легче установить и новое заселение того же места очевидно. Например, Э. Хильчерувна¹⁶ установила на некоторых памятниках польской территории новые следы заселения после длительного перерыва (200 лет). Представляется, что большие, постоянно разрастающиеся поселения с непрерывным заселением в течение длительного отрезка времени для раннего периода необычны, хотя существование их в специфических местных условиях не исключено¹⁷.

Представлению о непрерывном заселении помимо преемственности в археологическом материале сопутствует факт длительного заселения примерно одного и того же места. Однако сам по себе этот факт не показательен. Возможно, что новое заселение того же места было случайным. Условия для выгодного расположения поселения в различных фазах славянского периода были одни и те же. Поэтому возможно, что такие места специально искали. Ранее заселенное место должно было быть заметно и после большого перерыва, хотя бы по специфическим видам растений на месте прежнего поселения.

В некоторых случаях, особенно для поселений на краю террас, можно предполагать перемещение их вдоль течения, а иногда возвращение спустя некоторое время на старые места. Хотя я полагаю, что эти перемещения в большинстве своем были обусловлены общим характером жизни и хозяйства в тогдашней деревне, следует допустить и влияние других факторов, например поднятие уровня почвенных вод и пр. На это в некоторых случаях указывают польские исследователи. На примерах

¹⁶ *Hilcszerówna Z.* Op. cit., tabl. XI—XIV.

¹⁷ Неясно, можно ли довольно частые перекрытия объектов на раннеславянском поселении в Дессау-Мозиткау объяснять перерывами в заселении; возможно, дело здесь в размещении поселения на довольно небольшой возвышенности, ограничивавшей размеры удобной для заселения площади.

различных поселений у Торнова это убедительно доказал Й. Херрманн¹⁸. Изменения водного режима играли определенную роль в перемещении поселков, расположенных низко у водных потоков, а иногда и поселков на больших возвышенностях в пойме рек. Однако для большинства поселения пражского и корчакского типов, в особенности расположенных на краях террас и высоких берегах рек, с этой причиной считаться нельзя, поскольку другие, относительно поздние поселения находятся примерно в таких же высотных условиях. Следовательно, объяснять перемещения поселений надо прежде всего экономическими причинами. В таком случае перемещения можно было бы расценивать как какой-то долговременный перелог, соединенный с перенесением поселка. Здесь было, наверное, много случайного и беспорядочного — иногда более длительные задержки на месте, в отдельных случаях повторное заселение могло и не происходить. Это явление не свидетельствует также о примитивном уровне земледелия у древних славян, поскольку уже (хотя бы) на основе ботанических анализов известно, что это было не так. Возможность перемещений объясняется тем, что в VI и VII вв. еще, наверное, не существовало такой прочной сети селений с установившимися связями, как позднее, например у городищ и окружающих деревень. Возникшая со временем плотность заселенности делала такие перемещения невозможными.

В заключение напомним, что существующее состояние исследований для решения подобных проблем пока не удовлетворительно. Необходимы исследования, сосредоточенные на одном полностью вскрытом памятнике. Важным явилось бы и широкое исследование определенной области, поскольку только так можно будет получить прочную основу для решения вопросов о структуре и развитии древнего заселения.

I. Pleinerova

ON THE CHARACTER OF THE EARLY SLAVIC SETTLEMENTS OF THE PRAGUE AND THE KORCHAK TYPES

S u m m a r y

The data on the early Slavic settlements of the VI—VIIth centuries A. D. let the author make the following observations: 1) the settlements as a rule are located in the similar topographic situation near the water; 2) there are from 4 to 10 synchronous dwellings, situated near each other or comparatively far from each other, which can be possibly connected with different disposition of the household units; 3) the occupation period of the settlements was rather short and the population oftenly moved to other places. These features are reflected in rather small cultural deposits, the disposition of asynchronous buildings at the same place, the existence of settlements occupied for a short period. The transference of the settlements was, possibly, connected with peculiarities of economic activities of the population. The full investigation of separate regions and the exploration of the entire territory of the settlements are needed for further conclusions.

---

¹⁸ *Herrmann J.* Die germanische und slawische Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow, K. Calau.— In: *Schriften zur Ur- und Frühgeschichte*, № 26. Berlin, 1973.

Э. ДОМБРОВСКА

ПРОБЛЕМА ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ВЕЛИКИХ ГОРОДОВ» У ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Развитие укрепленных поселений и их место в территориальной организации, определяемой в литературе как городская организация, на территории расселения западных славян не имело единого характера. Хронологические рамки отдельных этапов их развития и механизм происходивших изменений пока еще мало изучены.

В исторической литературе под термином «городская организация» понимались прежде всего территориальные организации раннефеодальных государств (т. е. провинции, кастелянии). Однако не исключена возможность связи этих организаций с прежним местным территориальным устройством, которое не везде было одинаковым¹. Как показали исследования последних 20 лет, неверно отрицать саму возможность существования в предгосударственный период территориальных организаций во главе с укрепленным центром. Эти организации не были одинаковыми из-за отсутствия центральной власти, которая объединяла бы их. Термин «город» в качестве обозначения территориальной округи известен в X в. на всей территории расселения славян².

Укрепленные поселения на землях западных славян исследованы неравномерно. Относительно хорошо исследованы районы северного и центрального Полабья³, некоторые районы Поморья⁴, Великой Польши и Любульской земли⁵, центральной Польши⁶ и Малой Польши⁷, а также

¹ *Wojciechowski Z.* Ze studiów nad organizacją państwa polskiego za Piastów. Lwów, 1924, s. 5; *idem.* Momenty terytorialne organizacji grodowej w Polsce Piastowskiej.— In: *Studia nad historią prawa polskiego*, t. 8. Lwów, 1928, s. 54.

² *Łowmiański H.* Początki Polski, t. 4. Warszawa, 1970, s. 54, 55.

³ *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neise und Elbe. Berlin, 1968; *Grebe K.* Zur frühslawischen Besiedlung des Havelgebiete.— In: *Veröffentlichungen des Museum für Ur- und Frühgeschichte Potsdam*, t. 10, 1976. S. 167—204.

⁴ *Olozak J., Siuchniński K.* Źródła archeologiczne do studiów nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem grodowym na terenie województwa koszalińskiego, t. 1, 2 i 3. Poznań 1966, 1968, 1970; *Łosiński W., Olczak J., Siuchniński K.* Źródła archeologiczne do studiów nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem grodowym na terenie województwa koszalińskiego, t. 4. Poznań, 1971; *Łosiński W.* Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—X/XI w.). Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972; *Olczak J., Siuchniński K.* Typologia wczesnośredniowiecznych grodzisk Pomorza Środkowego.— *Slavia Antiqua*, t. 23, 1976, s. 111—152; *Lachowicz F., Olczak J., Siuchniński K.* Osadnictwo wczesnośredniowieczne na Pomorzu i Pojezierzu Wschodniopomorskim.— In: *Wybrane obszary próbne. Katalog*. Poznań, 1977.

⁵ *Hilczerońska Z.* Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początków XI wieku. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967; *Hilczerońska Z., Urbańska-Łosińska A.* Rozwój terytoriów osadniczych u schyłku starożytności i we wczesnym średniowieczu w południowej części województwa zielonogórskiego.— In: *Studia nad początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Odrą i dolną Wartą*, t. 2. Zielona Góra, 1971, s. 49—114.

⁶ *Kamińska J.* Grody wczesnośredniowieczne ziem Polski Środkowej na tle osadnictwa. Łódź, 1954; *idem.* Grody Polski Środkowej w organizacji wczesnopanństwowej.— In: *Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego w Łodzi. Ser. Archeologiczna*, № 18, Łódź, 1971, s. 41—75.

⁷ *Dąbrowska E.* Wielkie grody dorzecza górnej Wisły — ze studiów nad rozwojem organizacji terytorialno — plemiennej w VII—X wieku. Wrocław — Warszawa — Kra-

частично Чехии⁸ и Моравии⁹. Детальной монографической разработки ждут еще укрепленные поселения восточного Поморья, территория верхних Лужиц¹⁰, Силезии¹¹, Мазовии¹² и Словакии.

Появление первых славянских укрепленных поселений в бассейне верхней Вислы следует отнести к VII в. Датировку укрепленного поселения в Ходлике VI в., вплоть до публикации всех материалов о нем, следует считать открытой¹³. Самые первые укрепленные поселения в Страдове и в Щавориже могут датироваться временем не ранее VI—VII вв. Это были крупные, расположенные на возвышенности поселения площадью от 0,5 до 3 га, защищенные земляным валом, с внутренней круговой застройкой. Обычно они возникали на месте древнейших открытых поселений. Вокруг укрепленных поселений сохранились открытые, создававшие вместе с ними единый населенный комплекс.

Небольшое число самых древних раннесредневековых комплексов поселений в бассейне Вислы и большие расстояния, их разделяющие, скорее всего свидетельствуют о том, что они не были основой для создания в этом районе малого территориального объединения. Появление таких комплексов следовало бы, скорее, связать с формированием уже в VIII в. крупных территориальных общин.

В конце VIII или в начале IX в. происходит важный перелом в характере заселения бассейна верхней Вислы. Мы наблюдаем здесь как значительные количественные изменения — уплотнение населения на ранее обжитых речных террасах и постепенное проникновение в междуречье, так и качественные, важнейшее из которых — появление так называемых «великих городов».

Названные нами «великими городами» комплексы поселений представляют собой расположенные на возвышенности (часто на месте существовавших ранее больших укрепленных поселений), обычно защищенные несколькими валами деревянно-земляной конструкции («прокладочной» или «колосниковой», реже «ящичной») большие поселения. Они представляют собой крупные, состоящие из нескольких частей городища площадью от 6 до 20 га, а многие из них и свыше 20 га, например Страдув, фаза III (рис. 1), или Нашацовице (рис. 1, 5). Им сопутствуют открытые поселения, образующие вместе с «великими городами» крупные комплексы поселений (Ходлик, фаза III (рис. 1, 8), Демблин, Страдув, фаза II)¹⁴.

ków — Gdańsk, 1973; *Zaki A.* Archeologia Małopolski wczesnośredniowiecznej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1974.

⁸ *Stěpánek M.* Opevněná sídliště 8—12 století ve střední Evropě. Praha, 1965, s. 99 n.; *Solle M.* O základních vývojových stadiích západnoslovanského hradiška podle českého výzkumu.— In: I Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowiańskiej, t. 4. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 176—195; *idem.* K otázce řádu českých hradišť velkomoravského období.— In: *Casopis Moravského Musea*, t. 57, 1972, s. 195—202.

⁹ *Dąbrowska E.* Organizacje grodowe w dorzeczu górnej Wisły i na Morawach w początkach wczesnego średniowiecza.— In: *Z polskich studiów slawistycznych*. Warszawa, 1972, s. 31—46; *Беранова М., Сметанка З., Станя Ч.* Археологические исследования славянской эпохи в Чехии и в Моравии в 1966—1974 гг. *Památky Archeologické*, t. 66, 1975, s. 153—247.

¹⁰ *Grimm P.* Die vor- und frühgeschichtlichen Burgwalle der Bezirke Halle und Magdeburg. Berlin, 1958.

¹¹ *Kaletynowie M. i T.* Grodziska wczesnośredniowieczne województka wrocławskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968; *Lodowski J.* Z badań nad wczesnośredniowiecznym budownictwem obronnym na Śląsku Środkowym.— *Acta Universitatis Wratislaviensis*, № 142. *Studia Archeologiczne*, t. 4, 1971, s. 235—262.

¹² *Szymański W.* Mazowsze w początkach wczesnego średniowiecza.— In: *Badania archeologiczne na Mazowszu i Podlasiu*. Warszawa, 1975, s. 113—121; *Górska I., Paderewska L., Pyrgata J., Szymański W.* Grodziska Mazowsza i Podlasia (w granicach dawnego województwa warszawskiego). Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1976.

¹³ *Gardawski A.* Chodlik, cz. I, Wczesnośredniowieczny zespół osadniczy. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970; *Dąbrowska E.* Wielkie grody..., s. 64; *Zaki A.* Archeologia..., s. 78, 79, 374, 375.

¹⁴ *Dąbrowska E.* Wielkie grody..., s. 55, 56.

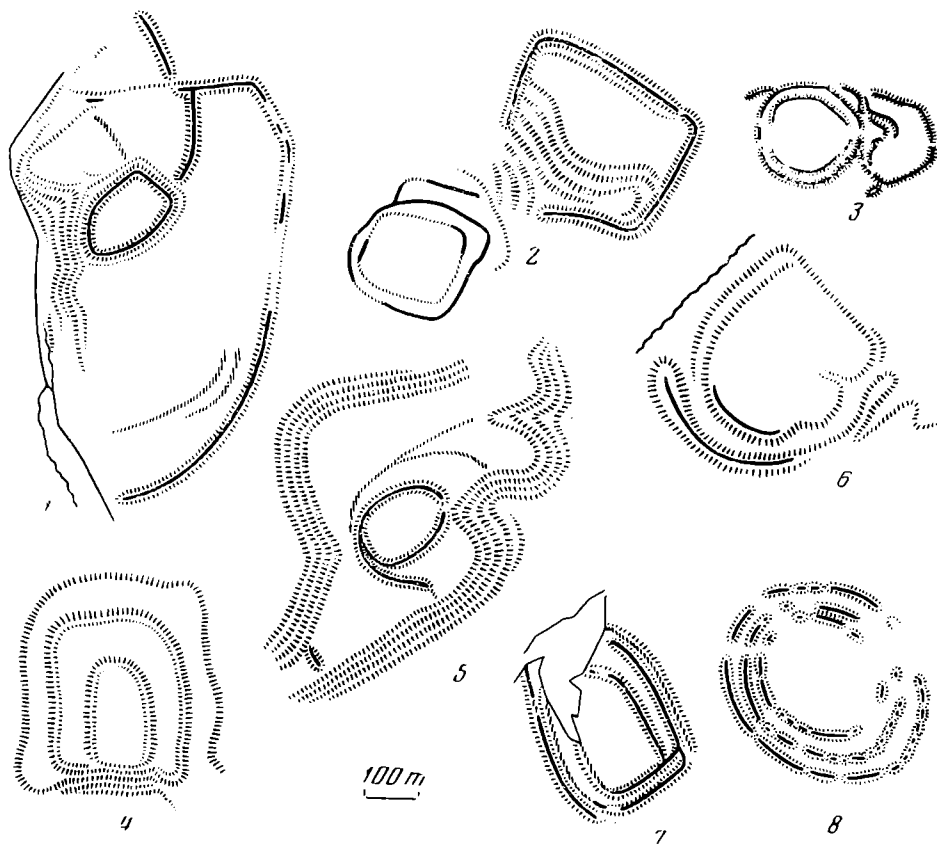

Рис. 1. «Великие города» Малой Польши: 1 — Страдув, воев. Кельце; 2 — Завада Лянцкоронска, воев. Тарнов; 3 — Любомия, воев. Катовице; 4 — Хелм, воев. Тарнов; 5 — Нашацовице, воев. Новы Сонч; 6 — Дамице, воев. Кельце; 7 — Щавориж, воев. Кельце; 8 — Ходлик, воев. Люблин

Кроме того, вдоль долин рек, текущих с Карпат, верхней и средней Вислоки, ее притока Яселки и в верховьях Сана встречаются укрепленные поселения со специфической серповидной формой валов типа Ветшно (рис. 2, 4). Эти укрепленные поселения, имеющие форму вытянутого овала, состоящие из отделенных валами трех или четырех частей, были очень слабо заселены. Они находились на вершинах высоких холмов, причем ниже, на склоне, располагался центр укрепленного поселения, а выше — его последняя внешняя часть, например поселения в Пшечице (рис. 2, 2) или Тшцинице (рис. 2, 3). Средний размер поселений типа Ветшно от 264×90 м, или 2,4 га, до 450×120 м, или 5,4 га¹⁵.

Появление «великих городов» в бассейне верхней Вислы связано, вероятно, с окончанием первого этапа консолидации малых племен и созданием более крупных организаций и даже межплеменных союзов. «Великие города», по-видимому, выполняли в их рамках роль центров с определенными оборонительными и административными функциями, аналогичными, возможно, «civitas» из Географа Баварского середины IX в. В бассейне верхней Вислы лучше всего изучен комплекс «великих городов», приписываемый племенному союзу вислян. В него входит 10—12 укрепленных поселений площадью около 10 тыс. км², находящихся на расстоянии 20—25 км друг от друга. Укрепленные поселения типа Ветшно, видимо, выполняли только функции оборонительных крепостей, контролирующих проходы через Карпаты в северо-восточном направлении¹⁶.

¹⁵ Ibid., s. 55, 56, 107.

¹⁶ Ibid., s. 110—133.

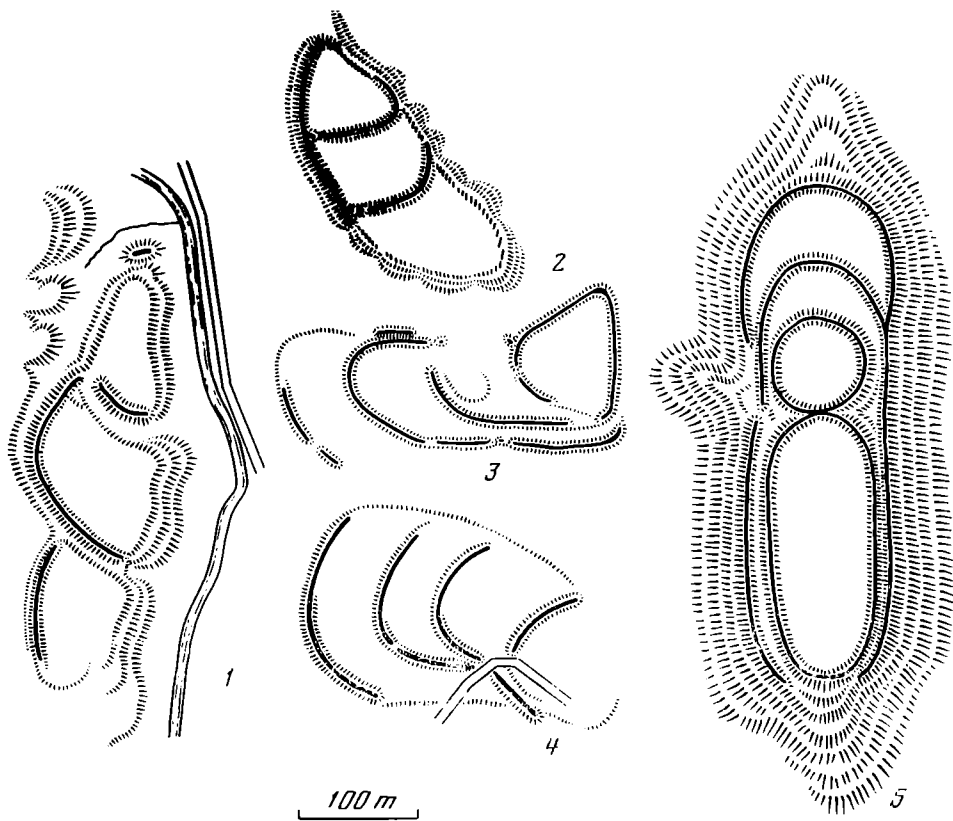

Рис. 2. Городища типа Ветшно: 1 — «Подобора» около Тешина, округ Чески Тешин; 2 — Пшечица, воев. Кросно; 3 — Тщиница, воев. Кросно; 4 — Ветшно-Бобрка, воев. Кросно; 5 — Трещча, воев. Пшемысль

Однако развитие укрепленных поселений в бассейне верхней Вислы отличается от развития остальных польских земель.

В Великой Польше и в Любуской земле с северной частью Нижней Силезии, в центральной Польше и в западном Поморье в отличие от Малой Польши развитие раннесредневековых укрепленных поселений шло от больших поселений к малым. Но на всех названных территориях процесс этот проходил не одновременно.

Раньше всего, уже в VI в., появляются укрепленные поселения в северной части Нижней Силезии и в Любуской земле (например, Полупин¹⁷), а во второй половине и в конце VI в. — в бассейне верхней и средней Обры (например, Бониково, рис. 3, 5). Это большие поселения диаметром от 100 до 150 м, защищенные одним земляным валом, имеющие круговую застройку. На значительной части указанных территорий эти городища были единственной формой поселений, без одновременных им открытых поселений. В VII в. или самое позднее в первой половине VIII в. на смену этим укрепленным поселениям приходят значительно меньшие поселения диаметром от 45 до 80 м, защищенные деревянно-земляными валами и состоящие из двух или более частей. Малые укрепленные поселения находятся обычно в центре скоплений открытых поселений, существовавших непрерывно до конца IX или первой половины X в.¹⁸ (рис. 3).

¹⁷ Dąbrowski E. Sprawozdanie z badań archeologicznych na grodzisku wczesnośrednio-wiecznym w Polupinie, pow. Krosno Odrzańskie.— In: Materiały Komisji Archeologicznej. № 1. Zielona Góra, 1965.

¹⁸ Herrmann J. Siedlung..., s. 164—178; Hilczerówna Z., Urbańska-Łosinska A. Op. cit., s. 70 n.

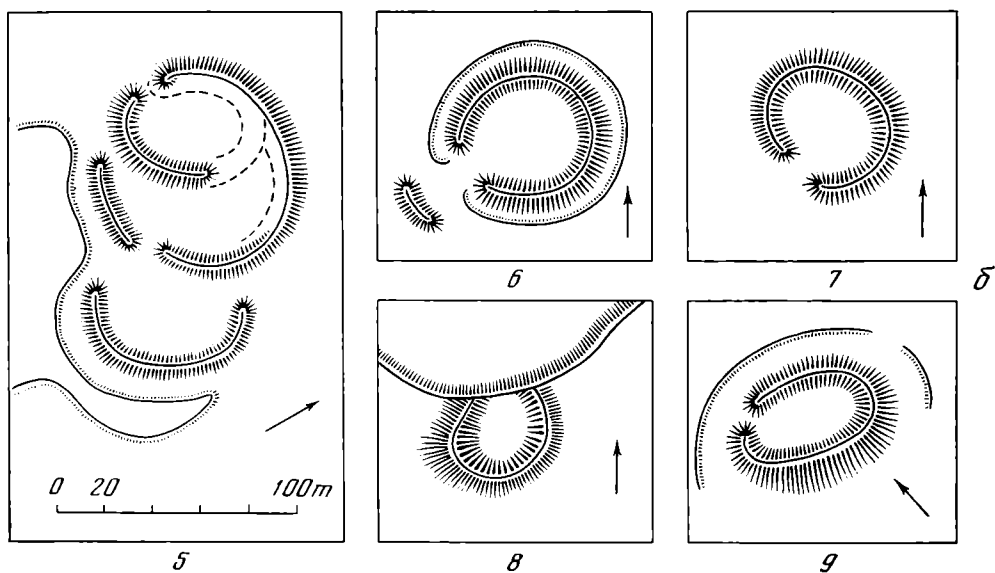
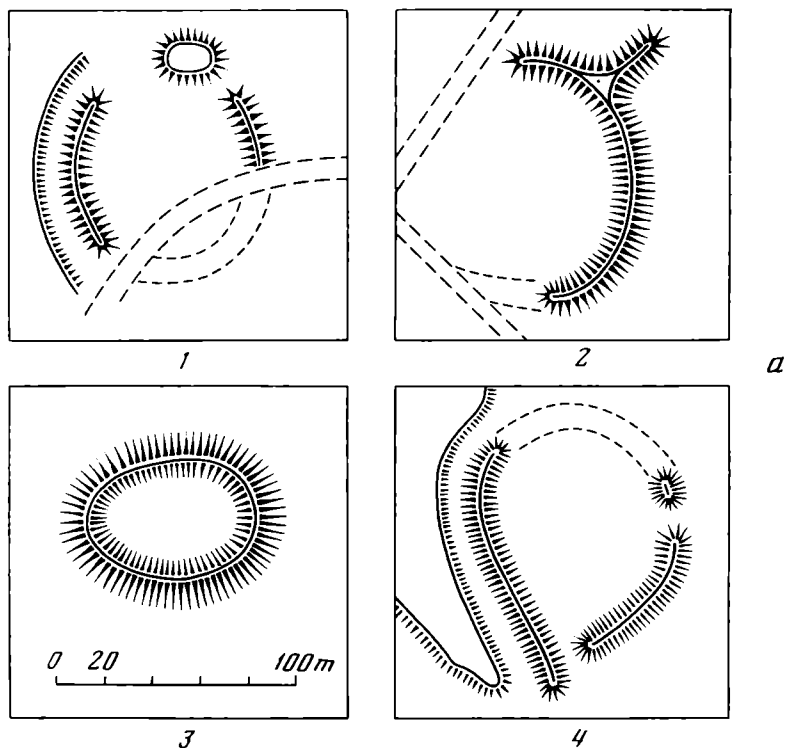

Рис. 3. Городища северной области (по С. Хильчерувне): 1 — Камене́ц, 2 — Ту́рев, 3 — Уликув, 4 — Сёмово, 5 — Бонпково, 6 — Брущево, 7 — Далешина, 8 — Кашово, 9 — Попенцище
a — большие городища, *b* — малые городища

В Центральной Польше известны лишь два укрепленных поселения конца VI—VII и VIII вв. — в Ленчице (фазы I и II) и в Мникове. В первой половине IX в. появляются многочисленные малые укрепленные поселения, окруженные открытыми поселениями: Черхув, Шидлув, Витув, Розпша, фаза I, и Хелм, фаза I. Во второй половине X в. они уступают место новым укрепленным поселениям, основанным на месте старых (Хелм, фаза II, Розпша, фаза II) или вблизи них (Серадз около Витова, Ленчица, фаза III, вместо Черхува)¹⁹.

¹⁹ Kamińska J. Grody..., s. 41—75.

Пока нет монографии, посвященной городищам Мазовии. По мнению В. Шиманского, самые древние укрепленные поселения VI—VIII вв. концентрируются в районе Плоцкой Мазовии. Это городища, занимающие от 0,13 до 80 га, расположенные преимущественно на возвышенности и защищенные одинарным земляным валом (укрепленное поселение в Шелигах имеет даже вал с каменным ядром) или деревянным частоколом²⁰.

Иная хронология развития укрепленных поселений в западном Поморье и северном Полабье. В Поморье расположенные у подножий холмов малые и большие городища (с внутренней территорией до 1,5 га) появляются в VII в., сосредоточив в пределах своих валов все население (в бассейне Парсенты вначале вокруг них не было открытых поселений). Эти укрепленные поселения функционируют до середины или даже до конца IX в., когда они уступают место значительно более укрепленным, но менее многочисленным малым поселениям (с внутренней площадью от 0,1 до 0,5 га), характерным для всего X в. Около 1000 г. в бассейне верхней Парсенты исчезают все укрепленные поселения, за исключением основанного в середине IX в. Колобжега²¹. У полабян возникновение на рубеже X и XI вв. центра поселений в Рачиборе также ведет к упадку соседних укрепленных поселений²². В то же время на о. Волин развитие ранних укрепленных поселений привело к созданию города²³.

Близкий к малопольскому цикл развития поселений наблюдается на южных границах расселения западных славян, т. е. в Моравии и западной Словакии, а также в Чехии и в верхней Лужице (в треугольнике между средней Лабой и Солавой).

Начало развития славянских укрепленных поселений в Моравии до сих пор точно не определено. В VI и VII вв., кроме Микульчиц, других укрепленных поселений там не известно²⁴. Поселение в Микульчицах занимало территорию около 4 га и имело регулярную, обнесенную частоколом застройку. Следы древних поселений обнаружены также на некоторых других великоморавских укрепленных поселениях: Старо Место, округ Угерске Градиште или «Поганско» под Бржецлавом. Лишь для городищ, расположенных на возвышенных местах, на полуостровах (Старый Замок около Лишви, округ Брно, Зеленая Гора, округ Вышков), удалось выделить слои, относящиеся к самой ранней фазе чешских укрепленных поселений, занимавших окруженную частоколом территорию площадью около 1 га. Ч. Станя датирует их VIII в.²⁵

Начиная с рубежа VIII и IX вв. и особенно с середины IX в. началось время строительства (обычно на месте бывших укрепленных или открытых поселений) главным образом равнинных укреплений, защищенных валом ящичной деревянно-земляной конструкции (рис. 4). Исключение составляет поселение «Поганско», около Нейдяка, защищенное тройными валами деревянно-каменной конструкции (рис. 4, 3). Для этих поселений характерна регулярная рядная, реже круговая застройка пря-

²⁰ *Szymański W. Mazowszc...*, s. 113—121.

²¹ *Herrmann J. Siedlung...*, s. 164—178; *Łosiński W. Początki...*, s. 197—206, 299.

²² *Leciejewicz L. Miasta Słowian Po'abskich. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 59, 60; Idem. Procesy integracyjne w kulturze Słowian zachodnich w drugiej połowie I tysiąclecia n. e., Z polskich badań slawistycznych. Warszawa, 1972, s. 10.*

²³ *Filipowiak W. Wolinianie.— Studium osadnicze, t. 1. Szczecin, 1962; Leciejewicz L. Procesy...*, s. 10.

²⁴ *Klanica Z. Předvelkomoravský horizont v Mikulčicích i jeho vztahy v Podunaji.— AR, t. 19, 1967, s. 686—692; Poulik J. Postavení Mikulčic ve vývoji západnoslovanských hradišt.— AR, t. 19, 1967, s. 692—695; Klanica Z. Vorgrossmährische Siedlung in Mikulčice und ihre Beziehungen zum Karpatenbecken (Thesen der Kandidatendissertation). Přehled výzkumů 1972 (Archeologický Ústav CSAV v Brně). Brno, 1974, s. 12—14; Poulik J. Mikulčice, sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975.*

²⁵ *Staňa C. K poznání vývoje velkomoravských vyšinných hradišt.— AR, t. 19, 1967, s. 699—704; idem. Velkomoravské hradiště Staré Zámky u Lišné.— In: Monumentorum tutela, t. 8, 1972, s. 109—171.*

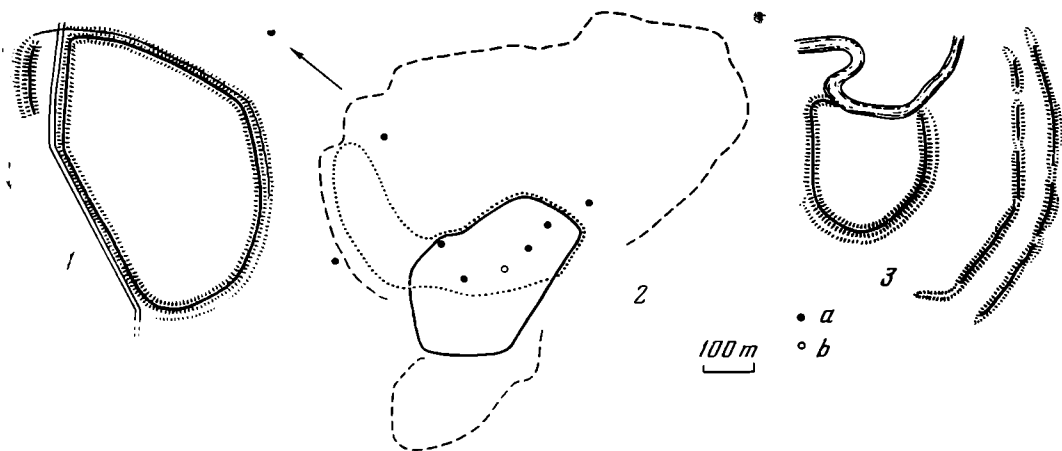

Рис. 4. «Великие города» Моравии: 1 — Страхотин, городище «Петрова лужка», округ Бржецлав; 2 — Микульчице; 3 — «Поганско» около Бржецлава
a — каменные церкви, *b* — другие каменные постройки

моугольными домами. Средняя величина укрепленного поселения составляет от 12 до 28 га, причем для многих поселений, таких, как Микульчице (рис. 4, 2) или Старо Место, характерна необычная протяженность заселенной площади, доходящая до 100—250 га. В ее пределы входят как резиденции знати с каменными дворцами и святынями, так и обособленные кварталы, заселенные различными категориями населения, особенно ремесленниками. Большинство этих поселений пережило упадок Великоморавской державы и существовало еще в первой половине X, возможно и весь X в. до начала XI в. (Старые Замки около Лишны, Страхотин округ Бржецлав (рис. 4, 1), Райград округ Брно)²⁶.

Особую группу представляли расположенные на возвышенных местах, состоящие из нескольких частей и защищенные двойной цепью валов полуостровные укрепленные поселения западной и северной периферии Моравских полей, такие, как Старе Замки около Лишны, Зелена Гора или слабоизученный Штайн на Дунае²⁷.

Близкие моравским, хотя еще и малоизученные укрепленные поселения, мы находим у лужицких сербов. Вместо известных там не позднее рубежа VIII и IX вв. больших, расположенных на возвышенных местах городищ во второй половине IX и в начале X в. были построены многочисленные «великие города», существовавшие вплоть до второй половины X и даже до начала XI в.²⁸

Совершенно иначе выглядит процесс развития укрепленных поселений в чешских землях. Возникновение самых ранних укрепленных поселений приходится там на VIII в. (известны как большие, так и «великие города», но функционируют они значительно дольше, вплоть до IX в., например Ключев и Тисмице (рис. 5, 5) около Чешского Брода. В середине IX в. там появляются новые «великие города», и не только в Восточной Чехии (Стара Коуржим (рис. 5, 1), Либице (рис. 5, 4), Калы около Горжиц), но и, как это показал М. Шолле, по всей стране (Левоусы, Градец около Кадаве, Либушин, Пражский Град). Большие укрепленные поселения не так многочисленны, например в Градец на Изере. Знаменательно, что «великие города» собственно чешской территории, как Пражский Град или Либушин, входят затем в состав государства

²⁶ Dąbrowska E. Organizacje grodowe..., s. 41.

²⁷ Staňa C. Slovenské hradiště v Dolních Rakousích.— In: Sbornik II AU CSAV, pob. Brno, s. 90—94.

²⁸ Grimm P. Op. cit., s. 176—195.

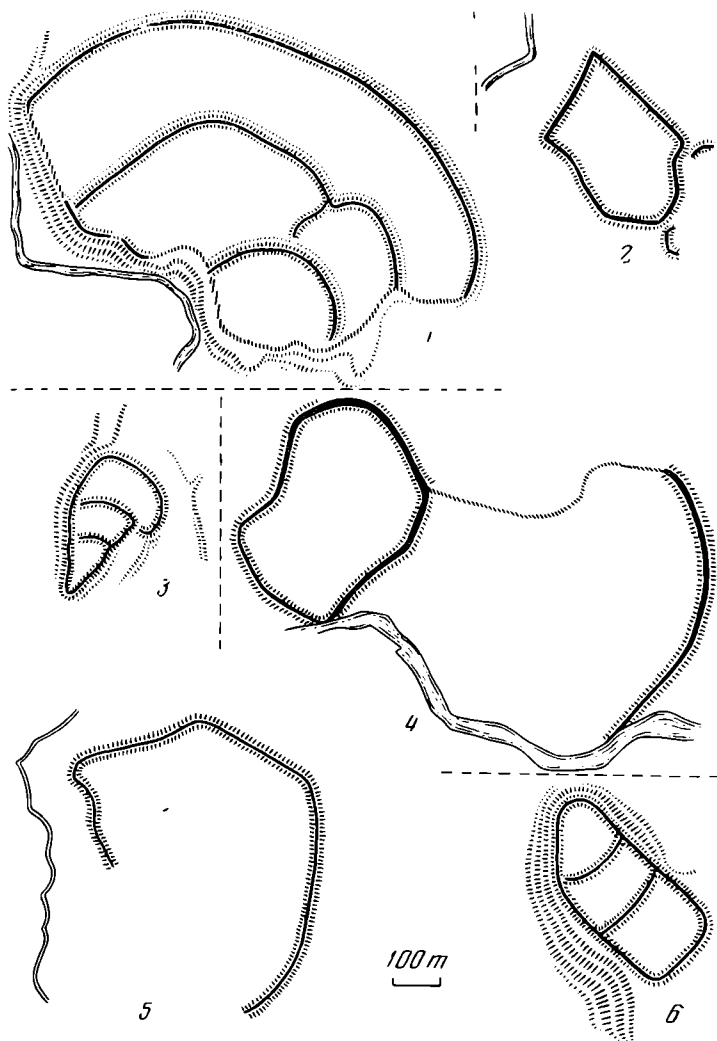

Рис. 5. «Великие города» Чехии: 1 — Старый Коуржим; 2 — Пжистоупин, округ Чески Брод; 3 — Властислав; 4 — Либне; 5 — Тисмице, округ Чески Брод; 6 — Заброушаны

Пшемыслидов и функционируют вплоть до XII в., а на других территориях они исчезают уже в начале или в середине X в. (Стара Коуржим)²⁹.

Предварительно мы можем попробовать выделить на территории, заселенной западными славянами, две, а может быть, даже три области укрепленных поселений: 1) Южную, охватывающую бассейн верхней Вислы, Моравию вместе с Западной Словакией, Верхнюю Лужицу и Чехию (?), характеризующуюся переходом от крупных городищ к «великим городам»; 2) Северную, в состав которой входят Нижняя Лужица, Великая Польша с северной частью Нижней Силезии и Любуской землей и центральная Польша. Укрепленные поселения появляются там раньше всего, уже в VI в., и развитие их протекает от крупных поселений к малым; 3) Приморскую, объединяющую северное Полабье и Поморье и характеризующуюся появлением в VII в. малых и больших укрепленных поселений, переходящих затем в малые поселения.

²⁹ Solle M. Stara Kouřim a projevy velkomoravské hmotné kultury v Čechách. Praha, 1966, s. 84—89; Solle M. K otázce..., s. 195—202; Беранова М., Сметанка З., Станя Ч. Ук. соч., с. 153—247.

Предложенные области отвечали бы при этом в самом общем виде трем крупным группам западных славян начала раннего средневековья: пражской, тронов-кленецкой и фельдбергской³⁰. Особенности археологической культуры (преимущественно во второстепенных ее чертах) выступают также и позднее, т. е. в VIII, IX и X вв. Северную и южную области отличает характер застройки и форм поселений, размеры основной территориальной единицы, а также разный денежный оборот³¹. Выделение приморской области требует еще основательной разработки.

В южной области, особенно в ее юго-западной части, наблюдается объясняемое в литературе значительными успехами в экономическом развитии быстрое возникновение классовой структуры общества, причины которого до сих пор удовлетворительно не объяснены. В VII в. там появляются первые эфемерные протофеодальные государственные образования — княжество Само и княжество Девана у лужицких сербов, а в IX в. раннефеодальная Великоморавская держава.

Но независимо от специфики и темпов развития каждой из названных областей можно попытаться выделить для западных славян три основных этапа формирования укрепленных поселений.

I — крупные племенные укрепленные поселения (площадью от 0,5 до 5 га). Они прослеживаются в северной области с VI до рубежа VII—VIII или даже до середины VIII в.; в западном Поморье и в северном Полабье с VII до середины IX в., а в южной области в VII и VIII вв. Появление крупных укрепленных поселений в VI и VII вв. на некоторых из названных территорий (в качестве единственной формы поселений) дало основание выдвинуть предположение, что самые ранние славянские городища были по существу лишь укрепленными деревнями³². Но после изучения всех материалов более правильным следует считать крупные укрепленные поселения начала раннего средневековья центрами территориальной единицы. Укрепленные центры, особенно на юге, были тесно связаны с окружающими их открытыми поселениями и создавали с ними основную территориальную единицу. Наряду с военными и в какой-то степени административными функциями эти поселения служили убежищем для населения всей общины, например городище Торнов (ГДР) в начале его развития³³. Некоторые укрепленные поселения этого периода, несомненно, были и культовыми центрами.

Трудно определить характер территориальной единицы того времени. Попытка связать ее с известной из позднейших письменных источников «общинной», площадь которой примерно 100—150 км²³⁴, встречает значительные трудности, особенно в южной зоне с малым числом городских поселений. Дополнительную трудность представляет наложение в южной Польше общинной организации на более древнюю ее форму, что было связано с включением этих земель в пределы монархии Пястов³⁵.

II — укрепленные поселения, являющиеся центрами крупных племенных административных округов, так называемые «civitates», с опре-

³⁰ Hülcherówna-Kurnatowska Z. Ze studiów nad zróżnicowaniem terytorialnym kultury prapolskiej. — *Archeologia Polski*, t. 19, 1971, s. 419—429; *Leciejewicz L. Słowiańszczyzna Zachodnia*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1976, s. 113, рис. 49; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 137, рис. 49.

³¹ *Leciejewicz L. Procesy...*, s. 13; *Leciejewicz L. Słowiańszczyzna...*, s. 53—57.

³² *Stěpánek M. Opevněná sídliště...* (passim).

³³ *Szymański W.* Przyczynki do badań nad osadnictwem słowiańskim w początkach wczesnego średniowiecza (na marginesie książki Z. Hülcherówny «Dorzeczce górnej i środkowej Oby od VI do początków XI wieku» — *AP*, t. 14, 1969, s. 215—231.

³⁴ *Buczek K.* Organizacja opolna w Polsce średniowiecznej. — In: *Studia Historyczne*, t. 131, 1970, s. 205—250.

³⁵ *Buczek K.* Op. cit., s. 205—250; *Podwińska Z.* Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wcześniejszym średniowieczu, Żreb, wies, opole. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971; *Labuda G.* O formach osadnictwa wczesnośredniowiecznej wsi polskiej (w związku z książką Zofii Podwińskiej). — In: *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*, r. 23, s. 99—114.

деленными функциями, возникновение которых связано с переходным периодом к созданию первых протофеодальных государств. В северной зоне — это многочисленные малые укрепленные поселения (площадью до 0,5 га), датируемые от VII—VIII до рубежа IX и X вв., а в приморской зоне IX и первой половиной X в. В южной зоне выступают так называемые «великие города» (площадью от 5 до 20 га), функционирующие в IX, X и начале XI вв. Различие укрепленных поселений обеих областей подтверждает свидетельства Географа Баварского о числе «городских» поселений у отдельных племен³⁶.

III — укрепленные поселения — центры территориальной организации раннефеодальных государств, возникновение которых связано с окончательным образованием государств на данной территории или с включением ее в состав другого государства, например Моравии в чешскую монархию Пшемислидов. Эти укрепленные поселения строятся с введением новой административной системы и прежде всего из-за необходимости создания единой территориально-городской организации во всем государстве.

Территориальные организации сформировавшегося государства отличаются от предшествующих такими чертами, как равномерное распространение по всей территории данного государства сети городских округов и концентрация в руках правителя этих округов военной, административной и судебной власти. При этом ясно прослеживается связь крупных государственных округов с прежними территориями крупных племен, хотя сама локализация их центров отличается.

Не следует отвергать возможность существования центров территориальной организации в догосударственный период, хотя они и не имели однородного характера из-за отсутствия центральной власти. Отдельные центры территориальных округов крупных племен, видимо, выполняли близкие позднейшим государственным городам военные и административные, а также, возможно, финансовые, судебные и культовые функции³⁷.

Некоторые из многочисленных «великих городов» южной зоны, видимо, уже в IX в. имели некоторые черты ранних городов, так называемых «резиденций князей и знати»³⁸. Величину этих центров объясняет специфика их функций как общей резиденции князя и аристократии, вокруг местопребывания которых скоплялся трудовой люд, работавший на них, и дружинники для его защиты (Старо Место или Микульчице). Формирование первых раннегородских центров наблюдается также в IX в. в приморской зоне вместе с возникновением крупных торговых пунктов, таких, как Рериц или Волин³⁹.

E. Dąbrowska

THE PROBLEM OF THE SO-CALLED «GREAT TOWNS» OF THE WESTERN SLAVS IN EARLY MEDIEVAL PERIOD

S u m m a r y

The development of fortified settlements had different character at different parts of Western Slavic lands. The author singles out three main regions: 1. Southern (the basin of Upper Visla, Moravia, Western Slovakia, Czechia, Upper Luzhitz) which is

³⁶ Łowmiański H. O identyfikacji nazw Geografa Bawarskiego.— *Studia Zródłoznawcze*, t. 3, s. 1—22; *idem*. Początki..., s. 54—56; *Dąbrowska E.* Wielkie grody..., s. 117.

³⁷ Łowmiański H. Początki..., s. 108—137.

³⁸ Gieysztor A. Aux origines de ville slave: ville de grands, et ville d'état aux IX—XI siècles.— In: I Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowiańskiej, t. 4. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 120—135.

³⁹ *Leciejewicz L.* Miasta... (passim); *Herrmann J.* Siedlung... (passim); *idem.* Słowiańszczyzna..., S. 137.

characterised by the transformation from large fortified settlements to «great towns». A «great town» is a large fortified settlement, consisting of several parts and surrounded by banks and unfortified settlements, connected with it. 2. Northern (Lower Luzhitz, Great Poland, the northern part of Lower Silesia, Lubus Land and central Poland) where development from large fortified settlements to small is observed. 3. Seaside (northern Laba region and Pomorye) where large and small fortified settlements are changed by small settlements with very strong fortification.

The author marks three stages in development of fortified settlements: 1. The VI and the VII—VIII centuries: the origin of fortified settlements, which served as centres of territorial units, and fulfilled military and administrative functions. 2. The VIII and IX centuries: spreading of fortified settlements — centres of tribal circuits. 3. The IX—X centuries: at that time fortified settlements, which were centres of early feudal states are known. Some of «great towns» had features, characteristic for early towns and served as a residence of a prince already in the IX century.

А. Е. ЛЕОНТЬЕВ, Е. А. РЯБИНИН

ЭТАПЫ И ФОРМЫ АССИМИЛЯЦИИ ЛЕТОПИСНОЙ МЕРИ (постановка вопроса)

Проблема этнической истории северных районов древней Руси, заселенных издревле финно-угорскими племенами, — одна из наиболее изученных в советской археологии. В исследованиях последних десятилетий сформулирована и получила широкое освещение идея о сложном механизме славяно-финских взаимоотношений в эпоху русского средневековья. Был сделан важный вывод об активном участии финноязычного населения в формировании древнерусской народности и ее культуры, определены основные тенденции процесса ассимиляции дославянских этнических объединений¹.

Однако конкретные формы проявления процесса ассимиляции применительно к определенным историческим эпохам и различным этнокультурным регионам остаются пока недостаточно изученными. Закономерен вопрос: каковы же возможности археологических источников для реконструкции реального механизма славяно-чудского взаимодействия и изучения его особенностей?

В данной работе предпринята попытка рассмотреть с этой точки зрения археологические материалы Залесской земли и, в меньшей степени, Муромского края. Обитавшие на этой территории летописные племена мери и муромы были полностью ассимилированы в ходе славянской колонизации восточной части Волго-Окского междуречья.

В обобщающих исследованиях П. Н. Третьякова и Е. И. Горюновой, основанных на изучении почти всего известного в настоящее время археологического материала, получила освещение общая картина историко-культурных перемен на северо-востоке Руси в IX—XII вв.² Привлечение некоторых новых источников, учет современных положений теории этнических процессов, успешно разрабатываемой советской этнографией, позволяют конкретизировать представление о ходе ассимиляции мери.

Следует оговорить, что источниковедческое состояние археологического материала, добытого в основном в дореволюционное время, содержит скудную информацию для реконструкции исторических реалий³. Поэтому

¹ *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.).— СА, XVIII, 1953, с. 190—232; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961; *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, № 94, 1961; *Пименов В. В.* Вепсы. М.—Л., 1965; *Третьяков П. Н.* Этногенетический процесс и археология.— СА, 1962, № 4, с. 15; *У истоков древнерусской народности.*— МИА, № 179, 1970; *Голубева Л. А.* Вепсы и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973.

² *Горюнова Е. И.* Этническая история...; *Третьяков П. Н.* У истоков...

³ По поводу грандиозных раскопок 1851—1854 гг. А. А. Спицын, в частности, писал: «Из 7000 ни одно погребение не может быть восстановлено в своем содержании и стать предметом обсуждения с этнической стороны».— *Спицын А. А.* Владимирские курганы.— ИАК, № 15, 1905, с. 166. Это замечание несколько категорично, но в целом достаточно ярко характеризует состояние большей части источников.

мы вынужены использовать далеко не весь круг источников, акцентируя особое внимание на достаточно полно документированных археологических комплексах, в основном из раскопок последних десятилетий. Это сужает возможности реконструирования этнокультурных процессов во всем их многообразии, но не исключает создания новых более конкретных разработок данной проблемы. Итоги таких поисков, имеющие в силу названных причин предварительный характер, изложены в настоящей статье.

Начать, по нашему мнению, следует с решения одного конкретного вопроса: в какой форме проходило освоение края славянами на начальном этапе (IX—X вв.). Было ли это продвижение целых племен или, может быть, в Залесскую землю переселялись отдельные люди или семьи ⁴.

Интересны данные археологии по этому вопросу. В 1851—1854 гг. А. С. Уваровым и его помощниками П. С. Савельевым и К. Н. Тихоновым были исследованы многочисленные курганные кладбища, оставленные древнерусскими колонистами Суздальского Ополя. Полученные материалы позволяют конкретизировать наши знания о характере первоначального освоения края. В качестве примера рассмотрим один из таких памятников, расположенный в окрестностях Плещеева озера, — могильник у с. Большая Брембола, о топографии которого сохранились достаточно подробные сведения. Здесь в 1853 г. было исследовано 385 курганных насыпей ⁵.

Средневековое кладбище состоит из четырех обособленных групп, занимающих в общей сложности пространство свыше 1,5 км². По археологическим данным восстанавливается процесс формирования могильника в его хронологической и топографической последовательности ⁶.

В X в. в рассматриваемый район проникают первые поселенцы. Им принадлежит группа насыпей в урочище «Круглицы» (97 курганов, см. рис. 1, в). На относительно раннюю дату этой группы указывает, в частности, то обстоятельство, что 60% всех определимых захоронений были совершены по обряду кремации.

На рубеже I—II тысячелетий н. э., в эпоху распространения обряда ингумации, по соседству с этой группой возникают два новых скопления курганных насыпей — в урочище «Княжи» и группа курганов «Паны» (47 насыпей, см. рис. 1, с, d). Их появление не может быть объяснено простым расширением первоначального могильника: в XI в. продолжают независимо функционировать все три кладбища. Очевидно, каждая из курганных групп принадлежала определенной группе людей, живших по соседству, но сохранявших свою собственную социальную структуру. Вполне реальной представляется связь этих изолированных скоплений курганов с отдельными, внутренне едиными группами, переселявшимися в указанный район в разное время — с X по XI в.

Совместная жизнь нескольких коллективов на одной и той же территории неминуемо должна была привести к постепенному их сближению, ликвидации первоначальной замкнутости. И это положение иллюстрируется на материалах рассматриваемого памятника.

---

⁴ В этой статье мы намеренно не касаемся сложного вопроса об участии в освоении края представителей иных этносов (см. *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 125—130). Эта тема требует специального рассмотрения и прямого отношения к нашим задачам не имеет.

⁵ *Савельев П. С.* Дневник археологических разысканий во Владимирской губернии в 1853 г. Архив ЛОИА, ф. 8, дело № 2/1853, л. 40—45; Иллюстрированный материал к раскопкам Савельева во Владимирской губернии в 1853 и 1854 гг. (уезды Переяславский и Юрьевский). Архив ЛОИА, ф. 8, дело № 6, л. 8.

⁶ Подробный разбор археологического материала и погребального обряда этого могильника проведен в работе одного из авторов: *Рябинин Е. А.* Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.). — СА, 1979, № 1, с. 228—243.

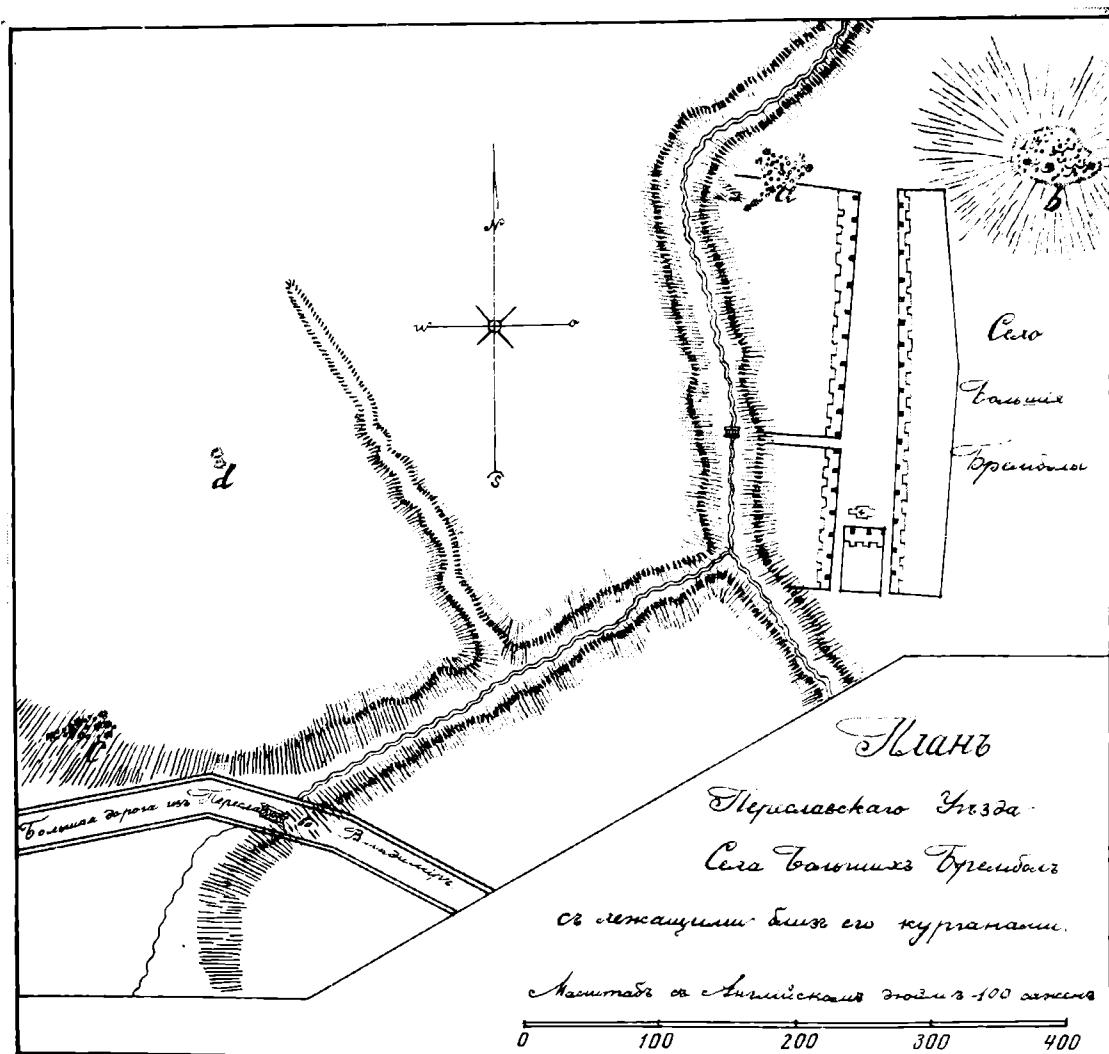

Рис. 1. План курганных групп у с. Большая Брембола (иллюстрированный материал к раскопкам П. С. Савельева во Владимирской губернии в 1853 и 1854 гг. Архив ЛОИА, ф. 8, д. 6, л. 8). Условные обозначения: *a* — курганы у оврага в самом селе (216 насыпей), *b* — урочище «Круглицы» (97 насыпей X—XI вв.), *c* — урочище «Княжи» (45 насыпей конца X—XI вв.), *d* — курганы «Паны» (две насыпи XI в.)

В XII в. здесь формируется новая группа насыпей, не связанная топографически со скоплениями курганов X—XI вв. (рис. 1, *a*). В то же время прекращаются захоронения на ранних кладбищах отдельных общин. Этот факт, а также резкое увеличение числа погребений в четвертой группе (216 курганов) свидетельствуют о появлении в XII в. единого сельского кладбища, общего для всех потомков первых древнерусских колонистов. Таким образом, топография и хронология отдельных курганных групп свидетельствуют о первоначальном заселении местности сравнительно небольшими группами поселенцев.

Этот вывод подтверждается некоторыми косвенными данными. Так, в результате исследования сельскохозяйственной лексики в районе Углича удалось выделить несколько локальных диалектных зон, включающих в себя небольшие территории бассейнов одной-двух некрупных рек. По мнению исследователя Н. Д. Русинова, подобное разделение отражает процесс освоения края отдельными небольшими группами славян⁷. К тако-

⁷ Русинов Н. Д. Вопрос об освоении славянами Угличского Верхневолжья. — Краеведческие записки, вып. 1. Ярославль, 1956, с. 87—110.

му же мнению склоняется и Г. Г. Мельниченко в результате изучения говоров Северо-Восточной Руси⁸. О том, что собой представляли эти малые группы, достоверных сведений нет.

Позволительно, однако, будет привести здесь следующий отрывок: «Старейшие люди, обходя окрестные страны озера, видеца, яко место то зело красно и мнози бяху туловы в дебрях лесных и во озере, обильные пажити, многочисленныя борти и бобровые гоны, вельми удобно селиться им ту и начаша жити ту себе и нарече место то по старине Угожь, яко угодно бе има зело, и имяху ту собе скоти мнози стада и не терпяще иной власти, живяще кийждо себе по родовом своим и суды для в родех своих отню своима, и рекоша вси не терпети рядити собе иннем».

Это текст предания, повествующий о заселении окрестностей оз. Неро из так называемого Хлебниковского летописца, ныне утерянного. Выдержки из этой утерянной рукописи опубликованы ростовским краеведом А. А. Титовым⁹.

Перед нами, несомненно, запись устного предания (рекоша, вси роды не терпети), но предания достаточно древнего. По своему содержанию рассказ перекликается со сказаниями Повести временных лет: описанье живущих «кийждо по родовом своим» напоминает характеристику быта язычников-полян, данную в недатированной части ПВЛ¹⁰.

Древность сообщаемых событий заставляет с вниманием отнестись к содержанию легенды, хотя невозможность детального анализа источника не позволяет делать какие-либо окончательные выводы о степени ее правдивости. Но в любом случае можно констатировать, что местная историческая традиция, основанная прежде всего на народной памяти, связывала освоение края с переселением отдельных групп населения, обозначенных в приведенном тексте термином «род». Упомянутый «род» из-за емкого характера этого слова в древнерусских источниках не может быть соотнесен с термином «род» в его современном научном понимании. И. И. Срезневский насчитывал 16 различных значений этого слова, в интересующем нас аспекте обозначающих общности людей от народа до семьи и близких родственников¹¹.

Исходя из контекста приведенного отрывка, мы полагаем, что в данном случае речь идет об отдельных общинах или их группах, управляющихся старейшинами (по терминологии источника) и сохранивших определенные нормы обычного права. Текст ясно говорит о первопоселенцах: переселившимся общинам принадлежали первые поселения на берегах оз. Неро. Не следует, однако, преувеличивать объективное значение приведенной легенды: источник, из которого она взята, — сомнительного происхождения¹².

⁸ Мельниченко Г. Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в. Ярославль, 1974, с. 18, 19.

⁹ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-статистическое описание. М., 1885, с. 81.

¹⁰ «Подем же жившем особе и володеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ местех, владеюще кождо родомъ своимъ». — ПВЛ. М. — Л., т. I, 1950, с. 12.

¹¹ Срезневский И. И. Материал для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, с. 135—137.

¹² Н. Н. Воронин не исключал возможность подделки. Воронин Н. Н. «Сказание о Руси и воем Олзе» в рукописях А. Я. Артынова. — Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975, с. 179. На наш взгляд, есть основание полагать, что «летописец» в своей основе мог быть оригинальным произведением XVI в. Судя по сохранившимся описаниям и опубликованным выдержкам (Титов А. А. Ук. соч.), сборник содержал разрозненные сведения по истории Ростова и его ближайшей округи, а также записи местных легенд. Повествование доведено до царствования Ивана Грозного, т. е., видимо, до 30—40-х годов XVI в. Между тем к 1534 г. относится написание так называемой Тверской летописи, автор которой, родом «от веси Ростовских областей», обнаруживает знание местных ростовских легенд (ПСРЛ, т. XV, стлб. 108, 142, 323).

Но между тем, с точки зрения современных исторических знаний, переселение общин — наиболее вероятная форма освоения новых земель в IX—X вв. Именно к этому периоду возможно отнести события, о которых повествует легенда, учитывая известные исторические и археологические данные о Ростове и его ближайших окрестностях. Это не движение целых племен — пространственное перемещение всей этносоциальной структуры, что свойственно, например, эпохе переселения народов, и не переселение отдельных лиц, семей и их групп, характерное для развитых классовых обществ. Первый путь не подтверждается археологическими данными (нет признаков, которые позволили бы выделить территории новых племен в Залесской земле). Второй — исторически маловероятен, так как требует полного разрушения традиционных внутриобщинных связей с их многочисленными родо-племенными пережитками, что в IX—X вв. еще не произошло. Изначальность общин в Ростово-Суздальской земле предполагал Н. Н. Воронин¹³.

Представляется, что конкретные формы взаимоотношений славян и мери следует рассматривать на уровне контактов отдельных коллективов (общин). Современное состояние источников не позволяет решить проблему полностью, однако можно предложить решение некоторых вопросов.

Итак, появление нового населения на территории мери отразилось в появлении нового типа погребальных памятников — курганов. Первый этап сосуществования разноэтничного населения относится ко второй половине IX — середине X в.¹⁴ и характеризуется полным отсутствием мерянских элементов в курганных древностях. Но именно к этому периоду приурочены летописные известия о мери¹⁵. Противоречия между археологическими и письменными источниками нет: летопись сообщает о политических взаимоотношениях, подчеркивая данническое положение мери. В то же время упоминание в тексте этнонима «меря» свидетельствует о том, что под этим термином понималось некое этническое целое — определенная этносоциальная общность. Очевидно, во второй половине IX — середине X в. политические контакты, пусть даже очень тесные (по летописным данным, уже существовал Ростов — княжеский город в центре мерянской земли), не подкреплялись сколько-нибудь прочными этническими связями.

Второй этап взаимоотношений славян и мери охватывает вторую половину X — начало XI в. и характеризуется сближением контактирующих этносов. Именно в это время, по археологическим данным, начинается постепенная ассимиляция мери. На материалах мерянских памятников явственно прослеживается начавшаяся аккультурация местного населения — избирательное усвоение новых элементов материальной и духовной культуры¹⁶. Происходящие при этом изменения касаются в первую очередь материальной культуры и в археологических источниках отражаются прежде всего в широком распространении форм вещей, генетически не связанных с традиционными типами. Особенно показательны и др.), топонимики и географии окрестностей (там же, стлб. 319, 337—338). Такой человек вполне мог быть автором и «Книги сказания о святом и великом граде Ростове и о весе его...».

¹³ Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси.— ИГАИМК, вып. 138, 1935, с. 24—26.

¹⁴ Третьяков П. Н. У истоков..., с. 125.

¹⁵ ПВЛ, с. 18, 20, 23. Статьи 862, 882, 907 гг.

¹⁶ В советской этнографической литературе термин «аккультурация» малоупотребим, хотя объективная ценность этого понятия сомнению не подвергается (Толстов С. П. К проблеме аккультурации.— «Этнография», 1930, № 1—2, с. 68—72; Бахта В. М. Проблемы аккультурации в современной этнографической литературе США.— В сб.: Современная американская этнография. М., 1963, с. 184—223; Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969, с. 267—270). На наш взгляд, следует согласиться с мнением В. И. Козлова (Козлов В. И. Ук. соч., с. 269—270) о пользе введения этого уточняющего понятия в научный оборот. Применительно к археологии это необходимо, как нам кажется, при изучении процессов этногенеза в древности.

изменения в повседневном, бытовом инвентаре, характеризующие смену общего, «этнографического» облика культуры. Как показывают материалы Сарского городища и Сунгирского могильника, к концу X — началу XI в. обычными в обиходе мерян становятся проушные топоры, ножи с трехслойным клинком, ланцетовидные наконечники стрел, костяные наборные гребни, ножницы. В поздних слоях Сарского городища (вторая половина X — начало XI в.) традиционные мерянские формы орудий труда и оружия сосуществуют с новыми примерно в равной пропорции¹⁷ (рис. 2). Погребения Сунгирского могильника — обычные для мери захоронения в могилах — содержат инвентарь в целом древнерусского облика, сохраняя лишь характерную керамику и ведущие формы украшений¹⁸.

Изменение облика материальной культуры мери шло не только за счет усвоения новых элементов. Совершенствовались традиционные, этноопределяющие категории и типы мерянских вещей. По нашим наблюдениям, именно во второй половине X — начале XI в. получают распространение коньковые и треугольные шумящие привески, втульчатые височные кольца. Совершенствуются топоры-кельты и мерянские ножи с прямой спинкой. Данные металлографического анализа показывают, что мерянские кузнецы пытались перенять технику трехслойного паке-тирования, характерную для «курганых» ножей¹⁹. Сохраняются и мерянские формы керамики. Отмеченная преемственность и прогресс в развитии собственной культуры возможен только при сохранении мерянской этносоциальной общности, что подразумевает сохранение племенной структуры, определенной территории, поселений, собственных верований, в конечном итоге — этнического самосознания. Подтверждением этому может служить сохранение традиционной погребальной обрядности в могильниках типа Сарского и Сунгирского, которые являются кладбищами расположенных рядом поселений (напомним, что курганы близ этих поселений отсутствуют). Наличие в погребальном инвентаре этих памятников этнически чуждых по происхождению вещей, в силу отмеченного процесса аккультурации, не обязательно должно свидетельствовать о разноэтничности или метисации погребенных при условии сохранения традиционной обрядности захоронений. Так, начиная с X в. новые формы вещей входят не только в обиход племен, вошедших в состав древнерусской народности (меря, мурома), но и соседних с древней Русью мордвы и мари²⁰.

Мерянские элементы известны и в курганных древностях второй половины X—XI в. Принято считать, что курганы с определенными особенностями в инвентаре и обряде принадлежат «обрусевшей мере»²¹. Необходимо, однако, уточнить, каково было положение «обрусевшей мери» в общей массе древнерусского населения края во второй половине X—XI в. Анализ материалов А. С. Уварова и П. С. Савельева, раскопавших более 7 тыс. курганов, показал, что мерянские элементы в инвентаре и погребальном обряде (если считать таким элементом и северную ориентировку погребенного) определяют своеобразие свыше 500 владимирских курганов. Однако они не составляют обособленных групп и растворены в массе остальных захоронений. Так, из 3000 погребений (75 курганных групп), перечисленных в дневниках А. С. Уварова²², финно-угорские

¹⁷ Раскопки А. Е. Леонтьева в 1972—1973 гг. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 4949.

¹⁸ Мошенина Н. Н. Отчет о раскопках могильника «Сунгирь». — Архив ИА АН СССР, р-1, № 5193, 5193-а.

¹⁹ Леонтьев А. Е. Классификация ножей Сарского городища. — СА, 1976, № 2, с. 37, 39.

²⁰ Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Под ред. А. П. Смирнова. Моршанск, 1952, с. 9; Арзипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, с. 55—57.

²¹ Горюнова Е. И. Ук. соч., с. 194; Третьяков П. Н. У истоков..., с. 133.

²² Журнал археологических разысканий, произведенных во Владимирской губернии в 1851 г. Дневник археологических раскопок А. С. Уварова и К. Н. Тихонравова

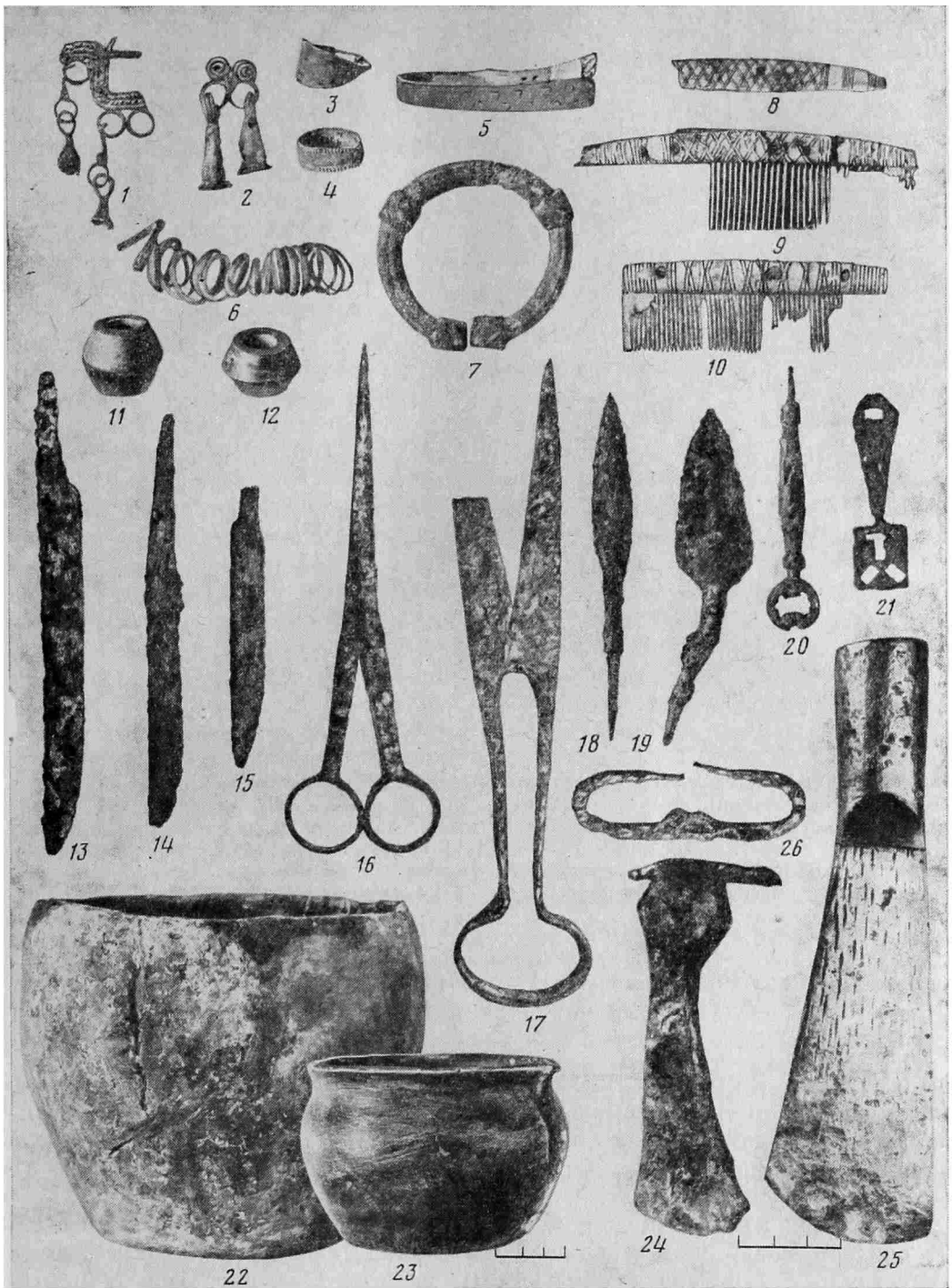

Рис. 2. Инвентарь Сарского городища X — начала XI в. 1 — подвеска-конек, 2 — шумящая привеска, 3—4 — перстни, 5 — браслет, 6 — бронзовая спираль наконсника, 7 — подковообразная фибула, 8—10 — гребни, 11, 12 — шиферные пряслица, 13—15 — ножи, 16—17 — ножницы, 18—19 — наконечники стрел, 20, 21 — ключи, 22, 23 — керамика, 24, 25 — топоры, 26 — калачевидное кресало. 1—3, 6, 11, 13—15, 18, 19, 22, 23 — раскопки 1972—1973 гг., остальные — раскопки 1929—1930 гг.

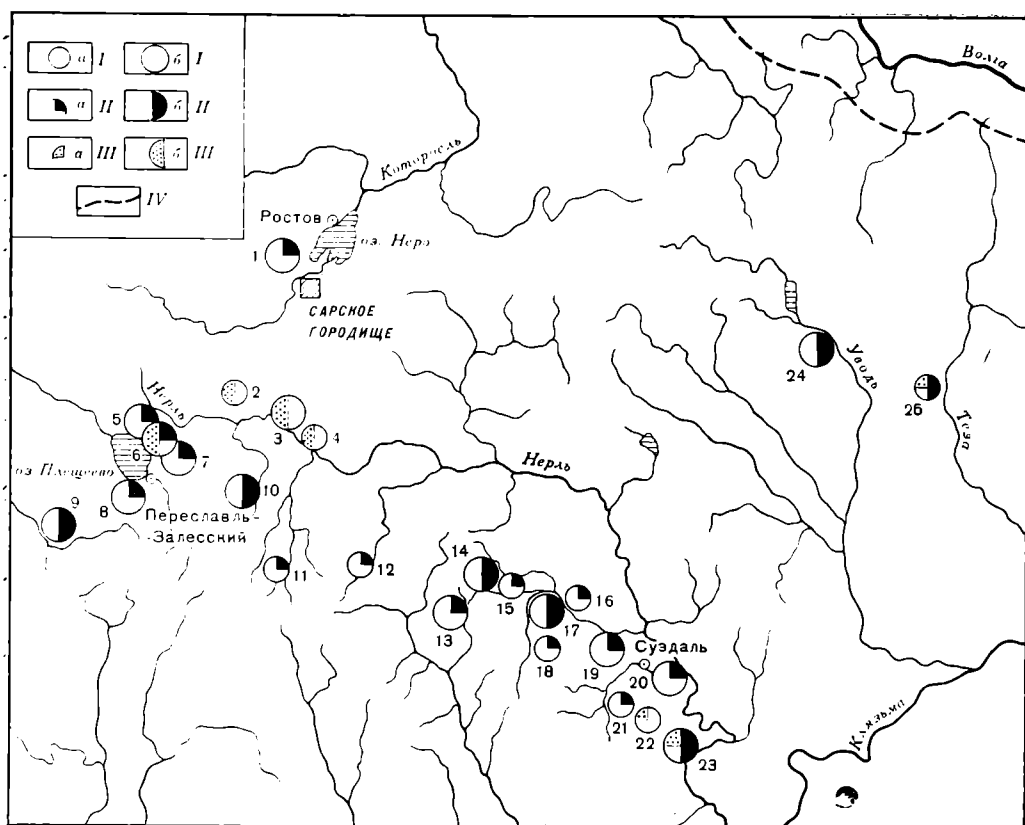

Рис. 3. Мерянские элементы в курганных могильниках Ростово-Суздальской земли. Условные обозначения: I — курганные группы (а — менее 100 курганов, б — свыше 100); II — погребения с этноопределяющими элементами мерянской материальной культуры (а — до 10 погребений, б — свыше 10); III — погребения с меридиональной ориентировкой (а — до 10 погребений, б — свыше 10); IV — северо-восточная граница костромских курганов. Цифрами на карте обозначены: 1 — Кустерь, 2 — Вепрева пустынь, 3 — Старово, 4 — Буково, 5 — Криушкино, 6 — Городище, 7 — Большая Брембола, 8 — Весково, 9 — Осипова Пустынь, 10 — Кубанское, 11 — Ключер, 12 — Теньки, 13 — Кубаево, 14 — Шелебово, 15 — Осановец, 16 — Давыдково, 17 — Шокшово, 18 — Кестра, 19 — Весь, 20 — Новоселка, 21 — Гнездилово, 22 — Семенково, 23 — Васильки, 24 — Вознесенский посад (г. Иваново), 25 — Семухино

традиции представлены лишь в девяти группах (92 погребения). Отнюдь не случайно, что процесс смешения разноэтнического населения прослеживается в основном лишь в крупных (свыше 100 насыпей) могильниках: славяно-финские контакты осуществлялись в районах наиболее плотного славянского заселения (рис. 3).

Таким образом, нет ни одной курганной группы, которую можно было бы считать кладбищем мерянского поселка (общины). Вкрапленные в общую массу курганов отдельные захоронения с мерянскими элементами в инвентаре и обряде отражают картину постепенного растворения выходцев из мерянских общин в среде древнерусского населения. Речь идет даже не об «отдельных островках» чудского населения, а об отдельных лицах мерянского «рода племени», теряющих в значительной степени такой уловимый археологией элемент этнического самосознания, как собственные верования — там, где есть курганы, неизвестны традиционные грунтовые захоронения.

Примечательно, что фактически не выявляется связь между элементами мерянской культуры в инвентаре захоронений и меридиональной

в Суздальском уезде в 1852 г., Дневник раскопок курганов в Суздальском, Юрьевском и Переславском уездах А. С. Уварова в 1852 г. — ГИМ, отдел письменных источников, ф. 17, д. 193—195.

ориентировкой умерших (последняя для подавляющего большинства владимирских курганов является единственным индикатором чудских традиций в погребальной обрядности). Так, могильники у селений Вепрева Пустынь, Старово, Буково, Семеново включают захоронения головой на север, но чудские древности в этих памятниках полностью отсутствуют. В огромном средневековом некрополе у с. Городище, где исследовано в общей сложности свыше 1000 курганов, встречены как погребения с меридиональной ориентировкой, так и комплексы с мерянскими украшениями; однако между ними никакой корреляции также не выявляется.

Приведенные примеры свидетельствуют о неоднозначности процесса ассимиляции, выявляемого на археологических данных, о неравномерности его проявления в сфере материальной и духовной культуры местного населения.

Что представляют собой мерянские элементы отдельных комплексов, показывают данные современных исследований киучерских и семухинских курганов. В трех киучерских группах конца X — первой половины XI в., расположенных на р. Шахе, правом притоке р. Нерли Клязьменской, раскопана 41 насыпь²³. Все захоронения отличаются единством обряда: костяки лежат на подсыпке или на материке головой на запад с допустимыми отклонениями к северу и югу. В ногах — сосуды. Керамика как гончарная, так и лепная. В пяти женских погребениях есть мерянские вещи. Часто встречается лепная керамика мерянского облика как в женских, так и в мужских погребениях, нередко в сочетании с гончарной. Характерная особенность: ни один женский комплекс не содержит полного набора мерянских украшений. Вместе с шумящими привесками встречаются трехбусинные и перстнеобразные височные кольца, плетеные браслеты, широкосердечные перстни с завязанными концами (кург. 34). Единственное исключение — погребение в кург. 10 первой группы. Это парное захоронение — мать и ребенок. В уборе матери мерянских вещей нет, зато у ребенка есть шумящая привеска и пластинчатый браслет — типичный для древностей мери и муромы; два сопутствующих лепных сосуда сделаны в мерянских традициях. Такое распределение этноопределяющих элементов в парном захоронении — подтверждение возможности сохранения этнографических черт в costume во втором поколении.

Мужские погребения киучерских курганов содержат вещи только древнерусского облика при встречающейся порой мерянской керамике. Бытование такой керамики вполне объяснимо: пока гончарное дело оставалось в рамках домашнего промысла (пускай частично, как показывают киучерские материалы), сохранение традиции в изготовлении сосудов определенных форм при существовании смешанных браков весьма вероятно. Этот факт отмечен Е. И. Горюновой и подтверждается этнографическими наблюдениями²⁴. Лишь узколезвийный топор из кург. 9 по происхождению, возможно, мерянский, но он встречен в комплексе с древнерусским гончарным сосудом.

Еще более ярко мерянские элементы представлены в полностью раскопанной семухинской курганной группе, насчитывавшей 43 насыпи²⁵. Памятник расположен на р. Тезе (Шуйский р-н Ивановской области) — в окраинном районе расселения центральной группы мери. Удаленность от основных исторических центров Залесской земли определила некото-

²³ Горюнова Е. И. Отчет о работе Верхневолжского отряда Волжской экспедиции в 1961 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 2101. Материалы раскопок не опубликованы.

²⁴ Горюнова Е. И. Этническая история..., с. 247: «...женщина, являясь носителем бытовых традиций, обычно сохраняет их в новой, чуждой ей этнографической среде. Она продолжает носить свой костюм и собственноручно лепить глиняную посуду, даже если имеется возможность приобрести гончарную посуду». Эти наблюдения сделаны лично Е. И. Горюновой в мокшанских районах Мордовской АССР.

²⁵ Ерофеева Е. Н. Курганный могильник у дер. Семухино на р. Тезе. — В сб.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 216—225.

рое запаздывание происходившего здесь этнического процесса: курганы датируются XI—XII вв., а по инвентарю и деталям погребального обряда занимают промежуточное положение между владимирскими и более поздними костромскими курганами конца XI—XIII в.

Общая картина та же, что и в Киучере: вещи мерянского происхождения имеются только в составе женских украшений в сочетании с древнерусскими вещами. Мужские погребения бедны, их инвентарь представлен в основном только ножами «курганного» типа. Керамика только гончарная. Но мерянские традиции сказались и здесь в обряде: костяки имеют устойчивую северо-западную ориентировку, а несколько погребений — меридиональную.

Приведенные данные, а также материалы раскопок 1852—1854 гг. свидетельствуют, что мерянские черты в инвентаре курганов представлены прежде всего украшениями в погребениях женщин: втульчатыми височными кольцами, шумящими привесками, браслетами, перстнями. Финно-угорский мужской инвентарь отсутствует почти полностью. Ножи с прямой спинкой и узколезвийные проушные топоры крайне редки²⁶. В коллекции А. С. Уварова известны по одному экземпляру топора-кельта и пластинчатого кресала, но нет никакой уверенности, что эти находки из курганов²⁷. Между тем все перечисленные категории и типы вещей в X — начале XI в. из употребления еще не вышли.

Отсутствие определенных по вещам мужских мерянских захоронений в курганах, возможно, связано с тем, что местное население, как указано выше, во второй половине X — начале XI в. в значительной степени усвоило общедревнерусский инвентарь. С другой стороны, преобладание женских захоронений вполне правомерно и объяснимо общими закономерностями процесса ассимиляции. Как известно, процесс поглощения одного этноса другим идет в значительной степени путем заключения смешанных браков. Инициативной стороной в установлении кровнородственных связей выступили славяне, нарушившие свойственную мере племенную эндогамность²⁸.

Смешанные браки меняют традиционный быт одного из супругов, попавшего в иноплеменную обстановку. При патрилокальных браках в такую ситуацию попадают женщины. В нашем случае это означает появление мерянских женщин в славянских общинах. Женщины — основной носитель этнических традиций. Они сохраняли в чуждой среде не только этническое самосознание, которое у потомства изменяется иногда лишь во втором-третьем поколении²⁹, но и некоторые элементы материальной культуры, в первую очередь чисто женские (украшения, одежду) — т. е. те, что улавливаются археологией.

При образовании разноэтничных по составу семей население поселков приобретало своеобразный облик, в котором сочетались черты как славянские, так и финно-угорские, причем такой синтез мог затрагивать область не только материальной, но и духовной культуры (последнее находит свое отражение в появлении меридиональной ориентировки захоронений). Однако этнос основной части населения, определяющий в конечном итоге принадлежность всей общины, остается славянским, что в археологическом материале подтверждается соответствующим удельным весом элементов материальной культуры при сохранении определяющего элемента погребальной обрядности — сооружении курганов.

²⁶ Ножей известно всего 13 экз. из 199 учтенных орудий этой категории, сохранившихся в коллекции раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева. ГИМ, хр. 10/18, 10/19, 10/35а, 10/45а, 10/46а — б. Узколезвийные топоры представлены 10 экз. из 163 учтенных. ГИМ, хр. P9/36а, P10/2а, 3а, 446, P11/1, 24/1, оп. 57, № 121.

²⁷ Кельт — ГИМ, хр. P10/3а, оп. 2294, № 42. Кресало — см. *Спицын А. А.* Владимирские курганы. — ИАК, № 15, 1905, рис. 61, с. 96.

²⁸ Об эндогамности племен см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия. — СЭ, 1969, № 6, с. 84—90; *его же.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 114, 115.

²⁹ *Козлов В. И.* Современные этнические процессы в СССР. — СЭ, 1969, № 2, с. 68.

Возможна и обратная картина: появление славян в финской среде. Это явление документировано материалами муромского Максимовского могильника, раскопанного А. А. Спицыным в 1895 г.³⁰ Могильник относится к X—XI вв. и отражает процесс интеграции этносов, происходивший в то время на территории муромы. Из 43 открытых погребений — десять А. А. Спицын отнес к числу русских: четыре мужских, пять женских и одно детское (девочка). На наш взгляд, к инородным захоронениям можно отнести лишь восемь: два мужских, пять женских и одно детское³¹. Они отличаются ориентировкой костяков (запад или северо-запад вместо обычного для могильника севера) и инвентарем, который представлен древнерусскими вещами. Еще два погребения, мужское и женское, имеют «смешанный», по выражению А. А. Спицына, характер: обряд в них муромский, без изменения, но в инвентаре есть древнерусские вещи. Древнерусские вещи и западная ориентировка отмечены и среди поздних погребений муромского Подболотьевского могильника³².

В сущности наблюдаемая картина сходна с выявленной при анализе курганного материала; разница в полярно противоположном соотношении элементов: в могильниках количественно и качественно преобладают местные элементы инвентаря и обрядности.

Однако инфильтрация славян в мерянскую или муромскую среду не могла иметь широкого распространения, так как в этом случае происходила ассимиляция славян, что не соответствовало общей направленности процесса сложения древнерусской народности на этой территории.

Итак, на основе анализа археологического материала выявляются две стороны единого процесса ассимиляции мери: аккультурация самостоятельного мерянского населения и постепенное физическое растворение мери в славянской среде. Не совсем определенными остаются хронологические рамки этого процесса, соотношение его сторон в разное время, т. е. динамика происходивших изменений, что объясняется причинами источниковедческого характера: неполнотой и слабой хронологической расчлененностью археологических материалов X—XI вв. и скудостью письменных источников. Поэтому вероятные вехи в истории мери, предлагаемые нами, остаются пока предположительными.

Очевидно, окончательное исчезновение мерянской этносоциальной общности происходит в начале XI в. Под этим подразумевается разрушение традиционной племенной структуры, потеря социально-экономической самостоятельности, что явилось закономерным следствием процесса классообразования и укрепления древнерусского государства. Юридическое оформление нового положения, сложившегося к началу XI в. в Ростово-Суздальской земле, происходит в княжение Ярослава Мудрого. Подавив в 1024 г. волнения в Суздале, Ярослав, по сообщению Новгородской IV летописи «устави ту землю»³³. Прежний устав, по данным летописи, принадлежал Олегу (882 г.) и относился к мере, о которой при Ярославе уже не упоминалось. Археологические исследования подтверждают, что времена Ярослава были переломными в истории мери. Мерянские укрепленные поселения, которые могут считаться местными центрами округ, перестают существовать в первой половине XI в. Таковы Сарское, Малодавыдовское, Сунгирское, возможно, Теньковское и Яки-

³⁰ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. — МАР, № 25, 1901, с. 50, 51, 105—113.

³¹ Два погребения сохраняют традиционную для муромы северную ориентировку. Несмотря на присутствие в погребальном инвентаре этих захоронений древнерусских вещей, они, скорее всего, муромские.

³² Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. — Древности, т. XXIV. М., 1914, с. 71, 73.

³³ Новгородская IV летопись, 1915, с. 112.

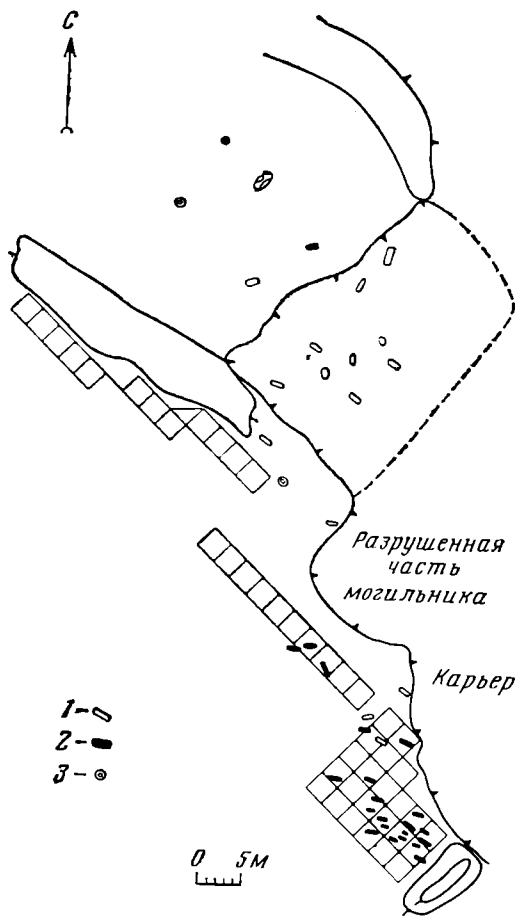

Рис. 4. План могильника Сувгирь. 1 — мерянские погребения с инвентарем, 2 — христианские безынвентарные погребения в гробах, 3 — ритуальные кострища

Сувгирского могильника. На смену мерянским погребениям с традиционной обрядностью, сосредоточенным в северной части кладбища и огражденным тремя ритуальными кострищами, приходят безынвентарные погребения с западной ориентировкой в гробах, локализующиеся в южной части (рис. 4)³⁹. Аналогичная ситуация наблюдается в параллельных материалах муромского (мещерского?) Пустошенского могильника⁴⁰. Последние сведения о сохранении древних верований относятся к концу XI в. Как показал Д. А. Корсаков, восстание 1071 г. носило не только антифеодальный, но и антихристианский характер, причем в ритуальных действиях волхвов прослеживаются отголоски культа, характерные для

манское городища³⁴. К этому же времени перестает функционировать подавляющее большинство грунтовых могильников Волго-Окского междуречья, как мерянских, так и муромских³⁵.

В XI в. меняется демографическая ситуация в Ростово-Суздальской земле. Резко увеличивается население, в основном за счет новых поселенцев, о чем косвенно свидетельствует распространение курганов³⁶. Если первые группы тянулись цепочкой вдоль водных путей по основным рекам и озерам³⁷, то теперь курганные могильники распространяются от районов Ростова, Переславля, Суздаля все дальше в глубь земель. В результате, как писал П. Н. Третьяков, мелкие островки мерянского населения оказались в полном окружении славян³⁸. Ассимиляция мери в создавшейся обстановке проходит с нарастающей силой.

На протяжении XI в. меря теряет такой важный признак этнического самосознания, как собственные верования. Выше уже отмечалось, что на традиционных грунтовых могильниках в основном перестают хоронить уже к началу XI в. Проходившая христианизация местного населения хорошо прослеживается по данным

³⁴ Дубынин А. Ф. Раскопки в Ивановской обл.— Архив ЛОИА. ф. 2, 1939, д. 60, с. 55—56; Глазов В. П. Археологические исследования во Владимирской обл. Рукопись.— Архив Владимирской реставрационной мастерской, 0/2, № 15 087.

³⁵ Третьяков П. Н. У истоков..., с. 132.

³⁶ Горюнова Е. И. Ук. соч., с. 205; Третьяков П. Н. У истоков..., с. 131.

³⁷ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам.— Тр. I АС. М., 1871. Атлас, табл. XXIV; Горюнова Е. И. Ук. соч., карта 4.

³⁸ Третьяков П. Н. У истоков..., с. 133.

³⁹ Авторы признательны Н. Н. Мошениной за любезное разрешение использовать неопубликованный материал.

⁴⁰ Иванов А. Пустошенский могильник.— Труды Владимирского музея, вып. I. Владимир, 1925, с. 18—22.

финно-угорских народов⁴¹. Самобытное мерянское население, сохранившее собственные верования, жило в Ростове в Чудском конце по крайней мере до начала XII в., о чем свидетельствуют жития ростовских крестителей Леонтия, Исая, Авраамия⁴².

В XI в., скорее всего в первой его половине, в центральных областях расселения мери в основном прекращается производство характерных мерянских орудий труда и украшений. В археологических памятниках XII и последующих веков они уже не встречаются.

Как особый этнос меря центральной группы (по Е. И. Горюновой), населявшая территории близ озер Нере и Плещеево (по письменным и археологическим источникам), в бассейне р. Нерли Клязьминской у Суздаля и Владимира (по археологическим данным) перестает существовать в XII в. Иного рубежа источники всех видов не дают. В погребальных памятниках XII в. господствует единообразие. Курганы под Ростовом, Переславлем, Юрьевом-Польским, Суздалем содержат захоронения по обряду труположения с западной ориентировкой в подкурганых ямах или на материке. К этому времени общедревнерусская культура возоблада настолько, что археологические материалы уже не в состоянии отразить проходившие в XII в. последние изменения в этнической истории края: окончательную ассимиляцию остатков мерянского населения. Указание на существование таких островков самобытного населения можно видеть, как неоднократно отмечалось многими авторами, в названии Мерского стана в бассейне р. Нерли Воляжской под Переславлем⁴³.

A. E. Leontyev, E. A. Ryabinin

THE STAGES AND FORMS OF ASSIMILATION OF THE TRIBE MERYA, MENTIONED IN CHRONICLES

S u m m a r y

The article is devoted to the ethnic contacts of the Slavs and the tribe Merya, mentioned in chronicles. The authors prove, that the settling of the Slavs in the North-Eastern Russia took place mainly in the form of migration of separate communities, which is confirmed by some archaeological and linguistic materials. The process of assimilation, which took place in the Xth — XIth centuries, was two-sided. First, the acculturation of the independent Meryan population was a fast process. By the early XIth century the material culture of this tribe is generally ancient Russian with the preservation of some traditional elements. As an independent ethnosocial community Merya disappears in the early XIth century, when its settlements and cemeteries stop their functioning. Second, in parallels with the acculturation the process of physical dissolution of the local population in the Slavic environment went on. It sharply increased in the XIth century. The final assimilation of Merya, according to the authors' point of view, took place in the XIIth century. The existence of separate «islands» of the Meryan population in the later time is not excluded.

⁴¹ Корсаков Д. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1871, с. 24—28; Третьяков П. Н. У истоков..., с. 120, 140—141.

⁴² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; Толстой М. В. Жизнеописания угодников божиих, живших в пределах нынешней Ярославской епархии. Ярославль, 1905, с. 1—6, 22—24.

⁴³ Третьяков П. Н. У истоков..., с. 135. Связь остальных приводимых автором названий станов с основой на «мер» с этнонимом «меря», на наш взгляд, сомнительна.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

КЫПЧАКИ И ВОССТАНИЯ ЕНИСЕЙСКИХ ПЛЕМЕН В XIII в.

В XII зале Государственного Исторического музея в витрине, посвященной материальной культуре половцев, выставлен инвентарь одного особенно интересного погребения. Об условиях находки и доставки в музей коллекции № 42502 сообщают лишь немногие документы. В главной инвентарной книге музея № 4 сказано: «1904 г. Ноябрь. Число 24. 42502. Колл. древностей, состоящая из золотой серьги, костяной резной поделки, железных стрел, гвоздей, стремени и пр., найденных в Обл. Войска Донского, Таганрогского окр., близ с. Мануйловки. Дар Дав. Ив. Иловайского». Некоторые дополнительные сведения содержит надпись на обороте планшета, к которому прикреплены предметы этой коллекции, в хранении III археологического отдела ГИМ¹: «1. Р. Дон. 2. Область Войска Донского, Таганрогский округ, поселок Петровский, близ с. Мануйловки. 3. Доставлены Д. И. Иловайским. Вещи из кургана, в котором был найден расстроенный, вероятно грабителями, костяк взрослого человека. Вещи, основываясь на форме золотой серьги,— XIII—XIV в. по Р. Х.». В описи 1192 зарегистрировано 64 предмета этой коллекции. Нет сомнения, что все они происходят из одного погребального комплекса (рис. 1—3). В то же время этот довольно многочисленный инвентарь отчетливо подразделяется на две группы предметов, представляющие разные археологические культуры. Появление следов одной из них в средневековых памятниках бассейна Дона вызывает по крайней мере удивление. Дело в том, что значительная часть предметов, происходящих из могилы у пос. Петровского, относится к далекой от Дона аскизской археологической культуре Южной Сибири и была изготовлена древнехакасскими ремесленниками XIII—XIV вв.

В этом прежде всего убеждает характерное оформление ряда железных предметов. Украшение их серебряной инкрустацией способом поверхностной таушировки, несмотря на плохую сохранность корродированных поверхностей, хорошо прослеживается, например, на застежке (инв. № 19, рис. 1, 6). Можно различить здесь и мелкие детали оформления, типичные для аскизского инвентаря XIII—XIV вв., например, насечку широкой поверхности фона точечными заусенцами каплевидной формы. Обращают на себя внимание и окаймляющие предмет валики — черта, хорошо знакомая по древнехакасским изделиям. Сходство усугубляют попарно располагающиеся заклепки с декоративно крупными головками, часто сочетающиеся с одиночными заклепками на вытянутом конце предметов (инв. № 15, 18; рис. 1, 2, 7). Все эти детали оформления, а также характерное изготовление предметов из пластин не оставляют сомнения в том, что рассматриваемые изделия вышли из мастерских енисейских

---

¹ Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность сотрудникам отдела за постоянную доброжелательность и помощь.

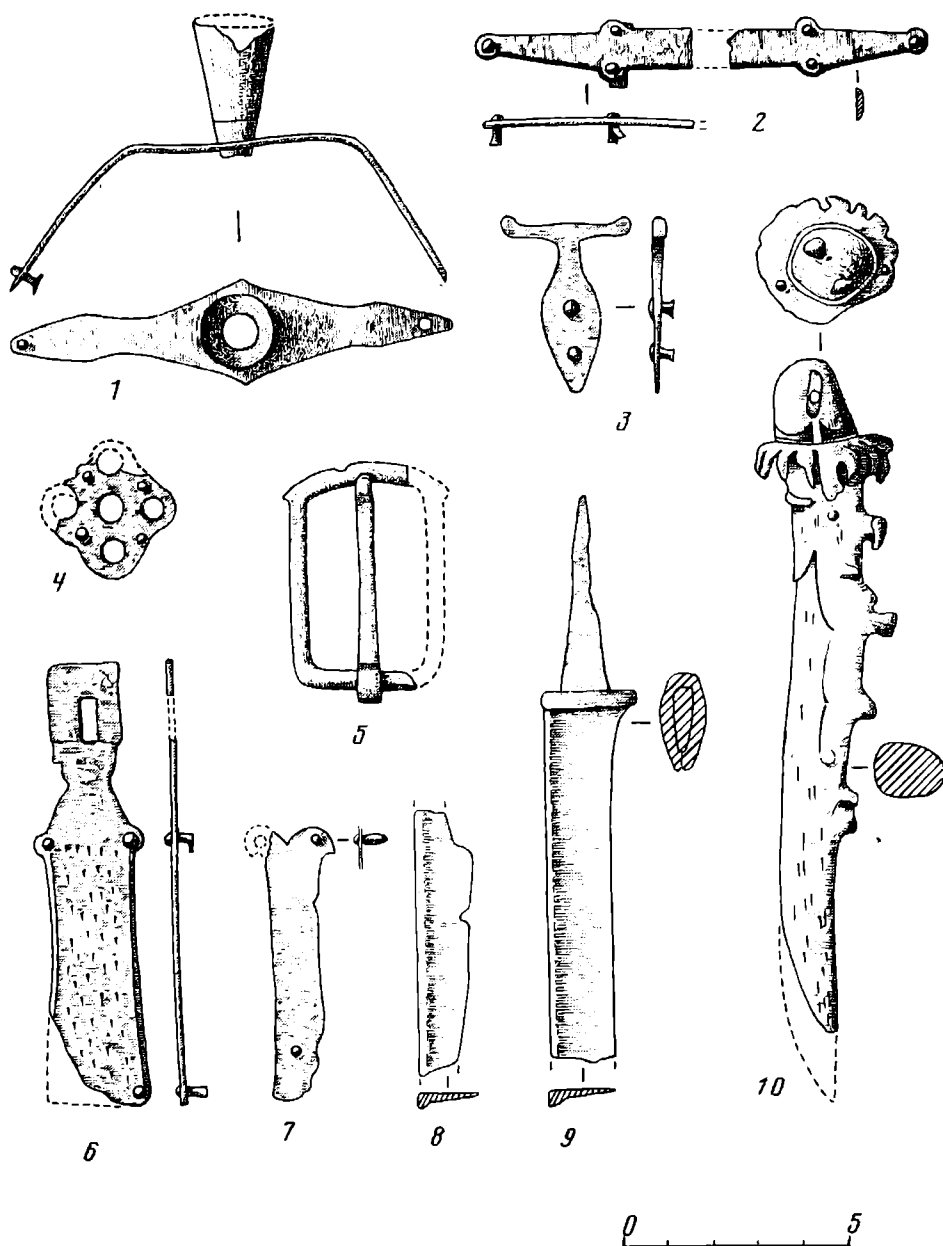

Рис. 1. Погребение у пос. Петровского. Предметы, изготовленные на Енисее. 1—5, 7—9 — железо; 6 — железо с остатками серебряной инкрустации; 10 — рог

ремесленников². В этом убеждает и форма предметов. Указанные особенности совершенно нетипичны для материальной культуры племен и народов степной зоны Восточной Европы.

Самобытной чертой украшения сбруи верхового коня у воинов древне-хакасского государства являлся наносный султан узды. Такой султан найден и у пос. Петровского (№ 21, рис. 1, 1). Форма его пластины и конической трубочки характерна для аскизских наносников XIII—XIV вв.

² См. *Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время). — СА, 1978, № 1.

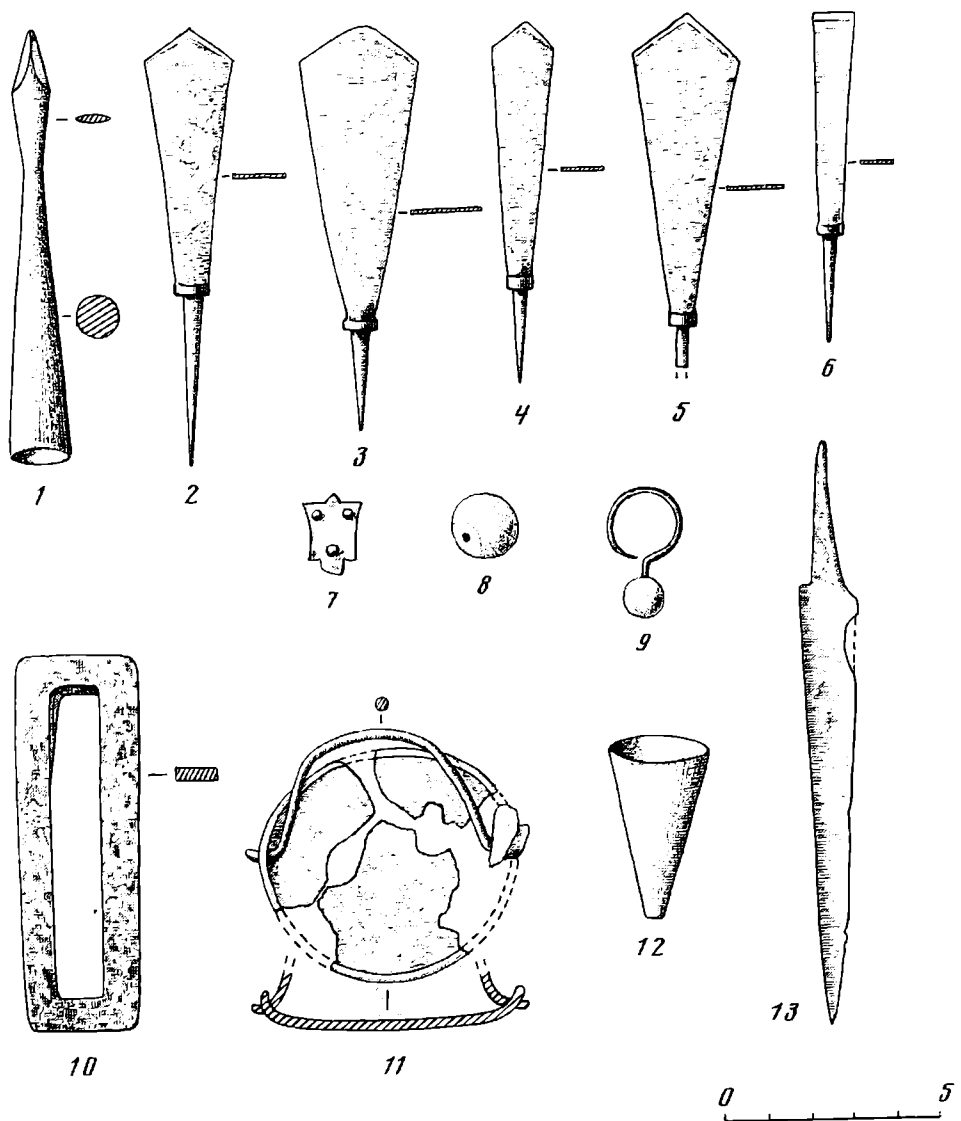

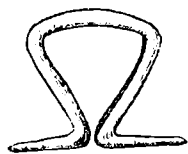
Рис. 2. Погребение у пос. Петровского. Кыпчакские предметы. 1—6, 10—13 — железо; 7 — белый сплав; 8 — стеклянная паста; 9 — серебро позолоченное и стеклянная паста

(рис. 4)³. Эта деталь уздечного украшения имеет в бассейне Енисея относительно глубокие местные корни, восходящие к материалам XI—XII вв., а через них и к IX—X вв.⁴ За пределами древнехакасского государства, насколько известно, украшение наносных ремней уздечек султанами в предмонгольское и монгольское время не было распространено. Этот обычай не имеет аналогии и в восточноевропейских древностях.

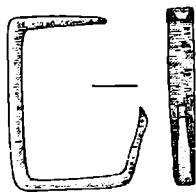
То же самое можно сказать и о застежке из изучаемого погребения (рис. 1, 6). Она не только типологически входит в известную серию ана-

³ Там же, рис. 10, 1—3; рис. I, II, 23, 53. ГИМ — 49439/455, 511; ММ — 7691, 8121, 8122, 8125.

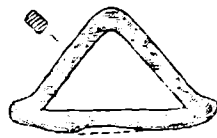
⁴ Там же, рис. 1, 73; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, табл. III, 109; *его же*. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура). — В сб.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, рис. 3, 8; 15, 5.

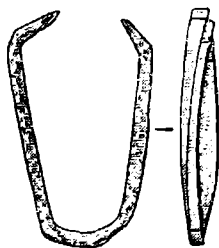
1

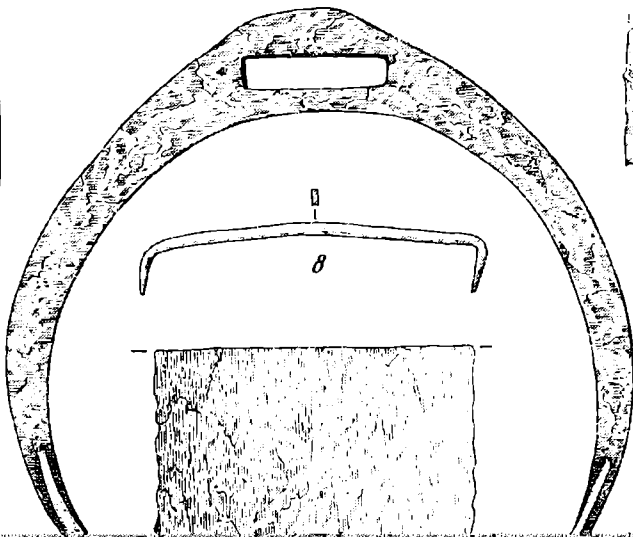
2

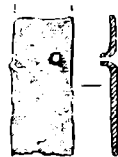
3

4

8

5

В насыпи могилы 11 под камнями было найдено бронзовое кольцо (рис. 8, 4); на глубине около 0,5 м — кусок бересты. Труположение располагалось в яме глубиной около 70 см. Скелет не имел черепа и правой лучевой кости. Над ним находились куски узких костяных пластин (рис. 8, 3). У ног лежали костяные бляхи пояса (рис. 8, 1, 2) и «ножичек» (рис. 8, 6). Под насыпью могилы 22 кроме пяточной кости животного также встречен кусок бересты (длиною до 30 см), свернутый в трубку. В могильной яме, вытянутой с запада на восток (глубина 0,75 м), находился неполный гроб из пяти сланцевых плит (2,28×0,5—0,6 м, высота 0,42 м, толщина поперечной плиты 4 см, боковых — по 2 см). На уровне верхнего края плит поперек северной стенки гроба лежали, опираясь на ребро плиты, два железных наконечника стрел. Третий наконечник находился в самом гробу чуть глубже (острием к западу). На дне каменного ящика на подстилке из коры (которая была в головах обуглена) лежал скелет взрослого мужчины, головой на запад (290°). У левого плеча скелета найден четвертый наконечник стрелы (рис. 9) ⁵¹.

Погребения в ямах под невысокими каменными или земляными курганами с ориентировкой умерших головой на запад (с отклонением к северу, редко на север ⁵²) — характерный обряд азиатских кыпчаков. Умершие часто лежат в так называемых ящиках без дна, т. е. в деревянных рамах ⁵³. В условиях Хакасии рама могла быть заменена ящиком из каменных плит, которые служили подручным материалом для сооружения могил на Енисее во все времена. От обряда родственных европейских племен погребения азиатских кыпчаков из Казахстана отличаются не только ориентировкой захороненных, но и отсутствием лошади (таблица) ⁵⁴. Это же наблюдается и в кургане у пос. Петровского — возможно, еще одно свидетельство в пользу восточного происхождения похороненного там человека.

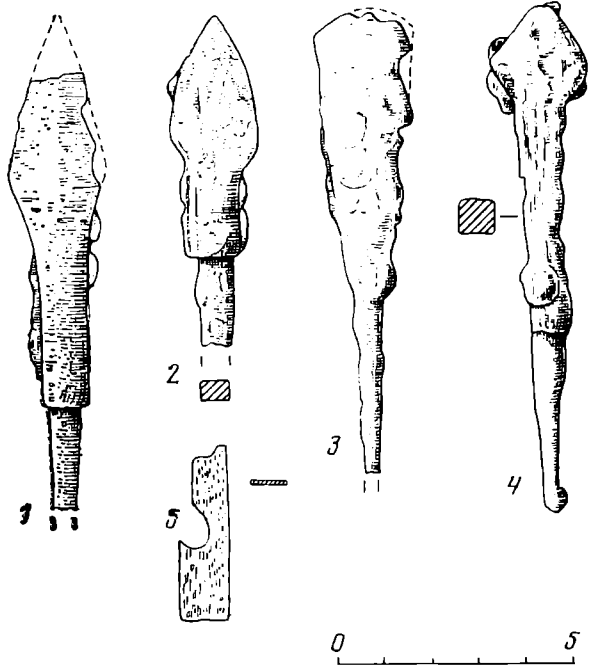

Рис. 9. Предметы из могилы 22 у дер. Черновой. Раскопки Г. П. Сосновского, 1929 г. 1—4 — железо; 5 — кость

⁵¹ Все данные извлечены из фонда Г. П. Сосновского (*Сосновский Г. П. Могилы железного периода у дер. Черной и Кокорево. Материалы. Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 42, № 125, листы 7—10, 18, 20—22*). Материал хранится в ГЭ ОИПК — 1548.

⁵² Головой на север был погребен мужчина в могиле 23 у дер. Черной. Инвентаря при нем не оказалось (*Сосновский Г. П. Ук. соч., л. 18, 32, 33*).

⁵³ См. указанные работы К. А. Акишева, М. К. Кадырбаева и Р. З. Бурнашевой, Ф. Х. Арслановой, А. Г. Максимовой, а также *Маргулан А. Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры.* — ТИИАЭ, т. 7. Алма-Ата, 1959; ср. *Кабанов С. Н. Погребение воина в долине р. Кашка-Дарья.* — СА, 1963, № 3; *Массон М. Е. Ахангерав.* Ташкент, 1953, с. 25; *Пугаченкова Г. А. Погребение монгольского времени в Халчяине.* — СА, 1967, № 2; *Заднепровский Ю. А. Кочевническое погребение XIII—XIV вв. в Фергане.* — СА, 1975, № 4.

⁵⁴ В Восточной Европе известны погребения и со схожим обрядом. — *Федоров-Давыдов Г. А. Ук. соч., отдел А, с. 124; Плетнева С. А. Древности черных клобуков, группа I, с. 12, рис. 4.*

Обряд кыпчакских погребений Казахстана

Местонахождение	Характеристика насыпи	Форма кургана	Ориентировка скелета						Прямоугольная яма	Тип гроба
			З	ЗСЗ	СЗ	С	Ю	В		
с. Беловодское, Сев. Казахстан совхоз 25 лет Октября, Сев.-Вост. Казахстан Ждановский мог., Прииртыше Тасмола VI, к. 2, Центр. Казахстан Нура, к. 2, 4, Центр. Казах- стан с. Королевка, Юго-Вост. Казахстан	Каменная выкладка	Вытягута с ЮЗ на СВ	-	-	1	-	-	-	+	Нет данных
	Нет данных	Нет данных	-	-	-	1	-	-	Нет данных	Нет данных
	Земляные	Круглые	20	-	-	2	4	-	+	Рама - 2, колода - 3, доски поперек - 3 Рама
	То же	Круглая с ровником	-	-	-	1	-	-	+	Береста
	» »	Круглые	1	-	1	-	-	2	+	Дощатый гроб
» »	Круглая с ровником	Круглая с ровником	-	1	-	-	-	+		

Один наконечник стрелы из могилы 22 у дер. Черновой на Енисее — срезень обычного для кыпчаков типа (рис. 9, 3). Найденные в могиле 11 роговые накладки колчана украшены характерным для тех же племен орнаментом из мелких врезных треугольников (рис. 8, 3)⁵⁵. Аналогичные накладки поясов, типичные для монгольского времени в целом, известны и в собственно кыпчакских погребениях⁵⁶. Обнаружение их в могиле 11 у дер. Черновой свидетельствует, что поясные наборы подобного облика изготовлялись не только из камня и металла, но и из кости и рога. Все эти наблюдения позволяют датировать могилы у дер. Черновой на Енисее XIII—XIV вв. Конечно, отнесение их к памятникам кыпчакского круга еще предположительно. До тех пор, пока не будет изучена средневековая культура многочисленных групп кыштымов Южной Сибири, это лишь одно из направлений поиска.

Так выявляются некоторые новые взаимосвязи памятников Южной Сибири и Восточной Европы.

⁵⁵ *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Ук. соч., рис. 2, 1; *Максимова А. Г.* Погребение воина XIV века, табл. III, 12; *Малиновская Н. В.* Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей. — В сб.: *Города Поволжья в средние века.* М., 1974.

⁵⁶ *Максимова А. Г.* Ук. соч., табл. I, 1; *Пугаченкова Г. А.* Ук. соч., рис. 3, 1, 2. Накладки поясов многочисленны среди случайных находок в Хакасско-Минусинской котловине (*Нызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв.).

THE KYPCHAKS AND THE UPRISING OF THE YENISEI TRIBES
IN THE XIII CENTURY

S u m m a r y

In the burial of a polovets near village Petrovski at Don one part of the furniture was familiar for the steppine antiquities of the Eastern Europe (fig. 2 and 3) but the other (fig. 1) finds analogies only in materials of the Askiz culture (fig. 4—7) which existed in the late Xth — XVIIth centuries at the Sayano-Altai mountains in the Southern Siberia. The burial is dated to the XIIIth — XIVth centuries. The written sources help to understand how the artifacts, made in the ancient Khakasian state appeared in the Eastern Europe. It is written in «Yuan-shi» («The history of the dynasty Yuan») that an army, where warriors-kypchaks were the main force played an important role in putting down the revolt of the Yenisei tribes, submitted to the mongolian feudal lords. The struggle lasted for the whole XIIIth century. The last serious attempt of the Yenisei tribes to regain independence, mentioned in written sources, was in 1273. The uprising was put down only in 1293 by the kypchak army under the command of Tutuha. The artifacts from the burial near village Petrovski are obviously, military trophy. The buried might have been a warrior of Tutuha. The finds from Karakorum also indicate, that the kypchaks were executing military service for the mongolian feudal lords. Their participation in combat actions at the Yenisei is also affirmed by the finds of some artifacts, characteristic for the kypchaks in Khakasia.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

ТРИ РЕЗНЫХ ПОСОХА XV ВЕКА

Среди произведений прикладного искусства из старинных русских собраний значительный интерес представляют посохи, украшенные резьбой по кости. По самому количеству имеющихся на них изобразительных мотивов, включающих композиции и отдельные изображения реальных и фантастических существ и людей, а также богатый и разнообразный орнамент, эти предметы заслуживают пристального внимания исследователей. Разнообразие и характер изображений заставляют видеть в этих произведениях прикладного искусства отражение той же светской струи средневековой культуры, с которой могут быть связаны многие рельефы на стенах соборов Владимиро-Суздальской земли, сюжетные изображения на русских монетах так называемого «удельного» периода.

Изделия, о которых пойдет речь, представлены тремя экземплярами. Все они упоминаются в литературе, однако детальному изучению до сих пор не подвергались. Один из этих посохов — это епископский жезл Геронтия из ризницы новгородского Софийского собора¹. Этот посох, как о том свидетельствует имеющаяся на нем надпись, в начале XVIII в. (1703 г.) подвергся ремонту, причем его верхняя часть была заменена новой. Древнейшая его часть представлена пятью костяными коленами — полыми цилиндрами, покрытыми сквозной резьбой, а также пятью разделяющими их серебряными золочеными «яблоками», украшенными сканью и прорезными изображениями. По-видимому, и некоторые другие металлические детали посоха относятся к числу его первоначальных частей.

Имя владыки Геронтия указано в надписи на позднейшей части вместе с датой — 1401 (6909). Среди новгородских владык Геронтия не было. Это имя носил московский митрополит, бывший на митрополии в 1473—1489 гг. Таким образом, имя и дата противоречат друг другу. Г. Н. Бочаров, полагающий, что посох Софийской ризницы имеет новгородское происхождение, считает, что дата могла быть документальна («возможно, посох имел более раннюю надпись»), а имя легендарно². Такая версия представляется искусственной. Если первоначально посох имел надпись с датой, то, очевидно, и имя взято из того же источника. В XV в. существовала традиция помещать на епископских посохах дату изготовления и имя владыки. Об этом свидетельствует надпись на хранившемся в ризнице Троицкого собора во Пскове посохе новгородского архиепископа Евфимия 1436 г.³ Вряд ли правомерно предполагать позднейшее

¹ *Макарий*, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. II. М., 1860, с. 259—261; *Покровский Н. В.* Древняя ризница новгородского Софийского собора. — Тр. XV АС в Новгороде, 1911, т. I. М., 1914, с. 123—129, табл. XXII, 3; *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, с. 105—107, илл. 95—98. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность сотруднику Новгородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Н. П. Гориной за содействие.

² *Бочаров Г. Н.* Ук. соч., с. 107.

³ *Покровский Н.* Заметки о памятниках псковской церковной старины. — «Светильник», 1912, № 5-6, с. 19, табл. V, 1.

возникновение легенды о принадлежности посоха Геронтию. Имя этого московского митрополита не пользовалось популярностью после его смерти.

Сочетание имени и даты свидетельствует в пользу того, что эти данные заимствованы с более ранней надписи или записи. Возникшее между ними расхождение, очевидно, связано с ошибкой. Среди цифр, обозначающих в надписи год, отсутствует знак десятков. Если предположить, что посох был изготовлен в то время, когда Геронтий был митрополитом, то цифра десятков может быть только 80, и тогда с этой поправкой дата изготовления посоха оказывается 1481.

Предположение Г. Н. Бочарова о том, что посох мог иметь более раннюю надпись, подтверждается благодаря приведенной Макарием цитате из описи ризницы Софийского собора 1690 г. В настоящее время эта опись утрачена. Однако ее существование вполне убедительно подтверждается ссылками на нее Макария, П. Соловьева и М. Ф. Толстого, приводящих из нее ряд цитат. В этой описи имеется ценное описание посоха Геронтия, сделанное до его ремонта.

Ввиду важности этой цитаты привожу ее полностью: «Посох костяной, резан на рыбы кости с яблоком хрустальным, а на нем резан на главе на обе стороны деисус на подзоре медном золоченом; сверху образ Пречистые воплощение, а по сторонам — пророки; под деисусом на кости резаны святители. Под главою на кости резаны слова: в лето 970 (1462) года создан сий посох повелением преосвященного Геронтия; во главе по концем резаны две главы львовые, на том же посохе ниже хрусталья пять яблок серебряных сканных золоченых на подзорах, а под теми яблоками выше осна оков серебряной чешуйчатый золочен, осно медное (л. 48 об.)»⁴. Таким образом, в описи упомянута первоначальная надпись на посохе с указанием имени и даты. Отметим, что текст по описи приводит иную дату, чем надпись на посохе — 1462, а не 1401. Поскольку текст описи 1690 г. известен только по цитате у Макария, возникает вопрос, не связана ли эта новая дата с ошибкой издателя или опечаткой. Однако это предположение следует отвергнуть, так как сам Макарий обратил внимание на расхождение между датами на посохе и в тексте описи. При этом Макарий считает предпочтительной дату описи, так как она соответствует времени, когда Геронтий еще не был митрополитом и являлся Коломенским епископом⁵. Замечательно, что Макарий в отличие от ряда позднейших исследователей разобрался, с каким Геронтием следует связывать создание посоха и не пытался приписать последний новгородским владыкам.

Несмотря на то, что соображения Макария, какую дату следует предпочесть, вполне логичны, есть основания не доверять дате описи и предполагать несколько более позднее время изготовления посоха. Его роскошное оформление и сходство с посохами, очевидно, принадлежащими великим князьям (см. ниже), свидетельствуют в пользу создания посоха в то время, когда Геронтий уже был митрополитом. Об этом же свидетельствует и сравнение посоха Геронтия с бесспорными посохами московских митрополитов — Петра и Алексея, которые оба украшены гораздо более скромно⁶.

Разбирая вопрос о дате посоха Геронтия, следует отметить, что обе даты, написанные церковнославянскими цифрами (6909 и 6970), чрезвычайно сходны. В обоих случаях представлены знаки не всех порядков — на посохе нет десятков, в описи нет единиц. Читающиеся по-разному знаки могли быть искажены при переписке и приняты один за другой (Θ—9

⁴ Макарий. Ук. соч., с. 259, 260.

⁵ Макарий. Ук. соч., с. 261, сноска 196.

⁶ Савва, епископ Можайский. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне синодальной) ризницы. М., 1863, с. 34, 35; Скворцов Н. А. Археология и топография Москвы. М., 1913, с. 168.

и 0—70). При этом более вероятно не заметить или пропустить перекладину «фиты», чем принять букву «о» за эту последнюю. По-видимому, последней цифрой была все же «фита», недописанная или принятая при составлении описи за «о». Во всяком случае, надпись, имеющаяся на посохе, явно ошибочна, и можно спорить о его датировке в достаточно узких пределах — 1462—1481. На стороне первой даты то, что она взята в неизменном виде из источника (правда, не первичного и не из первых рук), а на стороне второй — большая вероятность. Если принять вторую дату, то изготовление посоха Геронтия относится ко времени больших строительных работ в Московском Кремле (в частности, строительства, ведшегося по личному указанию Геронтия), а также изготовления роскошной церковной утвари.

Отметим, что посох митрополита Геронтия, как важный символ его церковной власти и, очевидно, большая ценность, два раза упомянут в летописи. В 1482 г., поссорившись с великим князем, Геронтий «съеха на Симоново, посох свой остави в церкви, толико разницу взя»⁷, а в 1484 г. в связи с болезнью уехал туда же, причем «с собою ризницу и посох взя»⁸. Очевидно, в обоих случаях речь идет о том посохе, который сейчас хранится в Новгороде.

Два других резных посоха хранятся в Государственной Оружейной палате. Они не имеют никаких особенностей, свойственных архиерейским жезлам, и украшены исключительно светскими изображениями. В описаниях 20—30-х годов прошлого века упоминается посох, украшенный резьбой по кости из 14 составных частей, приписывавшийся Ивану III⁹. Весьма вероятно, что имеется в виду один из рассматриваемых посохов. Сходство резьбы этих посохов с резьбой посоха Геронтия не противоречит традиции, приписывающей один из них Ивану III, современнику Геронтия.

Из двух посохов Оружейной палаты полностью сохранился один, состоящей из 12 колен¹⁰. Второй, состоявший из 14 колен (сохранилось 13), в настоящее время разобран¹¹.

Подробное знакомство с резьбой всех трех посохов показывает наличие между ними тесной связи, несмотря на явное стремление резчиков варьировать аналогичные изображения и сделать каждую резную деталь неповторимой (только два колена от разных посохов Оружейной палаты обнаруживают чрезвычайное сходство как в наборе сюжетов, так и в их расположении).

Одно из колен посоха Геронтия имеет особенно своеобразный набор изображений (рис. 1). Среди них несколько сцен терзания, Самсон, раздирающий пасть льву, фигура ряженого (странный головной убор, нечто вроде маски, искусственные крылья и хвост) и др. Всего на этом колене 12 изображений, вписанных в круги, образованные плетениями. На одном из колен второго, фрагментированного посоха Оружейной палаты (рис. 2) повторены шесть из этих сюжетов, причем на нем нет ни одного дополнительного сюжета, которого не было бы на сравниваемом колене посоха Геронтия. Эти сюжеты: крылатый человеко-дракон со змеей в руке (последняя деталь опознается по изображению на посохе Оружейной палаты), два льва, сидящие спинами друг к другу (на посохе Геронтия это

⁷ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 232.

⁸ Там же, с. 236.

⁹ *Свиньин П.* Указатель главнейших достопамятностей, сохраняющихся в Московской Оружейной палате. СПб., 1826, с. 47, № 61; *Евреинов П.* Краткое описание Московской Оружейной палаты, ч. I. М., 1834, с. 29, № 53.

¹⁰ *Опись Московской Оружейной палаты.* М., 1884, ч. II, кн. 3, с. 197; табл. 71, 3; *Темерин С. М.* Резьба по кости.— В кн.: Русское декоративное искусство, т. I. М., 1962, с. 425, 418, рис. 295.

¹¹ *Опись Московской Оружейной палаты,* с. 197, табл. 71, 1. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность за содействие сотрудникам Государственной Оружейной палаты Э. П. Чернухе и Л. М. Гавриловой.

явные львы, на сравниваемом — звери неопределенного вида, с выделенными ушами, но поза сохранена), всадник, терзающие друг друга животные, слон с башенкой, из которой высовываются головы воинов, и верблюд. В отдельных случаях (слон, сцена терзания) можно говорить не только о сходстве сюжета и композиции, но также о сходстве деталей и проработки, вероятности копирования (конечно, не исключается наличие промежуточного или общего образца).

Еще одно колено посоха Геронтия (рис. 3) заполнено изображением зверей, расположенных двумя винтообразными вереницами между двумя полосами плетеного орнамента. Два колена, украшенные аналогичным образом (рис. 4), имеются в составе первого (целого) посоха Оружейной палаты. Помимо сходства орнаментальной плетенки и отдельных фигур животных следует отметить сходство двух повторяющихся на обоих посохах пар зверей. Одна из них — это весьма схожие бодающиеся бараны, вторая — очевидно, борющиеся дракон и грифон.

Оба посоха Оружейной палаты имеют по одному звену, украшенному практически идентично (рис. 5). Это рукояти обоих посохов. На них вырезана человеческая голова, окруженная мелкими изображениями зверей, и одна крупная голова зверя. Совпадают почти все детали и орнамент.

Можно указать и другие изображения и орнаментальные мотивы, исполненные не только по одним и тем же образцам, но также сходными приемами в аналогичной манере. В целом представляется несомненным общее происхождение рассматриваемых предметов, причем, по-видимому, следует говорить не об одном мастере (в резьбе только одного посоха Геронтия можно различить работу двух резчиков), а об одной мастерской.

Имеющиеся в литературе суждения о месте создания рассматриваемых посохов представляют собой слабо аргументированные предположения. Существует мнение об индийском происхождении некоторых деталей посоха Геронтия (вероятно, из-за изображения слона?)¹², высказывалось предположение о том, что один из посохов Оружейной палаты был получен Иваном III от византийцев в качестве своеобразного приданого Софьи Палеолог¹³. Для обоснования этого предположения говорилось о сходстве (несуществующем) резьбы посоха и известного трона Ивана III из слоновой кости (где нет сквозной резьбы, вещь эта западноевропейская, а не византийская). В то же время ряд авторов писали о русском происхождении посохов. Г. Н. Бочаров указывал на русский характер плетеного орнамента посоха Геронтия, и на общее сходство резьбы посоха с известными образцами резной кости из новгородских раскопок¹⁴. Г. Д. Филимонов был склонен считать оба посоха Оружейной палаты русскими и предполагал их новгородское происхождение¹⁵ (возможно, на него отчасти повлияло знакомство с посохом Геронтия в Софийской ризнице, но он об этом не пишет; в работах других авторов сравнения посохов Оружейной палаты с посохом Геронтия также отсутствуют).

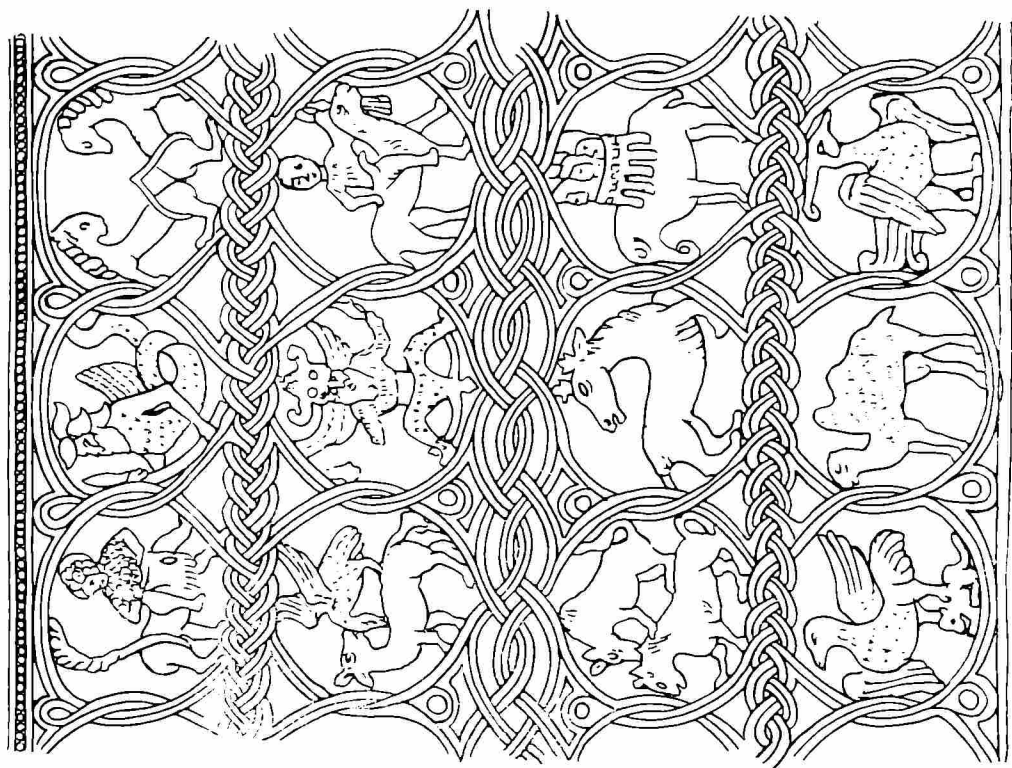
Вопрос усложняется тем, что рассматриваемыми посохами ограничивается число роскошно оформленных резных костяных изделий со светскими изображениями, связанных с высшими ступенями духовной и светской иерархии древней Руси. Вместе с тем существование на посохе Геронтия надписи, указывающей не только имя владельца и дату, но и факт изготовления посоха при нем или по его повелению, является сильным аргументом в пользу русского происхождения этого посоха. Не менее важный аргумент — наличие трех стилистически тесно связанных предметов в старинных русских собраниях.

¹² Краткая записка о посещении Великого Новгорода членами Общества древнерусского искусства. Сборник на 1866 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866, с. 120.

¹³ *Свиньин П.* Ук. соч., с. 47.

¹⁴ *Бочаров Г. Н.* Ук. соч., с. 106.

¹⁵ Опись Московской Оружейной палаты, с. 197.

б

Рис. 1. Резное колесо посоха Героццини: а — фото; б — проект. ГИИ Г. И. Бончарова

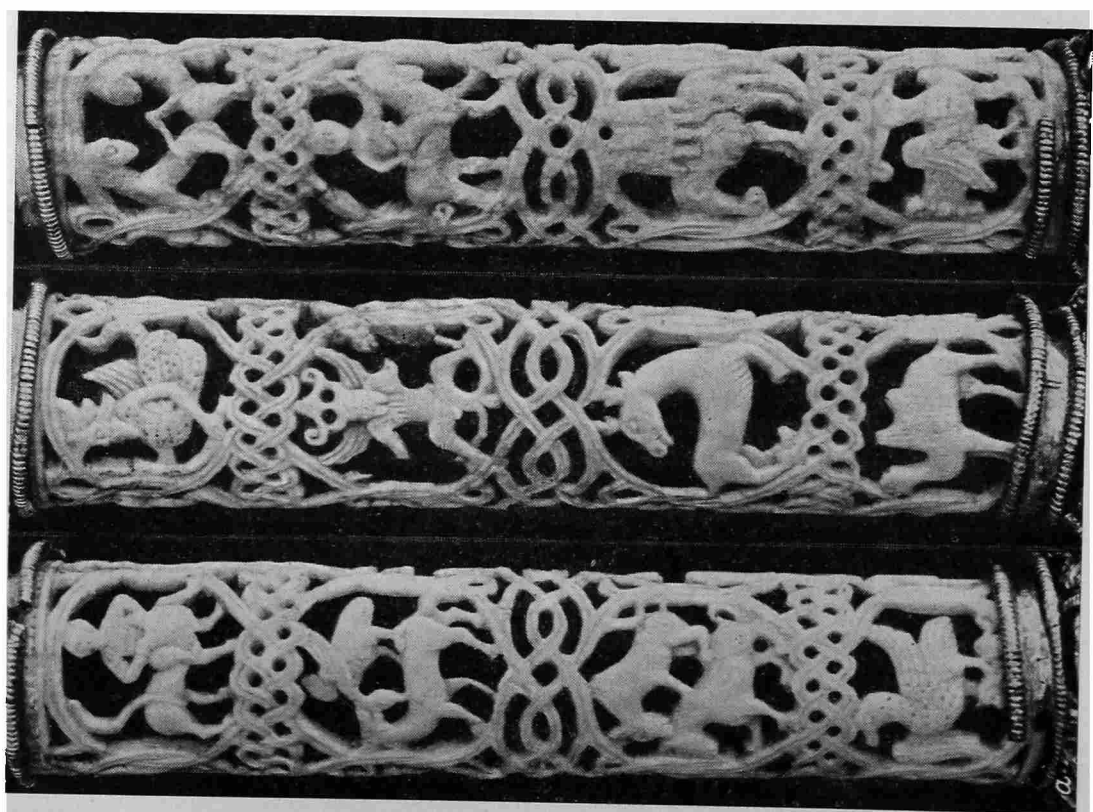

Рис. 2. Резное колено второго посоха Оружейной палаты

Имеется еще целый ряд аргументов в пользу русского происхождения рассматриваемых посохов. Прежде всего, резьба напросом была широко распространена в древней Руси. В такой технике, в частности, украшены многочисленные новгородские накладки XIII—XIV вв., обыкновенно с зооморфными сюжетами. Наконец, бароном де Бай опубликован украшенный в той же технике бесспорно русский посох. Это посох Стефана Пермского, в резьбе которого представлены сцены из жизни этого святого, снабженные многочисленными надписями. Изображения и надписи посоха, к сожалению, мало изучены. Барон де Бай датирует посох XV в., основываясь на параллелях из лицевых рукописей и важном факте — отсутствии в надписях слова «святой», что заставляет относить резьбу посоха ко времени, предшествующему канонизации Стефана (середина XVI в.)¹⁶. В резьбе посоха Стефана имеются интереснейшие сюжеты и

¹⁶ *M. le Baron de Baye. La crosse de S. Etienne de Perm (XV sciele).— Revue de l'art Chrétien. Juillet, 1898; см. также: Барон де-Бай. От Волги до Иртыша. Тобольск, 1898, с. 10; Icones russes du Baron de Baye. АИЗ, 1897, N 9, с. 297. Не вполне точное описание этого посоха и имеющихся на нем надписей см.: А. М. (архимандрит Макарий). Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856, с. 26, сноски 57. с. 54—58; Шишонко В. Пермская летопись. Первый период с 1263—1613. Пермь, 1881, с. 13—16.*

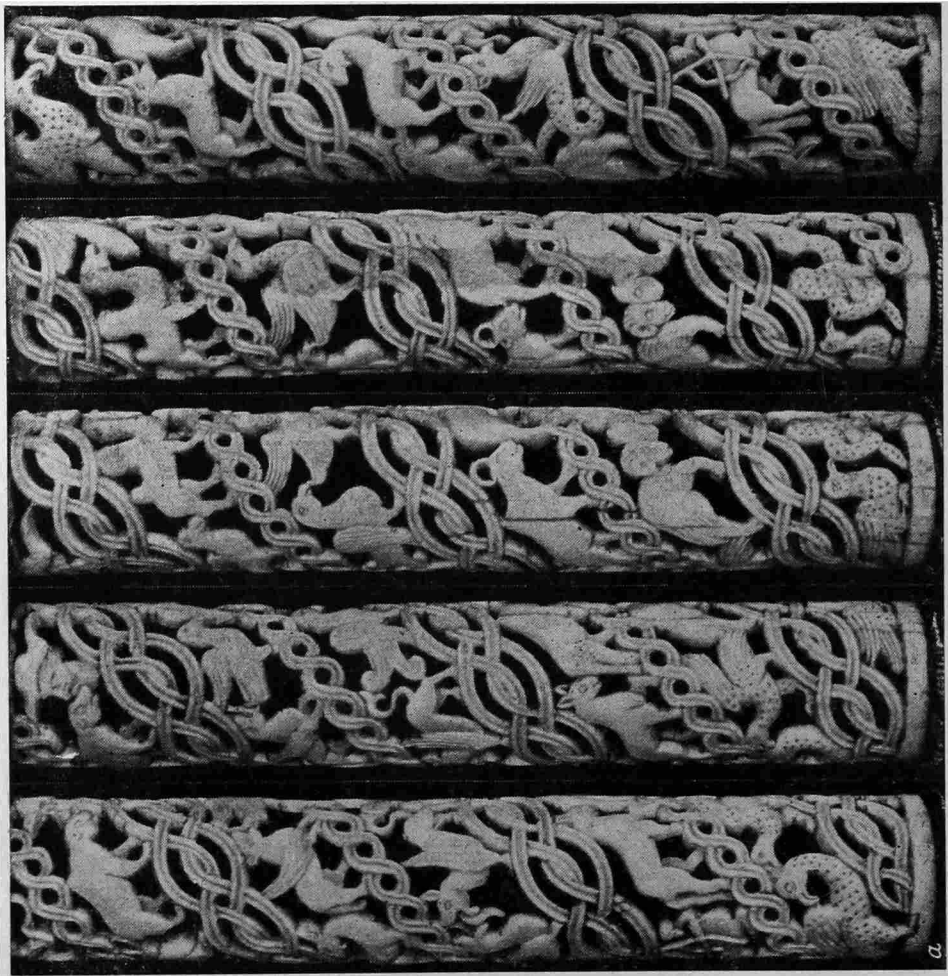
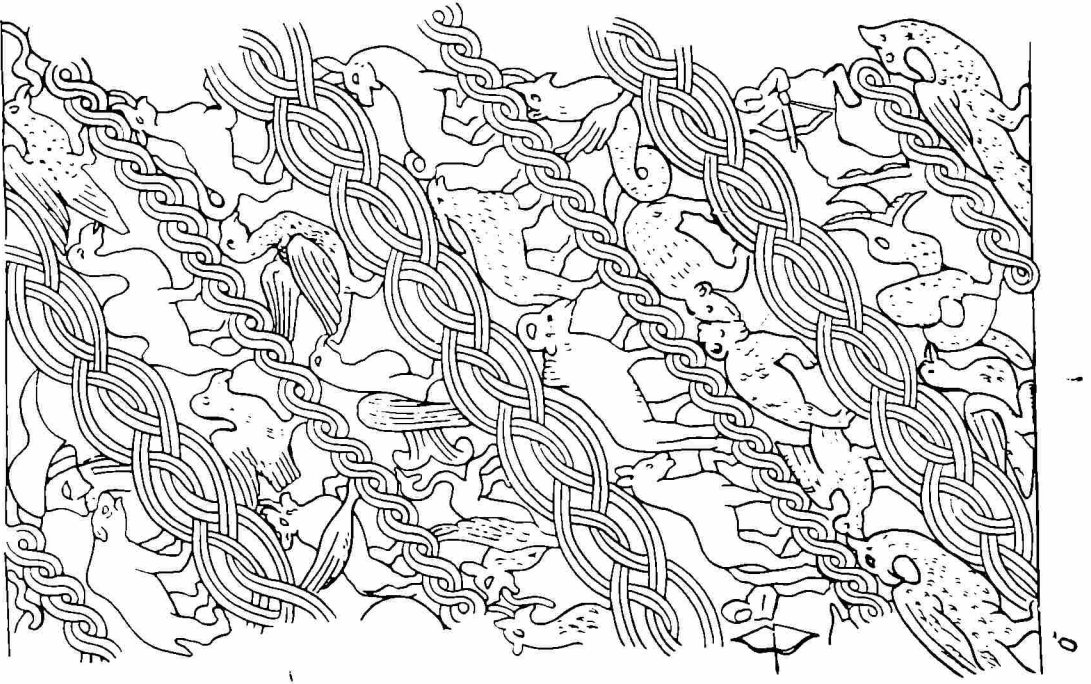

Рис. 3. Резное колесо посоха Геронити: *a* — фото; *б* — прорись (по Г. Н. Бочарову)

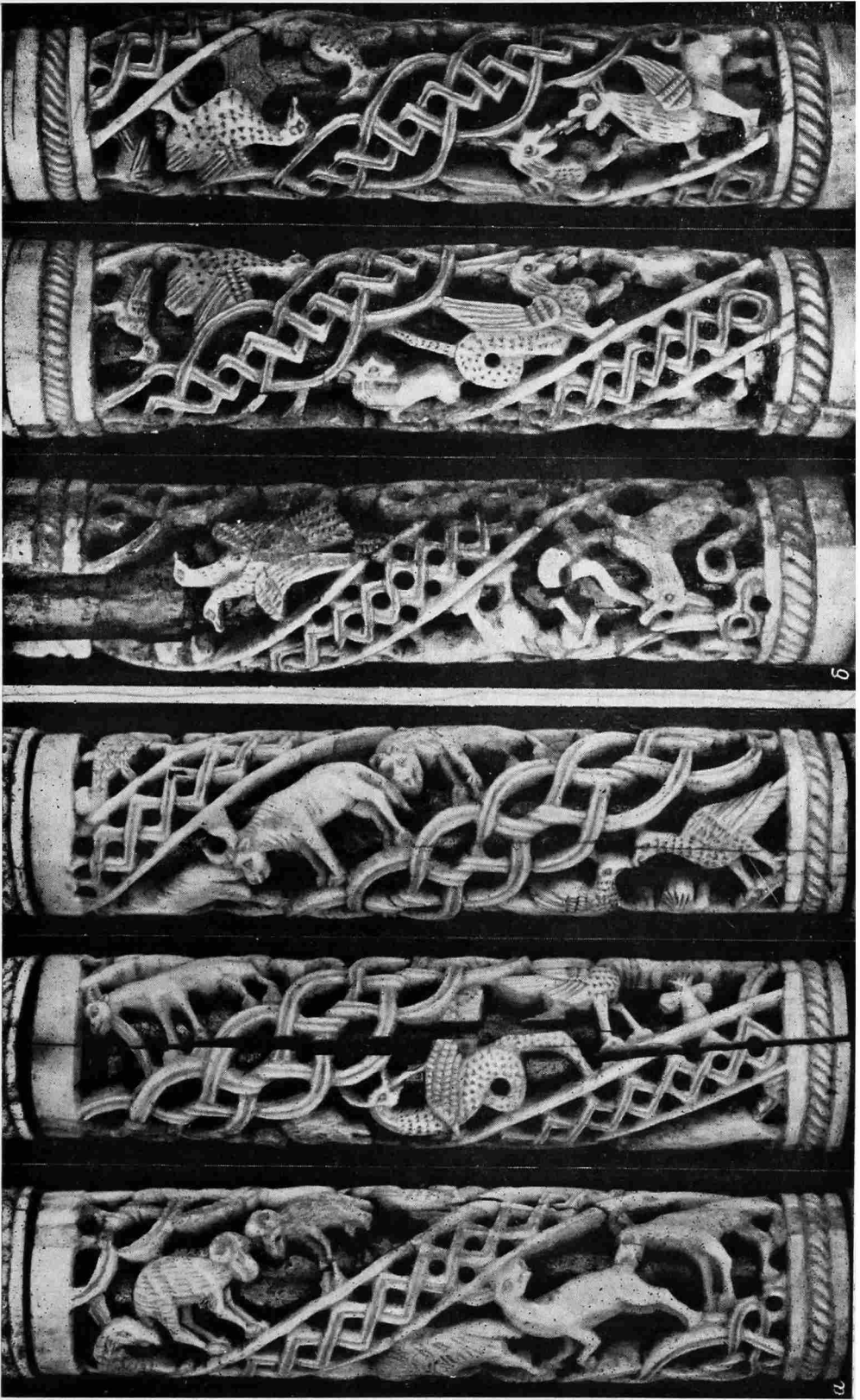
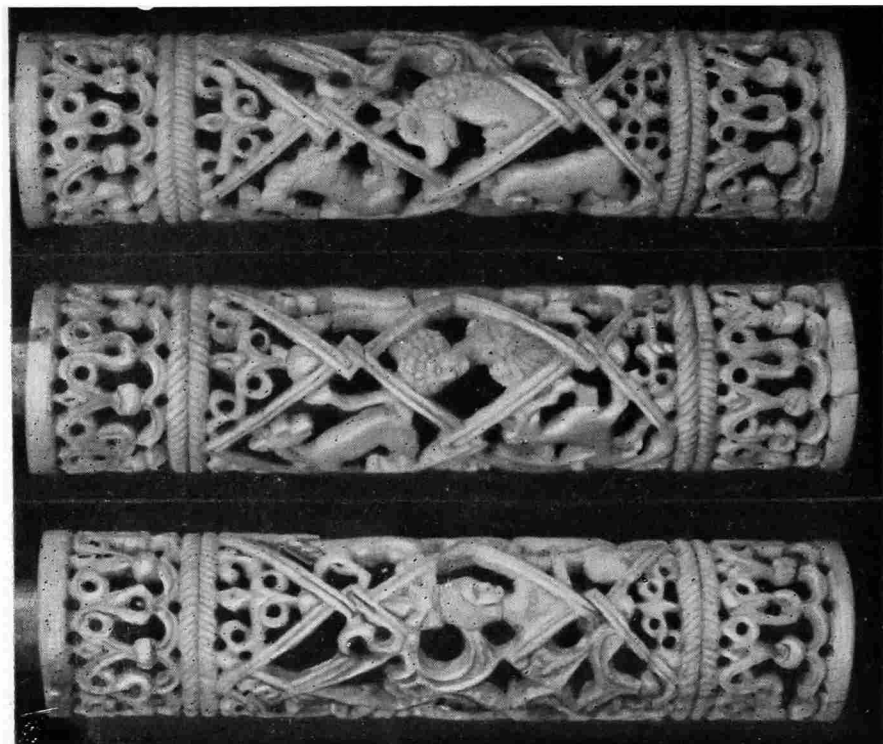
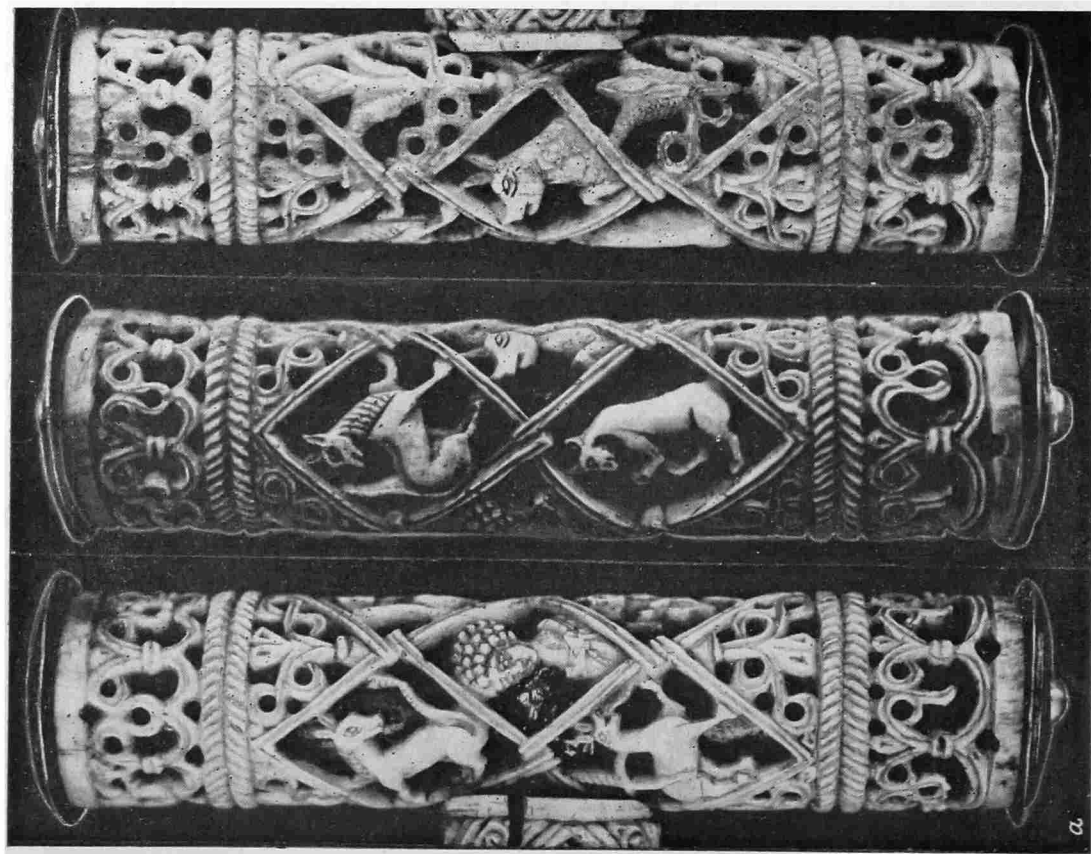

Рис. 4. Резные колена первого носха Оружейной палаты

б

Рис. 5. Резные рукоятки первого (а) и второго (б) посохов
Оружейной палаты

реалии: корабли, носы которых украшены изображениями голов животных, связки пушнины, светские наряды с длинными ниспадающими рукавами и др. (рис. 6). Стиль резьбы этого посоха отличается от стиля декора рассматриваемых посохов, однако важно само сходство их устройства из отдельных прорезных костяных колен и то, что все они украшены резьбой напроём.

Серебряные позолоченные «яблоки», разделяющие резные колена посоха Геронтия, являются принадлежностью, свойственной пастырским посохам православных епископов¹⁷. Католические посохи иногда имеют шаровидное утолщение в верхней части, но, как правило, только одно. Г. Н. Бочаров отметил, что характер декора «яблок» посоха Геронтия сходен и, очевидно, одновременен с имеющейся на нем же резьбой по кости¹⁸. Можно привести и более конкретные аргументы в пользу предположения относительно общего происхождения декора золоченых «яблок» и резной кости посоха Геронтия. Каждое из этих «яблок» украшено единообразно. На его восьми гранях представлены четыре варианта декора, каждый из которых по два раза повторен на каждом «яблоке». В числе этих вариантов две чисто орнаментальные композиции, образованные двуленточным плетением и две сюжетные композиции. Одна из них представляет борьбу грифона с драконом, вторая — борьбу сходного грифона с чудовищем, имеющим крылья, человеческий торс и змеиный хвост (рис. 7, 1, 2). Первая из этих композиций весьма близко повторена на одном из колен посоха Геронтия (обращенные друг к другу грифон и дракон с высунутыми языками в составе вереницы зверей), а также первого посоха Оружейной палаты. Борьба грифона с описанным выше чудовищем в резьбе всех трех посохов отсутствует, однако само это чудовище имеется на одном из колен посоха Геронтия (рис. 1). Здесь оно представлено в отдельном медальоне и в точности повторяет все особенности изображения на «яблоке» (совпадает даже трактовка волос). То же существо, но с короной на голове изображено на одном из колен второго посоха Оружейной палаты (рис. 2).

Золоченые украшения «яблок» составлены из двух пластин, верхняя из которых прорезная. В той же технике исполнены несколько золоченых поясков, помещенных в разных местах посоха (один, украшенный изображениями трилистников и три — криновидным орнаментом). Очевидно, эти пояски также относятся к числу первоначальных украшений посоха. Ряд кринов на посохе Геронтия (рис. 7, 5, 6) имеет ближайшую аналогию на потире Ивана Фомина 1449 г. (рис. 7, 14)¹⁹. Ряд трилистников обнаруживает более отдаленное сходство с трилистниками новгородского панагиара²⁰. Орнаменты на «яблоках» (рис. 7, 3, 4) посоха Геронтия, не находя прямых аналогий в известных произведениях древнерусского ювелирного искусства, обнаруживают в то же время большое сходство с резьбой по камню и дереву XV в. (рис. 7, 12)²¹. Ясно читающийся в орнаменте «яблок» мотив «монгольского узла счастья» (рис. 7, 4), по происхождению восточный, был известен на Руси. Он встречается на произведениях прикладного искусства и на монетах²². Известно изображение начала XV в., на котором крайние петли превратились в человеческие головы с подписями «живот» и «смерть» (рис. 7, 13)²³, свиде-

¹⁷ Голубцов А. П. О происхождении, значении и устройстве архиерейского посоха. Богословский вестник. Троице-Сергиев, 1909, июнь, с. 273.

¹⁸ Бочаров Г. Н. Ук. соч., с. 107.

¹⁹ Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976, с. 191, рис. 68.

²⁰ Бочаров Г. Н. Ук. соч., илл. 45.

²¹ Ср., например, Бибикина И. М. Монументально-декоративная резьба по дереву. Русское декоративное искусство, т. I. М., 1962, с. 64, рис. 33.

²² Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, табл. VIII, 336, 340, 341, 344; табл. XII, 575, 583, 584; табл. XVII, 782, 813, 814.

²³ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой половины XVI в. — САИ, вып. Е1 — 49. М., 1971, с. 103, табл. 3, 1.

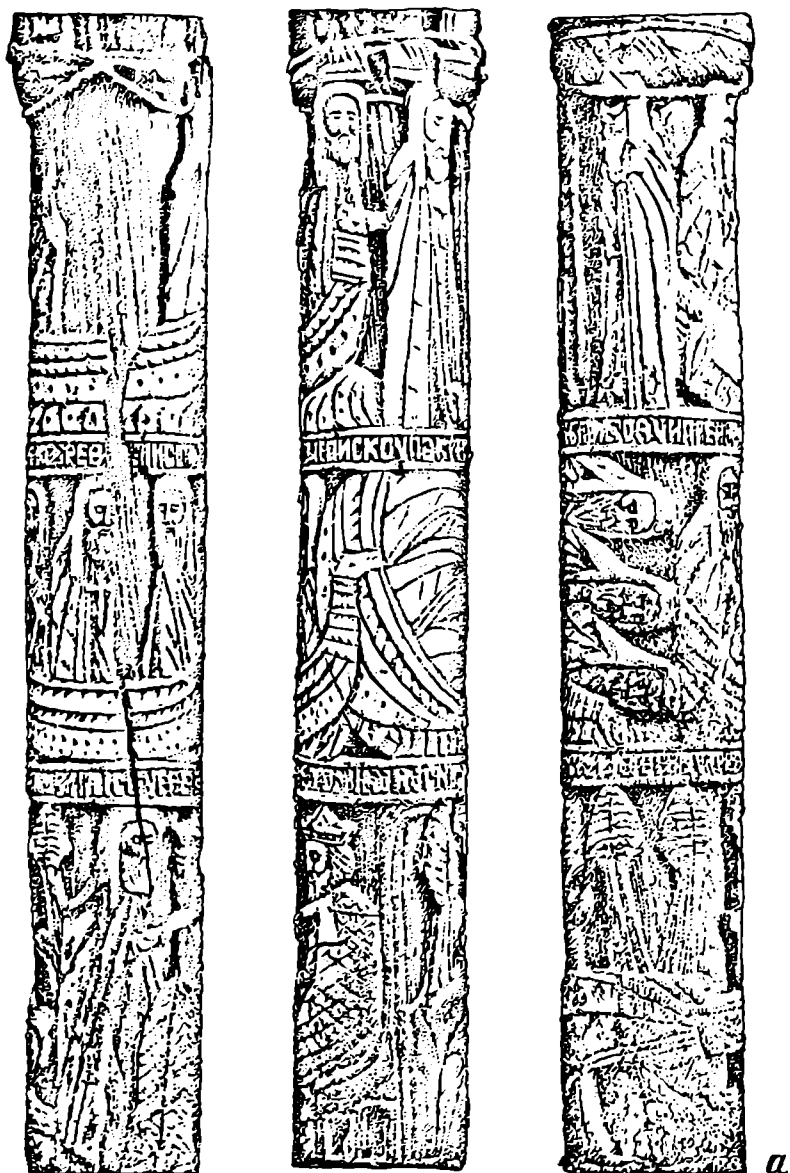

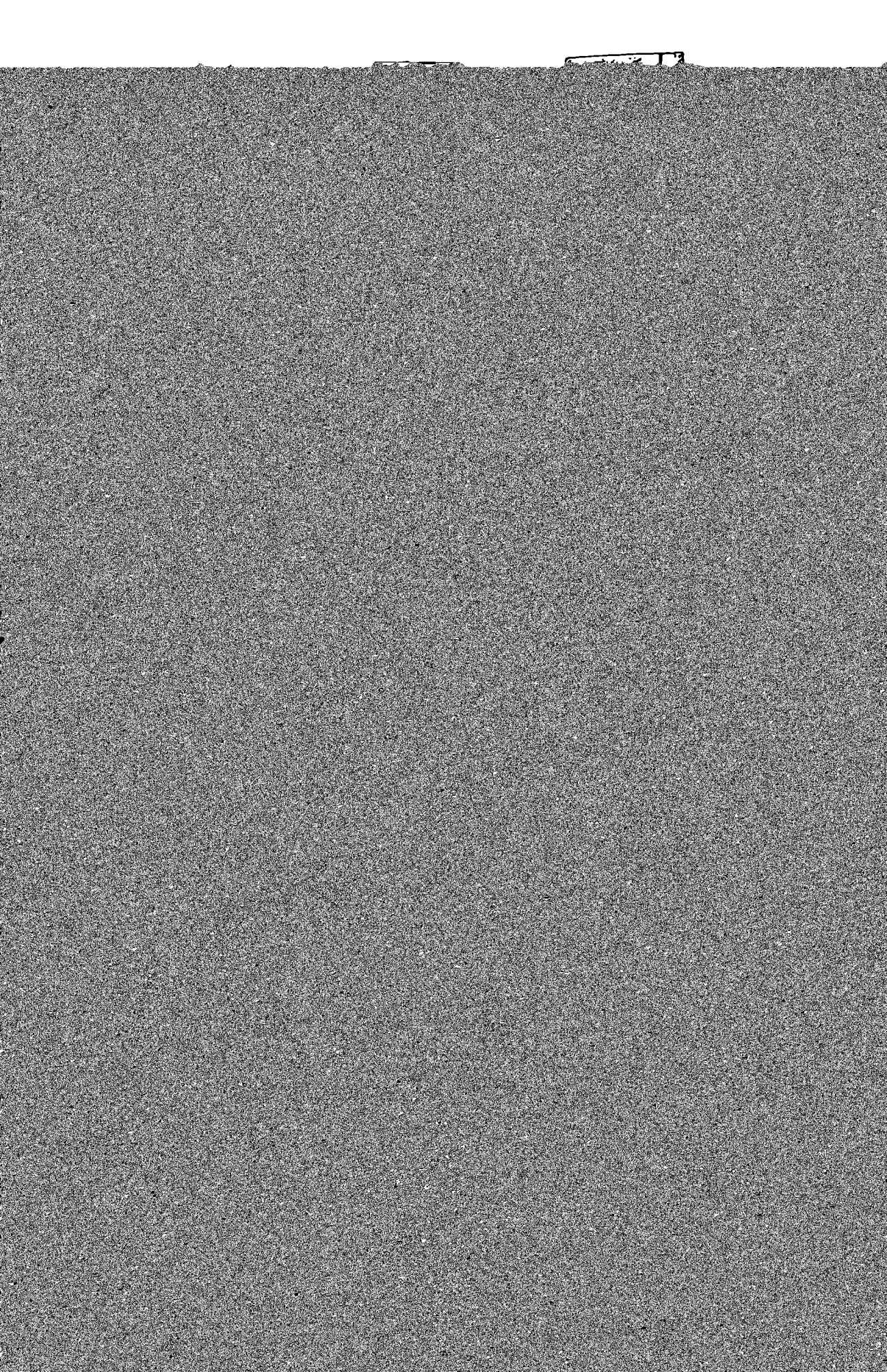
Рис. 6. Резные колена посоха Стефана Пермского (по де Баю)

тельствующее о том, что этот мотив наделялся на Руси определенным смысловым содержанием. Крылатый человеко-змей в резьбе и чеканке посоха Геронтия и резьбе второго фрагментированного посоха Оружейной палаты имеет ближайшую аналогию в изображениях на удельных монетах середины XV в. (рис. 7, 10)²⁴.

Резные фигуры зверей на одном из колен посоха Геронтия окружены растительным орнаментом, основу которого составляет двойная ветвь, от которой отходят в разные стороны также двойные закручивающиеся книзу побеги (рис. 7, 7). В принципе такой же орнамент обрамляет резное изображение богоматери на деревянной иконе середины XV в. из Оружейной палаты (рис. 7, 8)²⁵. На другой створке той же иконы композиции отделены друг от друга колонками, увенчанными типичной для приклад-

²⁴ Орешников А. В. Ук. соч., табл. X, 471; табл. XIII, 616—618.

²⁵ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. М., 1969, табл. 75, 76.

Публикации

В. В. СИДОРОВ, А. В. ТРУСОВ

ЛУКОВО ОЗЕРО I — СТОЯНКА ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди сотен стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой лишь единичные могут претендовать на чистоту комплекса. Немногие из них дали обильный материал в четких геологических условиях. Одним из наиболее выразительных льяловских памятников может считаться стоянка Луково озеро I, расположенная в восточной части торфяника Маслово Болото, у остатков осушенного Лукова озера, в Ногинском р-не Московской обл. В 1972 г. выгорел торф, покрывавший полы невысокого суходола. На склоне обнажились культурные остатки: песчаные очаги, развалы сосудов, пережженные кремни, осколки камней¹. Четкая концентрация материала позволила еще до раскопок определить план поселения: пятно культурного слоя тянулось на З — СЗ (азимут 306°) на 20 м при ширине 7 м, в 20—40 м от края площадки суходола. Находок далее 1,5—2 м от него не встречалось. Только в сторону суходола они не прерывались. Здесь был обособленный песчаный очаг, а на самом суходоле изредка встречаются ножевидные пластины, отщепы и еще реже — керамика без орнамента, относящаяся к ранней стадии верхневолжской культуры. Местонахождение на суходоле выделено как стоянка Луково озеро II². Далее, в 300 м, на северном, более высоком конце суходола, в 1975—1976 гг. исследовалось льяловское поселение Луково озеро III.

На стоянке Луково озеро I раскоп площадью 288 м² охватил все пятно культурного слоя (рис. 1). Раскоп ориентирован вдоль пятна, чтобы получить продольные и поперечные разрезы. Оставлен только периферийный участок слабой насыщенности, где сохранился торф, не только подстилавший культурный слой, но и перекрывавший его, что позволило взять колонку образцов на пылецевой анализ. На остальной площади местами выгорел подстилающий торф, мощность которого достигала 35 см, что вызвало провалы культурного слоя. Слой представлял собой песок, смешанный с разложившимся торфом и торфяной золой мощностью около 5 см, залегавший на разложившемся рыхлом торфе (5—10 см), переходящем в торф осоковый (до 20—35 см), а ниже — в илистый прибрежный суглинок (5—10 см). Ниже залегал чистый слоистый песок. Четко выделялись пятна песка ржавого цвета — остатки очажных подушек мощностью до 20 см. Они содержали больше всего материала. Вероятно, это остатки одного длинного наземного жилища с цепочкой очагов на песчаных подсыпках по центральной оси, с очагом у стенки

¹ Сидоров В. В., Балинский И. М. Раскопки на Тростенском озере и Маслово Болоте. — АО — 1973. М., 1974.

² Склон срезан бульдозером при тушении пожара. Шурфовка показала, что находки залегают в подпочвенном суглинке, концентрация их очень невелика.

и выступом с юго-восточной стороны. Дом расположен торцом к концу мыса, у самой воды, одиночный очаг — с тыльной стороны жилища, вне дома. На прилегающей части суходола синхронные находки отсутствуют.

Ближайшую аналогию плану жилища Луково I мы находим в Саконовском жилище³, которое близко нашему памятнику и по облику остальной части комплекса. Тот же тип жилища прослежен в нижнем слое стоянки у хут. Гришевка⁴, относящемся к днепро-донецкой культуре. Правда, в обоих случаях жилища углубленные, у нас же нет никаких признаков углубления. Иная конструкция стен — без столбов⁵.

Остается выяснить, были ли очаги на нашей стоянке синхронны, находились ли они в едином помещении, или здесь случайное совпадение ряда разновременных небольших жилищ на одной площадке? Решить этот вопрос можно применением метода, разработанного Леруа-Гураном, — проследив разлет фрагментов одного предмета⁶. Хотя развалы сосудов очень компактны, по некоторым из них удается установить, что их фрагменты перемещались в пределах всего пятна, что предполагает единство последнего. За единое жилище говорит также четкость цепочки очагов и границ пятна.

У юго-западного конца жилища, в 2 м к северу от его края, на торфе залегал мощный пласт материковой глины. Рядом с ним прослежена яма неправильных очертаний, примерно 2×2 м, глубиной около 1 м с оплывшими стенками, без каких-либо культурных остатков. Глинистый выброс частично сполз обратно в яму. Назначение ее не ясно.

На стоянке кость не сохраняется, хотя культурный слой здесь заключен между пластами торфа, и тем не менее следов кости нет. Пожар 1972 г. не мог ее уничтожить. Пережеванная кость и даже чешуя сохраняется в горелых слоях стоянки Маслово Болото IV⁷. На нашей стоянке нет также следов дерева (кроме обугленных плах в очагах). Не удалось проследить ни одной столбовой ямы, несмотря на тщательные зачистки торфа и подстилающего песка (на МБ IV нередко столбы сохраняются в материковом песке под слоем торфа). Все это можно объяснить только особыми климатическими условиями времени существования льяловских стоянок, не похожими на условия III тысячелетия до н. э. — времени волосовской культуры.

Самый большой очаг в кв. 3 В находился в передней, обращенной к озеру части жилища. В песчаной его подсыпке было около половины всей найденной на стоянке керамики (рис. 2). Подсыпка эта размером 2×2,5 м и до 0,25 м мощностью залегала на торфе, поверхность которого на 1—2 см ококовалась. В центре очага — округлая площадка диаметром 80 см, свободная от развалов сосудов. Под очагом в торфе оказалось кольцообразное углубление диаметром 2,4 м и глубиной до 0,2 м; под его центральной частью в песке прослеживались остатки двух плах до 20 см длиной и 5—10 см шириной, а также куски бересты. Видимо, они предохранили торф от выгорания и усадки. В этом случае вся ямка — результат действия огня. Очаги с деревянными и берестяными прослойками в песке прослежены на соседней торфяниковой стоянке МБ IV, относящейся к волосовской культуре. Они аналогичны очагам стоянки

³ Алихова А. Е. Неолитическое жилище на Саконовской стоянке. — КСИИМК, № 75, 1959.

⁴ Березанская С. С. Неолитическая стоянка у хутора Гришевка на Средней Десне. — СА, 1975, № 2, с. 150, 151.

⁵ Нам известна серия льяловских стоянок, где нет ни одной столбовой ямы: Полецкая I, Никольская-Правая — нижний слой, Маслово Болото VII, Воймежвая I. Нет столбовых ям и на Усть-Рыбежной (Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. — МИА, № 87, 1961, с. 338).

⁶ Изложение этого метода см. в рецензии О. Н. Бадера и В. Я. Сергина на книгу А. Леруа-Гурана (СА, 1976, № 3).

⁷ Стоянки Маслово Болото далее именуются МБ — I, II и т. д.

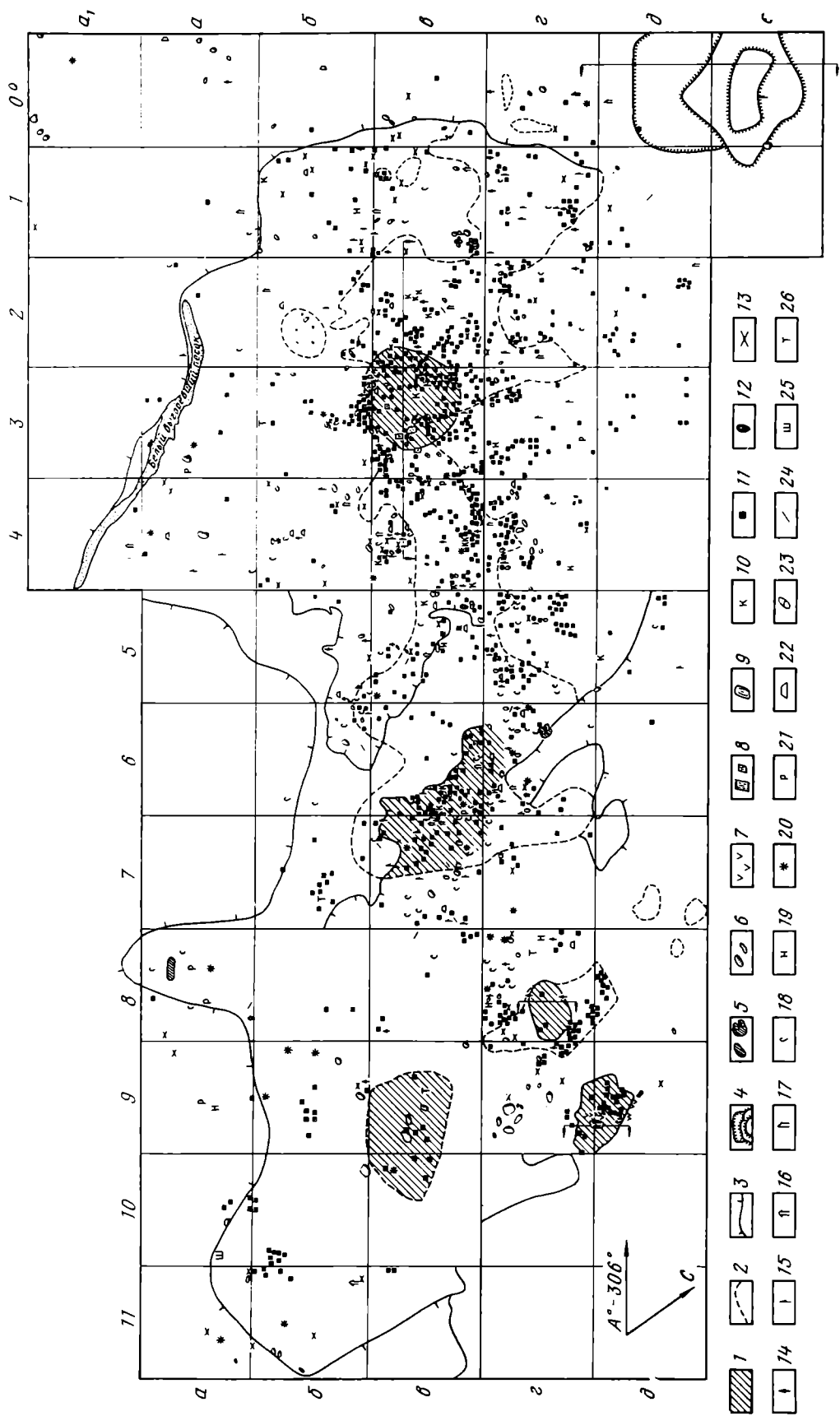

Рис. 1. План расположения находок на стоянке Луково озеро I: 1 — очаги; 2 — границы распространения песчаных подсыпок; 3 — провалы прогоревшего подстилающего торфа; 4 — яма в материке и глинистый выброс; 5 — шлифовальные плиты; 6 — камни; 7 — угольки; 8 — обрывки бересты в песчаных подсыпках очагов; 9 — деревянные плахи в очагах; 10 — обломки кальцинированных косточек; 11 — фрагменты керамики; 12 — мотыга; 13 — отщеп с ретушью; 14 — наконечник стрелы; 15 — заготовка наконечника стрелы; 16 — наконечник копья; 17 — заготовка наконечника копья; 18 — скребок; 19 — нуклеус; 20 — нож; 21 — резец; 22 — заготовка рубящего орудия; 23 — отбойник; 24 — пожевидная пластина; 25 — штамп для керамики; 26 — проколка

Сарнате⁸, тоже залегающей на торфе. Видимо, это обычный прием сооружения очагов на торфе, предохранявший его от возгорания. (Однако слой бересты оказался и в очаге на сухоходольной стоянке МБ V). Остальные очаги гораздо меньше и не содержали такого количества керамики. Очаг № 2 в кв. 8 Г овальной формы 1 × 0,6 м. Под ним гоже было чашеобразное углубление в торфе до 9 см глубиной, перекрытое песчаной насыпью; торф ооксован. Третий очаг — на границе квадратов 9 Г и 9 Д, размером 1,6 × 1 м, почти без западины в торфе. В песке прослеживалась обугленная плашка 20 × 10 см. У обоих очагов около 120 фрагментов керамики от разных сосудов. Четвертый (кв. 9 В) и пятый (кв. 6 В) очаги сильно разрушены. От них остались фрагменты песчаных подсыпок и окружавшие их развалы сосудов.

В коллекции Лукова озера I около 4 тыс. фрагментов керамики от 104 сосудов и 5,5 тыс. кремней⁹. Из цельного комплекса выпадают четыре фрагмента керамики верхневолжской культуры с гребенчато-накольчатый орнаментом. Ни о каком сосуществовании с льяловской керамикой здесь речи быть не может — единичные мелкие черепки могли попасть с соседней части суходола вместе с песком для очажных подушек. Сложнее вопрос с кремнем микролитического характера — его довольно много (рис. 3, 35—47): двухплощадочный нуклеус, резец из остатка призматического нуклеуса, три концевых скребка на тонких правильных пластинах (один из них оформлен на ударном бугорке, другой двойной), обломок ножа с крутой ретушью по брюшку, скребок со сверлом из обломка массивной пластины, сколотой с того же куска, что и предыдущее орудие (рис. 3, 39, 47), — скребущее лезвие тоже на ударной площадке, сверло из пластинки (рис. 3, 36), резцы с очень маленькими сколами, пластинки с ретушью и следами работы — 3 экз. и 12 пластин без ретуши — всего 25 предметов. Возможно, этот кремнь, как и ранняя керамика, попал сюда с суходола.

Сложнее объяснить весьма большое количество пластин по сравнению с керамикой. На других стоянках Маслова Болота, даже с обильной раннеолитической керамикой, как МБ V, или с четкими скоплениями ее, как на МБ VII, пластин почти нет. Достаточно многочисленны они только на высоких сухоходольных стоянках МБ VIII и МБ VI, видимо, самых ранних в группе. Следовательно, и суходол, откуда брали песок жители Лукова I, был занят одной из самых ранних стоянок.

Поскольку весь кремнь сильно обожжен, он изменил цвет, стал трещиноватым и в значительной мере утратил кристалличность, очень характерную для местного грубого кремня. Можно отметить присутствие желтого московского кремня и лилового старицкого, характерных для морен клинско-дмитровской гряды; черного и пестрого окского из коренных месторождений. Громадное число заготовок, множество отщепов, порой весьма крупных, говорит о достаточной обеспеченности кремнем.

⁸ Ванкина Л. В. Торфяниковое поселение Сарнате. — Рига, 1970. Такие же очаги есть в Языкове I, раскопки 1977 г.

⁹ Точное определение количества кремней затруднительно, так как они сильно растрескались от огня, вероятно, свыше трети — тепловые осколки.

Рис. 2. Расположение керамики в очаге № 1

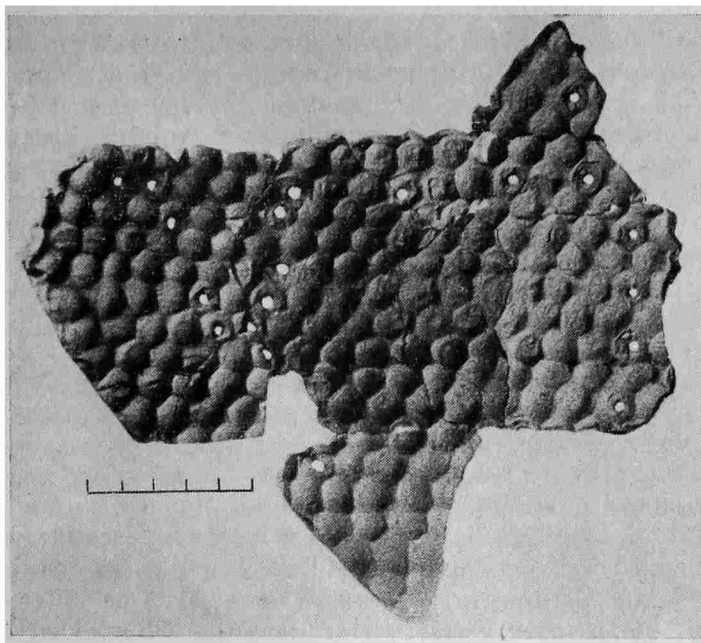

Рис. 9. Следы шитья сосудов на фрагментах керамики

краем (15 экз.). Остальные — утонченный, косо срезанный внутрь, утолщенный, утонченный с наплывом внутри, отогнутый — единичны. Довольно однообразно располагается и орнамент на венчике. Чаще всего он бывает на фасаде — на лицевой стороне и по верхнему обрезу (33 экз.) или только по одной стороне — по верхнему обрезу (21 экз.), или по фасу (8 экз.). Единственный сосуд имеет три орнаментированные грани венчика. На многих фрагментах ямочное заполнение поля начинается почти от края сосуда. Преобладает простой орнамент — сплошное заполнение всей поверхности ямками — до 40% (рис. 8, 10, 13—15). Характерно, что среди них нет очень густого заполнения поля — обычно расстояние между ямками превышает их диаметр. Встречается как строчное, так и шахматное расположение ямок. Численно им немного уступают (39%) сосуды, орнаментированные поясками штампа по тулову, разделенными 2—8 рядами ямок (рис. 8, 1, 3, 7, 9, 12), причем частое повторение — через 2—3 ряда — встречается редко. Очень редко (три сосуда) гребенчатый штамп в верхнем поясе орнамента заполняет просветы между ямок (рис. 8, 4). Выделение особого верхнего орнаментального пояса отмечено у 15 сосудов.

Несмотря на такую сдержанность орнаментов, среди сотни сосудов нашлось семь, которые можно отнести к геометрическому стилю; особенно выразителен большой тонкостенный сосуд, украшенный по верху поясом из ромбов и треугольников, заполненных тонким гребенчатым штампом (рис. 8, 2). В средней части этого сосуда также есть треугольники и пояски из мелкого полулунного штампа. Это самый нарядный сосуд на поселении. Два других имеют под венчиком поясок из парных наклонных линий, поставленных на ямочном фоне. Есть сосуды с треугольниками под обрезом верхнего края (рис. 8, 11). Следует отметить фрагмент небольшого сосуда, рисунок которого составляет вертикальный зигзаг, выполненный рядами ямок. Довольно много (10) сосудов, украшенных поясками, чаще двойными, горизонтально поставленного гребенчатого штампа.

Фон орнамента всех сосудов заполнен белемнитными ямками, размер которых пропорционален размерам сосуда и толщине его стенок. Штампы не очень разнообразны. В двух случаях ямки нанесены наискось, что характерно для рязанской группы памятников. В трех случаях ямки

сами образуют рисунок. Ни затупленного, ни сломанного вдоль белемнита на данной стоянке не применяли (кроме одного случая, когда поясок образуют ямки плоскодонные, выполненные сломанным поперек белемнитом). Довольно редок рисунок, выполненный гладкими просветами, не заполненными ямками.

Основной штамп довольно короткий (0,5—2 см), прямозубчатый, прослежен на 54 сосудах. Маленькие штампы — 3—4 зубчика, длиной 0,5—0,8 см и широкие — шириной свыше 0,5 см — употреблялись редко. Широкие — это чаще просто смазанные обычные штампы. Только один раз встречен гладкий штамп.

Один из штампов найден на стоянке. Он представлял собой плоскую подтрапециевидную гальку $5 \times 5 \times 0,6$ см с нарезанными зубцами по трем сторонам (рис. 3, 54). Реже применялся полулунный штамп, представляющий собой оттиск тыльного конца белемнита (17 сосудов — рис. 8, 1. 3), в двух случаях он также нарезан зубчиками. Довольно часто такой штамп сочетается с гребенчатым. Никакие другие комбинации, кроме узкий — широкий (смазанный) штамп, вообще не встречаются.

Среди прочих естественных штампов надо отметить единственный случай употребления аммонита, а также какого-то ископаемого коралла (точно такой же штамп встречен на керамике Луково III, МБ VII и Языково I). На одном сосуде использован парнозубчатый штамп, характерный для валдайской и ранней льяловской керамики. На Масловом Болоте он почти не встречается. Единственный памятник, где его много — МБ VIII — дает керамику значительно более древнего типа. Есть он и на Бисеровской-Северной¹³. Как было установлено¹⁴, эти парнозубчатые отпечатки были выполнены искусственно сдвоенными пальцевыми фалангами некрупного пальцеходящего млекопитающего (хищника?).

Замена гребенчатого штампа перевитым шнуром считается показателем позднего возраста ямочно-гребенчатой керамики. Здесь он имеется на трех сосудах (рис. 8, 7), причем в орнаменте, который мы считаем более древним, часто повторение поясов штампа. Этот орнамент также характерен для МБ VIII и есть только на двух сосудах более поздней стоянки — МБ VII.

В целом комплекс весьма однороден. Его трудно пока сопоставлять с другими комплексами льяловской культуры, поскольку среди них очень мало действительно чистых, относящихся к одному этапу. Среди льяловских стоянок Маслова Болота можно выделить две значительно различающихся хронологических группы. К более древней относятся МБ VIII, V, нижний слой МБ II. Ко второй группе — МБ II (верхний слой), VII, XI, XII, Луково I и III, частично — МБ I и V. Их объединяет господство ямочного орнамента, почти полное отсутствие косога гребенчатого штампа, довольно широкое распространение пояска треугольников, парных диагоналей, елочного рисунка, выполненного ямками; постепенное округление дна, формирование прогиба стенок и раздутых боков — усложнение формы, мелкие примеси в тесте сосуда и тонкостенность, нарастание густоты ямочного орнамента. На поздней стадии появляется редкоямочная орнаментация и изредка встречается белёвская ромбоямочная посуда. Среди памятников второй группы Луково I — самый ранний, но облик льяловской керамики здесь вполне сложившийся.

Эта керамика довольно близка к материалу зареченской группы, исследовавшейся Е. И. Диковым и В. М. Раушенбах¹⁵. Практически она

¹³ Фосс М. Е. Неолитическая стоянка Бисерово озеро. — КСИИМК, № 75, 1959.

¹⁴ Определение выполнено старшим научным сотрудником кафедры зоологии позвоночных МГУ С. П. Масловым.

¹⁵ Диков Е. И. Отчет о раскопках за 1966 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 3304; 1967 г., р-1, 3471; 1968 г., р-1, 3763; 1969 г., р-1, 3912, 1970 г., р-1, 4322; Диков Е. И., Раушенбах В. М. Исследования памятников неолита и бронзы в Московской и Владимирской областях. — АО — 1970. М., 1971, с. 53—55.

гождественна бисеровской группе, причем Бисерово-Северная (раскопки М. Е. Фосс¹⁶), по-видимому, более древняя, ближе к I группе, а Восточная (сборы Л. И. Пимакина¹⁷) — ко второй. Об этом же свидетельствует и более низкое расположение Бисерово-Восточной. М. Е. Фосс считала, что именно высокое расположение Северной говорит о позднем возрасте, и подкрепляла это находками здесь керамики «лесостепного типа», ошибочно отнесенной ею к позднему неолиту. С этой керамикой и следовало бы связывать ножевидные пластины, так как они в основном были найдены на верхнем раскопе. Сейчас такая керамика с полным основанием может быть отнесена к верхневолжской культуре.

Масловско-бисеровскую группу окружают территории, где льяловские памятники известны, но большинство их представлено небольшими коллекциями или недостаточно полно опубликовано. Среди них — Б. Буньковская стоянка¹⁸, далее — группа Шернинских и Павлово-Посадских, (Заречье I—III, Буяне и др.)¹⁹, в состав весьма пестрых коллекций входит и комплекс, аналогичный Луково I. Небольшие, но выразительные коллекции получены на озерах группы Сеньга—Богдарня—Лопачи II, Сеньга II²⁰. Среди стоянок Святого озера у г. Шатуры ближе всех Ушма I, но на Святом озере I и II преобладает материал с рязанскими элементами, более поздний. Комплекс, подобный нашему, И. К. Цветкова относит к I этапу рязанской культуры²¹. На западе близок к луковскому материал Льяловской стоянки, но на Мышецкой преобладает более ранний материал²². Имеется соответствующий пласт и на стоянке Николо-Перевоз I²³ и на Тростенском озере — Никольская II, Тростенская I, Куба и др.²⁴. В Языкове I ему соответствует II льяловский слой²⁵. Что касается более удаленных территорий, то ближе всего к Луково I комплексы Малого Окулова²⁶ и Саконовской²⁷. Все это может быть объединено в хронологический пласт развитой льяловской культуры. Значительно менее заметны локальные особенности, прежде всего потому, что для их выявления пока нет достаточного материала в соседних группах. Предварительно может быть очерчена компактная территория, однородная по природным условиям и характеру материала, — Западная Мещера. Сюда войдут: 1 — группа озер бассейна р. Пехорки; 2 — Масловско-Бисеровская система; 3 — бассейн р. Шерны, возможно, с торфяником Буреломка; 4 — группа малых озер на торфянике западнее г. Электрогорска; 5 — озера долины Клязьмы у р. Сеньга. Кроме того, ориентировочно намечены группы на Дрезнинских торфяниках, в верховьях Нерской, у г. Егорьевска, на обширных торфяниках юго-восточнее г. Орехово-Зуево. Допустимо включение сюда Шатурского Святого озера и бассейна р. Ушмы, но только на раннем этапе. В общей сложности здесь может быть до 12 групп поселений. Это могло быть довольно крупное племя, численность которого могла достигать 600—800 человек. Большая концентрация лья-

¹⁶ Фосс М. Е. Ук. соч., с. 26—39.

¹⁷ Большая часть сборов хранится в Московском областном краеведческом музее г. Истра, остальное в Ногинском краеведческом музее.

¹⁸ Раушенбах В. М. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы. — Тр. ГИМ, вып. 22, 1952.

¹⁹ Диков Е. И. Ук. отчеты.

²⁰ Сидоров В. В. Разведка на заклязьминских озерах. — АО — 1974. М., 1975, с. 78.

²¹ Цветкова И. К. Племена рязанской культуры. — Тр. ГИМ, вып. 44, 1970, с. 100—104.

²² Сидоров В. В. Отчет о раскопках за 1971 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 4547.

²³ Раушенбах В. М. Неолитические племена бассейнов Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. — МИА, № 172, 1973, с. 153—154.

²⁴ Сидоров В. В. Отчет о полевой работе МОКМ и Московского областного отделения ВООПИК в 1972 г. р-1, № 4888.

²⁵ Урбан Ю. Н. К вопросу о ранне-неолитических комплексах в Калининском Поволжье. — В сб.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 65.

²⁶ Раушенбах В. М. Племена льяловской культуры. — Тр. ГИМ, вып. 44, 1970, с. 51.

²⁷ Алихова А. Е. Саконовская неолитическая стоянка. — В сб.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 117—123.

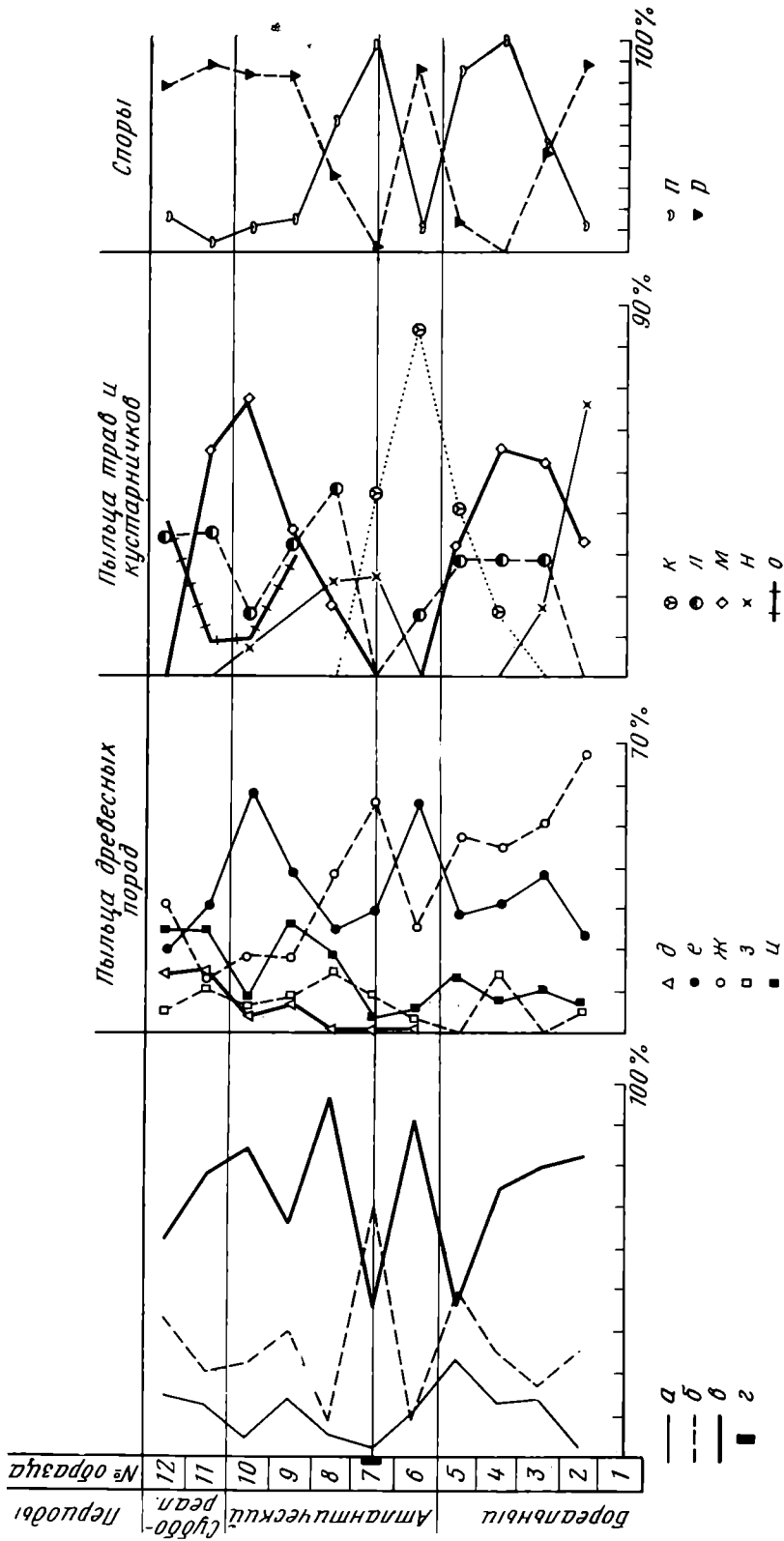

Рис. 10. Спорово-пыльцевая диаграмма торфяника стоянки Луково озеро 1. Условные обозначения: а — пыльца трав и кустарничков, б — споры, в — пыльца древесных пород, г — образец содержащий культурный слой, д — ель, е — сосна, ж — береза, з — ольха, и — дуб, виз, липа, кл — врсесковые, л — злаковые, м — ситовниковые, н — рогозовые, о — лебедовые, о — ситовниковые, п — папоротники, р — сфагновые мхи

ловских памятников в Волго-Окском междуречье наблюдается только на Центрально-Мещерских озерах р. Пры.

До сих пор мы не коснулись датировки комплекса Луково озеро I. В первом приближении ее можно сделать на основании пыльцевой диаграммы (рис. 10), обработанной Г. Н. Лисицыной. По ее оценке, слой (образец № 7) залегает на торфе ранней фазы атлантического периода и перекрывается торфом среднего и позднего атлантикума. Верхние образцы № 11 и 12 относятся уже к суббореалу. Это заставляет относить время вполне сложившейся льяловской культуры к самому началу средней фазы атлантического периода, к рубежу V и IV тысячелетий до н. э. Дата неожиданно древняя: до недавнего времени большинством исследователей дебатировалось только место льяловской культуры в пределах III тысячелетия до н. э. Имеется и серия радиоуглеродных дат: ямочно-гребенчатый комплекс Ивановской III — 2850 ± 250 (ГИН — 241); Подзорово — 2820 ± 60 (ЛЕ — 725); гребенчато-ямочный комплекс Сульки — 2900 ± 60 (ЛЕ — 834); Плещеево IV — 2770 ± 50 (ГИН — 115). Комплексы Берендеево I — 2390 ± 250 (ГИН — 1976); Сахтыш I — второй строительный горизонт — 2110 ± 60 (ЛЕ — 1023) характеризуется керамикой берендеевского типа, развивавшейся параллельно волосовской.

На Масловом Болоте в начале III тысячелетия до н. э. льяловской культуры уже не существовало: протоволосовский слой с гребенчатой керамикой стоянки Маслово Болото IV имеет дату 2830 ± 120 лет до н. э. (ЛЕ — 1239). Стратиграфически этот комплекс заметно позднее льяловской стоянки МБ VII. Сопоставляется с датировками Маслова Болота и даты Заречья I: льяловский слой, типологически близкий к Луковому озеру I, имеет дату 3720 ± 50 (ЛЕ — 969), а волосовский — 2640 ± 50 (ЛЕ — 970). Средний льяловский слой Языкова I — 3540 ± 120 (ЛЕ — 1188), а пятый слой языковского торфяника, который содержит керамику, находящуюся на стадии формирования раннеल्याловского типа, имеет даты 4000 ± 120 и 4300 ± 120 лет до н. э. (ЛЕ — 1190, 1080)²⁸. Вполне согласуется и колонка дат Сахтыша I: нижний строительный горизонт, типологически несколько более поздний, чем Луково озеро I, — 3200 ± 40 (ЛЕ — 1024), второй строительный период, наиболее близкий к МБ VII, — 3050 ± 70 и 2900 ± 70 (ЛЕ — 1020, 1019). В свете этого становится достоверной датировка льяловского комплекса Лукова озера I — типичного комплекса льяловской культуры — временем, близким рубежу первой-второй четвертей IV тысячелетия до н. э.

V. V. Sidorov, A. V. Trusov

LUKOVO OZERO I — A SITE OF THE LYALOVO CULTURE

Summary

The site Lukovo Ozero I in the western part of the Meshera lowland is a rare pure site of the middle neolithic. The cultural deposit was laying in peat, which was destroyed by fire, on the slope of an island in a bogged up lake. The finds composed an accumulation at the square of 140 square metres, corresponding to a surface dwelling with a chain of fireplaces on the sand cushion. Around the fireplaces broken vessels were found (fig. 2). The egg-shaped and conic vessels from 24 to 26 cm in diameter with a sharp bottom (fig. 8) are typical of the Lyalovo culture. The ornamentation is zonal, comb imprints prevail, the background is composed by conic pits. The technology of manufacturing of flint artifacts is characteristic for the middle neolithic. Arrow-heads of different forms (fig. 3, 1—22) are made especially carefully. Many chopping tools are unpolished (fig. 6, 11, 12, 14, 19). The collection includes scrapers, burins, knives made on flakes, polishing slabs. Of specific interest are slate punch (fig. 3, 54) and slate bared hoc (fig. 6, 18). The microlithic artifacts, discovered at the site (fig. 3, 35—47) could have possibly come from an early neolithic site, which is situated higher on the slope of the island. On the basis of the palinological data (G. N. Lisitsina) the site can be related to the middle Atlantic and dated to the first half of the IVth millenium B. C.

²⁸ Урбан Ю. Н. Ук. соч., с. 69.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

ТАМАНСКИЙ КЛАД БРОНЗОВЫХ ОРУДИЙ *

История Таманского полуострова в эпоху бронзы пока остается малоизученной, в то время как эта территория с ее памятниками данного времени представляет большой интерес во многих отношениях, и в том числе, например, для решения проблем взаимоотношений древнего населения полуострова с обитателями Северного Кавказа, а также степей Причерноморья. В силу этого каждая новая находка вещей, проливающих свет как на эту проблему, так и многие другие, имеет большое научное значение. К таким находкам относится клад бронзовых предметов, получивший лишь предварительное освещение в литературе¹. Необходимость полной характеристики предметов из клада, вносящих новые данные в хронологию и типологию орудий эпохи бронзы, и вытекающие из этого вопросы широкого исторического порядка послужили основанием для данной публикации.

Условия находки клада таковы. 12 июля 1965 г. при прокладке шоссе в 500 м к востоку от села Батарейка (Краснодарский край, Темрюкский район, Фанталовский п-ов) бульдозером был разрушен глиняный сосуд, в котором находились бронзовые предметы (рис. 1, 15). Часть из них была собрана учеником местной школы Павлом Суженко и передана работавшей в этом районе Таманской экспедиции ИА АН СССР. К сожалению, это произошло через пять дней после находки. Экспедицией тут же было проведено обследование данного места, где удалось собрать еще некоторое количество обломков бронзовых орудий, фрагменты сосуда, растащенные бульдозером. Кроме того, на месте находки был заложен раскоп в 100 м². В результате установлено, что сосуд с бронзовыми предметами залегал на глубине 0,8—1 м от современной поверхности в коричневатой материковой глине без каких-либо следов существования здесь кургана или поселения. Это дает основание считать, что находка представляла собой клад, сложенный в глиняном сосуде и зарытый в силу каких-то обстоятельств в чистом поле.

Сосуд оказалось возможным реконструировать по значительным кускам его верхней части, дна и отдельным фрагментам тулова. Это круп-

---

* Рукопись статьи из научного архива Н. И. Сокольского подготовлена к печати Н. П. Сорокиной. Большую помощь при работе с рукописью с учетом новой литературы оказал А. М. Лесков.

¹ Сокольский Н. И. Находки эпохи бронзы на Таманском полуострове.— АО — 1965. М., 1966, с. 80. Данная публикация, не ставившая своей задачей исследования всего комплекса, носит лишь информационный характер. Однако отдельные предметы из этого клада уже нашли отражение в литературе (например, Лесков А. М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В сб.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967, с. 169, рис. 15, 15—16; Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.— В сб.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников, вып. VII. М., 1974, с. 169, рис. 76, 4), что свидетельствует о важном значении этой находки, выходящей за рамки истории Тамани эпохи бронзы.

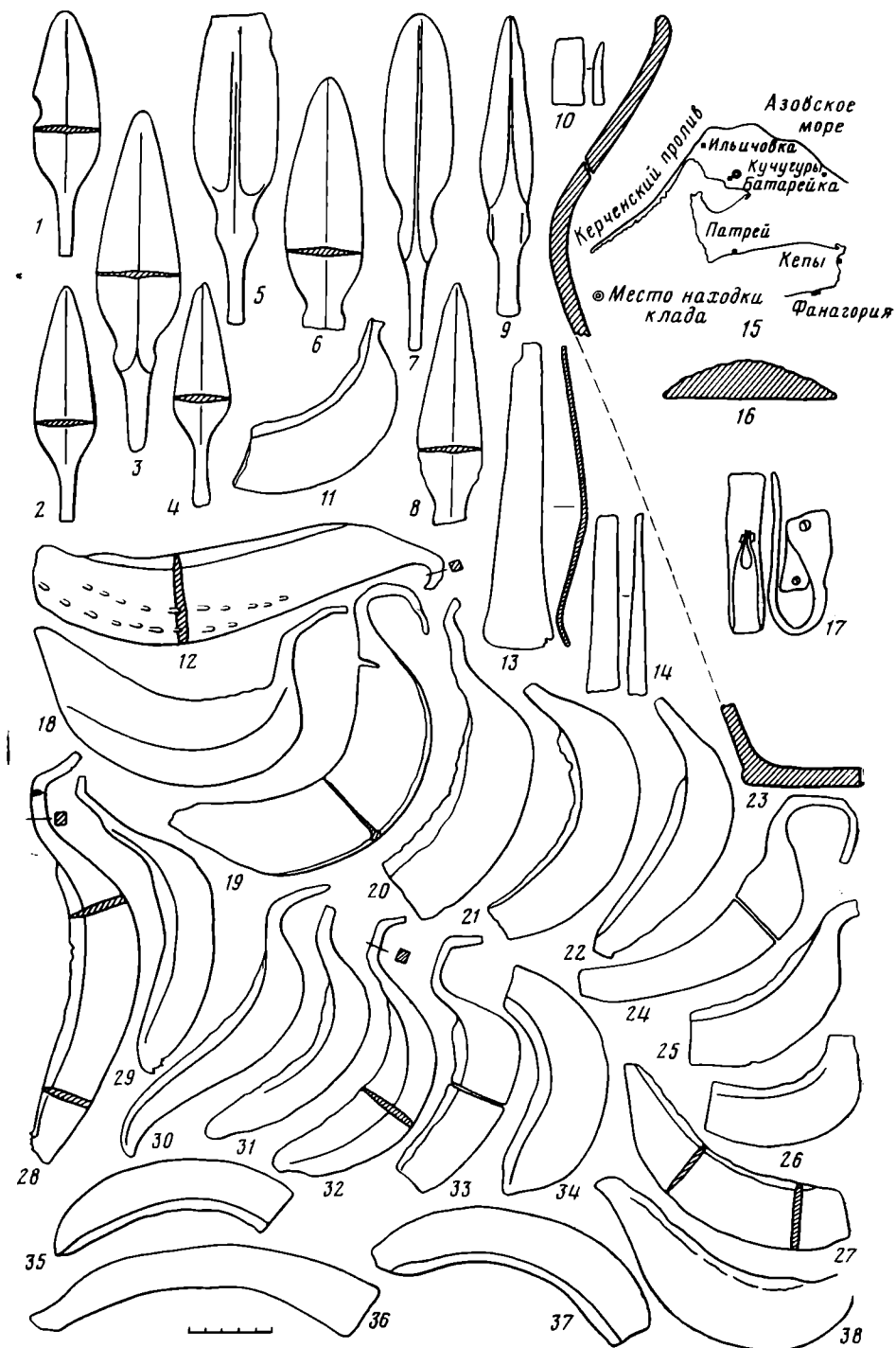

Рис. 1. Бронзовые орудия Таманского клада. 1—9 — ножи; 10, 13, 14 — тесло и обломки тесел; 15 — карта северо-западной части Таманского п-ова и место находки клада у селения Батарейка; 16 — слиток металла; 17 — пластина; 12, 18—22 — серпы; 23 — сосуд, в котором находился клад; 24—38 — серпы и их обломки

ный горшок (рис. 1, 23), максимальный диаметр которого расположен в верхней части тулова. Сосуд имеет прямой короткий венчик. Хотя нижняя часть тулова сосуда восстанавливается только графически, нет оснований сомневаться в том, что она была удлиненной, постепенно суживающейся к плоскому дну с закраиной. Диаметр венчика 25,4 см, диа-

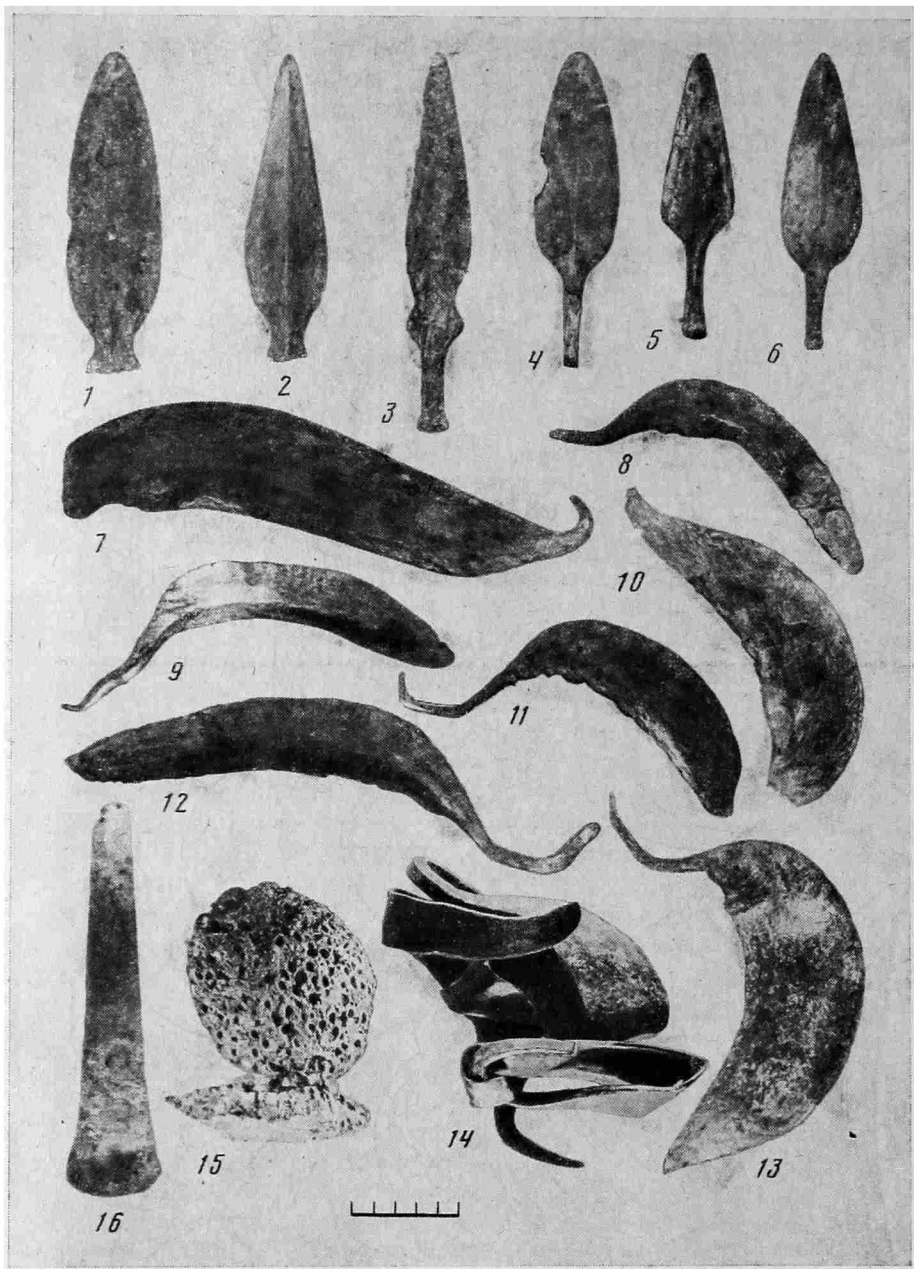

Рис. 2. Бронзовые орудия Таманского клада. 1—6 — ножи; 7—14 — серпы; 15 — слиток, 16 — тесло

метр дна 14,5 см, условная высота сосуда 47—48 см. Горшок вылеплен от руки из плохо промешанного глиняного теста оранжевого цвета по поверхности, а в изломе имеющего серо-черный оттенок. В глине много примеси песка, частиц слюды. Верхняя часть сосуда снаружи заглажена, у дна — шероховатая. На отдельных черепках видны следы окиси бронзы.

Клад или сохранившаяся его часть состоит из целых предметов² (серпы, ножи, тесла), их обломков и слитков металла. В целом насчитывается около 50 предметов, не считая мелкодробленых кусочков от слитков. Интересно, что некоторые орудия были в древности засунуты в сосуд согнутыми (рис. 2, 14). Вероятно, это диктовалось стремлением поместить весь клад в один сосуд.

² Все вещи хранятся в ГИМ. Инв. № 99 948, оп. 1668.

Сохранность вещей различная: одни в хорошем состоянии, с благородной патиной, другие корродированы. На сохранность находок оказало влияние не только время, но и нож бульдозера: особенно от него пострадали серпы, а также слигки, не говоря уже о сосуде. Все орудия литые. Ножи отлиты в двусторонних формах, серпы и тесла — в односторонних, т. е. негативы были вырезаны лишь на одной половине формы, а вторая служила крышкой. Учитывая форму и размеры некоторых серпов, можно полагать, что они были отлиты в одной и той же форме (рис. 1, 22, 29, 31). После отливки изделия тщательно обработаны, на что указывает хотя бы отсутствие на всех без исключения предметах следов литников.

Кузнечная доработка отливок прослеживается на примере серпов. Крюки серпов вытянуты и сформованы ковкой, лезвия оттянуты.

У подавляющего числа орудий лезвия идут узкой полосой от основания крюка, сходя на нет к концу. У нескольких серпов лезвия у крюков оказались выступающими благодаря сильной расковке (рис. 1, 21, 22, 28). В основном лезвия откованы за один прием, и только на одном экземпляре (рис. 1, 18) заметно, что эта операция осуществлялась в два приема. Один из серпов сохранил на поверхности следы инструмента, использовавшегося при кузнечной доработке (рис. 1, 12). Вдоль спинки видны неглубокие овальные вмятины в два ряда от ударов орудия с тупым концом. Характер вмятин показывает, что мастер, держа серп повернутым крюком к себе, наносил короткие частые удары, начиная от носка. Серпы различаются толщиной спинки. У одних она утолщена, у некоторых заострена в результате вторичной обработки. Использовался прием клепки изделий и соответственно пробивки отверстий для этого. Это можно наблюдать на примере пластины неизвестного назначения, обнаруженной в кладе в согнутом, искривленном состоянии (рис. 1, 17).

Как уже отмечалось, в Таманском кладе представлены тесла, ножи, серпы. Кратко охарактеризуем типы этих изделий.

Тесла представлены 3 экз. Одно из них (рис. 1, 13; 2, 16) сохранилось полностью. Это вытянутое трапециевидное орудие с прямой пяткой слегка скрученной рабочей частью. Лезвие и верхняя часть тесла повреждены. По продольной оси орудие изогнуто. Длина тесла 19,2 см, ширина пятки 1,8 см, лезвия — 7,5 см. От двух других тесел или тесловидных орудий (рис. 1, 10, 14) сохранились только обломки средних частей, поэтому реконструкция их первоначального вида невозможна.

Ножи представлены 9 экз., которые делятся на два типа. К первому типу относятся три ножа (рис. 1, 1, 2, 4; 2, 4—6), листовидные клинки которых более или менее плавно переходят в плоские черенки. По центральной оси клинка у каждого ножа первого типа проходит вертикальная нервюра, благодаря которой клинки имеют ромбическое сечение. Длина ножей первого типа от 13,8 до 15 см. Максимальная ширина клинков — от 3,3 до 4 см.

Ко второму типу ножей относятся 6 экз. (рис. 1, 3, 5—9; 2, 1—3). Все они характеризуются наличием намечающегося перекрестия, отделяющего основание клинка от черенка. Различаются между собой ножи второго типа длиной и шириной черенков, а также формой клинков. Однако для всех клинков типично максимальное расширение в нижней части, ближе к его основанию. Благодаря вертикальной нервюре, проходящей по центральной оси клинка (при этом нервюры у ножей второго типа более ярко выражены, чем у ножей первого типа), каждый клинок имеет ромбическое сечение. Хотя три из шести ножей второго типа сохранились неполностью (у двух отбит черенок, у одного — верхняя часть клинка), эти ножи крупнее, чем орудия у первого типа. Длина ножей второго типа (целые экземпляры) от 18,5 до 21 см. Максимальная ширина клинков от 3,2 до 5 см.

Серпы составляют основную часть вещей Таманского клада. В состав клада входило 35 серпов, 21 из которых сохранился полностью или

со сравнительно небольшими изъянами. Остальные 14 серпов представлены лишь обломками концов, крюков или средних частей. Все серпы делятся на два основных типа. Первый представлен лишь 1 экз. (рис. 1, 12; 2, 7). Это слабо изогнутый серп с обломанным и притупленным в итоге вторичной обработки носком, слабо вогнутым лезвием и прямой пяткой, переходящей в откованный короткий крюк. Длина серпа 25 см, максимальная ширина 55 см. В отличие от этого орудия типично степной формы, принадлежащего к серпам кабаковского типа, все остальные 18 сохранившихся экземпляров, а также обломки должны быть отнесены к серпам, характерным для прикубанского очага металлургии и металлообработки, выделенного А. А. Иессеном³. Характеризуя серпы этого типа из Таманского клада в целом, следует отметить, что у большинства из них имеются длинные прямоугольные в сечении крюки, хотя сами серпы сравнительно небольшие, узкие и постепенно сужаются у заостренного или округлого носка. Различаются серпы, кроме того, степенью выгнутости спинки и соответственно вогнутостью лезвия. У четырех орудий (рис. 1, 28, 30, 36, 38; 2, 10, 12) из-за сильной сработанности лезвия у носка концы загнуты кверху. Длина сохранившихся целиком серпов от 16 до 25,5 см, ширина от 2,8 до 5,5 см. Все серпы прикубанского типа, входившие в состав Таманского клада, должны быть отнесены по классификации, предложенной А. А. Иессеном, ко второму типу, который характеризуется «равномерно изогнутой спинкой, без резкого ее перегиба, причем место вливания металла остается невыясненным»⁴. Однако для второго типа серпов, по А. А. Иессену, характерна сравнительно широкая, одинаковая по всей длине плоскость серпа и округлый носок⁵. Этим признакам не соответствуют в полной мере серпы Таманского клада. Вероятно, впоследствии в специальном исследовании и особенно с учетом новых находок (погребения у станицы Удобной, Самарский клад под Ростовом-на-Дону⁶ и др.) появится возможность предложить более детальную типологию прикубанских серпов. Пока лишь отметим, что по степени выгнутости спинки, ширины плоскости и характеру перегиба спинки к рукояти 16 наиболее сохранившихся серпов Таманского клада можно разделить на три подтипа. Первый (рис. 1, 18, 20, 26, 30; 2, 13) характеризуется сравнительно резким переходом от спинки к рукояти. Второй (рис. 1, 11, 19, 21, 25, 38; 2, 10) имеет более плавный переход к рукояти, но сближается с первым подтипом сравнительно широкой плоскостью и степенью изогнутости спинки. Третий подтип (рис. 1, 22, 24, 28—32) по плавности перехода к рукояти близок ко второму, но от обоих подтипов серпы третьего отличаются меньшей выгнутостью спинки, более узкой плоскостью.

Кроме описанных тесел ножей и серпов в составе Таманского клада имеется часть какого-то изделия, сохранившегося в виде согнутой прямоугольной в сечении пластины, один конец которой расщеплен и раскован на две лопасти, а между ними закреплена на заклепке тонкая пластина или вернее ее обломок (рис. 1, 17), а также, судя по обломкам, около 10 бронзовых слитков. Один из слитков, сохранившийся целиком (рис. 1, 16; 2, 15), имел вид круглой лепешки с плоским верхом и выпуклым основанием. Диаметр слитка 10,5, высота 2,5 см. По составу Таманский клад, содержащий помимо слитков в основном поломанные или поврежденные орудия труда, очень напоминает клады эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья и, как и последние, относится к числу так

³ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА. № 23, 1951, с. 25 сл.

⁴ Там же, с. 110.

⁵ Анфимов Н. В. Находки предметов эпохи поздней бронзы близ станицы Удобной.— СА, 1957, № 4, с. 155—157.

⁶ Бочкарев В. С. Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл.— КСИА АН СССР, № 132, 1972, с. 87—89.

называемых сырьевых кладов⁷, предназначенных для переплавки. Вероятнее всего, клад принадлежал литейщику, который и спрятал его вдали от поселения. Особый интерес Таманский клад представляет потому, что в его состав наряду с серпами прикубанского происхождения входят вещи (один серп и шесть ножей с намечающимся перекрестием), типичные для позднесрубной культуры Поволжья и Причерноморья. Именно эти вещи, учитывая еще недостаточно разработанную хронологию прикубанского очага металлургии и металлообработки, имеют важнейшее значение при определении датировки Таманского клада. Так, исследованиями последних лет (В. С. Бочкарев, А. М. Лесков, Е. Н. Черных, И. Н. Шарафутдинова) надежно установлено, что серпы кабаковского типа являются характерными экземплярами и для сабашиновского этапа позднесрубной культуры. Как известно, наиболее распространенной датой для памятников сабашиновского этапа считается XIII—XII вв. до н. э. Ножи с намечающимся перекрестием появляются еще в раннесрубное время. Однако наличие ножа такого типа в Борисовском кладе сабашиновского этапа (наряду с серпом кабаковского типа)⁸ не оставляет сомнения в том, что такие ножи доживают до сабашиновского времени. Об этом же свидетельствует Лобойковский клад⁹ и комплекс литейных форм из с. Голоуров под Киевом¹⁰. Изучая керамику позднесрубной культуры из степей Причерноморья, А. М. Лесков разделяет сабашиновские памятники на две группы — раннюю и позднюю¹¹, определяя дату раннесабашиновских памятников XIII в. до н. э.¹² Видимо, этой дате не противоречат ножи с намечающимся перекрестием из Таманского клада. Относить их еще к раннесрубному времени вряд ли правильно, так как исследования Е. Н. Черных¹³, В. А. Сафронова¹⁴, В. С. Бочкарева¹⁵ показали, что серпы кабаковского типа датируются не ранее сабашиновского времени. Учитывая, что основу Таманского клада составляют серпы прикубанского типа, обратимся к памятникам Прикубанья. Еще А. А. Иессен установил, что старейшие серпы прикубанского типа содержатся в Костромском кладе. Это клад синхронен раннесрубному времени, т. е. его абсолютная дата — не позднее XIV в. до н. э.¹⁶ К концу эпохи бронзы А. А. Иессен отнес Агурский, Боргустанский, Бекешевский клад и погребение у горы Бык¹⁷. В составе этих комплексов содержатся однотипные серпы, а также двушковые кельты (Бекешевский клад) и кобанские кинжалы (погребение у горы Бык). Кельты Бекешевского клада относятся к белозерскому времени, т. е. они датируются самым концом II — началом I тысячелетия до н. э.¹⁸ Этим же временем Е. И. Крупнов датировал ранний этап кобанской культуры (XI—VIII вв.

⁷ Бочкарев В. С. К истории металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы в северо-западном Причерноморье.— Сб. тезисов. Домашние промыслы и ремесло. Л., 1970, с. 7—8; Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Автореф. докт. дис. М., 1975, с. 33.

⁸ Любезное сообщение В. С. Бочкарева.

⁹ Черных Е. Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976, с. 119, табл. XXXV, 28—29.

¹⁰ Шарафутдинова И. М. Бронзолитейная мастеря з с. Голоурів на Київщині.— Археологія, № 12, 1973, с. 61 сл., рис. 3, б.

¹¹ Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Докт. дис. Архив ИА АН СССР, с. 28, 29.

¹² Там же, с. 275—279.

¹³ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 107.

¹⁴ Сафронов В. А. Датировка Бородинского клада.— В сб.: Проблемы археологии. Л., 1968, с. 115, 116.

¹⁵ Бочкарев В. С. Проблемы Бородинского клада.— В сб.: Проблемы археологии. Л., 1968, с. 152, 153.

¹⁶ Лесков А. М. О северопричерноморском очаге..., с. 169, 170.

¹⁷ Иессен А. А. Ук. соч., с. 117.

¹⁸ Лесков А. М. О северопричерноморском очаге..., с. 172, 173.

до н. э.)¹⁹. Хронологический разрыв между костромским кладом икладами типа Боргустанско-Бекешевского хорошо виден при сравнении серпов. Исследование Н. В. Анфимовым курганов у станицы Удобной в значительной мере заполнило эту лакуну. В типологическом ряду развития прикубанских серпов удобнинские серпы занимают среднее положение — они позднее костромских, синхронных раннесрубным памятникам, но архаичнее боргустанско-бекешевских, одновременных белозерским. Вместе с тем часть серпов Таманского клада (рис. 1, 18, 19; 2, 13) близка удобнинским. Таким образом, серпы прикубанского типа из Таманского клада и из станицы Удобной в абсолютных датах должны соответствовать по времени сабастиновским памятникам Северного Причерноморья, т. е. дата Таманского клада в пределах XIII—XII вв. до н. э. подтверждается как материалами прикубанского, так и позднесрубного времени.

N. I. Sokolski

THE TAMANIAN HOARD OF BRONZE ARTIFACTS

Summary

In 1965 at the Taman peninsula (near village Batareyka, Krasnodar region) while building a highway a hoard of bronze artifacts was found. The hoard, placed in a big clay vessel, consisted of bronze sickles, knives, adzes, ingots of metal (nearly 50 objects). The combination of sickles of the North Caucasian type (they compose the majority of the artifacts in the hoard) with a sickle, characteristic for the steppine regions of the North Pontic area, knives and an adze of a specific type let the author date the hoard to the XIIIth — XIIth centuries B. C., i. e. the epoch of the late Bronze Age.

¹⁹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, См. сводную таблицу-вклейку между с. 136 и 137.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Е. Н. ЧЕРНЫХ

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ МЕТАЛЛА ТАМАНСКОГО КЛАДА

Ряд существенных обстоятельств привлекает пристальное внимание к Таманскому кладу бронзовых орудий. Первое из этих обстоятельств заключается в том, что комплекс состоит из предметов, относящихся, с одной стороны, к кавказскому кругу металла, а с другой — к степному восточноевропейскому. Если следовать более общему определению, то в Батарейском кладе ярко отразились черты производства, присущие некоторым позднебронзовым очагам Кавказской и Евразийской металлургических провинций. Комплексы такого рода всегда представляют для исследователей особый интерес как содержащие своеобразный ключ для синхронизации разных типов производства и определения характеристики связей между очагами разнородных провинций. Сам же клад был обнаружен, в сущности, на крайней северо-западной периферии Кавказской провинции позднебронзового века, поскольку территория Крымского полуострова была уже зоной иных провинций, и прежде всего Евразийской.

После распада в середине II тысячелетия до н. э. гигантской Циркумпонтийской металлургической провинции, в системе которой и на Кавказе и в Восточной Европе в ряде родственных очагов процветало родственное производство медно-мышьяковых орудий, вновь сформировавшиеся на этой территории Кавказская и Евразийская металлургические провинции резко различались между собой практически по всем важнейшим признакам. Взаимосвязи между обеими провинциями представляются нам весьма слаборазвитыми; во всяком случае они не носили

сколькo-нибудь органического характера. Соответственно этому граница между указанными провинциями рисуется ныне весьма четкой¹.

Как бы в контраст этому, например, западная граница Евразийской провинции с Европейской (Центральноевропейской) очень расплывчата, а связи между очагами обеих провинций были чрезвычайно тесными. В Поднепровье даже формируется обширная контактная зона, в очагах которой легко распознаются характерные особенности производства названных провинций. Поэтому здесь сравнительно нетрудно синхронизировать отдельные этапы и фазы очагов и культур. Ничего подобного не наблюдалось между очагами Евразийской и Кавказской провинций; отсюда становится ясным, насколько велико значение клада, подобного Таманскому.

Предпринимая спектроаналитические исследования металла клада, мы рассчитывали получить ответы на некоторые из существенных вопросов: 1) химический состав металла, характер сплавов, 2) химические группы меди, 3) рудные источники меди или, по крайней мере, круг металла, связанный единством происхождения. Для этой цели в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР был исследован состав металла 33 предметов клада (табл. 1). В их числе два слитка (ан. 5033 и 5034); 19 серпов и их обломков (ан. 5002—5020, рис. 1, 11, 12, 18—38; 2, 7—14)², 9 ножей и их обломков (ан. 5021—5029, рис. 1, 1—9; 2, 1—6 — см. в статье Сокольского), 3 тесла вместе с обломком (ан. 5030—5032, рис. 1, 10, 13, 14 — см. в статье Сокольского).

Металл, из которого отлиты орудия клада, представляет собой мышьяковую бронзу с концентрациями мышьяка в меди от 1 до 5,5%. Искусственный характер примеси мышьяка доказывается, во-первых, резким различием ее содержания в слитках черновой меди, обычно никогда искусственно не легированных, и в орудиях клада. Во-вторых, отмечается дифференцированный подход при введении примеси мышьяка в металл изделий разных категорий. На рис. 1 представлена частотная гистограмма распределения концентраций мышьяка в меди изучаемого комплекса. Не зная на небольшое количество исследованных образцов, легко отмечается несколько группировок, определяемых на графике по вершинам фигуры распределения. Можно думать, что эти группировки обозначают своеобразные границы сортов (рецептов) медно-мышьякового сплава, который употреблял древний литейщик.

В табл. 2 показана определенная закономерность в распределении основных категорий изделий по группировкам или же «сортам» мышьяковой бронзы. Серпы явно тяготеют к низколегированным сплавам, ножи — к высоколегированным. Такая закономерность, видимо, была обусловлена требованиями к механическим свойствам каждой из категорий: металл для ножей должен был быть тверже, нежели для серпов.

Литейщики, которым принадлежал клад, фактически не знали олова в качестве легирующей примеси. Только в одном ноже (ан. 5027) содержание олова достигает 0,35%, в прочих изделиях оно отмечено преимущественно в тысячных и десятитысячных долях процента.

В двух случаях концентрации сурьмы превышали 1% (ан. 5015 и 5025, серп и нож). Сурьма иногда, особенно в Закавказье, применялась в качестве самостоятельной лигатуры или же в сочетании с мышьяком

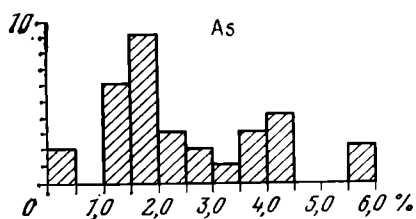

Рис. 1. Распределение концентраций мышьяка в меди клада у Батареики

¹ Черных Е. Н. *Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР*. — СА, 1978, № 4, рис. 9.

² Изображения самих предметов помещены в статье Н. И. Сокольского (см. этот номер журнала «Советская археология»).

Результаты спектрального анализа металла клада у с. Батарейка

Таблица I

Шифр лабораторий	Предмет	Рисунок (по статье Сокольского)	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
5002	Серп	1,18; 2,13	0,0014	0,007	—	0,007	0,02	0,11	2,5	0,023	0,12	0,002	0,002	0,003
5003	»	1,32; 2,11	0,0008	0,003	—	0,001	0,002	0,005	1,8	0,003	0,013	—	—	—
5004	»	2,14	0,0009	0,006	—	0,007	0,005	0,015	1,3	0,003	0,03	—	?	—
5005	»	1,25	0,001	0,027	—	0,0015	0,005	0,009	1,2	0,02	0,012	—	0,002	—
5006	»	1,38	0,0016	0,007	—	0,0025	0,015	0,016	1,1	0,001	0,023	—	—	—
5007	»	1,26	0,001	0,006	—	0,0025	0,003	0,016	3,5	?	0,025	0,001	—	—
5008	»	1,37	0,0005	0,004	—	0,001	0,01	0,045	1,0	0,003	0,05	—	—	—
5009	»	1,31	0,008	0,018	—	0,002	0,014	0,09	1,6	—	0,13	—	—	—
5010	»	1,28; 2,12	0,0014	0,008	—	0,005	0,03	0,033	1,8	—	0,15	—	—	—
5011	»	1,24; 2,14	0,0005	0,004	—	0,002	0,02	0,05	4,0	0,001	0,08	0,003	—	—
5012	»	2,14	?	0,009	—	0,002	0,002	?	3,0	?	0,006	—	—	—
5013	»	1,30	0,0006	0,02	—	0,0035	0,002	0,11	1,7	—	0,018	?	—	—
5014	»	1,29; 2,9	0,023	0,016	—	0,004	0,013	0,04	4,0	0,001	0,055	—	—	0,001
5015	»	1,35	0,0006	0,001	—	—	0,15	2,0	1,6	0,002	1,3	—	—	—
5016	»	1,34	0,005	0,022	—	0,0015	0,015	0,23	1,0	?	0,016	—	—	—
5017	»	2,14	0,03	0,027	—	0,007	0,15	0,04	2,1	?	0,06	—	—	?
5018	»	1,12; 2,7	0,005	0,03	—	0,0025	0,13	0,03	3,5	0,003	0,03	—	—	—
5019	»	1,27	0,0015	0,045	—	0,009	0,08	0,003	1,2	0,001	0,023	—	—	—
5020	»	1,36	0,009	0,016	—	0,003	0,015	0,007	1,9	?	0,02	—	—	?
5021	Нож	1,3	0,0006	0,006	—	0,003	0,014	0,02	2,0	0,005	0,03	0,003	?	?
5022	»	1,1; 2,4	0,2	0,03	—	0,0035	0,1	0,25	2,5	0,004	0,3	—	—	0,001
5023	»	1,8; 2,8	0,0008	0,03	—	0,004	0,01	0,01	4,2	0,001	0,016	—	—	?
5024	»	1,9; 2,3	0,011	0,6	—	0,002	0,13	0,2	5,5	0,001	0,4	—	—	?
5025	»	1,5	?	0,03	—	0,0025	0,25	1,3	3,5	0,001	0,55	—	—	—
5026	»	1,7	0,003	0,02	—	0,002	0,1	0,13	1,5	0,001	0,4	—	—	0,001
5027	»	1,4; 2,5	0,35	0,03	—	0,004	0,1	0,07	2,1	0,003	0,016	—	—	—
5028	»	1,2; 2,6	0,005	0,03	—	0,004	0,05	0,045	5,5	0,003	0,25	—	—	0,001
5029	»	1,8; 2,2	0,0015	0,025	—	—	0,4	0,45	4,2	?	0,6	—	—	0,001
5030	Тесло	1,13; 2,16	0,003	0,01	—	0,007	0,014	0,009	1,9	0,002	0,04	0,007	—	0,001
5031	Обломок тесла?	1,10	0,0025	0,023	—	0,008	0,015	0,06	5,5	0,0015	0,13	?	—	—
5032	Тесло	1,14	0,0006	0,027	—	0,007	0,15	0,07	1,5	0,001	0,3	0,003	—	—
5033	Слиток	2,15 (низ)	0,0005	0,027	—	0,0025	0,005	?	0,02	0,023	0,045	0,009	—	—
5034	»	2,15 (верх)	0,06	0,15	0,1	0,06	0,2	?	0,45	2,0	0,04	0,1	—	0,001

Примечание. Медь является основой всех проанализированных образцов; номера рисунков приводятся по статье Н. И. Сокольского.

и оловом. Доказать ее искусственный характер в указанных образцах Таманского клада достаточно затруднительно, хотя предположение такого рода, видимо, имеет право на существование.

Итак, перед нами искусственные мышьяковые бронзы — традиционный со времен еще IV тысячелетия до н. э. кавказский тип сплава. Во время бытования клада, синхронного началу предананьинского хронологического горизонта в Волго-Уралье, заводово-лобойковскому очагу в Левобережной Украине, кобанскому и колхидскому очагам на Кавказе, этот

Таблица 2

Распределение изделий в кладах в зависимости от концентрации мышьяка в сплаве

Концентрация мышьяка в %	Слитки	Серпы	Ножи	Тесла
Менее 0,5	2	—	—	
1—3	—	15	4	
3,5—4,2	—	4	3	
5,5	—	—	2	

тип сплава был практически забыт мастерами на широких пространствах Евразии. Прикубанский же очаг³, к которому и типологически, и территориально, и теперь уже по химическим показателям относится Таманский клад, оставался островком архаичной технологии, где фактически не знали оловянных бронз — этого почти повсеместно распространенного нововведения позднего бронзового века. Отставание Прикубанья в отношении металлообработки, начавшееся с исчезновением здесь майкопской культуры раннебронзового века, все время усугублялось вплоть до I тысячелетия до н. э.⁴

В отношении химических групп металл Таманского клада представляется относительно монотонным и принципиально не выходит за рамки тех совокупностей, которые бытовали на Северном Кавказе в предшествующее время, т. е. кубанской и терской⁵, а также отчасти в центральных районах Северного Кавказа.

В связи с химическими группами остановим свое внимание лишь на трех парах корреляционной взаимозависимости концентраций: мышьяк — сурьма, сурьма — никель и сурьма — серебро (рис. 2). Первая пара примесей — «мышьяк — сурьма» характеризуется нулевым показателем коэффициента корреляции. Иначе говоря, введение мышьяка в медь перед отливкой изделий не влекло за собой попадание туда же сурьмы; последняя если даже иногда и вводилась намеренно в эту же медь, то совершенно независимо от мышьяка, отчего его концентрации оставались неизменными. В противоположность этому, положительная взаимосвязь между содержаниями сурьмы и серебра и в особенности сурьмы и никеля совершенно очевидна (рис. 2). Были ли связаны эти элементы геохимически в каком-то минерале, добавлявшемся в исследуемую медь, сказать сейчас трудно; вероятно, мы столкнулись здесь с довольно редко встречающейся в раннем металле закономерностью. Не исключено, что это явится общим признаком какой-то еще неясной для нас химической группы меди, бытовавшей в прикубанском очаге позднебронзового века. В связи с этим интересно заметить, что три образца, частично уже упоминавшиеся выше (серп и два ножа с перекрестьем, ан. 5015, 5025, 5029) и содержащие самые высокие доли сурьмы, характеризуются также наивысшими концентрациями никеля и серебра.

³ Иссен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. — МИА, № 23, 1951.

⁴ Барцева Т. Б. О цветной металлообработке на территории Северного Кавказа в раннем железном веке. — СА, 1974, № 1, с. 24—37.

⁵ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 41—50.

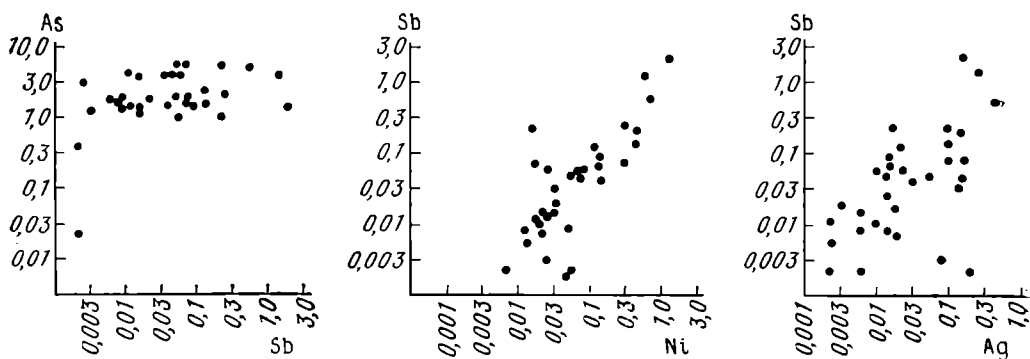

Рис. 2. Корреляционная взаимозависимость концентраций мышьяка и сурьмы, сурьмы и никеля, сурьмы и серебра в меди клада у Батарейки

Вообще же следует сказать, что изучение химических групп меди в прикубанском очаге позднебронзового века только начинается и мы до сих пор не вполне представляем четких характеристик интересующих нас совокупностей металла. Вот почему наши сравнения меди Таманского клада с иными коллекциями будут проведены на недостаточно строгом уровне. Предварительные сопоставления, однако, позволяют довольно уверенно считать, что в химическом отношении металл комплекса имеет довольно близкие и многочисленные параллели в ряде памятников Прикубанья, а также в центральных районах Северного Кавказа. В бассейне Кубани подобный металл известен в недавно найденном клада у станицы Ахметовская⁶ и в весьма интересных комплексах из курганов у станицы Удобная (в последних северокавказские типы серпов и ножей сочетались с кинжалчиками степного облика). Географически более отдалены, но в химическом отношении столь же близки Таманскому металлическим изделиям из так называемого Ростовского клада (найден в 1963 г. у аэропорта г. Ростова-на-Дону) и Самарского клада Азовского р-на Ростовской обл.⁷ Ростовский клад состоит как бы из двух частей: серпы северокавказские, отлитые из металла, идентичного батарейскому, и иные находки — тесла, кинжал, булава, отлитые из оловянных бронз.

Подведем краткие итоги исследования. Изделия Таманского клада отлиты из принципиально единой в химическом отношении мышьяковой бронзы, имеющей кавказские, но пока что точно не локализованные источники. Особый интерес вывода заключается в том, что мы можем отвергнуть гипотезу об импортном характере орудий степных типов и утверждать их местное производство, равно как и иных изделий, характерных для прикубанского очага. По всей вероятности, мы столкнулись с фактом подражания местных мастеров чуждым образцам, либо имело место привнесение степными литейщиками своих стереотипов на Кубань и заимствование здесь местных типов орудий наряду с использованием местных источников металла. Интересно заметить также, что практически все известные на Кавказе орудия степных типов — кельты, ножи, серпы — отлиты из кавказского металла. Наиболее вероятным степным районом, с которыми можно связывать прототипы исходных образцов, найденных, в частности, в Таманском клада, или же районом, откуда проникли на Тамань сами литейщики, был заводово-лобойковский очаг, охватывающий Левобережье Украины, бассейн Донца и Крым. Об этих контактах мне уже приходилось писать в связи с исследованием металла на Юго-Западе СССР⁸.

⁶ Маркович В. И., Глебов А. И. Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской.— СА, 1979, № 2, с. 239—245.

⁷ Бочкарев В. С. Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл.— КСИА АН СССР, № 132, 1972, с. 87—91.

⁸ Черныш Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, с. 119, 121, 194.

В. П. КОПЫЛОВ, К. К. МАРЧЕНКО

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ДОНУ

Этнокультурная атрибуция обширного курганного могильника скифского времени, расположенного в непосредственной близости от Елизаветовского городища на Дону, все еще далека от своего разрешения¹. Данное обстоятельство, на наш взгляд, в значительной мере объясняется отсутствием специальных исследований, посвященных этнически наиболее показательным категориям вещественных находок из погребений. В их числе важнейшее значение, несомненно, имеет и местная лепная керамика, послужившая в свое время одним из основных критериев установления единства материальной культуры населения, оставившего Елизаветовский могильник и одноименное с ним городище².

За длительный период изучения могильника (более 125 лет) на его территории раскрыто 276 курганов с 359 погребениями. К сожалению, большая часть материалов из раскопок дореволюционных лет безвозвратно утеряна³. На сегодняшний день мы располагаем лишь 212 более или менее надежно документированными погребальными комплексами, около 25% которых безусловно содержало один-два, редко три сосуда, сработанных от руки. Из указанных 212 погребений скифского времени 129 сравнительно точно датируются греческим импортным материалом, что позволяет выявить значимое уменьшение во времени удельного веса комплексов с лепной керамикой:

Время	Общее количество датированных погребений	Погребения с лепной керамикой
V в. до н. э.	42	20
IV в. до н. э.	87	12

Как было установлено ранее, параллельно с уменьшением количества лепной керамики в захоронениях происходило существенное сокращение и числа погребений с греческой посудой, изготовленной на кругу⁴. Истинные причины этих явлений остаются пока невыясненными.

¹ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 49—51, 65—69; *его же*. К этнической истории Нижнего Подонья.— Изв. СКНЦВШ. Серия общ. наук., 1974, № 3, с. 45, 46.

² Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг.— ИРОМК, 1959, № 1 (3), с. 26; *его же*. Ушаковский курган.— СА, 1966, № 1, с. 190.

³ Леонтьев П. М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса.— Пропелеи, т. IV. М., 1854; Хицунов П. И. Отчет о раскопках. Архив ЛОИА АН СССР, ф. № 1, д. 10, 1869, л. 56—70; Ушаков И. И. Отчет о раскопках. Архив ЛОИА АН СССР, ф. № 1, д. 240, 1901.

⁴ Брашинский И. Б. Аттическая расписная и чернолаковая керамика V в. до н. э. из Елизаветовского могильника.— Тр. ТГЭ, XVII, 1976, с. 99.

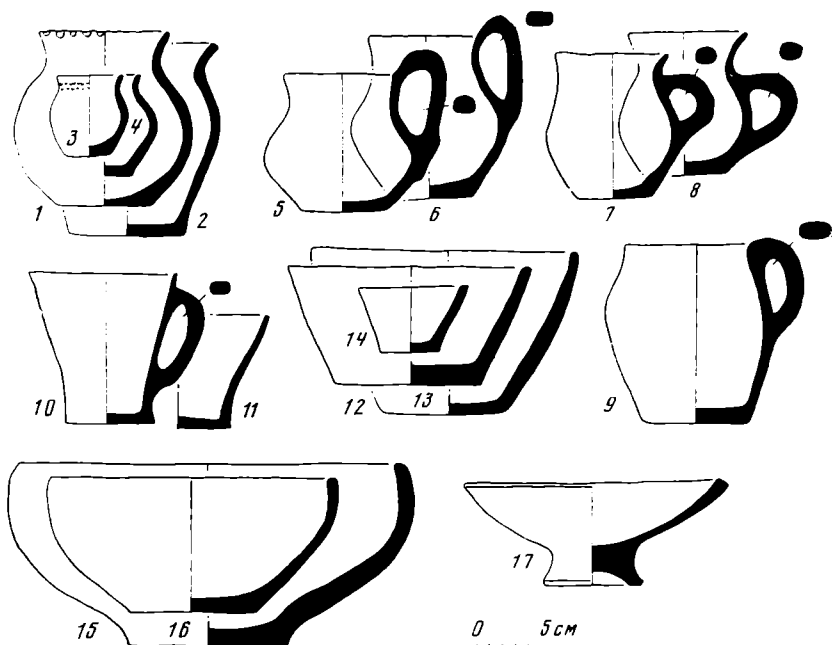

Рис. 1. 1—17. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону

Необходимо все же отметить, что оба эти имевшие одинаковую направленность процесса протекали на фоне расширения торговой и хозяйственной деятельности жителей Донской дельты скифского периода, расцвет которой падает именно на IV в. до н. э., и что, таким образом, их невозможно ставить в прямую зависимость от экономических факторов. Дело скорее в изменении каких-то деталей самого погребального обряда елизаветовцев, постепенно трансформировавшегося под воздействием менявшихся условий жизни.

Общее количество учтенных в классификации лепных сосудов составляет 52 экз.⁵ Подавляющее большинство из них происходит из погребений в малых, рядовых курганах могильника. В морфологическом отношении в указанной выборке можно выделить как минимум шесть типов. В основе выделения лежат визуально фиксируемые различия в форме сосудов.

Тип I (рис. 1, 1—4). Плоскодонный горшок с выраженным горлом с более или менее плавно отогнутым наружу плоско срезанным (как вариант скругленным) краем и округло выгнутыми в средней части выпуклыми плечами. Диаметр устья больше диаметра дна. Тип представлен 23 экз. Основные размеры горшков: диаметр устья 4—21 см, диаметр дна 4—13,5 см, высота 5—26,5 см.

Поверхность сосудов шероховатая, без следов лощения. Шесть экземпляров украшены орнаментом. Четыре из них украшены рядом пальцевых (погтевых) вдавлений или зацепов, расположенных по краю венца (рис. 1, 1). Пятый горшок имеет два ряда пальцевых вдавлений по горлу и краю одновременно. Шестой — орнаментирован по горлу частыми вдавленными кружками, нанесенными пустотелой соломинкой или обрезанным пером (рис. 1, 3).

Время бытования типа охватывает практически весь период функционирования Елизаветовского могильника — V — рубеж IV—III вв. до н. э. Судя по положению отдельных сосудов в погребениях (под горлом лежа-

⁵ В указанное число не вошла керамика из тризн, засыпи погребений и насыпей курганов.

щей амфоры либо между амфорой и остатками напутственной пищи), тип полифункционален. В пользу этого вывода, по-видимому, косвенно свидетельствует и значительная вариабельность основных параметров горшков, часть которых (3 экз.) имеет столь небольшие размеры (диаметр устья меньше 7 см), что может быть отнесена к своего рода игрушкам — символам настоящей кухонной посуды. Весьма примечательным в этой связи является и факт нахождения двух таких игрушек именно в детских погребениях.

Нет никакого сомнения в том, что описанный тип горшков в целом тождествен наиболее распространенному на Елизаветовском городище I типу сосудов⁶. Имеющиеся различия касаются главным образом второстепенных признаков (отдельных видов орнаментации) и могут быть объяснены нерепрезентативностью выборки. Единственным, с нашей точки зрения, существенным отличием является отсутствие среди горшков из могильника сосудов относительно больших размеров, так называемых корчаг, предназначенных для длительного хранения продуктов питания, что, вероятно, следует связывать с характером самого погребального обряда.

Констатируемая сопоставимость позволяет в свою очередь с большей легкостью очертить для скифского периода ареал типологически схожей керамики, это — степные и лесостепные районы Северного Причерноморья от Дона до Днестра. Как уже было установлено, наиболее близкие параллели типу I имеются прежде всего в комплексе конца V—IV в. до н. э. с Каменского городища на Днепре⁷. Аналогичная посуда более раннего, V в. до н. э. хорошо известна, например, по скифским памятникам лесостепного днепровского левобережья⁸.

Тип II (рис. 1, 5, 8). Плоскодонный кубок с простой вертикальной петельчатой ручкой. В материалах погребений имеется девять сосудов этого типа. Восемь кубков полностью восстанавливаются. Фиксируются два варианта формы. Первый (4 экз.) — кубки с биконическим или приближающимся к биконическому туловом; приподнятая над венцом на 1,5—2,0 см ручка прикреплена к краю и наиболее широкой части сосуда (рис. 1, 5, 6). Второй вариант — кубки с приближающимся к биконическому или округлым туловом; ручка прикреплена к плечу и нижней части сосуда (рис. 1, 7, 8). Несмотря на указанные различия, основные размеры кубков поразительно близки: диаметр устья 8—10 см, диаметр дна 5—7 см, высота 10—13 см.

Все кубки коллекции имеют хорошо лощеную поверхность серого или черного цвета. Судя по положению сосудов в погребениях (под горлом лежащей амфоры либо рядом с ее туловом), тип однофункционален. На основании датировок греческой импортной посуды время бытования кубков ограничивается пределами только V в. до н. э. Хронологически несколько более ранний первый вариант сосудов уже со второй четверти-середины V в. до н. э. сосуществует с кубками второго варианта.

При сопоставлении типа с морфологически сходной посудой Елизаветовского поселения прежде всего обращает на себя внимание его значительно больший удельный вес в комплексе местной керамики могильника, с одной стороны, и, несомненно, более короткий период бытования — с другой⁹. Среди иных специфических признаков типа следует отметить: полное отсутствие орнаментации, заметную стандартность основных размеров и тщательность обработки поверхности — лощение. Не

⁶ Марченко К. К. Лепная керамика V—III вв. до н.э. с городища у станции Елизаветовской на Нижнем Дону. — СА, 1972, № 1, с. 123—129, рис. 2, 1, 2.

⁷ Там же, с. 129.

⁸ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, табл. LVIII, 7—9, 15; табл. LX, 2, 4, 5, 8—10, 18, 20, 24; Ковпаненко Г. Т. Племена скифского часу на Ворсклі. Київ, 1967, с. 124, 125, рис. 52, 41, 46.

⁹ Марченко К. К. Ук. соч., с. 125, рис. 2, 4.

обнаружено, наконец, в погребениях и кубков с ручкой, прикрепленной к краю и тулову,— первый вариант формы, но не поднимающейся над вендом, что как раз и характеризует городищенскую посуду. В этой связи небезынтересно упомянуть находку именно такого сосуда в одной из тризн могильника, датируемую серединой V в. до н. э. (рис. 1, 9). Помимо указанной формы ручки кубок из тризны сближают с керамикой из поселения относительно большие размеры и грубость исполнения — отсутствие лощения.

Аналогии кубкам Елизаветовского могильника за пределами Нижнего Подонья мы находим в материалах VI—IV вв. до н. э. с различных в этнокультурном отношении памятников Причерноморья, в том числе в погребальном инвентаре населения Северного Кавказа и Днепровского лесостепного левобережья¹⁰.

Тип III (рис. 1, 10). Кружка в виде перевернутого усеченного конуса с простой вертикальной петельчатой ручкой, прикрепленной ниже прямого края. Стенки сосуда слегка прогнуты вовнутрь в средней части тулова. Поверхность носит следы хорошего лощения серого или черного цвета.

В материалах могильника имеются как минимум два экземпляра кружек. Одна из них обнаружена под горлом лежавшей амфоры в погребении, суммарно датируемом V—IV вв. до н. э. Данные о положении второй кружки, найденной в погребении первой половины V в. до н. э., отсутствуют¹¹. К этому же типу условно отнесен еще один сосуд сходной формы (рис. 1, 11), также найденный под горлом лежавшей амфоры, но в погребении второй половины V в. до н. э. Сомнения в этом случае вызваны несколько иными пропорциями и отсутствием каких бы то ни было следов ручки. Последнее обстоятельство, впрочем, может являться следствием плохой сохранности кружки, значительная часть тулова которой не сохранилась.

За пределами Елизаветовского могильника кружка сходной формы нам известна только в коллекции лепной посуды из погребений скифского времени Посулья¹².

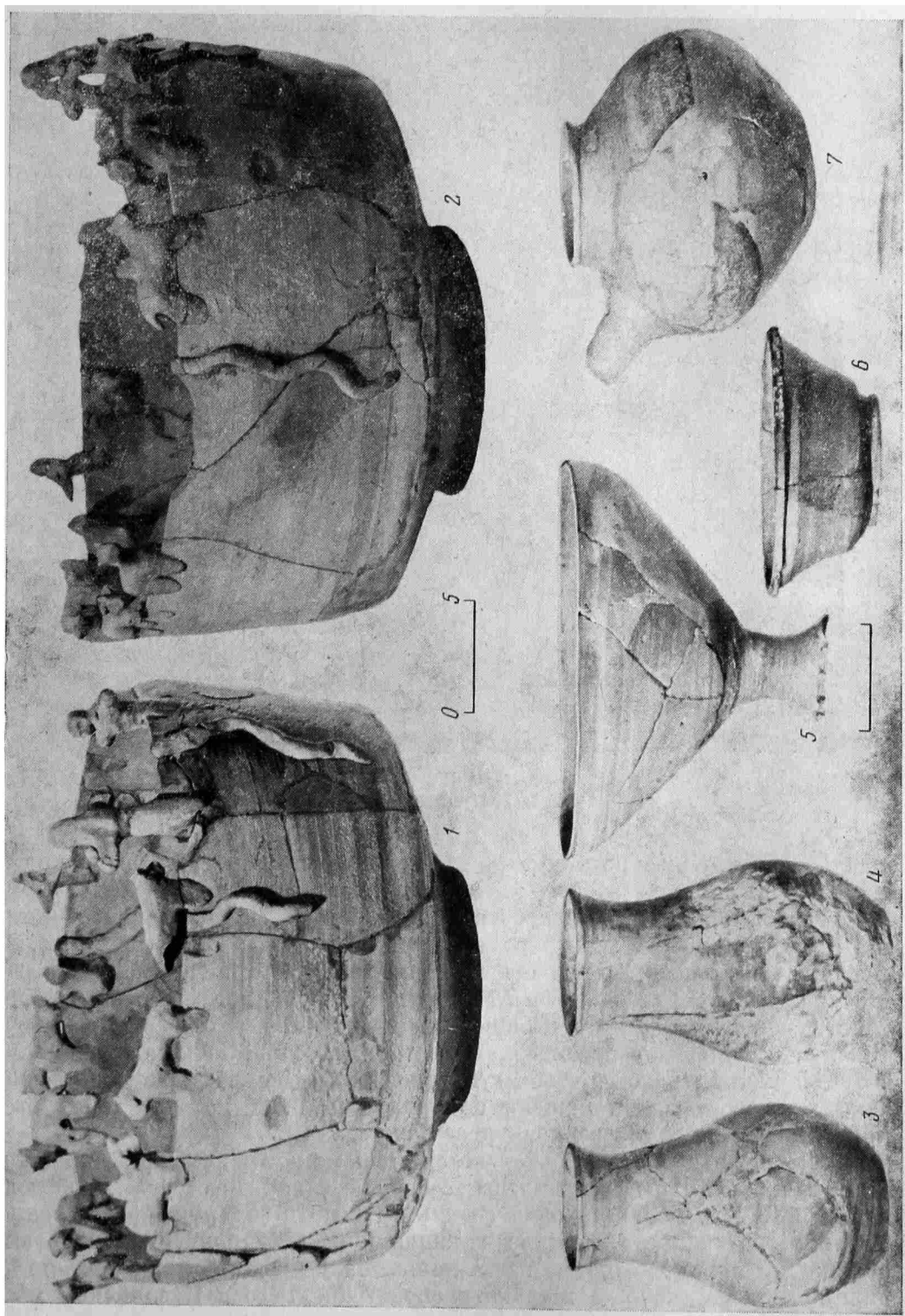

Рис. 2. 1-2 -
 культовый сосуд;
 3-7 сосуды, нахо-
 дящиеся внутри
 культового

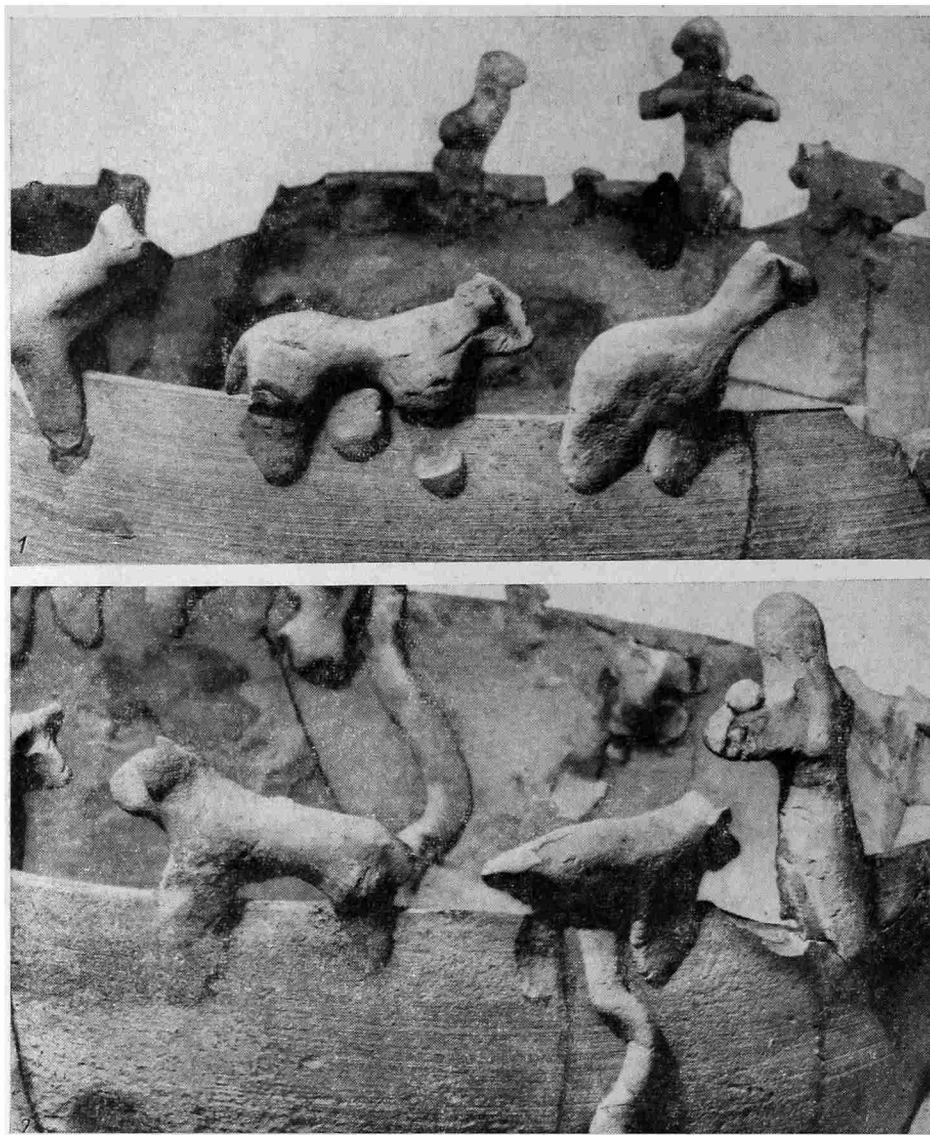

Рис. 3. Культовый сосуд (детали)

изображает крупное рогатое животное, возможно горбатого быка индийской породы. Породу второго животного, возможно осла, определить труднее: отметим лишь, что шея сверху подчеркнута специальными заплатами, возможно передающими гриву, а уши опущены вниз (рис. 4, 1, 2). Оба животных изображены в явно противоборствующей позе. Непосредственно за горбатым животным, снаружи от перегиба, извиваясь вверх, тянется змея, голова которой покоится на венчике, заходя внутрь сосуда (рис. 4, 4). Рядом участок венчика отбит, но ниже облома поверхность сосуда никаких следов от былых налепов не сохранила, однако не исключено, что здесь были помещены фигурки типа птиц, которые могли быть прикреплены на самом верхнем крае бортика.

Следующее изображение, от которого к моменту находки сохранился лишь контур, было налеплено не на бортик, а внутри сосуда. Дообследование в 1977 г. места находки сосуда привело к обнаружению налепной фигурки, которая с точностью подошла к бывшему контуру. По общему облику это существо ближе всего напоминает представителя ластоногих, видимо тюленя, некогда широко распространенного в Каспийском море. В самом деле, подтреугольная, вытянутая головка, широкие ласты-ноги

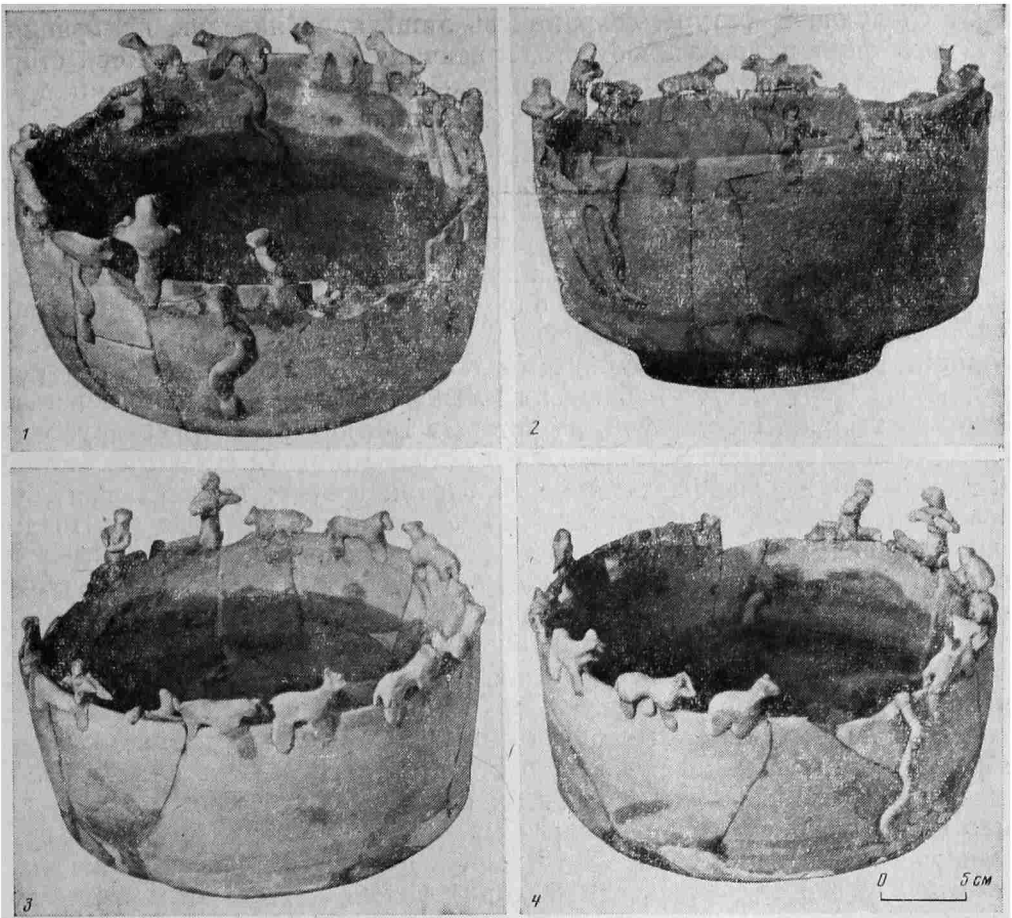

Рис. 4. Культовый сосуд

более всего похожи на это животное, чем, например, на лягушку или черепаху.

Другие четыре фигуры изображают животных, цепочкой идущих друг за другом (рис. 4, 3, 4). Первое по отношению к тюленю — животное неясной породы с коротким телом, высокой шеей, головкой с торчащими ушами, без хвоста. За ним следует рогатое животное с длинным хвостом. Изнутри сосуда почти от дна, извиваясь, к нему тянется змея, голова которой высовывается из-под живота.

Следующее за ним животное с длинным хвостом, повернутой внутрь сосуда головой с поднятыми вверх, заостренными ушами и оскаленной мордой скорее всего передает образ хищника, возможно волка. Наконец, четвертой в этой группе является фигурка животного с загнутым вверх коротким хвостом, поднятыми, заостренными ушами и полуоткрытым ртом; голова повернута так, что она как бы обнюхивает вперед идущее животное. Эта пара относится, видимо, к диким животным, возможно одной породы, в период брачного сезона (разная длина хвостов объясняется общим схематизмом всей композиции).

Две следующие фигуры снова помещены с внутренней стороны сосуда (рис. 2, 2), это, по-видимому, тюлень, как бы выбирающийся наверх, и рядом выползающая змея; головы их слегка возвышаются над краем сосуда.

За ними на бортике следует фигурка сидящей птицы со сложенными крыльями и округлой головой, отдаленно напоминающая орла или совку. Рядом с ней, но внутри сосуда, частично сохранилась наклепная фигурка тюленя, голова которой отбита (рис. 2, 2, в центре).

От следующей фигуры сохранилась лишь пара налепов, прикреплявших ноги, по-видимому животного, к венчику сосуда. С наружной стороны извивается змея, голова которой заканчивается между ногами предполагаемой фигурки животного. К сожалению, последний участок, непосредственно примыкающий к фигурке человека с руками, сложенными на спине, отбит; изнутри сосуда на этом месте частично сохранилась налепная змея, как бы выползающая наверх (рис. 1, 1, в центре). Такова в целом композиция фриза на культовом сосуде с поселения Тоголок 1.

Очевидно, что это не простая жанровая сцена, а глубоко символическая композиция, включающая определенные персонажи, отражающие мифологические представления, связанные с ритуалами священных возлияний, неизменными атрибутами которых являлись подобного рода сосуды. Из формальных наблюдений можно отметить, что всего изображено три тюленя, шесть змей, из которых три внутри и три снаружи сосуда. Головки трех змей упираются в животы животных, а трех остальных свободно перевешиваются через бортик сосуда; не исключено, что число три являлось кратным или иначе «священным числом». Показательно также, что все персонажи композиции вполне реальные существа, свидетельствующие о реалистическом по форме, но глубоко культовом по содержанию искусстве. Наиболее показательная и характерная черта — это предельная степень схематизации в изображении скульптурок: у людей еле намечено лицо без намека на передачу каких-либо деталей, причесок, головных уборов, одежды. Возможно, они были обнаженные, но и в таком случае тела их переданы предельно условно, можно сказать, небрежно, едва заглажены, нередко с отпечатками пальцев гончаров. То же касается изображения животных, птиц и рептилий. Все это можно было бы отнести за счет незрелого мастерства гончара-керамиста, изготовившего этот конкретный сосуд, однако налепные фигурки людей и животных, некогда венчавших бортики подобных сосудов, известны с других поселений Маргианы, и в массе своей они также вылеплены весьма условно и обобщенно.

Так, с поселения Тоголок 1 происходит антропоморфная статуэтка с едва намеченной головой и руками вытянутыми вперед в позе «широкого объятия» (рис. 5, 1). Близкая по типу, но столь же схематичная антропоморфная фигурка с вытянутыми руками найдена на поселении Тоголок 21 (рис. 5, 2). Иконографически они отличны от человеческих фигурок с рассматриваемого сосуда, что свидетельствует о разнообразии поз, которые придавались антропоморфным скульптуркам на культовых сосудах. В еще большей степени на это указывает мужская антропоморфная статуэтка с поселения Тоголок 11 в виде столбика с еле намеченными руками, но с достаточно четко выраженными признаками пола.

Среди имеющейся коллекции выделяются терракотовые статуэтки горбатых быков с Тоголок 11 (рис. 5, 12) и Гонур-депе (рис. 5, 15), точно копирующие скульптурку быка на исследуемом сосуде. С Тоголок 2 происходит почти целая фигурка двугорбого верблюда-бактриана (рис. 5, 8) и еще две — с Тоголок 1 (рис. 5, 9, 10). Наряду с сидящими, по-видимому, изображались и летящие (или парящие) птицы (рис. 5, 16), причем в одном случае такая сильно фрагментированная статуэтка сохранила часть бортика от самого сосуда, на котором она некогда была укреплена (рис. 5, 19). Не исключено, что различные иконографические изображения передают варианты одного и того же персонажа (в данном случае птицы), но в разных позах, как, например, прилетающая с неба и затем сидящая на земле птица.

У некоторых фигурок изогнутые тела, передающие позу животного, как бы заглядывающего внутрь сосуда, у других — завернутые в сторону хвосты (рис. 5, 14). Наряду с такими имеются не совсем ясные фигурки, предположительно черепаха (рис. 5, 17), или совсем неопределенные изображения в виде полумесяца (рис. 5, 7). Особняком стоит грубая

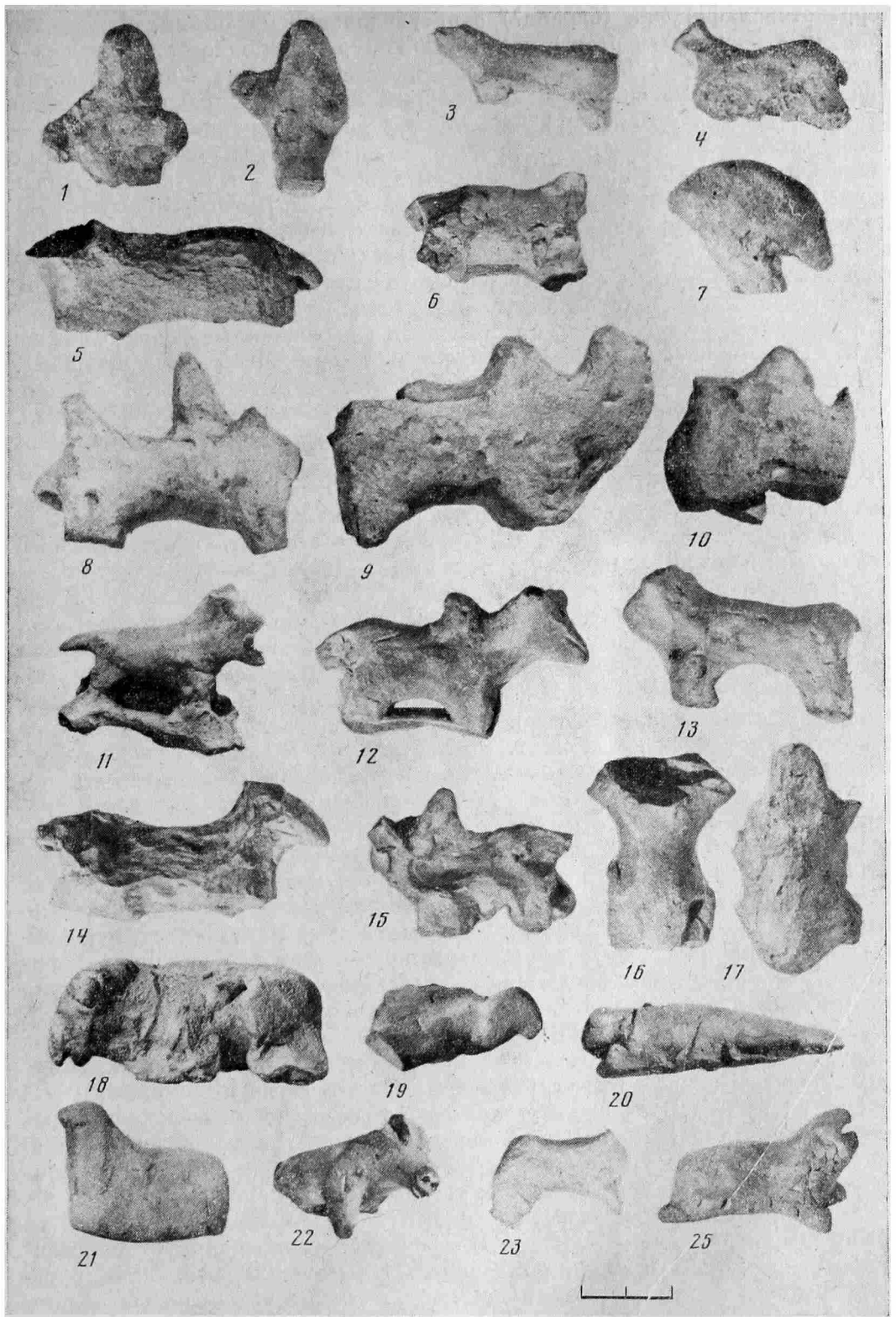

Рис. 5. Терракотовые статуэтки с различных поселений Маргианы (1—19 — от скульптурных фризов культовых сосудов; 20—25 — обычные зооморфные статуэтки)

терракотовая фигурка (барана?) с преувеличенно большими, округлыми глазами и раскрытым ртом с поселения Гонур 2; подобно статуэткам тюленей, эта фигурка была наклепена на стенку (а не бортик) сосуда (рис. 5, 18). Наконец, известны фигурки животных, предположительно ревуший тюлень с широко раскрытой пастью и запрокинутой вверх головой (рис. 5, 24). кабан с вздыбленным загривком, заложенными назад ушами и четко моделированной мордой (рис. 5, 22), отдыхающий баран (рис. 5, 21) и рыба, по-видимому, сом (рис. 5, 20), которые уже являлись не скульптурками от сосудов, а самостоятельными изображениями. Следует отметить, что эти зооморфные статуэтки (в противоположность наклепным) выполнены более тщательно и реалистично. Зато фигурки от скульптурных фризов производят впечатление определенной небрежности в исполнении, туловища их, как бы наспех вылепленные, часто даже не заглажены, лишь специально подчеркнуты такие характерные признаки, как горбы у верблюдов и быков и рога у крупных животных. Очевидно, что эстетическая сторона играла в данном случае второстепенную роль, главное заключалось в семантике, в изображении всей композиции, состоявшей из определенного набора взаимосвязанных персонажей. Одним из вариантов подобных композиций служит рассматриваемый сосуд, наряду с которым существовали и другие, но близкие по типу. Есть веские основания считать, что подобные культовые сосуды отражают народные верования и были привнесены первыми колонистами с их родины.

Факт обнаружения многих фрагментов скульптурных налепов людей, животных, птиц и змей на многих поселениях Маргианы указывает, что подобные культовые сосуды не являлись редкостью, а, напротив, были достаточно широко распространены среди местных племен во второй половине II тысячелетия до н. э. За пределами Маргианы они известны еще лишь в Бактрии, свидетельством чего являются сосуды, происходящие из грабительских раскопок около г. Балха (рис. 6). По словам местного антиквара, нашедшие один такой сосуд крестьяне, чтобы поделить его поровну между собой, разбили его на несколько кусков, из которых сохранилось лишь пять фрагментов. Сосуд очень напоминает маргианский, изготовлен на гончарном кругу из глины красного цвета, покрыт светло-розовым ангобом; диаметр венчика колеблется между 25—27 см, бортик слегка загнут внутрь. Среди сохранившихся скульптур предположительно выделяется рогатое животное с длинным хвостом и намеренно подчеркнутым горбом (рис. 6, 1), до определенной степени оно напоминает фигуру быка «индийской породы» на мургабском сосуде. Более определенно можно судить о статуэтке лисицы с длинным хвостом и головой, повернутой внутрь сосуда (рис. 6, 2). Наконец, имеется здесь и животное с загнутым вверх хвостом (рис. 6, 4) за которым, оседлав бортик, сидит человеческая фигура с вытянутой левой и слегка согнутой в локте правой рукой (рис. 6, 3). Все скульптурки подобно маргианским выполнены предельно схематично, что особенно наглядно демонстрирует фигурка человека, лицо которого трактовано двумя простыми защипами, а бесформенное туловище, без намека на талию, небрежно заглажено.

В высшей степени показателен другой сосуд, также происходящий из грабительских раскопок Бактрии. По форме он точно копирует маргианский, превосходя его лишь по размерам (высота 26 см). Глина плотная, красного цвета, снаружи нанесен красноватый ангоб; подкос в придонной части имеет песочную подсыпку. Фрагмент составляет почти четвертую часть бывшего сосуда (рис. 7, 4), причем если на бортике имеется лишь одно скульптурное изображение животного (голова отбита, хвост загнут), то внутри сохранилась целая композиция, включающая извивающихся змей и, по-видимому, тюленей. Среди бывших скульптурных фризов выделяется мужская статуэтка с разведенными в стороны руками (одна отбита), широким поясом и сложным то ли головным убором, то ли прической из толстых кос (рис. 7, 1). Возможно, от третьего

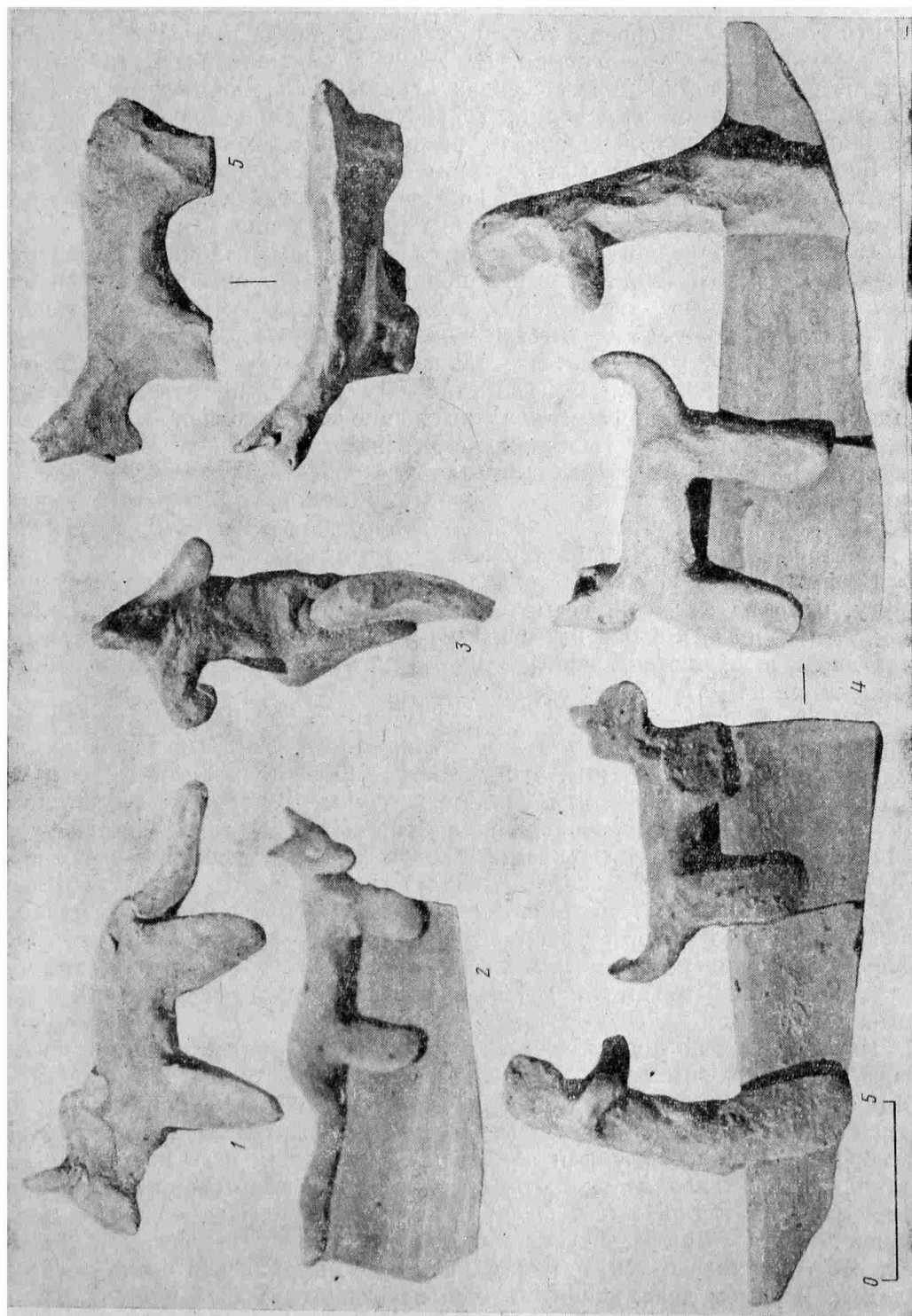

Рис. 6. Фрагменты культового сосуда (Бактрия)

сосуда происходят статуэтки верблюдов (рис. 7, 3) и быков «индийской» породы (рис. 7, 2). Все эти скульптурные детали подобно маргианским вылеплены весьма обобщенно, но принадлежат определенным тематическим композициям.

Если учесть чрезвычайно высокий уровень прикладного искусства Бактрии и Маргианы, особенно в области глиптики и камнерезного дела, то станет очевидным, что резко контрастирующие по исполнению примитивные скульптурки объясняются их особым назначением. Думается, что подобные фризы отражают хорошо известные и широко распространенные среди местного населения мифы, общие для всего бактрийско-маргианского центра. Подобно тому как христианское распятие, несмотря на разную манеру исполнения, не требует никаких пояснений, точно так же фризы на культовых сосудах являлись общепонятными символами, не требующими объяснений. Только этим и определяется схематизм исполнения скульптурных фризов, рассматриваемых культовых сосудов.

Более сложен вопрос о конкретном содержании представленной композиции. В настоящее время мы не знаем аналогий культовым сосудам за пределами бактрийско-маргианского центра, точно так же не имеем мы письменных свидетельств, которые могли бы пояснить семантику подобных композиций. Поэтому в порядке первого опыта расшифровки отметим возможные пути поисков, исходя лишь из имеющихся материалов. Условно можно выделить несколько микрокомпозиций на мургабском сосуде. Это, во-первых, две человеческие фигуры в сопровождении животного (или животных). Одна из них с руками, заведенными за спину, явно имеет подчиненное положение по отношению ко второй, видимо, изображающей женщину с ребенком на руках. И возможно, не случайно между ними находится змея — третий персонаж этой микрокомпозиции. Пока еще трудно говорить о конкретной семантике всей композиции, но думается, что обе антропоморфные фигуры изображены в явно противоборствующей ситуации.

Вторую группу составляют два животных, идущих навстречу друг другу, одно из которых, возможно, изображает горбатого быка. Напомним, что горбатые быки известны и с других памятников Бактрии и Маргианы и являются, видимо, неизменными персонажами подобных композиций на ритуальных сосудах.

Третью микрокомпозицию составляет группа, образующая цепочку мирно идущих друг за другом животных, одно из которых изображено с разинутой пастью. Отметим, что иконография этого животного, возможно, не случайна. Косвенным свидетельством тому служит аналогичная фигурка животного в явно агрессивной позе: с оскаленной пастью, торчащими ушами и прямо торчащим хвостом, происходящая с поселения Гонур-депе (рис. 5, 11). Здесь же отметим, что эта статуэтка имеет плоский керамический постамент, с обратной стороны которого сохранились вдавленные следы от двойного венчика, что указывает на многообразие усложненных форм культовых сосудов. Вся эта группа как бы ограничена с обеих сторон двумя выползающими на поверхность змеями и тюленями.

Наконец, от последней микрокомпозиции сохранились лишь птица, змея и тюлень, остальные фигурки отбиты. Думается, что микрокомпозиции были связаны между собой логической связью, нашедшей свое отражение в самом композиционном фризе сосуда. Вместе с тем антропоморфная микрокомпозиция являлась центральной, в то время как все остальные составляли преимущественно повествовательно-мифологический фон, на котором и в связи с которым решаются судьбы человеческие. Более того, есть основания допустить, что сам сосуд представлял собой космологическую модель, как она мыслилась в среде местных племен. В самом деле, вспомним, что некогда сосуд был наполнен жидкостью, символизовавшей водную стихию, из которой на бортик (ина-

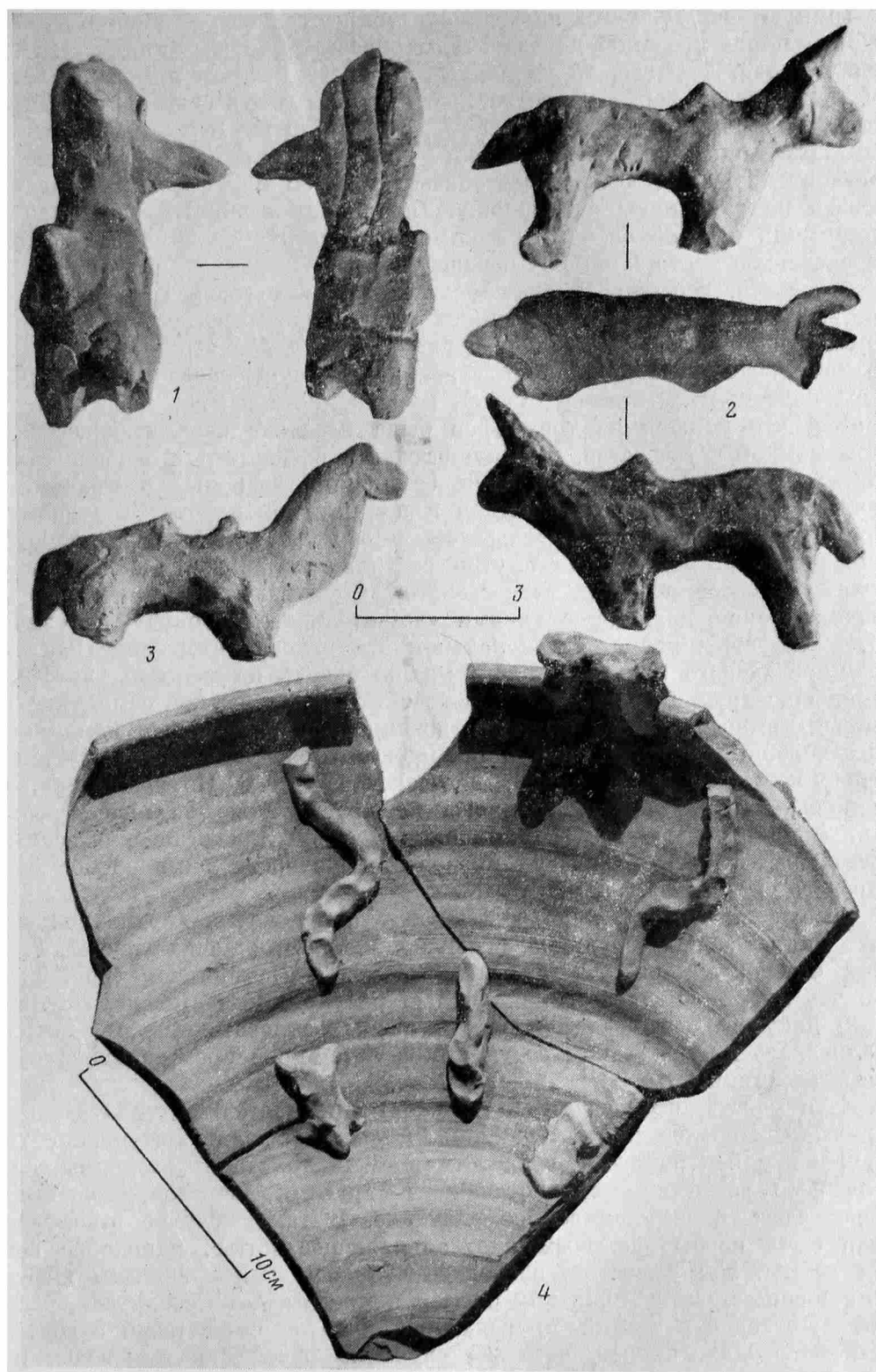

Рис. 7. Фрагмент культового сосуда и скульптурные статуэтки (Бактрия)

че земную твердь, сушу) из водной глубины выползают змеи и тюлени. В этом плане особенно показательны образы тюленей, типичных обитателей морей, которые, то появляясь, то снова исчезая в морской пучине, приобретают черты таинственности и могли быть связаны с тайными силами природы, в его хтоническом аспекте. Но все это относится к людям, обитающим далеко от Бактрии и Маргианы в непосредственной близости от моря. В таком случае образы тюленей могут лишней раз указывать на западную, закаспийскую прародину пришлых сюда племен, принесших с собой свои культово-мифологические традиции, в которых не последнее место занимают образы тюленей.

Думается, что бортик сосуда символизировал собой земную поверхность, а сам резервуар — подземный мир в виде мирового океана. В таком случае в предварительном порядке можно допустить, что местные космологические представления строились на существовании трех сфер: мира подземного (мировой океан), мира земного и мира небесного. Думается, что каждая из трех сфер была населена своими божествами: в подземном — существа, преимущественно связанные с водной стихией, и среди них такие, как змеи (возможно, драконы) и тюлени. По крайней мере две сферы — земная и подземная — находятся в постоянном взаимодействии, свидетельством чего являются, с одной стороны, животные, заглядывающие внутрь сосуда, а с другой — выползающие тюлени и особенно змеи, головы которых упираются в животных. Последняя тема — похищение змеями «живительного семени» — не случайна, а напротив, является генеральной в культовой символике бактрийско-маргианского центра, как это можно судить по местной глиптике¹. Пока еще трудно с уверенностью говорить о конкретной семантике подобных композиционных сюжетов, до определенной степени напоминающих хорошо известный миф о похищении змеей бессмертия у Гильгамеша, кстати сказать, змеей, исчезающей в воде. Не исключено, что расположение скульптурного фриза по кругу также не является случайным, а отражает все те же космологические представления, связанные с цикличностью, с идеей мировой бесконечности и в конечном счете мирового устройства в целом.

Особую значимость приобретает факт обнаружения внутри большого пять миниатюрных сосудиков, включающих два горшочка (рис. 2, 3, 4), вазу на ножке (рис. 2, 5), миску (рис. 2, 6) чайничек (рис. 2, 7), так что вместе они составляли единый ритуальный комплекс. Логичнее всего допустить, что в главном сосуде находилась жидкость, которая разливалась по маленьким сосудикам и затем уже производились культовые возлияния.

Если учесть, что сосуды (а не жертвенные столики типа сакских) являются наиболее распространенными среди изделий ритуального назначения у бактрийско-маргианских племен, то станет очевидным, что культовые возлияния сравнительно с другими жертвоприношениями имели здесь преимущественное значение. В таком случае это должно было быть необычное, возможно, опьяняющее питье, наподобие сомы или хаомы. Как известно, последнее являлось самым важным жертвоприношением у индо-иранских племен и представляло собой сок, выжатый из стеблей растений, процеженный и затем смешанный с водой в особых сосудах. Может быть, не случайно русские востоковеды, и в первую очередь В. В. Григорьев и В. В. Струве, прямо помещали саков амиргийских или иначе саков «хаому изготовляющих» в бассейн древней р. Мургаб², традиции чего могут восходить еще к эпохе бронзы. Мы далеки от мысли усматривать прямую связь между соответствующими

¹ Саррианиди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля. — СА, 1976, № 1.

² Подробно см. Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I. — МЮТАКЭ, вып. 1, 1949, с. 12—14.

данными Авесты и Ригведы и культовыми сосудами из Маргианы. Но точно так же нельзя исключить возможность того, что корни новой зороастрийской религии должны восходить к более древнему пласту культово-магических воззрений, в том числе существовавших в бактрийско-маргианском центре.

V. I. Sarianidi

A RITUAL VESSEL FROM MARGIANA

S u m m a r y

A ritual vessel with five miniature vessels inside it was found in the upper layer of the site Togolok I. The rim of the vessel was decorated by a sculpture frieze, including antropomorphical and zoomorphical figurines and also snakes and, as the author supposes, seals. This narrative composition is a reflection of the cosmological mythes, where the central part is occupied by two antropomorphical figurines, one of which is depicted in a clearly abased pose to the other. The vessel could be a personification of two spheres: the surface world and the underground world, the latter in the shape of the world ocean, inhabited by seals and snakes (or dragoons). The ritual complex, consisting of the ritual and miniature vessels was connected with ritual libations.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ, А. С. СУРАЗАКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОЛИНАХ РЕК БОРОТАЛ И АЛАГАИЛ

Летом 1976 г. Алтайской экспедицией были проведены исследования курганов в Горно-Алтайской автономной области (Улаганский р-н), в зоне затопления Чуйской ГЭС. Для раскопок были выбраны памятники, расположенные в смежных долинах Боротал и Алагаил. Последние находятся в 12—14 км к ЮЮВ от пос. Акташ. Со всех сторон долины окаймлены горными хребтами, склоны которых частично покрыты хвойным лесом. Вдоль обеих долин протекает многоводная р. Чуя. В данном районе расположено множество больших и малых курганов с насыпями в виде каменной наброски. Был исследован ряд курганов, составляющих могильники Боротал II, III, Алагаил.

Могильник Боротал II расположен в юго-восточном ответвлении долины Боротал на берегу высохшего русла безымянной реки. Он состоит из восьми каменных курганов, семь из которых вытянулись цепочкой с С на Ю. Курган 10 находится в 35 м к востоку от основной группы. К северу от него расположено несколько каменных четырехугольных оградок. Раскопано три кургана.

Курган 1 расположен в самом северном конце цепочки. Насыпь кургана представляет собой овальную в плане каменную наброску диаметром с С на Ю 7 м, с З на В 8 м. Высота ее 0,4 м от погребенной почвы. В центре кургана — пологая западина. Под насыпью обнаружены контуры подпрямоугольной могильной ямы, ориентированной по линии ЗЮЗ—ВСВ. Размеры ямы 2,5×2,1, глубина 3 м от уровня древнего горизонта. На дне стоял бревенчатый сруб в два венца. Высота сруба 0,2 м, внутренние размеры 1,6×1 м. Дно погребальной камеры выстлано досками, от которых сохранился еле заметный тлен. Из досок же состояло и перекрытие сруба. Вдоль южной стенки камеры лежал костяк взрослого человека на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВСВ. В области шеи погребенного найдены обрывки золотой фольги, около правой бедренной кости обнаружены кусочки железа, возможно, от разложившегося кинжала. У северной стенки сруба найден глиняный кувшин, имеющий высокое прямое горлышко и вытянутое яйцевидное тулово (рис. 1, б). Рядом с ним лежали позвонки барана и обломки железного ножа.

Курган 2 представляет собой сильно задернованную каменную наброску диаметром 7 м и высотой 0,32 м. В центре насыпи — пологая западина. Под насыпью обнаружена могильная яма (3×2,3 м, глубина 2,65 м), ориентированная по линии ЗЮЗ—ВСВ. На дне ямы, ближе к ее южной стенке, стоял сруб, сложенный из бревен в два венца (рис. 2, VII). Высота его 0,3 м. Внутренние размеры 1,6×1,1 м. Дно и перекрытие сруба состояли из плах, от которых сохранился темно-коричневый тлен. В погребальной камере обнаружены три человеческих костяка, все на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВСВ (рис. 2,

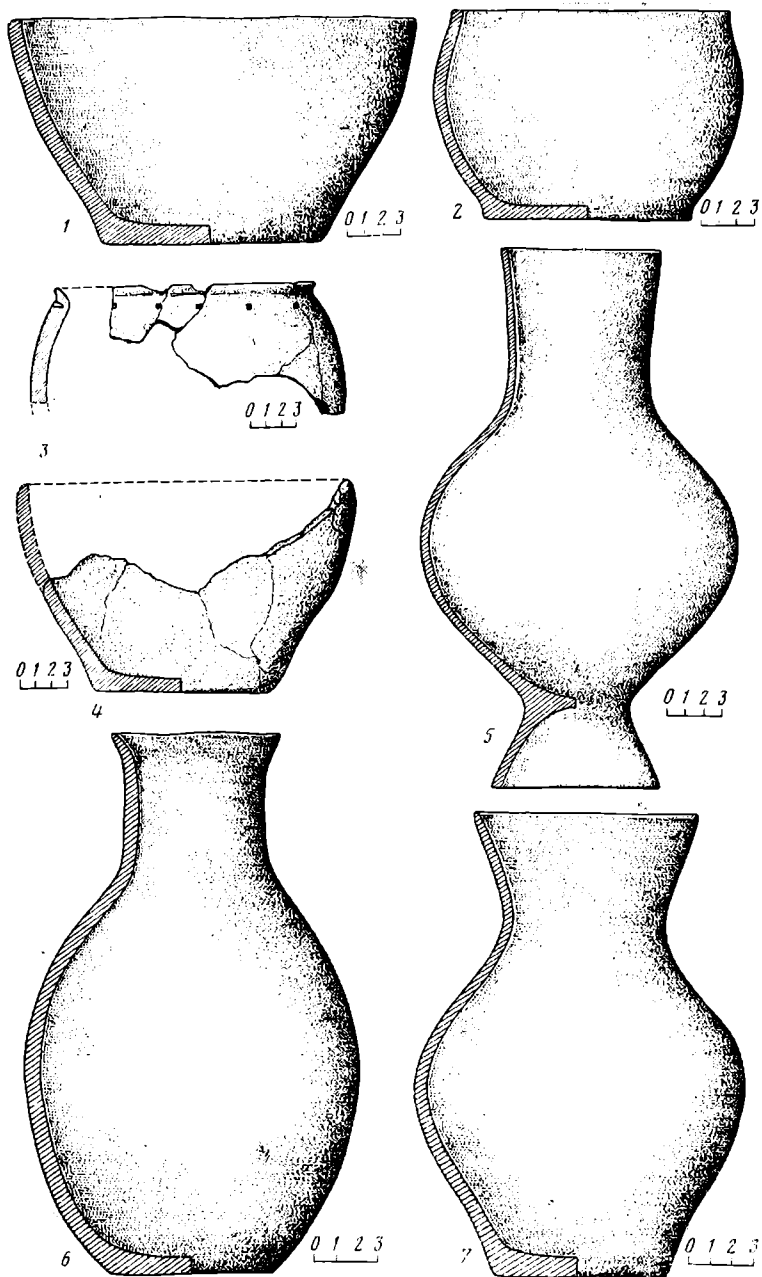

Рис. 1. Керамика из курганов Боротал: 1, 2 — Боротал II, кург. 7, насыпь; 3, 4 — Боротал III, кург. 8, насыпь; 5 — Боротал III, кург. 8, погребение; 6 — Боротал II, кург. 1; 7 — Боротал II, кург. 2

VII). Большая часть вещей найдена у костяка, лежавшего у южной стенки сруба. У его черепа обнаружены обрывки золотой фольги, на тазовых костях — миниатюрный бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти (рис. 3, 4), у правой бедренной кости — бронзовый кинжал с прорезной ручкой и стилизованными грифоньими головками на навершии и перекрестии (рис. 3, 8, 9). От ножен сохранилась лишь их деревянная основа с утолщениями в области перекрестия (рис. 3, 8). Под тазовыми костями погребенного найдено миниатюрное бронзовое зеркало в деревянном футляре (рис. 3, 6), в ногах — раздавленный глиняный сосуд. У соседнего костяка вещей не обнаружено. Череп его пробит двумя ударами чекана. В отличие от первых двух, взрослых, северный костяк при-

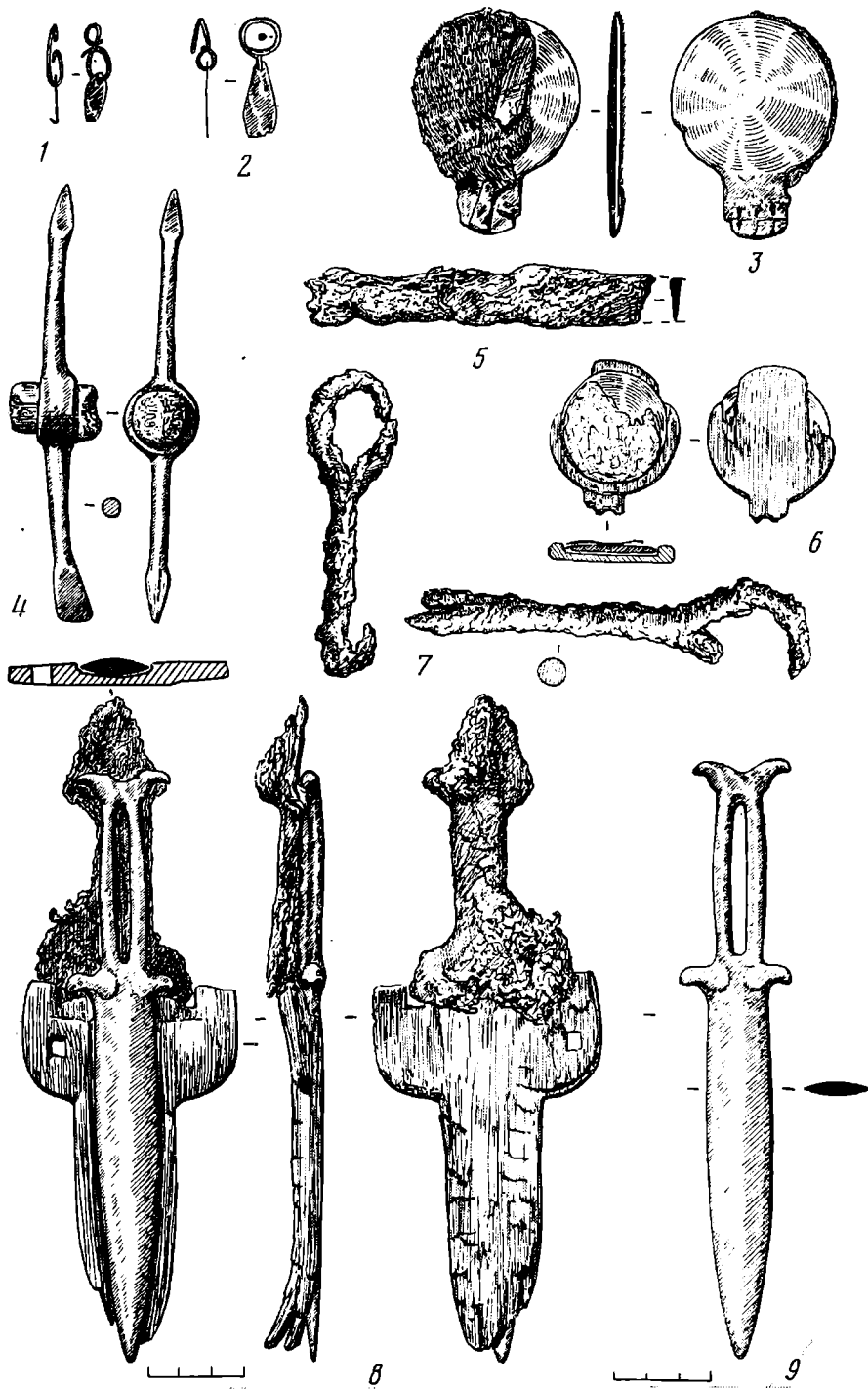

Рис. 3. 1—3 — Боротал III, кург. 8; 4—9 — Боротал II, кург. 2. 1, 2, 9 — бронза; 3 — бронза, мех; 4 — бронза, дерево; 5, 7 — железо; 6, 8 — бронза, дерево, остатки кожи

надлежит подростку. Рядом с ним найдены позвонки барана, железный нож (рис. 3, 5) и лепной кувшин красноватого обжига (рис. 1, 7). За северной стенкой сруба на уровне дна могильной ямы обнаружен конский костяк. Последний лежал с подогнутыми под живот ногами, головой на ВСВ. В зубах коня сохранились железные кольчатые удила (рис. 3, 7).

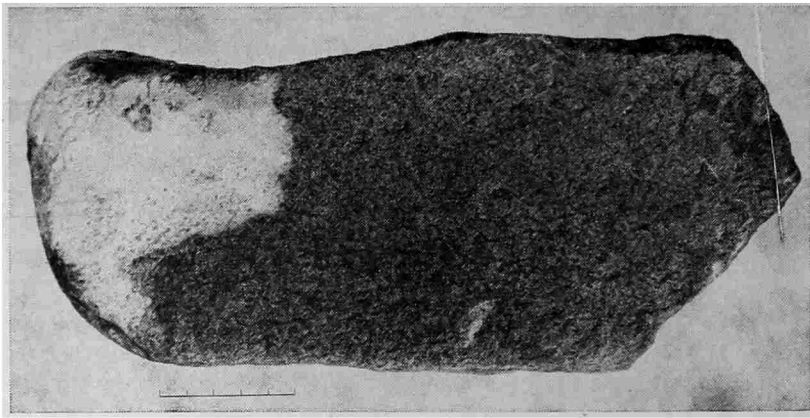

Рис. 4. Боротал II, кург. 7, насыпь. Обломок каменной зернотерки

Курган 7 расположен в южном конце цепочки. Диаметр каменной насыпи 7 м, высота 0,35 м. В южной части среди камней насыпи найден обломок зернотерки (рис. 4). Под насыпью в юго-восточной части кургана обнаружены обломки двух лепных сосудов баночной формы (рис. 1, 1, 2). После снятия насыпи под центром кургана выявлена почти квадратная могильная яма (3×2,8 м, глубина 2 м), ориентированная по линии ЗЮЗ — ВСВ. На дне ямы сохранился сруб в три венца, перекрытый в продольном направлении семью толстыми плахами. Внутренние стенки сруба отесаны, высота его около 0,65 м, внутренние размеры 2,05×1,65 м. Дно погребальной камеры выстлано досками, от которых сохранился едва заметный тлен. Вдоль южной стенки сруба лежал костяк взрослого человека на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВСВ. Погребенный был уложен на три плоских камня, находившихся под головой, тазовыми и бедренными костями. Между камнями сохранился темный тлен от подстилки. У левого предплечья костяка обнаружены фрагменты золотой фольги. В области живота найдена бронзовая полушаровидная бляшка (рис. 5, 3), а также миниатюрный бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти (рис. 5, 4). К чекану была привязана вырезанная из дерева головка грифона (рис. 5, 5). Рядом с правой бедренной костью погребенного найдены остатки железного кинжала, имеющего узкое прямое перекрестие (рис. 5, 1). На клинке кинжала сохранилось дерево от пожен. Последние, по-видимому, оканчивались расширением, украшенным деревянной грифоньей головкой (рис. 5, 2). Рядом с остатками кинжала обнаружена кольцевидная имитация миниатюрного бронзового зеркала в деревянном футляре (рис. 5, 6). В изголовье погребенного посредине восточной стенки камеры найден раздавленный глиняный кувшин. В северо-восточной части сруба лежали позвонки барана, среди которых обнаружены остатки железного ножа с кольцевым навершием, рассыпавшимся от коррозии. За северной стенкой погребальной камеры на уровне дна могильной ямы обнаружен костяк жеребенка, уложенного с поджатыми под живот ногами, головой на ВСВ.

Могильник Боротал III расположен в 160 м от могильника Боротал II. Состоит он из девяти каменных курганов и одной четырехугольной оградки. Восемь курганов вытянулись цепочкой с С на Ю. Курган 9 расположен в 10 м к западу от центра цепочки. Раскопано шесть курганов.

Курган 1, самый северный в цепочке, представляет собой сферическую каменную наброску диаметром с С на Ю 6 м, с З на В 7 м.

пробит двумя ударами чекана. Возможно, это насильственное захоронение человека (возможно, женщины), сопровождающего в загробный мир мужчину-воина. Для памятников описываемого типа нехарактерна угольная подсыпка, зафиксированная под черепом южного костяка в кург. 8 могильника Боротал III, а равно и каменная подушка, на которой похоронен череп погребенного из кург. 7 в могильнике Боротал II. Последняя находит себе параллели в Туве, в памятниках уюкской культуры¹.

Все вышеперечисленные черты погребального обряда, за исключением нехарактерных, связывают данные памятники с Пазырыкской культурой ранних кочевников Горного Алтая. Вещевой же материал позволяет датировать описанные курганы заключительным этапом указанной культуры.

Так, кувшин из кург. 2 могильника Боротал II (рис. 1, 7) имеет близкую аналогию в Кула-Жургинском могильнике (III—II вв. до н. э.), в кург. 1². Небольшой кувшинчик с петлевидной ручкой из кург. 5 могильника Боротал III (рис. 5, 9) имеет массу аналогий в Казахстане, в памятниках конца I тысячелетия до н. э. Наиболее же близкими ему по форме являются кувшины из оградки 42 могильника Кенсай (III—II вв. до н. э.)³ и из кург. 20 могильника Кылауз II (I в. до н. э.—I в. н. э.)⁴. Кинжал из кург. 7 могильника Боротал II (рис. 5, 1) имеет прямое перекрестие, состоявшее некогда из двух пластин, приваренных к рукояти (одна из пластин утрачена). Подобным способом изготовлено перекрестие у железного кинжала, который происходит из кург. 17 Катонского могильника⁵. Последний датируется С. С. Сорокиным концом I тысячелетия до н. э.⁶ В конце I тысячелетия до н. э. распространяются на Алтае и восьмеркообразные проволочные серьги, подобные найденным в кург. 8 могильника Боротал III (рис. 3, 1, 2). Такие серьги найдены С. В. Киселевым в Каракольском кургане⁷. В степном Алтае они обнаружены М. П. Грязновым в памятниках березовского этапа Большереченской культуры⁸. Бронзовое зеркало из кург. 8 могильника Боротал III (рис. 3, 3) имеет ближайшую аналогию в кург. 18 могильника Кула-Журга (III—II вв. до н. э.)⁹. Оба зеркала имеют короткую боковую ручку, снабженную ушком. Железные кольчатые ножи, подобные найденным в кург. 1 могильника Алагаил (рис. 7, 8, 9), в кург. 7 могильника Боротал II, а также в кург. 5 могильника Боротал III (рис. 5, 7), датируются на соседних территориях концом I тысячелетия до н. э. Так, в Минусинской котловине они найдены в памятниках переходного тагарско-таштыкского (тесинского) этапа (II—I вв. до н. э.)¹⁰. В степном Алтае они встречены в погребениях березовского этапа Боль-

¹ Грач А. Д. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени.— СА, 1967, № 3, с. 215—233.

² Черников С. С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г.— Изв. АН КазССР. Алма-Ата, 1951, № 108, вып. 3, рис. 2.

³ Максимова А. Г. Погребальные сооружения скотоводческих племен.— В сб. Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962, рис. 3, 6.

⁴ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, табл. VIII.

⁵ Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы.— АСБ. ГЭ, 1966, № 8, рис. 17, 9.

⁶ Там же, с. 57.

⁷ Киселев С. В. Из работ Алтайской экспедиции Государственного исторического музея в 1934 г.— СЭ, 1935, № 1, с. 102.

⁸ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48, табл. XXVI, 3, 4.

⁹ Черников С. С. Ук. соч., табл. VII, 4.

¹⁰ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, рис. 29; Левашова В. П. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры.— СА, 1958, № 1, рис. 2; Пшеницына М. Н. Третий тип памятников тесинского этапа.— В сб. Первобытная археология Сибири. Л., 1975, рис. 3.

шереченской культуры¹¹, в Восточном Казахстане такой нож был найден в кург. 6 могильника Баты (II—I вв. до н. э.)¹². В Туве подобные ножи входят в комплексы сыын-черекской (шурмакской) культуры¹³. Скорее всего в III в. до н. э. железные кольчатые ножи появляются в памятниках Тасмолинской культуры (Центральный Казахстан)¹⁴.

Таким образом, датировку памятников, раскопанных Алтайской экспедицией в долинах Боротал и Алагаил, можно ограничить III—I вв. до н. э., скорее III—II вв. до н. э. Впускные же погребения, обнаруженные в курганах 2,4 могильника Боротал III, датировать пока невозможно, поскольку в них не найдено датирующих вещей. Невозможно в настоящее время определить и их культурную принадлежность.

В дальнейшем Алтайской экспедицией будут продолжены исследования горноалтайских памятников конца I тысячелетия до н. э., чтобы более полно осветить этот совершенно еще не изученный период.

V. A. Mogilnikov, A. S. Surazakov

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS IN VALLEYS BOROTAL AND ALAGIL

Summary

Materials from 10 barrows of the Pazyryk culture, excavated in valleys Borotal and Alagil in the mountaneous Altai are published in the article. Burials in rectangular pits under stone barrow are characteristic for the funeral rites. The buried were put into frames from 1 to 3 rows of logs high, rofed by planks. The skeletons were on their right side, head to the east or north-east. The frame contains remains of one to three persons, buried synchronously. Burials of horses placed along the northern wall of the grave in parallels to the frame were met in five barrows. The grave furniture includes clay vessels, weapons (daggers, arrow-heads), knives, ornaments and toilet objects (ear-rings, plates, mirrors or their models), remains of wooden dishes etc. The burials are dated to the IIIrd — Ist centuries B. C. Two admission burials were discovered, their date is not established. The rite of burial with a horse anticipates an analogic funeral rite of the barrows of Ancient Turks.

¹¹ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, табл. XXVI, 12, 13.

¹² Черников С. С. Ук. соч., табл. IX.

¹³ Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г.— Тр. ТКА ЭЭ, т. III, 1970, рис. 12, I, 5.

¹⁴ Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, рис. 66. Здесь нужно помнить о том, что речь идет о железных кольчатых ножах, так как бронзовые кольчатые ножи появились в комплексах данной культуры раньше.

М. Л. ШВЕЦОВ

КОТЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ

Приступая к рассмотрению интересующей нас темы, следует прежде всего остановиться на анализе происхождения слова «котел» и применении этого термина в настоящее время в археологической литературе.

В специальной литературе «сосуд, изготовленный из листовой меди, обычно с округлым дном и небольшим раструбом кверху, служащий для приготовления пищи», называется «казан», а иногда «котел»¹. Однако под «котлом» чаще всего имеют в виду литой сосуд значительных размеров, в основном изготовленный из чугуна и железа². Особенно часто этот термин применяется в технике³.

Этимология обоих терминов различна. Если «казан» — слово, заимствованное у тюрков, — *kazan*, то «котел» происходит от германского *katils*, которое в свою очередь происходит от латинского *catillus* — сосуд⁴.

В археологической литературе мы повсеместно встречаемся с термином — «котел» — для определения как глиняных, так и литых и кованых бронзовых, медных, чугунных и железных сосудов.

Рассматривая в данной статье изготовленные из листовой меди (бронзы), обычно с округлым дном, прямыми или слегка раструбными кверху стенками сосуды для приготовления пищи у тюркоязычных народов, считаем правомерным употреблять термин «казан» как наиболее правильный и соответствующий действительности.

Наиболее ранние, близкие конструктивно к рассматриваемым нами⁵ казаны IV—V вв. Их находят в составе погребального инвентаря, часто с вещами полихромного стиля, на территории Северного Причерноморья и Западной Европы⁶. Известны они и на Кавказе в богатых аланских погребениях⁷. В предшествующую хазарскую эпоху в степях Восточ-

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого Великорусского языка, т. II. М., 1935, с. 73; *Ожегов С. П.* Словарь русского языка. М., 1970, с. 255.

² *Даль В.* Ук. соч., с. 180; Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1956, т. 5, с. 1533, 1534.

³ *Ожегов С. П.* Ук. соч., с. 293 и далее («паровой котел», «котел отопления», «атомный котел»).

⁴ *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1959, с. 282; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967, с. 159.

⁵ Наиболее ранние клепаные медные сосуды известны с VIII—VII вв. до н. э. А затем в скифскую и сарматскую эпохи. Но от рассматриваемых они отличаются конструктивно наличием ножки поддона, что указывает на другую технику приготовления пищи в данных сосудах. *Бочкарёв В. С.* Киммерийські казани.— *Археологія*, № 5, 1972, с. 63—68; *Яковенко Е. В.* Скифи Східного Криму в V—III ст. до н. э. Київ, 1974, с. 64; *Іллінська В. І., Тереножкін О. І.* Скифський період.— *Археологія УРСР*. Київ, 1971, т. II, с. 151; *Боковенко А. И.* Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе.— *СА*, 1977, № 4, с. 228—235.

⁶ *Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н.* Находки из погребения IV—V вв. в Крыму.— *СА*, 1966, № 3, с. 195, рис. 5, 2; *Hampel J.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Budapest, t. II, 1905, с. 131, 132.

⁷ *Рунич А. П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины.— *СА*, 1976, № 3, с. 256, 265.

ной Европы наибольшее распространение получают глиняные и железные котлы⁸.

Казаны поздних кочевников не привлекали до сих пор специального внимания исследователей, однако вопрос об их этнической принадлежности впервые был затронут С. А. Плетневой. При характеристике пятой группы кочевнических памятников, отнесенных ею к местному донецкому населению донецких степей, наличие в погребениях казанов, равно как и керамики, определялось С. А. Плетневой как один из характерных признаков указанной группы памятников⁹. В основном же они публиковались в числе прочего инвентаря из позднекочевнических комплексов или разрушенных курганов. Так, были изданы два медных казана из Ровенского и II Лолинского¹⁰ могильников в Поволжье, один происходит из раскопок Г. Т. Ковпаненко на Херсонщине у с. Балтазаровка, 13 км¹¹. Описание еще одного казана, найденного в разрушенном кургане на Херсонщине, дано в статье И. А. Молодчиковой¹².

В классификации кочевнического инвентаря, предложенной Г. А. Федоровым-Давыдовым, имеется раздел о бронзовых сосудах, где учтено семь типов бронзовых чаш¹³. Лишь в одном случае находка определяется как котел — раздел Б, тип I¹⁴. К сожалению, в этой работе рисунки чаш даны не в масштабе и размеры их в тексте не указаны, что затрудняет сопоставление имеющихся у нас казанов и чаш, опубликованных Г. А. Федоровым-Давыдовым. Ссылаясь на аналогичные находки чаш в материалах XIV в. из Сарая, автор тем самым определяет время их бытования. Нам кажется неправомерным выделение типов В-II и В-III в раздел бронзовых чаш. Чаши, согласно своей функциональной принадлежности, определяют и форму. К этой форме близки чаши типов В-I, В-IV, В-V. Определение сосудов типа В-II и В-III как чаш не дает объяснения необходимости наличия ручки-дужки, указанной на данных сосудах, и их размеров. По-видимому, более правомерным была бы классификация данных сосудов как котелков, что связано с их формой, размерами и наличием ручки-дужки. В коллекциях музеев Новочеркасска, Ворошиловграда, Днепропетровска, Запорожья и Артемовска нами обнаружено 10 казанов несомненно кочевнических, но носящих наименование «казацких», «турецких» и др.¹⁵ Выяснение места и обстоятельств их находок, а также их аналогичность казанам из датированных кочевнических погребений позволяет, как нам кажется, относить и данные изделия к памятникам кочевников южнорусских степей XII—XIII вв. и рассматривать в нашей статье.

В настоящее время нам известно в общей сложности 37 находок кочевнических казанов, сосредоточенных на относительно узкой территории

⁸ Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА, 1960, № 142, с. 149, рис. 39, 19; *Diaconi P. Cu privire la problema caldril de lut Pn. epca frudalt timpuril (ser. X—XII).*— SCIV, t. VII, 1956, № 3, 4.

⁹ Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62, 1958, с. 183.

¹⁰ Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г.— Тр. КРКМ, вып. 1, 1953, с. 24, рис. 25, 8; *они же.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР.— Тр. КРКМ, вып. 2, 1954, с. 176, рис. 46, 2.

¹¹ Ковпаненко Г. Т. Курганы в Чаплинском районе Херсонской области.— ПЭБ, Киев, 1967, с. 34, 35, рис. 2, 3.

¹² Молодчикова И. А. Розкопки кочовницьких поховань на Херсонщині. АИУ—1969. Київ, 1972, с. 266—268.

¹³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 88, рис. 15, 2.

¹⁴ Там же, с. 87.

¹⁵ Все собранные нами казаны, как в комплексах, так и без них, включены в список, прилагаемый к статье, и пронумерованы. В дальнейшем будут указываться только пункты и номер памятника согласно списку (см. приложение). Пользуясь случаем выразить глубокую благодарность за любезно предоставленные неопубликованные материалы из раскопок Я. И. Болдина, А. И. Кубышева, В. В. Отрощенко.

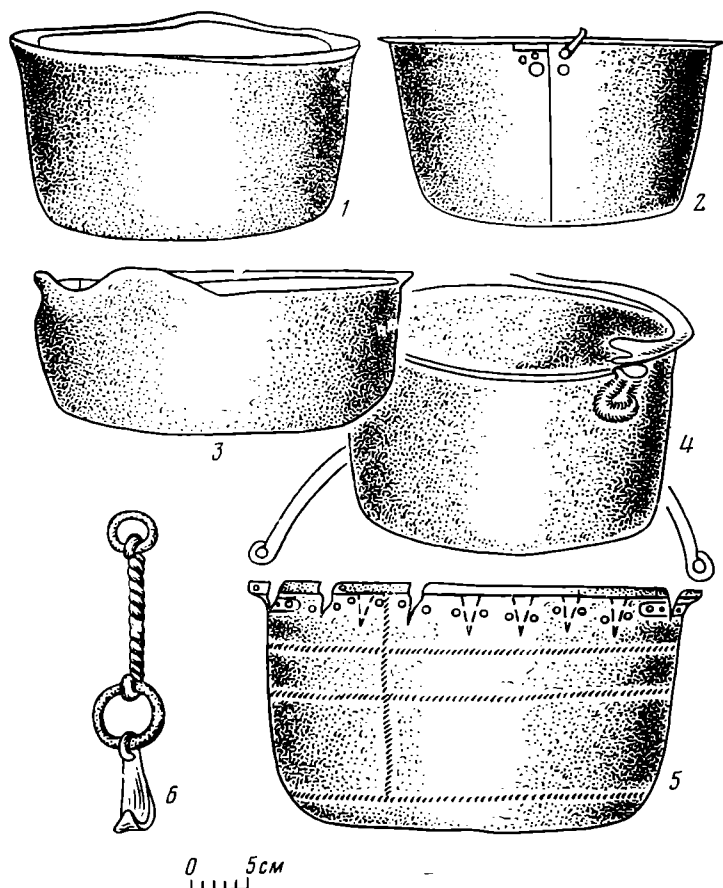

Рис. 1. Казаны I типа, подтип 1. 1 — Ровенский могильник; 2 — Отрадное; 3 — II Лолинский могильник; 4 — Новоивановка; 5 — Новочеркасск, № 3890; 6 — крюк от казана из кургана Нижняя Козинка

степеней от Днепра до Волги. По технике изготовления они могут быть разделены на три типа.

К I типу (рис. 1, 2) нами отнесено 19 казанов с прямыми стенками, изготовленных из двух листов металла, соединенных между собой простым прокованным швом. Отличия в наклоне стенок и форме венчика позволяют выделить подтипы сосудов.

Подтип 1 (6 экз., рис. 1, 1—5) — сосуды со слегка расширяющимися кверху стенками, выпуклым дном и отогнутым прямым венчиком. Плоские железные ручки вставлены подвижно в петли, которые прикреплены к стенкам казана заклепками. В подтип 1 включены три казана из исследованных погребений в Поволжье (II Лолинский, 1, Ровенский, 2, могильник на Иловле, 3), один из Новочеркасского музея в Подонье (4), два из Приазовья (Новоивановка, 12; Отрадовка, 15).

Подтип 2 (6 экз., рис. 1, 1—3) представлен цилиндрическими сосудами со слегка округлым дном, отогнутым и загнутым к бортам венчиком. К данному подтипу нами отнесены четыре казана из погребений в Поднепровье (Тимашевка, 22; Вільна, Україна, 32; Лиманцы, 36; Павловка, 34) и два из Приазовья (Провалье, 7; Курахово «Великая Могила», 20).

Подтип 3 (4 экз., рис. 2, 4) — сосуды с сужающимися кверху стенками, отогнутым венчиком и слегка выпуклым дном. Один из них, хранящийся в Ворошиловградском музее (10) по нижней части тулова украшен орнаментом в виде меандра. Второй обнаружен в нарушенном погребении у р. Грузской в Приазовье (№ 13). Еще два казана

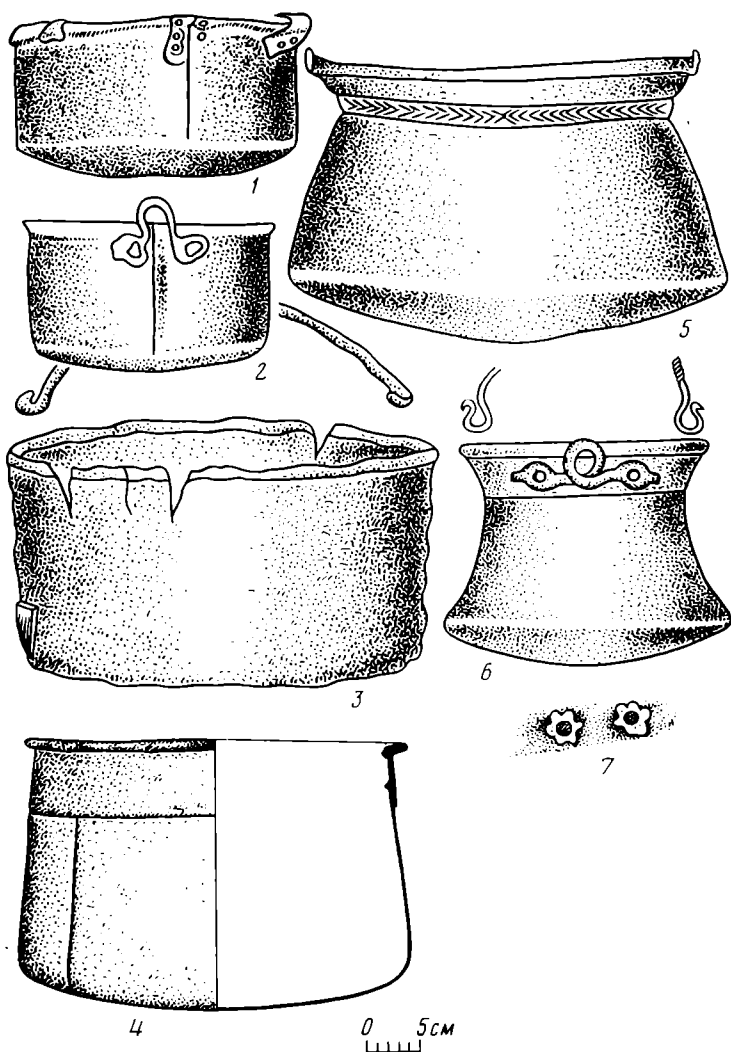

Рис. 2. Казаны I типа, подтип 2: 1 — Тимофеевка; 2 — Провалье; 3 — Курахово; подтип 3: 4 — Грузское; подтип 4: 5 — Новочеркасск, № 3876, 6 — Новочеркасск (безинвентарен), 7 — клеймо на казане 5

происходят из разрушенных в 1972 г. погребений на Харьковщине (с. Берестовое, 18, 19).

Подтип 4 (2 экз., рис. 2, 5, 6) отличается значительно от предыдущих по форме. Слегка выпуклый корпус сосудов конусообразно расширяется к полусферическому дну. Венчик, поднимающийся уступом от узких плечиков, немного расширяется, край его отогнут наружу и образует бортик. Поясок, отделяющий венчик от тулова у одного из казанов (Новочеркасск, 6), орнаментирован штрихами по всей окружности. Казаны данного типа в основном выкованы из одного листа и по размерам сравнительно невелики. Высота их колеблется от 15 до 30 см, а диаметр — от 20 до 40 см (рис. 2, 5, 6). К выпуклу приклепаны петли с расходящимися концами, в двух случаях концы петель перекрещены. На тулове одного из сосудов из Новочеркасского музея (5) имеется клеймо мастера в виде двух цветков (рис. 2, 7). Наличие клейма на стенке казана говорит о возможности их производства определенной мастерской или мастером по заказу.

Тип II (рис. 3 и 4) представлен 12 сосудами подцилиндрической формы, изготовленных из нескольких листов меди (бронзы), соединен-

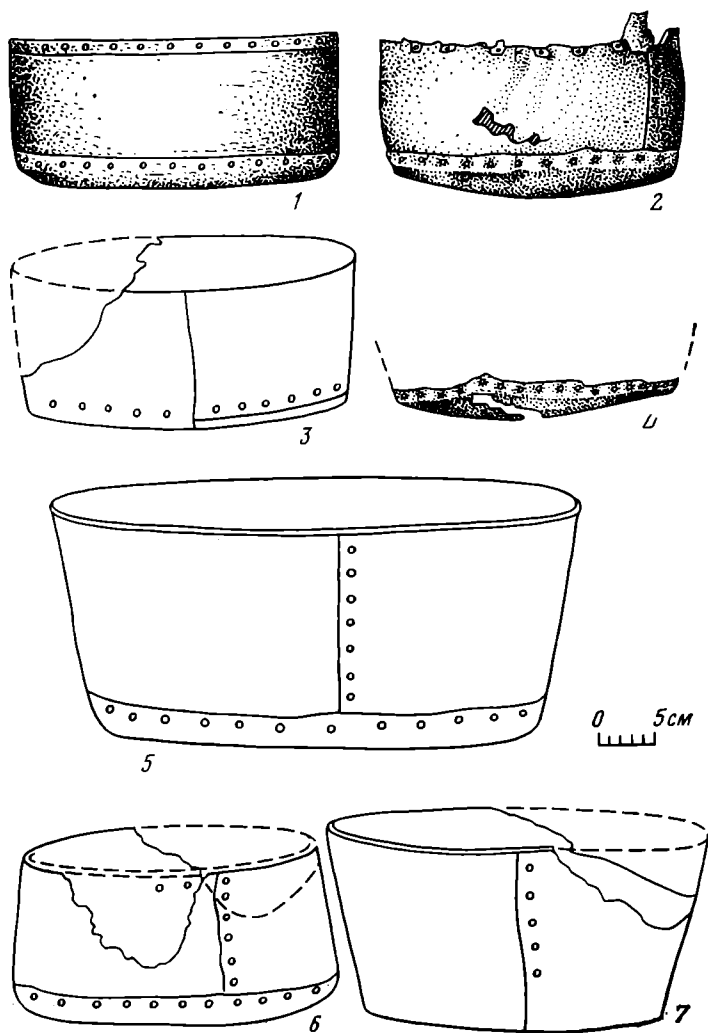

Рис. 3. Казаны II типа, подтип 1: 1 — Софиевка, к. 13, п. 1; 2 — Софиевка, к. 23, п. 17; 3 — Октябрьское; 4 — Красный подол; 5 — Б. Белозерка; 6 — Александрополь; 7 — Приморское

ных между собой заклепками. По своей форме они могут быть разделены на два подтипа.

Подтип 1 включает 8 казанов (рис. 3, 1—7). Стенки сосуда соединены между собой и с дном заклепками, идущими в один ряд с равным интервалом. Изменение профиля стенок незначительное. Наблюдается слабое расширение стенок к венчику и иногда небольшая округлость. В одном случае венчик и край дна казана окованы железной полоской (Ажинов 1, 8). Пять сосудов происходят из погребений в Поднепровье (Александрополь, 21; Большая Белозерка, 23; Софиевка, 27, 28; Красный Подол, 35), а два в низовьях р. Кальмиус (Октябрьское, 16; Приморское, 17).

Подтип 2 (рис. 4, 1—4) представлен 4 экз. Стенки сосудов, изготовленные из нескольких кусков меди и соединенные заклепками (иногда в два ряда), сужаются к венчику. Венчик прямой, в одном случае слегка отогнут. Ручки петлеобразные. Дно почти прямое, слегка выпуклое. С одним из казанов, обнаруженных в Подонье (Нижняя Козинка, 8), находился железный крюк для подвешивания над огнем (рис. 1, 6). Два других найдены в Приазовье (Никифоровка, 11; Изюм, 14), один происходит из разрушенного кургана на Херсонщине (Широкое II, 31).

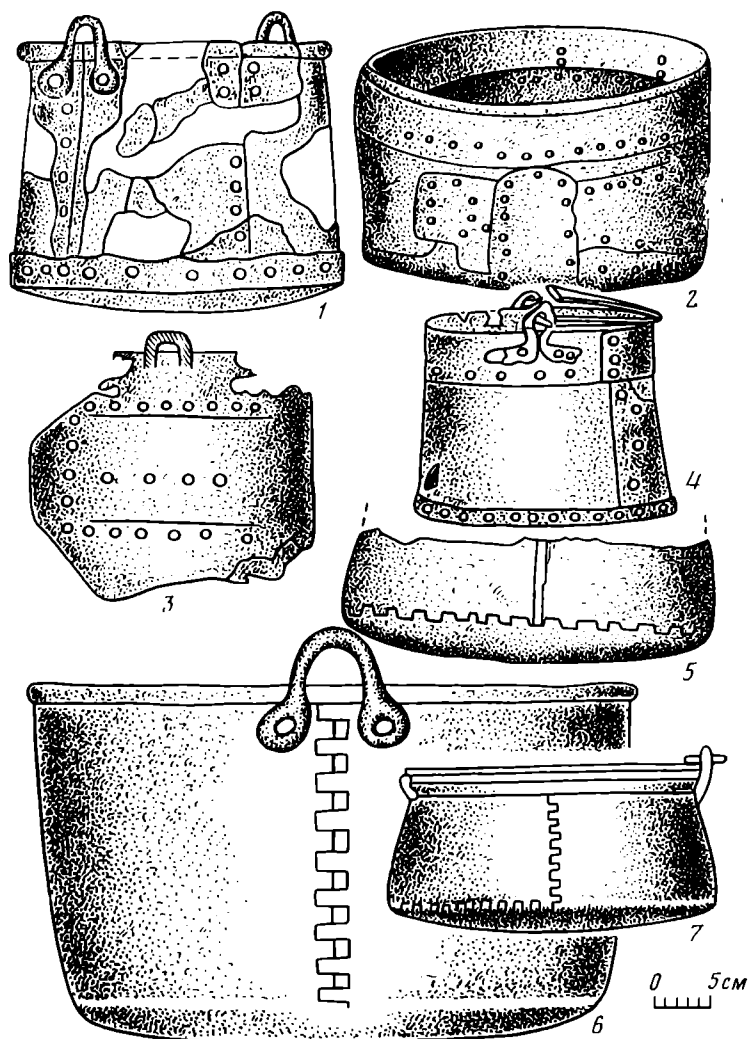

Рис. 4. Казаны II и III типов. Тип II, подтип 2: 1 — Никифоровка; 2 — Изюм; 3 — Широкое II; 4 — Пижня Козинка. III тип: 5 — В. Тарасовка; 6 — Запорожье; 7 — Морская кошара

В тип III выделено 6 казанов (рис. 4, 5—7) отличающихся от предыдущих системой соединения стенок и дна. В данном случае мастером была избрана более сложная техника соединения швов, представляющая собой своеобразный замок. Языки, идущие по краю одной стенки, были впущены в специальные прорезы в другой, а затем загнуты и расклепаны. Такая система крепления, по-видимому, была не столь эффективна, и казаны, сделанные в этой технике, очень редки (24, 25, 26, 29, 33, 37).

Полные аналогии казанам из кочевнических погребений XI—XIII вв. нам не известны. Однако, как мы уже указывали, они бытовали в более раннюю эпоху. Так, при раскопках аланского могильника у Кисловодска был найден бронзовый казан в погребении вождя и два — в других комплексах. Находки датируются А. П. Руничем V—VIII вв.¹⁶ Известны котлы и в богатых погребениях Лядинского могильника, относимого к мордовским памятникам¹⁷. Железные котлы, близкие по форме и тех-

¹⁶ Рунич А. П. Захоронение вождя..., с. 256, рис. 1; его же. Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в г. Кисловодске и его окрестностях.— МАДИСО, т. II, 1969, с. 105, 106, рис. VI, 1, 2.

¹⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 154.

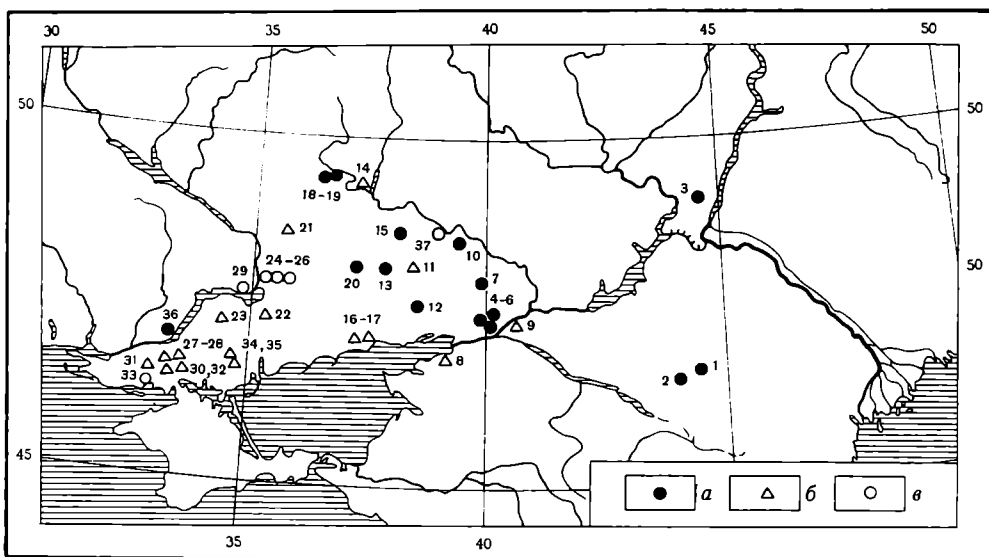

Рис. 5. Карта находок казанов. 1 — II Лоливский могильник, к. 8, п. 3; 2 — Ровенский могильник, к. 13, п. 3; 3 — могильник на Иловле; 4 — Новочеркасск № 3890; 5 — Новочеркасск № 3876; 6 — Новочеркасск (безинвентарный); 7 — Провалье, к. 6, п. 1; 8 — Нижняя Козинка; 9 — Ажинов I, к. I, п. 3; 10 — Ворошиловград; 11 — Никифоровка; 12 — Новоивановка; 13 — Грузское; 14 — Изюм; 15 — Отрадовка; 16 — Октябрьское, к. I; 17 — Приморское; 18 — Берестовое; 19 — Берестовое; 20 — Курахово, «Великая Могила»; 21 — Александрополь; 22 — Тимофеевка, к. 9, п. 5; 23 — Б. Белозерка, к. I, п. 2; 24 — Запорожье ЗИКМ; 25 — Запорожье ХГЗК; 26 — Запорожье ХГЗК; 27 — Софиевка, к. 13, п. 1; 28 — Софиевка, к. 23, п. 17; 29 — Верхне-Тарасовка, к. 82, п. 1; 30 — Красный Перекоп, 23 км, к. 1, п. 1; 31 — Широкое II, к. 37; 32 — Вильна Украина, к. 3, п. 1; 33 — Скадовск, к. 4, п. 3; 34 — Павловка, к. 2, п. 1; 35 — Красный Подол, к. 1, п. 4; 36 — Лиманцы, к. 1, п. 1; 37 — Пришиб, к. 3, п. 2, а — казанцы I типа; б — II тип; в — III тип

нике изготовления, есть в материалах салтовской культуры VIII—X вв. Указывая на особое место их в быту у кочевников, С. А. Плетнева подробно останавливается на описании формы и реконструкции такого котла¹⁸. О более длительном бытовании их в Подонье говорят находки фрагментов ручек и петель от котлов при раскопках Саркела¹⁹. Нельзя не упомянуть о медных (бронзовых) котелках, отличающихся от рассматриваемых нами казанов меньшими почти в 2 раза размерами, из II Агафоновского могильника в Пермской области²⁰.

Отсутствие казанов в материалах раскопок памятников оседлых народов, примыкавших к кочевой степи, позволяет считать их находки у кочевников продуктом местного производства, тем более что находки близких и аналогичных сосудов в более раннюю эпоху могут говорить о преемственности позднекочевнических казанов от более ранних. В пользу нашего мнения о местном производстве казанов говорит и их распространение на территории, которая постоянно находилась под властью кочевников и даже была центром половецких группировок (рис. 5)²¹.

Рассматривая условия находок казанов в погребальных комплексах кочевников, попытаемся выявить возможную взаимосвязь определенного типа сосудов с каким-либо погребальным обрядом и их хронологические рамки. Выше мы говорим о том, что часть известных в настоящее время казанов происходит из разрушенных курганов или депаспортизована. Так, из 37 только 22 сосуда входит в состав более или менее документи-

¹⁸ Там же, с. 154, рис. 39, 19 на с. 149.

¹⁹ Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа. — МИА, № 62, 1958, с. 67, рис. 45.

²⁰ Пользуюсь случаем выразить самую глубокую признательность Р. Ф. Голдиной за любезно предоставленные для ознакомления материалы из своих раскопок.

²¹ Плетнева С. А. Половецкие изваяния. — САИ, вып. Б4—2. М., 1974, с. 19—24.

рованных комплексов²². Погребальный обряд этих захоронений не составляет единого целого. Взяв за основу ориентировку погребенных, мы можем разделить имеющиеся в нашем распоряжении комплексы на две группы.

Первая группа (11 погребений) характеризуется вытянутым на спине положением погребенного, его западной ориентировкой и наличием чучела или полного скелета взнузданной и оседланной лошади. Мужской пол умерших, погребальный инвентарь, отличающийся богатством и разнообразием наступательного и защитного оружия, дает возможность считать погребенных представителями военной аристократии кочевнического общества. Яркий образец погребений первой группы дает курган «Великая могила» у г. Курахово (20). Захоронение воина сопровождалось кроме богатого инвентаря еще захоронением коня и лежащими рядом слугами.

Вторая группа (8 погребений). Это труположения с восточной ориентировкой. В отличие от погребений первой группы признаки всадничества для данной категории не являются закономерными. Наличие даже сбруи в них не всегда обязательно. Но это не говорит о бедности умершего, данные погребения по богатству инвентаря, его ценности значительно превосходят погребения первой группы. В числе особенностей второй группы мы считаем также наличие в ней женских погребений²³.

В вопросах хронологии позднекочевнических памятников нет еще единого мнения о датировке тех или иных комплексов и могильников²⁴. Однотипность инвентаря в погребениях разных веков затрудняет возможность создания хронологической шкалы. Однако в работах Г. А. Федорова-Давыдова и С. А. Плетневой проведена систематизация и установлены определенные хронологические рамки некоторых категорий вещей, встречающихся в кочевнических погребениях²⁵. Сравнивая их с аналогичными находками инвентаря в погребениях с казанами, мы можем продатировать имеющийся в нашем распоряжении материал. Так, сбруя погребений, в которые входят двухсоставные удила с круглыми в сечении кольцами, не превышающими диаметр 7 см, и длиной одного стержня грызла до 8 см имеют аналоги в древнерусских и кочевнических древностях и датируются XII—XIII вв.²⁶ Стремена, в основном аналогичные стременам типа В-II, Г-I по системе классификации Г. А. Федорова-Давыдова²⁷, В-I, Д-II, Д-III по классификации С. А. Плетневой²⁸, также датируются XII—XIII вв.

В состав оружия погребений с казанами входят сабли, наконечники стрел, копий или дротиков, колчаны, кинжалы, шлемы, кольчуги. Ни разу не встречены богато орнаментированные обкладки колчанов золотоордынского времени²⁹. Наконечники стрел в данных комплексах весьма разнообразны. Однако среди них нет образцов, известных с татаро-монгольского нашествия, — более крупных и массивных по размерам, чем половецкие³⁰.

²² Мы не привлекали к обработке комплексы, в которых упоминается казан, но не сохранилось ни рисунка его, ни размеров.

²³ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, с. 19—24.

²⁴ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков.— САИ, вып. Е1—19. М., 1973, с. 15—19; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы..., с. 115, 116.

²⁵ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков, с. 15—19; Федоров-Давыдов Г. А. Ук. соч., с. 11—119.

²⁶ Кирпичников А. И. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, вып. Е—136, 1973, Л., с. 12, 17, рис. 4, тип. 1К; Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков, с. 15—16, тип. Г-I, Г-II; Федоров-Давыдов Г. А. Ук. соч., с. 20, тип. Г-II, Г-III.

²⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Ук. соч., с. 12.

²⁸ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков, с. 16.

²⁹ Малиновская Н. В. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евроазиатских степей.— В сб.: Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 132—175.

³⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Ук. соч., с. 25—28, рис. 3.

Наиболее показательными, как нам представляется, для хронологии данной группы памятников могут служить украшения, парча и керамика, находящаяся в комплексах с котлами.

Помимо сбруи и оружия в погребениях с казанами попадались надежно датирующие их стеклянные и витые серебряные браслеты, витые перстни, амфоры XII — начала XIII в., обрывки византийской и сицилийской парчи XII и XII—XIII вв. и т. п.³¹.

Находки позволяют датировать «позднекочевнические погребения с казанами XII — первой половиной XIII в. С татаро-монгольским нашествием связывается гибель половецкой аристократии, увод ее в ставки монголов. Именно в этот период исчезает обычай установки каменных изваяний³². По-видимому, тогда же исчезает обычай помещать казаны в захоронения, а вместо них в могилы клали только маленькие котелочки, мисочки и иногда медные стаканы.

Если в быту кочевников казаны использовались по своему функциональному назначению, то в погребениях они представляют, по нашему мнению, одну из интереснейших частей погребального ритуала. При изучении погребений с казанами и казанов из разрушенных курганов все исследователи обращают внимание на их закопченность и наличие в них или рядом с ними остатков жертвенной пищи. Так, в погр. 8 Лолинского могильника (1) у казана находились кости барана и фрагмент деревянной миски. В казане из кургана «Великая Могила» у г. Курахово (20) оказался фрагмент такой же миски и кости птицы, а в Новоивановском погребении (12) лежали кости барана. Интересна находка деревянного черпака в казане из кург. 6 у с. Провалье (7). Ритуальное назначение котлов в славянском погребальном ритуале хорошо иллюстрируется находкой железного котла с головой барана и скрамасаксами в кургане «Черная Могила»³³.

В среде кочевников также выполнялся определенный погребальный обряд, включавший в себя положение загробной пищи и заупокойную тризну, который совершался в честь умершего предка. Однако в данном случае захоронение погребенного с казаном, употреблявшимся в повседневной жизни для приготовления пищи группе людей, мог иметь и другой аспект. При похоронах богатого и влиятельного воина в погребение ставился казан как признак кормильца и главы рода, племени. Недаром, характеризуя силу и могущество хана Кончака, русская летопись отмечает «иже снесе Сулу, пешь ходя, котел нося на плечеву»³⁴. Не менее показательна этимология самого слова «казан», уходящая своими корнями в тюркский героический эпос³⁵.

Главный богатырь огузов — Казан-бек или Салор-Казан. «Он — глава витязей, бек беков Баюндур-хана! Он глава внутренних огузов, но ему подчиняются и огузы внешние». Он — «счастье могучих огузов», опора могучих джигитов. Он — самый могучий и самый прославленный из огузских богатырей³⁶.

Не менее интересен и показателен факт наличия казанов в женских позднекочевнических погребениях. Этот фактор еще раз подчеркивает, большое значение женщины в кочевом обществе. С. А. Плетнева весьма

---

³¹ Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Работы Богаевской экспедиции в 1971 году. — В сб.: Археологические памятники Нижнего Подонья, ч. II. М., 1974, с. 10.

³² Этот вопрос хорошо рассмотрен Г. А. Федоровым-Давыдовым (*Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы...*, с. 239) и Плетневой С. А. (*Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния*, с. 53—72).

³³ Петрухин В. Я. Ритуальные сосуды из курганов Гнездово и Чернигова. — ВМГУ, 1975, № 2, с. 85—89. О том, что котлы являются важной деталью ритуальных действий у скифов, пишет Геродот (Геродот. История. Л., 1972).

³⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 716.

³⁵ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 559.

³⁶ Там же, с. 560.

убедительно показала это при исследовании половецких изваяний³⁷. Не менее четко на это указывает эпическое произведение кочевников «Алпамыш». Вот как характеризуется роль Барчин — жены Алпамыша:

«Всем опора нам она, Барчин-Аим,
Вместо «Алпамыш» — «Барчин» мы говорим»³⁸.

Подводя итог сказанному выше, мы можем, по-видимому, считать установку казанов в погребение социальным элементом погребального обряда «поздних кочевников» XII — начала XIII в. Захоронения с казанами принадлежали, вероятно, представителям родовой и племенной аристократии кочевого общества, а казаны, как и боевые наборные пояса, являлись атрибутами, подчеркивающими высокое социальное положение умерших.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список памятников

1. II Лолинский могильник, к. 8, п. 3. *Синицын И. В. и Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (раскопки 1952—1953 гг.).— Тр. КРКМ, вып. 2, 1954, с. 176, рис. 46, 2.
2. Ровенский могильник, к. 13, п. 3. *Синицын И. В. и Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году.— Тр. КРКМ, вып. 1. Элиста, 1963, с. 24, рис. 25, 8.
3. Могильник на Иловле. *Скрипник А. С.* Раскопки курганов на Иловле.— Историко-краеведческие записки Волгоградского областного музея краеведения. Волгоград, 1973, вып. 1, с. 34, рис. 3, 4.
4. Новочеркасск, Музей истории Донского казачества (далее МИДК), инв. 3890.
5. МИДК, инв. № 3876.
6. МИДК, безинвентаря.
7. Провалье Свердловского р-на Ворошиловградской обл., к. 6, п. 1.— АО — 1973. М., 1974, с. 258.
8. Нижняя Козинка Ростовской области. *Горбенко А. А., Коренько В. А., Максименко В. Е.* Позднекочевническое погребение из кургана у хут. Нижняя Козинка.— СА, 1974, № 1, с. 287, рис. 1.
9. Ажинов 1, к. 1, п. 3 Ростовской области. *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Богаевской экспедиции в 1971 г.— АПНЦ, т. II, 1974, табл. IV, 8.
10. Ворошиловград. *Писларий И. А., Филатов А. П.* Тайны степных курганов. Донецк, 1972, с. 124, рис. 1.
11. с. Никифоровка, Шахтерского р-на Донецкой обл. АО — 1976. М., 1977, с. 356.
12. с. Новоивановка, Амвросиевского р-на Донецкой обл. *Швецов М. Л.* Похоронения знатной кочевницы з Донбасу.— Археология, № 13, 1974, с. 97, рис. 3, 5.
13. с. Грузское, Макеевка, Донецкой обл. *Стороженко С. К., Кірієнко О. Я.* Розкопки курганів XI—XII ст. в Донецкій області.— АДУ — 1969. Київ, 1972, вып. IV, с. 273.
14. Изюм, Харьковской обл. *Сибилев Н. В.* Дрезности Изюмщини. Изюм, 1926, вып. III, табл. XXI.
15. с. Отрадовка, Артемовского р-на Донецкой обл. Музей Дворца пионеров г. Артемовска, инв. № 114.
16. с. Октябрьское, кург. 1. Новоазовского р-на Донецкой обл. *Братченко С. Н.* Отчет Второй Северо-Донецкой экспедиции ИЗ АН УССР за 1976 г.— Архив ИА АН УССР ф. е. 1976/3.
17. с. Приморское, Новоазовского р-на Донецкой обл. Раскопки О. Я. Приваловой в 1977 г. Не опубликовано.
- 18—19. с. Берестовое, Близиновского р-на Харьковской обл. (Археологический музей Харьковск. ун-та).
20. г. Курахово, Донецкой обл. Кург. «Великая Могила». *Стороженко С. К., Кірієнко О. Я.* Розкопки курганів в Донецкій області..., с. 273.
21. Александрополь, Днепрпетровской обл. *Ковалева І. Ф.* Розвідка горішньої течії р. Самари.— АДУ — 1969. Київ, 1972, с. 336.
22. с. Тимофеевка, к. 9, п. 5 Запорожской обл. *Отрошенко В. В.* Отчет Запорожской археологической экспедиции ИА АН УССР за 1976 г.— Архив ИА АН УССР ф. е. 7493, 7494, табл. XXXVII.

³⁷ *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 76.

³⁸ Алпамыш. М., 1958, с. 11, 309.

23. с. Большая Белозерка, к. 1, п. 2 Запорожской обл. *Отрощенко В. В.* Отчет Запорожской экспедиции за 1976 г., с. 116, 117.
24. г. Запорожье, ЗИКМ, инв. № 5035.
25. г. Запорожье, ХГЗЗК, инв. № НДФ 179.
26. г. Запорожье, ХГЗЗК, инв. № НДФ 188.
27. с. Софиевка к. 13, п. 1, Каховского р-на Херсонской обл. *Кубышев А. И.* Отчет Херсонской экспедиции ИА АН УССР за 1972 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6175, инв. 117.
28. с. Софиевка к. 23, п. 17, Каховского р-на Херсонской обл. *Кубышев А. И.* Отчет Херсонской экспедиции ИА АН УССР за 1973 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6177, инв. № 37.
29. с. Верхне-Тарасовка к. 82, п. 1, Томаковского р-на Днепропетровской обл. *Черднichenko Н. Н.* Отчет Верхне-Тарасовской экспедиции ИА АН УССР за 1975 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. с. 96—100, рис. 36, 2.
30. с. Калшиново. «Красный Перекоп», 23 км, к. 1, п. 1, Каховский район Херсонской области. *Кубышев А. И., Чемаков Г. И., Шилов Ю. А.* Исследование курганов на херсонщине.— АО — 1974. М., 1975, с. 308; Архив ИА АН УССР, ф. е. 6997.
31. с. Широкое кург. 37. Каховский р-н Херсонской обл. *Молодчикова I. А.* Раскопки кочевнических похорон на Херсонщине.— АИУ — 1969. Київ, 1972, с. 267.
32. *Вільна Україна*, к. 3, п. 1. Каховский р-н Херсонской обл. *Лесков А. М.* Отчет о работе Херсонской экспедиции за 1971 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 7165, с. 58.
33. Скадовск, ур. «Морская кошара» к. 4, п. 3, Херсонская обл.— Археологія УРСР. Київ, т. III, 1975, рис. 107, 10.
34. Павловка к. 2, п. 4. Чаплинский р-н Херсонской обл. *Кубышев А. И.* Отчет Херсонской экспедиции ИА АН УССР за 1974 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6996—6997. *Иванов Л. И., Явичук В. И.* Работы Херсонской экспедиции.— АО — 1975. М., 1976, с. 329.
35. с. Красный Подол, кр. гр. Ц к. 2, п. 4, Каховский р-н Херсонской обл. *Кубышев А. И.* Отчет Херсонской экспедиции ИА АН УССР за 1974 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6996, 6997.
36. с. Лиманцы, к. 1, Смигиревского р-на Николаевской обл. *Шапошникова О. Г.* Отчет Ингульской экспедиции ИА АН УССР за 1974 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6783, с. 107, 108.
37. Пришиб, к. 3, п. 2, Славяносербского р-на Ворошиловградской обл. Раскопки 1978 г.

M. L. Shvetsov

COPPERS FROM BURIALS OF THE MEDIEVAL NOMADS

Summary

The article deals with copper riveted vessels 5—10 litres volume, found in the burials of medieval nomads. Showing the illegality of the term «copper» for the determination of these finds the author offers the term «kazan» (a specific type of vessel) and gives the preliminary typology of the investigated kazans from the burials and destroyed barrows. By the technology of their manufacturing all kazans are divided into 3 types and by the form of their walls and rim into subtypes (fig. 1—4). The author investigates the burial complexes with the kazans, establishes their chronology.

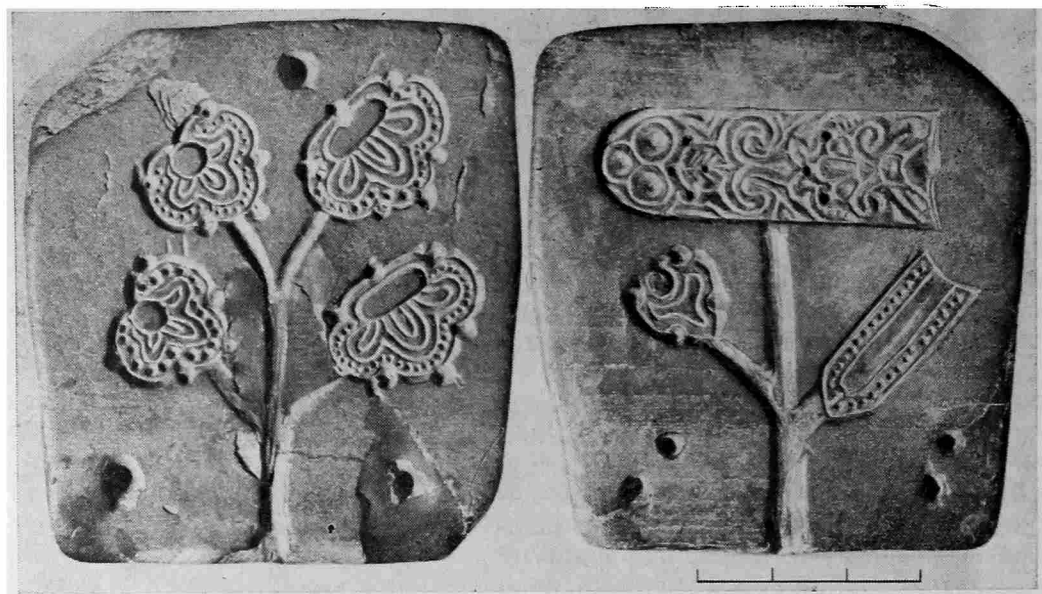

Рис. 2. Формочка 1. Лицевая и обратная сторона

Вторая форма (рис. 3) имеет размеры 8×6 см при толщине 0,4—0,8 см. На одной стороне вырезаны изображения пятиугольной бляшки, украшенной семилепестковой пальметкой, сегментовидной бляшки, а также круглой бляшки с восьмиугольной звездой. Литник круглой бляшки перерезается под прямым углом каналом для штифта, служащего для изготовления отверстия в ушке отлитого изделия.

На торце, куда входит литник прямоугольной и сегментовидной бляшек, вырезан крест. На другой стороне в центре вырезано изображение колодочки с литником и каналом для штифта для образования полости в колодочке.

Третья форма (рис. 4) меньше предыдущей ($3,5 \times 5$ см при толщине 1,3 см). Полностью сохранилась лишь одна сторона, где вырезано три полуцилиндрических колодочки, к каждой из которых ведет отдельный литник. Для придания изделиям полый конструкции прорезано два параллельных канала для штифтов. Вследствие механического повреждения на второй стороне сохранился лишь незначительный фрагмент изображения.

Все формочки изготовлены из шифера (пиррофиллитового сланца) овражского происхождения.

Первые две формочки относятся к одному литейному набору, служившему для изготовления поясных украшений (рис. 5). Так, большая продолговатая бляшка с круглым концом, украшенная сложным изысканным орнаментом, служила наконечником боевого пояса. На нем изображены трилистники со сложными завитками, перерастающие друг в друга

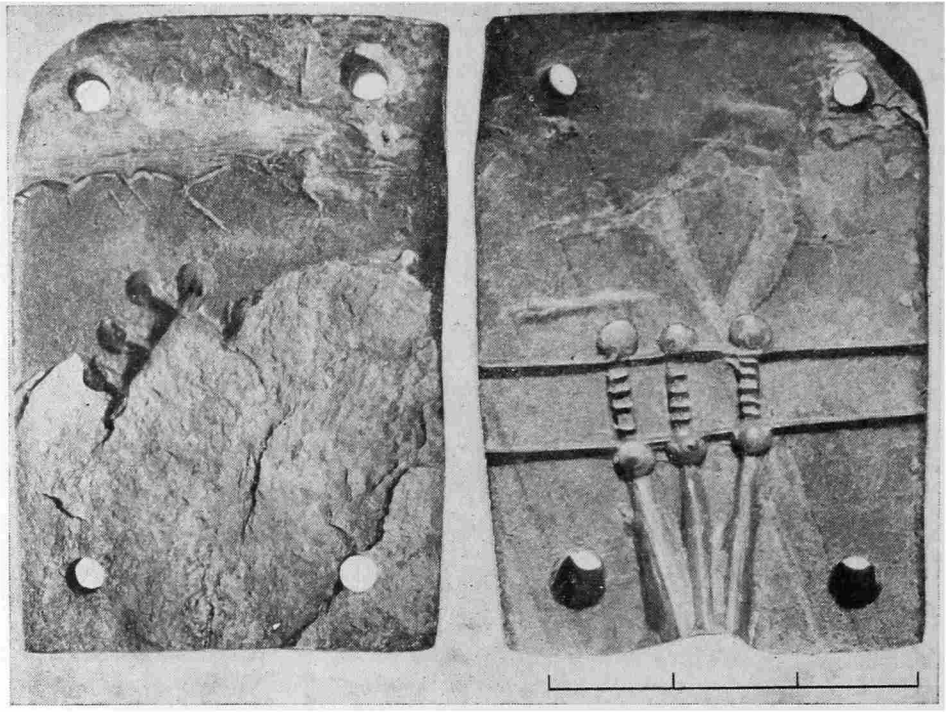

Рис. 4. Формочка 3. Лицевая и оборотная сторона

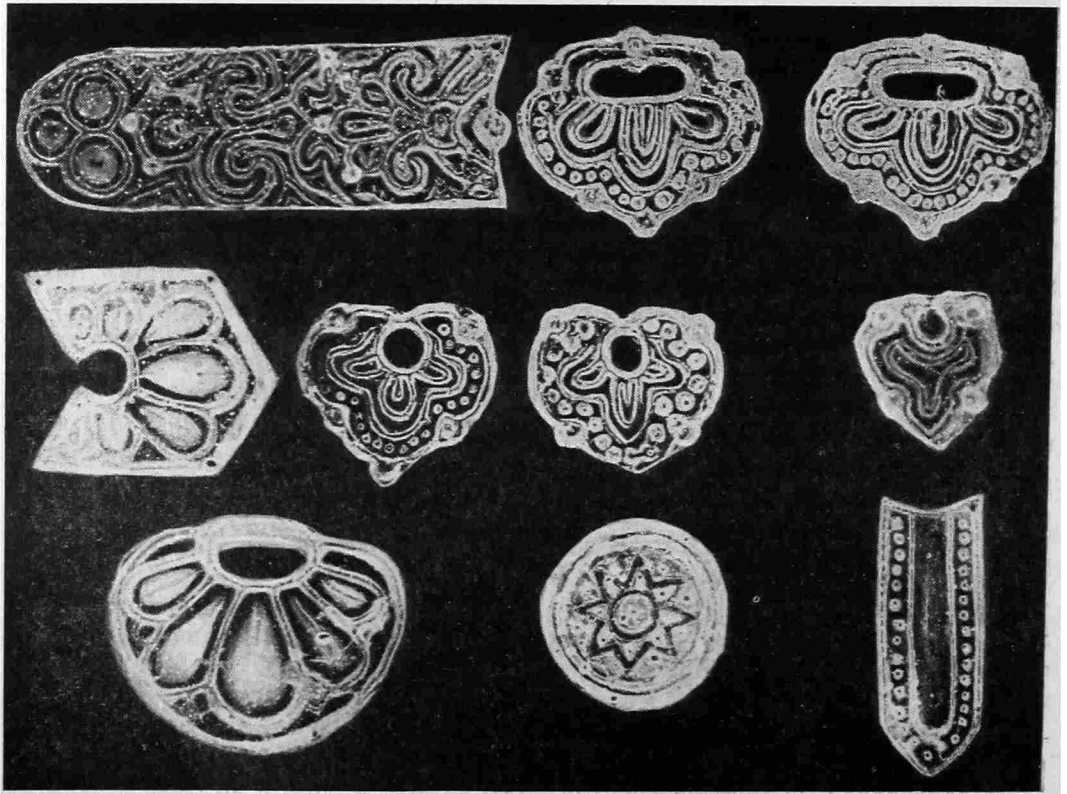

Рис. 5. Экспериментальные отливки из формочек. Масштаб 2 : 1

Известно, что поясные и уздечные наборы были широко распространены на всей территории великой евразийской степи: от Байкала на востоке до Венгрии на западе. Отмечается и большое сходство этих наборов, особенно в IV—VI вв. В конце VII—VIII вв. по формам и орнаменту бляшек выделяются три основные ареала: Средне-Дунайская низменность, Юго-Восточная Европа, Центральная и Средняя Азии¹⁸. Пояс, украшенный серебряными бляшками, был непременной принадлежностью каждого воина-кочевника. Количество бляшек на поясе зависело от общественного положения воина: чем знатнее он был, тем больше бляшек имел на поясе¹⁹. Боевые пояса (как и оружие и коня) воин в раннем средневековье получал от правителя как отличие воинской доблести, высокого служебного положения. Прокопий Кесарийский писал, что «не позволено никому носить ни перстня золотого, ни пояса, ни пряжки, ни чего-либо подобного, если это не пожаловано царем²⁰. Об этом же свидетельствуют азиатские рунические эпитафии: «Так как у вас было счастье («вам повезло»), памятник вам водрузили. На поясе лунновидную пряжку мы устроили». Или другая надпись: «Моя геройская доблесть. Мой пояс с сорока двумя (чиновными) пряжками-украшениями!»²¹.

На Руси также существовал обычай одаривать дружинников за верную службу богатым одеянием и оружием. Письменные источники свидетельствуют о страсти «нарочитых мужей» к роскошной одежде, ко всему, что олицетворяло власть, силу, богатство. Варяги, по свидетельству Эймундовой саги, требовали от Ярослава Мудрого в уплату за службу «золото и серебро и хорошую одежду»²². Об «оружии и портах» говорят дружинники князя Игоря, требуя нового похода к древлянам за данью. Всеволод Большое Гнездо одаривает после пиршества своих гостей «дары бесцѣнными, комонми и съсуды златыми и сребреными и порты». Сын Всеволода князь Ярослав обращается к своим воинам перед Липецкой битвой 1216 г.: «Се пришелъ вы товар в руки. Вам же буди брони, кони и порты»²³. А «князь великий Юрьи...многы дары вдасть брату своему: златомъ, и сребромъ, и порты разноличными, и кони, и оружием...»²⁴ (1219 г.). К такого же рода почетным подаркам относились боевые пояса и конская сбруя. Среди храбров князя Константина Всеволодовича летопись наряду с Алешей Поповичем выделяет некоего Тимоню Золотой Пояс: «Бяше въ полку два челоуѣка храбрых, Олешка Попович... и Тимоня Золотой Поясъ»²⁵.

В топонимике Подола существовало название «Пасынча беседа» (церковь св. Ильи. «яже есть над Ручаем, конец Пасынчы беседы»). М. Н. Тихомиров считал, что это название означает «место встреч, собраний дружинников («пасынок»)». А само слово «пасынок» в значении дружинника происходит от «пасати» — опоясывать мечем, обряда посвящения в дружинники, который имел аналогии в западноевропейских рыцарских обрядах²⁶. Об этом говорит и статья 1149 г. Ипатьевской летописи: «Пасаше Болеславъ сыны боярьски мечемъ многы»²⁷. Боевой пояс, конечно, в таких случаях бывал богато украшен. О том, что поясные наборы были достаточно распространены на Руси, свидетельствуют и находки поясных бляшек в древнерусских курганах и кладках IX—X вв. Причем, как это неоднократно отмечалось исследователя-

¹⁸ Распопова В. И. Поясной набор Согда VII—VIII вв.—СА, 1965, с. 78—91.

¹⁹ Плещева С. А. Подгоровский могильник.—СА, 1962, № 3, с. 250.

²⁰ Прокопий из Кесарии. История войн с персами. СПб., 1880, с. 117.

²¹ Распопова В. И. Ук. соч., с. 90.

²² Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 92.

²³ Никаноровская летопись. ПСРЛ, т. 27. М.—Л., 1962, с. 39.

²⁴ Никоновская летопись. ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, с. 85.

²⁵ Тверская летопись. ПСРЛ, т. XV. М., 1963, стлб. 323.

²⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 19, 20.

²⁷ Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стлб. 386.

ми, эти курганы являлись захоронениями представителей военно-феодальной верхушки. Очевидно, именно с выделением военно-феодальной знати начали прививаться на Руси щедро украшенные боевые пояса и сбруя, стали широко распространяться в быту различные наременные нашивки и украшения.

В основном поясные бляшки относят к арабскому импорту с Востока. Конечно, в целом как сама «мода» на поясные наборы, так и типы и орнамент поясных украшений проник на Русь с Востока (Хазарский каганат). Однако, возможно, здесь имеет место и определенная гиперболизация этого импорта (в частности, поясных украшений) и отрицание местного производства подобного рода вещей. В связи с этим интересно следующее замечание В. П. Даркевича о том, что «восточные наременные бляшки из серебра в местах их изготовления почти неизвестны. Находки из Восточной Европы частично восполняют этот пробел»²⁸.

Практически не известны на Востоке и находки литейных форм, в которых изготавливались эти бляшки. Правда, Т. Арне в статье, посвященной в основном Шестовицкому могильнику, упоминал о каких-то литейных формочках для изготовления поясных бляшек, которые он видел в музее г. Самарканда²⁹. Однако ни описание, ни публикации этих формочек нам, к сожалению, не известны. К тому же единственная, известная до находки в Киеве литейная формочка для поясных украшений была найдена также на территории Киевской Руси в древнем Плиснеске³⁰.

Изучая древнерусские сбруйные наборы, А. Н. Кирпичников пришел к выводу, что в X—XI вв. степную территорию (куда входила Южная Русь, Северное Причерноморье и Крым) обслуживали высококвалифицированные мастерские, которые никогда не поднялись бы до своего высшего уровня, если бы не восприняли художественные и культурные достижения развитого ремесла оседлых районов, и высказал предположение, что после 1000 г. в работе этих мастерских «могли принять участие и русские мастера»³¹. Это, конечно, касается и поясных наборов. Находка на Подоле указывает, что именно в Киеве уже в X в. действовала подобная мастерская. Считаем, что предположение А. Н. Кирпичникова подтвердилось (с той только оговоркой, что не «после», а «до» 1000 г.).

Вероятно, в X в., особенно во время княжений Святослава и Владимира, когда быстро выделялась и росла дружинная прослойка, в Киевской Руси возник особый спрос на поясные и уздечные наборы (по выражению А. Н. Кирпичникова, эпоха «сбруйного выбора» на Руси). Этот спрос и породил мастерские, подобные подольской, и мастеров-ювелиров, которые оказались на уровне лучших мастеров своего времени. По своей художественной ценности рисунки, вырезанные на формах, относятся к лучшим образцам прикладного искусства. Резьба поражает своей тщательностью и совершенством. Перед нами произведение зрелого художника, который соединил художественный вкус и техническое совершенство.

Мы полагаем, что надпись на формочке, вероятнее всего, означает имя владельца формочки, а не мастера-резчика, выполнившего изображение бляшек (хотя не лишено вероятности предположение, что это было одно и то же лицо).

Арабская надпись на формочке сделана простым куфи (рис. 6). Возможны различные варианты прочтения этой надписи. И. Г. Добро-

²⁸ Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976, с. 115—122.

²⁹ Arne T. Skandinavische Holzkammer gräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine.— Acta archaeologica, t. II, № 3. Kobenhavn, 1931, S. 288.

³⁰ Бичера М. П. Древний Плиснеск.— АП, XII, 1962, с. 31, 32.

³¹ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973, с. 30.

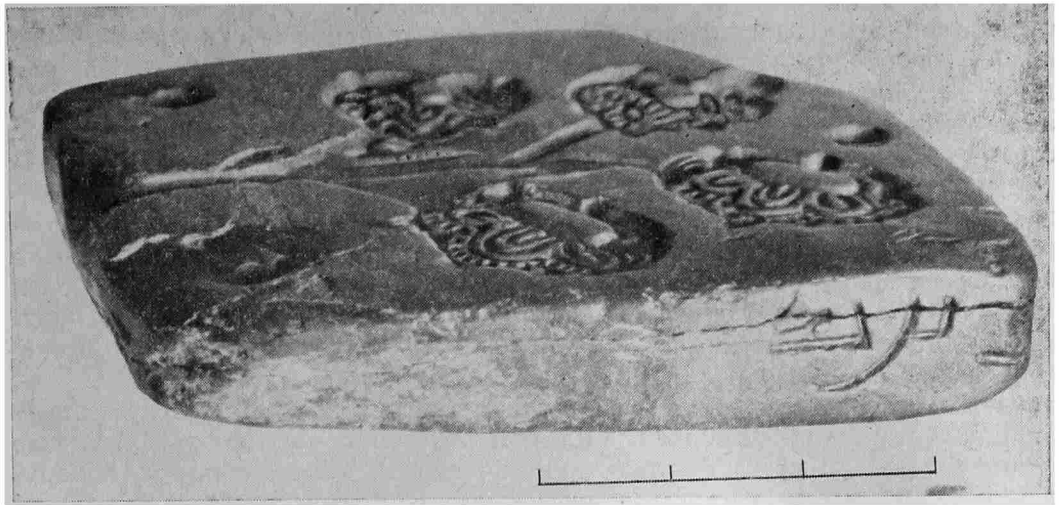

Рис. 6. Арабская кувфическая надпись на ребре формочки 1

вольский читает ее как имя собственное «Йазид», Б. И. Маршак считает, что наиболее вероятным является прочтение — «турк», т. е. представитель племени торков³². Разное прочтение вызвано отсутствием в кувфи точек, по которым отличаются многие арабские буквы, а также трещинами, идущими по торцу формочки.

В том, что на киевской форме встретилась арабская надпись, нет ничего удивительного. Хорошо известно, что в Киеве жило довольно много выходцев с Востока. В топонимике Подола существовало название «Козаре», которое, возможно, осталось от хазарской торговой колонии. Под 1106 г. упоминается в летописи воевода Святополка Изяславича «Иванко Захарыч Козарин» — вероятно, обрусевший хазарин³³. Немало могло оказаться в Киеве и торков, которые с 985 г. выступают в летописи как союзники Владимира Святославича. Торком был повар (и убийца) князя Глеба Владимировича. Среди киевских мусульман могли быть и пленники из Хазарии, которые попали в Киев после разгрома князем Святославом Игоревичем хазарских городов Саркела, Итиля и Семендера. Арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, который посетил Киев в 1150 и 1153 гг., сообщал, что он «прибыл в город славян, который зовут Куйав. А в нем тысячи «магрибинцев», с виду тюрков, разговаривающих на тюркском языке и стрелы мечут, как тюрки». Там же Абу Хамид встретил «человека из багдадцев, которого зовут Керим ибн Файруд ал-Джаухари»³⁴. Среди иноземцев, живших в Киеве, Печерский Патерик упоминает сирийцев, половцев.

Однако этническое происхождение мастера не имеет для нас принципиального значения. Данное производство в Киеве было вызвано местными, киевскими потребностями, развитием местных производительных сил и местных общественных отношений. Сами формочки были изготовлены из местного овручского шифера³⁵, мастерская функционировала в Киеве, ее продукция поступала прежде всего на киевский рынок и вливалась в общий поток древнерусского ремесленного производства.

³² Приносим нашу глубокую признательность И. Г. Добровольскому и Б. И. Маршаку, любезно согласившимся прочесть надпись на формочке.

³³ ПВЛ, т. 1. М.—Л., 1950, с. 186.

³⁴ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М., 1971, с. 39.

³⁵ Петрографический анализ проведен в Институте геохимии и физики минералов АН УССР кандидатом геолого-минералогических наук И. Л. Личаком. Формочки сделаны из пиррофиллитового сланца, добытого в урочище Ровки близ г. Овруча.

В этой связи следует привести высказывание Г. Ф. Корзухиной в отношении всего древнерусского ювелирного искусства в целом: «Не арабы воскресили это древнее искусство. Толчком к его развитию, как и развитию других ремесел, послужил переход в IX в. к новым общественным отношениям, создавшим к X в. слой новой, могущественной знати, стремившейся к богатству, роскоши, дорогому оружию и одежде»³⁶.

Подольские литейные формочки являются наиболее ранними из найденных в Киеве. Как известно, основная масса киевских литейных форм относится к XII—XIII вв. Подольские формочки стоят также особняком среди немногочисленной группы одновременных им формочек (типа Табаевки), резко выделяясь как характером изготавливаемых предметов, так и техническим и художественным совершенством. Упомянутые выше бляшки литейной формы из Плиснеска, датируемой XI в., также по своим художественным достоинствам значительно уступают бляшкам киевских формочек. (На ней вырезано четыре пятиугольные бляшки, лишенные какой-либо орнаментации.) Таким образом, обнаруженные на Подоле формочки являются пока единственным известным в настоящее время и а б о р о м литейных форм для производства поясных украшений, несмотря на широкое распространение последних на всей огромной территории Евразии в довольно широком временном диапазоне (IV—XI вв.).

Следы еще одной ремесленной мастерской, связанной с ювелирным делом, были обнаружены в том же 1975 г. при исследованиях усадьбы бывшей Покровской церкви (1766 г.) на ул. Зелинского. В слое XIII в. был открыт небольшой фрагмент постройки (1×1,5 м), которая, судя по находкам, была мастерской ремесленника-ювелира, изготавливавшего изделия из янтаря. Основная часть мастерской оказалась перекрытой полом из майоликовых плиток каменного сооружения XIV—XV вв. и поэтому раскопана не была. Было найдено 18 полуобработанных заготовок из янтаря. Большинство из них — это плоские пластины янтаря толщиной 3—4 мм, квадратной, ромбовидной и бипирамидально-усеченной формы. Вероятно, ассортимент изделий из янтаря данной мастерской был небольшим и представлял собой преимущественно бусы и подвески-кулоны. Янтарь красноватого оттенка. По мнению Р. Л. Розенфельдта, это тот же желтый янтарь, но прокаленный в глиняных горшках под слоем песка. При такой технологии получали янтарь, сходный по цвету с сердоликом. Изделия из томленого янтаря покрывались белесой коркой, сам янтарь становился менее прочным, с многочисленными трещинами³⁷. Местного ли происхождения этот янтарь или прибалтийского, сказать трудно, поскольку, как утверждает Р. Л. Розенфельдт, по химическому составу, качеству и внешнему виду днепровский янтарь неотличим от прибалтийского³⁸. Укажем, однако, что во всех обнаруженных в Киеве мастерских по обработке янтаря (ул. Десятинная³⁹, ул. Житомирская, 14⁴⁰, Михайловский Златоверхий монастырь⁴¹ — в Верхнем городе, ул. Ярославская, 41 — на Подоле⁴²) встречался янтарь красноватого цвета. И только на ул. Десятинной наряду с ним попадались куски желтого янтаря. Характер обработки заготовок напоминает янтарь из мастерской, раскопанной на территории Михайловского монастыря. Отметим, что это вторая открытая за последние годы на Подоле мастерская по обработке янтаря.

³⁶ Корзухина Г. Ф. Ук. соч., с. 73.

³⁷ Розенфельдт Р. Л. Янтарь на Руси (X—XIII вв.). — В сб.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 198.

³⁸ Там же, с. 197.

³⁹ Хойновский И. Раскопки великокняжеского двора древнего Киева. Киев, 1898, с. 42, 48, 52.

⁴⁰ Толочко П. П. Исследования на Украине. — АО — 1967. М., 1968, с. 186, 187.

⁴¹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 473, 475.

⁴² Толочко П. П., Гуцало К. М. Розкопки у Києві..., с. 14.

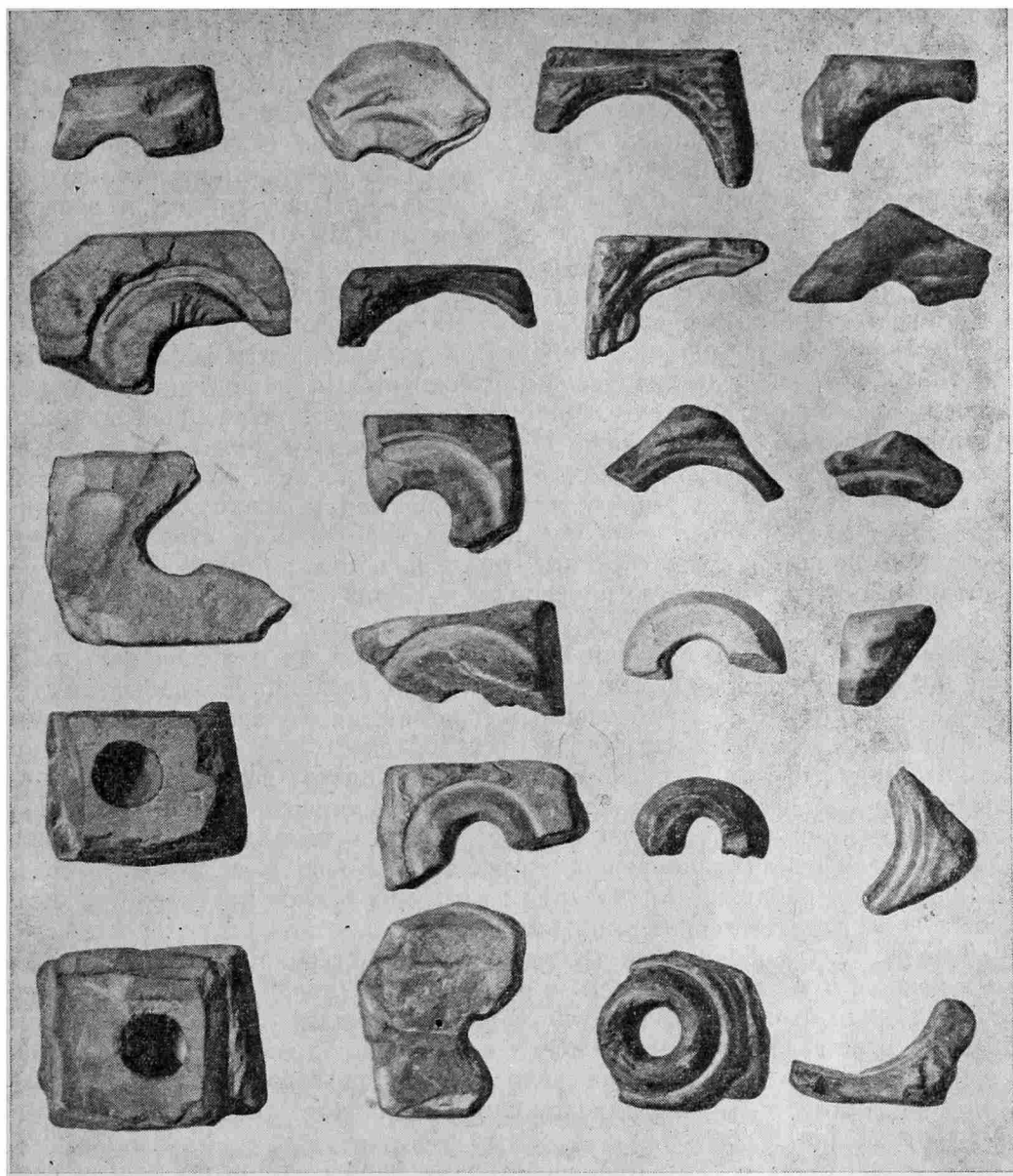

Рис. 7. Следы производства пряслиц из овручского шифера

Судя по ассортименту, янтарные изделия подольской мастерской были рассчитаны на самый широкий круг потребителей как города, так и деревни. Все они, безусловно, массового производства.

На раскопе по ул. Верхний Вал на глубине 4—4,5 м от современной поверхности были обнаружены следы производства пряслиц из овручского шифера. Культурный слой, в котором они находились, датируется по стратиграфии XI—XII вв.

Было выявлено около 30 заготовок, бракованных деталей, отходов производства (рис. 7), которые красноречиво свидетельствовали, что рядом находилась мастерская по производству шиферных пряслиц. Однако строительные работы не позволили тщательно изучить место находки и обнаружить саму мастерскую. В мастерской, судя по найденным деталям изготовлялись пряслица с внешним диаметром 20—21 мм и диаметром веретенового отверстия 8—9 мм. По мнению Р. Л. Розенфельдта, пряслицу с таким диаметром внутреннего канала следует датировать второй

половиной XI — первой половиной XII в.⁴³ Размеры обнаруженных заготовок: 27×33×17 и 25×29×16 мм. В них уже просверлены веретенные отверстия, которые сужаются: с одной стороны их диаметр 9 мм, с другой — 7 мм. На этих заготовках отсутствуют следы одновременного процесса высверливания канала пряслица и вырезания (выкружения) пряслица из тела заготовки, что предполагал Р. Л. Розенфельдт, реконструируя процесс изготовления пряслиц⁴⁴. Однако на более тонких заготовках такие следы встречаются. При высоте заготовок 9—10 мм диаметр канала равняется 8 мм, при высоте 16—17 мм — 9 мм. Найденные заготовки и отходы производства показывают, что на изготовление одного пряслица в данной мастерской требовалось около 10 см² шифера.

Шиферные пряслица являются одной из наиболее распространенных категорий находок в древнерусской археологии. По выражению Б. А. Рыбакова, это «вещи с широким общерусским диапазоном распространения». Их производство, сбыт, а также область распространения были детально исследованы Б. А. Рыбаковым⁴⁵.

Однако находка на Подоле возвращает нас к вопросу о характере производства шиферных пряслиц и дает возможность уточнить и несколько дополнить существующие представления по данной проблеме. Считалось, что производство шиферных пряслиц было сосредоточено исключительно в районе Овруча⁴⁶. Во многом это мнение основывалось на том факте, что до сих пор «ни одной мастерской по изготовлению пряслиц в Киеве не найдено. Ни разу во время раскопок в разных местах Киева, в том числе и в ремесленных районах, не были встречены характерные остатки шиферных плиток с высверленными из них пряслицами, которые могли бы говорить о местном производстве шиферных пряслиц. Следовательно, несмотря на наличие в Киеве привозного шифера, киевские ремесленники производством пряслиц не занимались»⁴⁷. Отсутствие находок производства шиферных пряслиц в Киеве и в других городах Древней Руси послужило основанием того, что данное производство было отнесено в разряд сельских промыслов.

Теперь, после обнаружения следов такой мастерской на Подоле, можно говорить о местном, киевском производстве шиферных пряслиц, утверждать, что это производство не было исключительной монополией овручских камнерезов, а имело место и в других древнерусских центрах (прежде всего в городах, где велись большие строительные работы). Подтверждают эту мысль и находки следов подобного производства в древнем Минске⁴⁸ и Суздале⁴⁹.

Следовательно, и само производство шиферных пряслиц нельзя считать чисто сельским промыслом.

Сырье для мастерской в Киеве могло доставляться двумя путями. Во-первых, непосредственно из овручских камнеполомен, где ремесленник заказывал небольшие партии шифера. Возможно, он мог кооперироваться с другими ремесленниками, которые занимались производством крестиков, иконок и других мелких поделок из шифера и которые также

⁴³ Розенфельдт Р. Л. О производстве и датировке овручских пряслиц.— СА, 1964, № 4, с. 223.

⁴⁴ Розенфельдт Р. Л. О производстве..., с. 220.

⁴⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло..., с. 190—193, 466, 467.

⁴⁶ Рыбаков Б. А. Ремесло..., с. 190—193, 466, 467; *его же*.— В кн.: История культуры Древней Руси, т. 1. М.—Л., 1948, с. 108—113, 354—377; Розенфельдт Р. Л. О производстве..., с. 220; Мальм В. А. Шиферные пряслица и их использование.— В сб.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 197—206.

⁴⁷ Рыбаков Б. А. Ремесло..., с. 190.

⁴⁸ Штыгов Г. В. Города Полодской земли. Минск, 1978, с. 113.

⁴⁹ Седова М. В. Что показали археологические раскопки.— В кн.: Суздалию — 950 лет. Ярославль, 1977, с. 68.

нуждались в относительно небольших партиях сырья. Шифер в Киев доставлялся, вероятнее всего, водным путем: Уж — Припять — Днепр.

По поводу вопроса о начале разработок овручского шифера полагаем, что овручские каменоломни функционировали уже в первой половине X в. Об этом свидетельствуют многочисленные обломки шифера (в том числе фрагмент капители), найденные в 1971 г. во время раскопок древнейшего каменного дворца в Киеве, который находился в центре городища Кия⁵⁰. Большое количество овручского шифера пошло и на строительство Десятинной церкви. Однако широкая, массовая разработка овручского шифера началась, конечно, в первой половине XI в. в связи с развернувшимися большими строительными работами в Киеве и Чернигове.

Вторым источником сырья для производства пряслиц могли служить отходы мастерских, связанных со строительным делом и обработкой крупных масс камня. Одна из них была открыта раскопками В. В. Хвойки на Старокиевской горе и «служила для выделки всевозможных изделий из камня — здесь выделывались мраморные, шиферные и изготовленные из других пород камня карнизы, плиты и т. д., иногда украшенные орнаментом»⁵¹. Широкие масштабы использования в постройках древнего Киева овручского шифера известны. Нет нужды перечислять все киевские дворцы и храмы, где он был применен. Скажем только, что лишь при исследованиях Успенского собора Печерского монастыря было обнаружено 244 гладкие плиты пола, которые покрывали площадь 530 м²⁵². Отходы и брак таких мастерских, обрабатывавших шифер в огромных количествах, вполне мог использоваться при изготовлении шиферных пряслиц. Нам представляется, что именно эти отходы и были основным источником сырья для производства пряслиц в Киеве.

Обнаруженная мастерская по производству пряслиц открыла еще одну, неизвестную ранее, специализацию киевских ремесленников.

В свете изучения вопросов ремесленного производства на Подоле интересны находки стеклянных изделий, обнаруженных при исследованиях «Дома Петра I» (ул. Константиновская, 6). Здесь была открыта часть какого-то деревянного сооружения очень плохой сохранности. На небольшой площади (около 4 м²) были найдены фрагменты 16 браслетов, бусы, остатки стеклянной посуды. Несколько браслетов были бракованные.

По форме, цвету найденные браслеты составляют достаточно большой ассортимент: плоский браслет фиолетового цвета — 1; плоско-выпуклых в сечении фиолетового цвета — 2 (отличаются, однако, друг от друга шириной и интенсивностью цвета); круглой формы — 4 (бирюзового, коричневого, зеленого и желтого цвета); витых браслетов — 3 (синего, фиолетового и желтого цвета).

Интересна бусина довольно редкой формы (фестончатая в сечении) с пластичным узором и ободками. Она украшена желтыми зигзагами, идущими по черному полю. По мнению Ю. Л. Щаповой, такого рода бусины скорее всего изготовлялись в Киеве и появились в начале XII в.⁵³ Началом XII в. следует, вероятно, датировать и все остальные материалы из раскопа. На это указывает найденная поблизости вислая печать с надписью «дньѣслово», которую В. Л. Янин связывает с киевской митрополией и датирует 1091—1096 гг.⁵⁴

Состав находок позволяет сделать предположение о том, что постройка являлась стеклоделательной мастерской, но настаивать на этом предпо-

⁵⁰ Толочко П. П. Раскопки древнего Киева. — Декоративное искусство, № 1, 1970, с. 54, 55.

⁵¹ Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднестровья. Киев, 1913, с. 69, 70.

⁵² Холостенко М. В. Успенский собор Печерского монастыря. — В сб.: Стародавній Київ. Київ, 1975, с. 144.

⁵³ Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 92, 94.

⁵⁴ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1. М., 1970, с. 75—86.

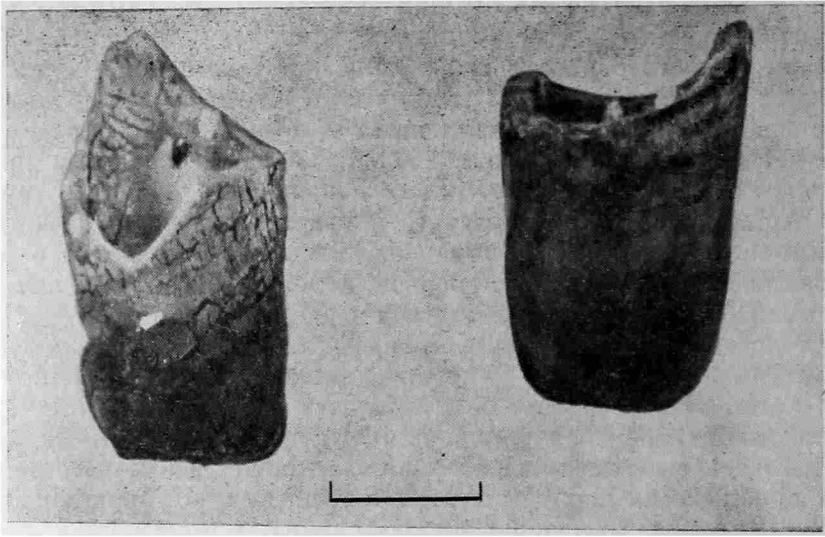

Рис. 8. Фрагменты остродонных кубков

ложении ввиду плохой сохранности сооружения и отсутствия более убедительных следов производства не приходится. Возможно, конечно, и вариант, что здесь находился дом купца, который распространял по Руси киевские стеклянные изделия. Сравнительно недалеко были обнаружены две стеклоделательные мастерские. Одна была открыта в 1950 г. В. А. Богусевичем на углу ул. Волошской и Героев Триполья. Здесь было обнаружено несколько разрушенных глинобитных печей-горнов для изготовления стеклянной массы, 100 кг свинца, фрагменты стеклянной посуды, перстней, бус⁵⁵. В 1956 г. на ул. Волошская, 20 была обнаружена еще одна мастерская, где был найден развал печи производственного назначения, сгустки окисленной меди, шлаки, кусочки оплавленной смальты и эмали, стеклянные браслеты⁵⁶.

В 1972 г. на Красной площади в самых нижних строительных горизонтах (глубина 10—10,6 м) при раскопках усадьбы X—XI вв. были обнаружены фрагменты (донца) двух остродонных кубков (рис. 8)⁵⁷. Как известно, остродонные кубки — большие сосуды с тонкими стенками, широким устьем и заканчивающиеся узким тяжелым донцем — являются наиболее древней стеклянной посудой на Руси. Основываясь на находках из Новгорода, Ю. Л. Шапова считает, что изготовление таких кубков на Руси началось с 20—30-х годов XI в.⁵⁸. Судя по стратиграфии и всему комплексу находок, эти фрагменты остродонных кубков являются наиболее ранними древнерусскими стеклянными изделиями, найденными в

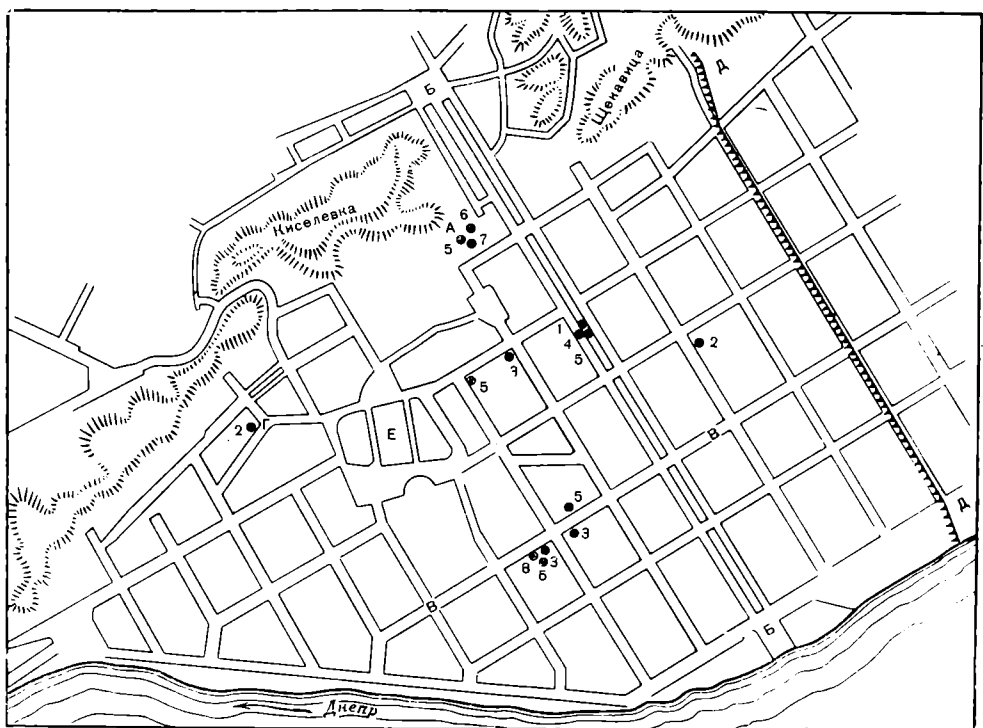

Рис. 10. План расположения находок следов ремесленного производства на киевском Подоле: 1 — ювелирная мастерская, изготавливавшая поясные украшения; 2 — мастерские по обработке янтаря; 3 — следы производства, связанного со стеклом, эмалью; 4 — мастерская по производству пряслиц; 5 — находки железных шлаков; 6 — «чирбарня»; 7 — находки тигильков; 8 — дом токаря (?). А — Житный торг; Б — ул. Верхний и Нижний Вал; В — ул. Волошская; Г — ул. Зелинского; Д — ул. Ратманского (летописное «столпие» — граница Подола); Е — Красная площадь

раций, включающих разминку и рыхление кожи»⁶⁰. Таким образом, с определенными оговорками можно говорить о наличии здесь кожевенного производства. Наличие рядом ручья, а также то обстоятельство, что участок раскопа практически прилегает к урочищу Кожемяки, делает такое предположение вполне вероятным.

В различных местах Подола были обнаружены также одиночные находки, говорящие о широком распространении в районе ремесленного производства. Это и литейные глиняные тигельки (Житный торг, 1973), и находки крупных скоплений шлаков (Житный торг, 1973, ул. Героев Триполья, 1974, ул. Волошская, 19, 1975). Следует отметить, что во всех случаях находки шлаков располагались вдоль берегов безымянных ручьев.

К сожалению, не всегда удавалось связать обнаруженные комплексы с конкретными усадьбами, установить величину последних и их социальный облик. Так, характер застройки ремесленного квартала на ул. Верхний Вал был установлен только для самого нижнего строительного горизонта. Здесь были обнаружены две усадьбы, разделенные улицей. Первая (площадь около 250 м²) состояла из жилого сруба и двух хозяйственных построек. На второй частично исследован жилой дом. Практика археологических исследований Подола показывает, что планировка и размеры усадеб оставались неизменными на протяжении веков. Это и позволяет предполагать, что на данном участке размеры усадеб, в пределах которых были зафиксированы ремесленные комплексы, соответствовали исследованной на нижнем горизонте.

⁶⁰ Семенов С. А. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела — Белой Вежи. — В сб.: Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. 2 (МИА, № 75). М.—Л., 1959, с. 358.

Сооружение, интерпретируемое как чан для подпаривания кожи, вошло в состав усадьбы X в., состоящей из жилого дома (площадью 28,6 м²) и еще одной хозяйственной постройки. Размеры этой усадьбы (впрочем, как и большинства открытых на Житнем торге) — около 300 м². Купеческая усадьба в центре Подола, где были обнаружены фрагменты стеклянных кубков, более чем в 2 раза превышала эти размеры. Жилой сруб, один из трех функционировавших одновременно построек, занимал площадь 58 м². Среди других усадеб эта выделялась и богатством обнаруженного инвентаря. Таким образом, усадьба размером 250—300 м² с одним жилым срубом и одной (реже двумя) хозяйственными постройками была характерна для рядового горожанина-ремесленника древнерусского Киева.

Обнаруженные на Подоле в 1972—1976 гг. мастерские и другие следы ремесленного производства в разных топографических точках Подола являются новым убедительным свидетельством ремесленного характера этого района (рис. 10).

Обращает на себя внимание тот факт, что в своем большинстве открытые на Подоле ремесленные мастерские производили продукцию в массовом масштабе, в расчете на широкий рынок.

Новые находки на Подоле позволяют более полно представить себе ремесло древнего Киева, внести новые детали и уточнения в общую картину древнерусского ремесла. Камешные литейные формочки — древнейшие из найденных в Киеве. Сам набор для изготовления поясных украшений является уникальным не только для древнерусской археологии. Открыта еще одна специализация киевского ремесла. В целом эти находки еще раз подчеркнули высокую степень развития ремесленного производства Киева X—XIII вв.

K. N. Gupalo, G. Yu. Ivakin

ON THE HANDICRAFT PRODUCTION OF THE PODOL IN ANCIENT KIEV

S u m m a r y

In the historic literature Podol is called the main handicraft district («posad») of the Ancient Kiev. But only during the last years as a result of the systematic excavations, the handicraft character of this district became more clear. Blacksmith's production developed at Podol, which is indicated by accumulations of slag in different topographic points of the posad, the discovery of stoves-forges during excavations of one of handicraftsmen's quarters. Remains of a handicraftsman-jeweller workshop were discovered, four smelting forms made of slate from Ovruch (the Xth century) were found. Two forms belong to one smelting set for manufacturing of belt ornaments. This is an unique find, despite the wide spread of belt ornaments. Traces of production of spin wheels of the Ovruch slate were found. This indicates the local Kievian production of the slate spin wheels and lets the authors claim, that this production was not a monopoly of the stone-cutters from Ovruch and wasn't only rural handicraft. Besides these, remains of handicraft production of amber, leather and glass were found.

Заметки

Е. В. БОДУНОВ, М. Г. ЖИЛИН, В. М. ВОРОБЬЕВ

ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА СТАРОКОНСТАНТИНОВСКАЯ III БЛИЗ КАЛИНИНА

Стоянка Староконстантиновская III находится в 2,2 км к югу от дер. Старая Константиновка Калининского р-на Калининской обл., у проселочной дороги, ведущей из дер. Старая Константиновка в дер. Иенево. Памятник расположен на первой надпойменной террасе левого берега Волги, между стоянками Староконстантиновская II и IV. Площадка пологая, понижается по направлению к берегу Волги, высота ее над уровнем реки 10—12 м. Стоянка с запада примыкает к древнему берегу Волги (краю первой надпоймы) и отстоит от современного берега на 150 м. В настоящее время поверхность памятника полностью распахивается.

Стоянка открыта калининским краеведом Ф. И. Ивановым в 1954 г. Обследовалась в 1954—1961 гг. Ф. И. Ивановым¹, а в 1975 г. разведочным отрядом Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР (начальник отряда Л. В. Кольцов)². Частичные раскопки памятника производились в 1956—1957 гг. Ф. И. Ивановым³. В 1956 г. им было вскрыто 26 м², а в 1957 г. — 10 м². В 1975 г. на юго-западной оконечности стоянки заложен шурф размером 2×2 м⁴. Раскопки Ф. И. Иванова и шурфовка 1975 г. показали, что культурный слой стоянки по всей ее площади полностью разрушен распашкой. Подъемный материал собирался с поверхности пашни на площади около 5 тыс. м². В основном он сосредоточен в центральной части памятника и на его западной оконечности у края террасы. С 1962 по 1977 г. сбор подъемного материала с памятника производили Е. В. и Б. В. Бодуновы. Коллекции хранятся в фондах Музея антропологии МГУ. Государственного исторического музея, Калининского областного краеведческого музея (частично хранятся у Е. В. Бодунова).

Всего найдено 1040 изделий из кремня, из них 375 со вторичной обработкой. Материал собирался выборочно, большая часть отщепов осталась в поле. Для изготовления орудий использовался местный пестрый валунный кремнь, (коричневый, серый, желтый и т. д.), а также привозной старичский — лилового, сиреневого, розового, красного, черного и дымчато-серого цветов.

Нуклеусов и их обломков найдено 11, из них два — одноплощадочные подковнические (с горизонтальными подправленными площадками). Один

¹ Иванов Ф. И. Отчеты Института истории материальной культуры АН СССР за 1956, 1957—1961 гг. — Архив ИА АН СССР, № 1235, 1474, 1682, 1867, 2044, 2223.

² Кольцов Л. В. Отчет разведочного отряда Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1975 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 6045.

³ Иванов Ф. И. Ук. отчеты за 1956 и 1957 гг.

⁴ Кольцов Л. В. Ук. отчет за 1975 г.

из них служил для скалывания пластин, другой — пластин и отщепов. Три нуклеуса одноплощадочные, нечеткой формы. Площадки с подправкой, у двух они горизонтальные; площадка третьего скошенная. С одного снимались пластины, с двух других — как пластины, так и отщепы. Имеется клиновидный нуклеус от пластин, скошенная площадка лишена подправки. Два нуклеуса многоплощадочные аморфные, остальные — это расколотые вдоль обломки нуклеусов от пластин. Кроме того, в коллекции имеются 10 нуклеидных кусков кремня и пять сколов с подправленных площадок нуклеусов.

Пластин обнаружено 176, преобладают изделия правильных очертаний; 4 пластины ребристые, скалывание производилось с одной стороны.

На отщепах изготовлено 50% всех орудий, на пластинах 47%.

Скребок и микроскребок найдено 44, из них 25 концевые: 12 на пластинах (рис. 1, 2—3, 6, 12), 13 на отщепах (рис. 1, 10); рабочий край дугообразный, лишь у одного, на отщепе, прямой (рис. 1, 7); один скребок на отщепе двойной. 10 скребков — концевые скошенные, из них два на пластинах, рабочий край дугообразный (рис. 1, 4); остальные на отщепах (рис. 1, 5). У двух скребков рабочий край прямой, у остальных дугообразный, причем один скребок — двойной (рис. 1, 9). Найдены еще два двойных скребка: первый концевой скошенный — концевой скошенный с выступом на ребристой пластине; второй концевой — концевой с выступом (рис. 1, 8). Помимо этого найден концевой — двойной боковой скребок на отщепе (рис. 1, 11), скребло на отщепе (рис. 1, 14), два скребла на осколках (рис. 1, 15). Из микроскребков два концевые на пластинах (рис. 1, 1), один концевой скошенный на отщепе, последний — угловой на пластине.

Резцов в коллекции 37, из них два угловых косоретушных на отщепах, у одного ретушь на спинке, у другого на брюшке; один резец боковой на отщепе с вогнутой площадкой скола, обработанной на спинке крупной крутой ретушью (рис. 1, 23). Один из резцов боковой косоретушный на пластине (рис. 1, 22). Два двойных боковых резца на отщепах имеют вогнутые скошенные крутой ретушью площадки скола. Один боковой резец косо- и поперечноретушный, сколы на обоих концах отщепа. 20 резцов сделаны на сломанных пластинах: 11 угловых (рис. 1, 16), в том числе два двойных на одном конце пластины и один на разных концах. Два резца тройные (рис. 1, 19, 24), угловые и боковые. Боковых резцов на сломе пластины 5 (рис. 1, 17—18, 31), из них два двойных. На отщепах и осколках сделано два двойных угловых резца (рис. 1, 25) и три боковых, из которых два двойные (рис. 1, 27, 26) и один тройной (рис. 1, 20). Шесть резцов срединные, из них четыре со смещением: один на пластине, один на осколке, остальные на отщепах (рис. 1, 28—30). Поперечный резец на пластине один, площадка скола не обработана. Два резца комбинированные: угловой косоретушный — срединный со смещением на пластине (рис. 1, 33), другой — срединный со смещением — боковой на углу отщепа (рис. 1, 21). Кроме того, найдено пять краевых отщепов боковых резцов: три с ретушированной площадкой и два без ретуши. Наблюдается грубая обработка многих резцов, что, видимо, объясняется деградацией техники резцового скола.

На стоянке найдено 34 вкладыша и их обломки из различных сечений пластин. Края их сработаны, углы затуплены от работы (рис. 2, 1—7); у одного край подправлен мелкой ретушью на брюшке; такой же ретушью, но на спинке подправлен угол одной пластины (рис. 2, 18). На углу другой пластины не крупной крутой ретушью сделана выемка (рис. 2, 19), такую же обработку угла имеет один отщеп. Еще одна пластина имеет угол, скошенный мелкой крутой ретушью на брюшке. Концы двух отщепов скошены не крупной крутой ретушью на спинке, имеется одна пластинка с концом, скошенным мелкой крутой ретушью (рис. 2, 17).

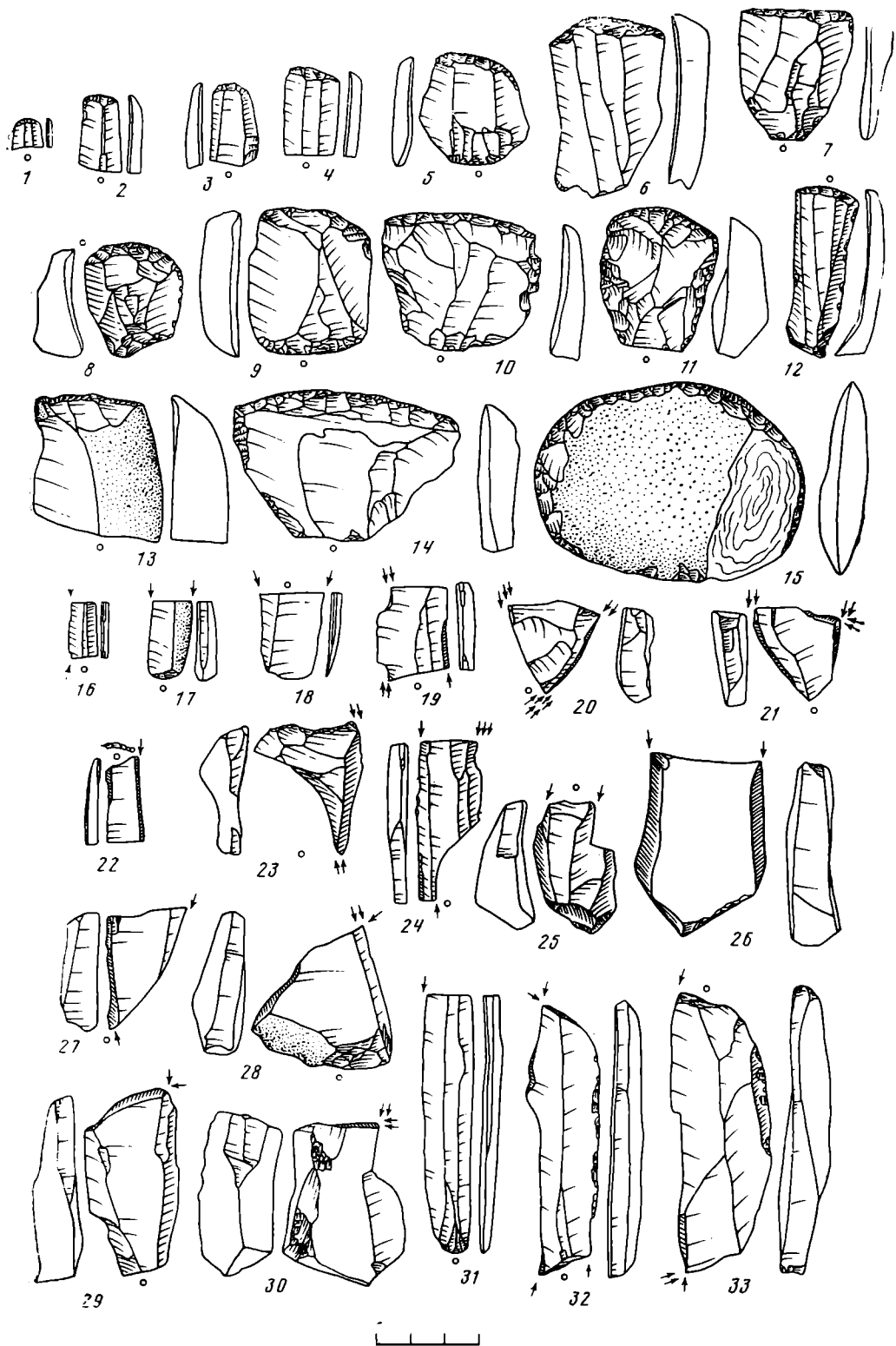

Рис. 1. Стоянка Староконстантиновская III, каменные орудия

Наконечников стрел найдено 10, из них девять сделаны на пластинах, у трех из них четко выражен черешок, обработанный крутой ретушью по краям на спинке и подправленный плоской ретушью на брюшке; кончик пера двух наконечников сломан (рис. 2, 12, 13), а у одного наконечника приострен полукрутой ретушью на спинке и плоской на брюшке (рис. 2, 8). Два наконечника имеют симметричный слабовыделенный черешок, у одного обработанный с двух сторон пологой ретушью, так же обработан и кончик пера (рис. 2, 9); черешок другого обработан мелкой пологой противоположающей ретушью, а кончик пера оформлен мелкой пологой ретушью на брюшке (рис. 2, 10). У двух других наконечников черешки асимметричные, почти не выделенные. У одного из них мелкой крутой ретушью обработан только один край черешка на спинке; кончик пера подправлен мелкой полукрутой ретушью на брюшке (рис. 2, 14); левый край другого наконечника оформлен пологой ретушью у самого черешка на спинке, а правый край затуплен крутой ретушью по всей длине сохранившейся части наконечника (рис. 2, 11). Восьмой наконечник иволистный, черешок обработан плоской ретушью на брюшке, кончик пера скошен мелкой крутой ретушью и сломан (рис. 2, 15). У девятого наконечника сломан и черешок, и кончик пера. Последний наконечник асимметричный, сделан на отщепе, боковая выемка и прямой продольный край обработаны на спинке некрупной очень крутой затупляющей ретушью (рис. 2, 16).

Ножей на пластинах 44, из них у пяти край приострен на спинке мелкой ретушью (рис. 2, 23), у двух других ретушь более крупная, два сломанных ножа обработаны противоположающей ретушью (рис. 2, 21, 22) и два имеют край, приостренный мелкой ретушью на брюшке. Остальные ножи этой серии приострены мелкой нерегулярной ретушью по одному или обоим краям. Один нож изготовлен на отщепе, правый край приострен мелкой ретушью на спинке, левый — нерегулярной некрупной ретушью (рис. 2, 24).

Скобелей в коллекции 14, из них пять на пластинах (рис. 2, 25), выемки у трех из них мелкие широкие, у двух узкие глубокие, обработаны мелкой крутой ретушью на спинке. На отщепе сделано восемь скобелей (рис. 2, 27), выемки у трех мелкие узкие, обработаны мелкой крутой ретушью на спинке у двух, у третьего на брюшке; у четырех узкие глубокие, у последнего мелкая широкая, обработаны мелкой ретушью на спинке. Еще один скобель сделан на массивном куске кремня, выемка мелкая узкая, ретушь на спинке.

Найдено два асимметричных сверла на отщепе, у первого конец выделен некрупной полукрутой противоположающей ретушью, второе без выделенного конца, обработано по краям на спинке некрупной ретушью, на брюшке подправлено плоской ретушью.

Из рубящих орудий найден один топор на отщепе (рис. 2, 40), обработанный по краям сколами и ретушью, его дугообразное лезвие приострено на брюшке четырьмя боковыми сколами-транше. Обухок орудия заужен, видимо, для заклинивания в рукоять. Помимо этого обнаружено пять оббитых кусков макролитического облика, которые, возможно, являются заготовками и обломками рубящих орудий.

Найдено два отбойника из галек и два куска кремня, служивших, судя по сработанности, ретушерами.

Значительной серией (50 экземпляров) представлены комбинированные орудия: два концевых скребка — резца на углу сломанной пластины (рис. 2, 36), концевой скошенный скребок — двойной резец (угловой косоретушный и боковой на сломе) — нож на отщепе (рис. 2, 32). 23 скребка комбинированы с ножами (рис. 2, 33, 34, 37, 39) и четыре с пилками (рис. 2, 35): 13 концевых скребков (семь на пластинах и шесть на отщепе), 11 концевых скошенных (шесть на пластинах, четыре на отщепе) и один на неясной заготовке) и один концевой веерооб-

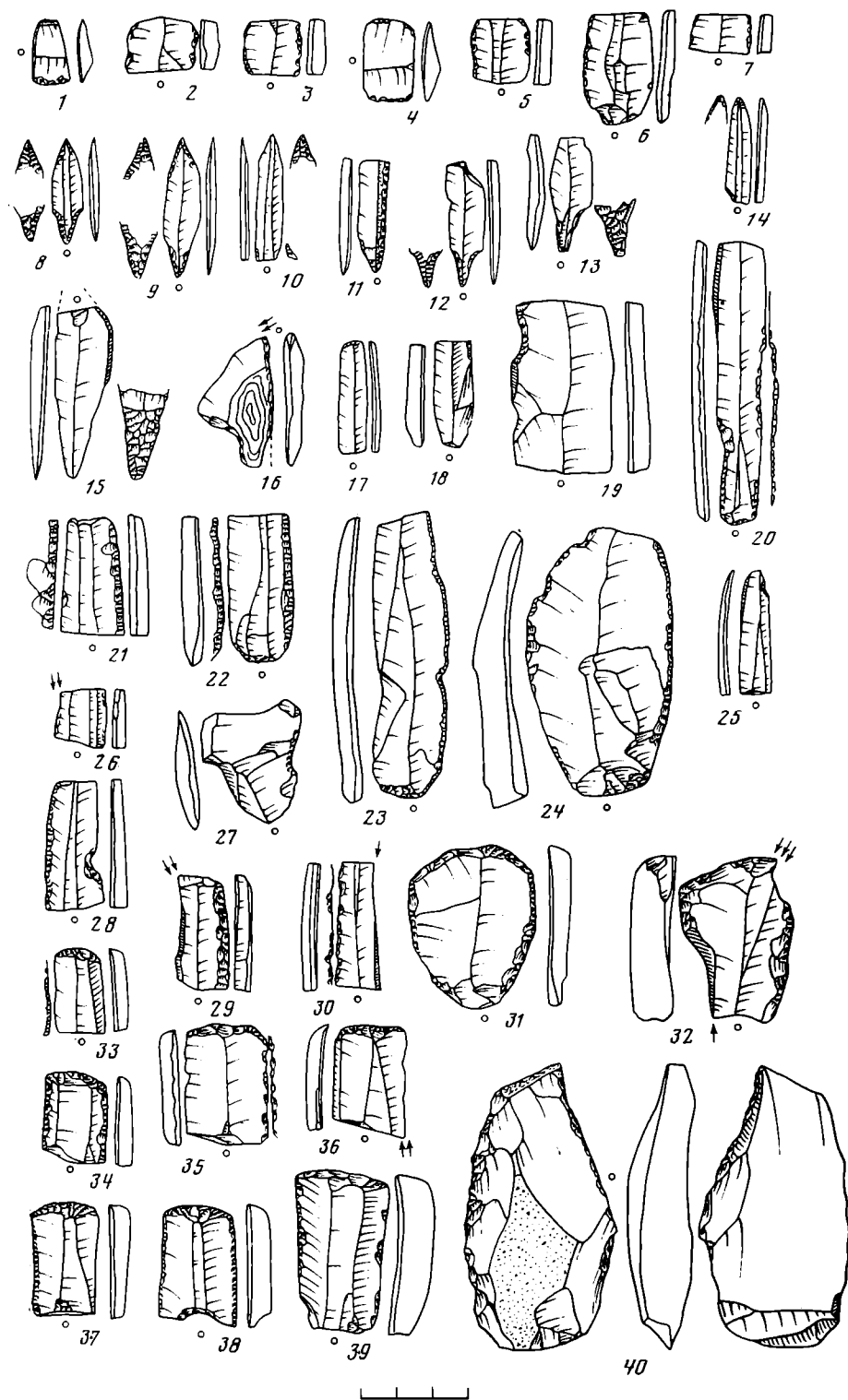

Рис. 2. Стоянка Старокопстантиновская III, каменные орудия

разный на отщепе. Ножевая приотстригающая ретушь полностью или частично покрывает один или оба боковых края орудия. Один концевой скребок — нож сделан на пластине с тупоскошенным крутой притупляющей ретушью основанием. На ножах и пилке на пластинах сделано восемь резцов: семь на сломе заготовки, угловые и боковые (рис. 2. 29, 30), в том числе один двойной и один тройной; восьмой резец комби-

нированный: двойной угловой и боковой на сломе — срединный со смещением (рис. 1, 32). Два боковых резца на вкладышах из сечений пластин (рис. 2, 26), один боковой резец на сломе пластины комбинирован со скребком, имеющим узкую мелкую выемку. Двойной боковой резец сделан на обломке двусторонне оббитого тесла; три резца изготовлены на отщепах с переугулярной ретушью: угловой на сломе, срединный со смещением и комбинированный (срединный со смещением — боковой на сломе). Два последних резца грубые. Из прочих комбинированных орудий имеется концевой скребок — двойной пож — скобель на пластине (рис. 2, 38); пож на пластине, на углу которой мельчайшей полукрутой ретушью оформлена выемка; скобель на поже на пластине (рис. 2, 28) и три скобеля с мелкими узкими выемками на отщепах с ретушью.

Остальные изделия со вторичной обработкой — это различные отщепы с переугулярной ретушью.

Таким образом, для кремневого инвентаря стоянки характерны следующие черты: преобладание поствидерских черешковых накопечников стрел на пластинах при наличии асимметричного наконечника алтыновского типа, частая встречаемость резцов на сломе пластины и в то же время значительная серия резцов с ретушированной площадкой скола, срединных со смещением, поперечных и комбинированных; довольно много грубых резцов. Среди скребков абсолютно преобладают концевые и полностью отсутствуют подокруглые, хотя есть и комбинированные скребки и скребла. В микролитической группе доминируют вкладыши из сечений пластин и почти полностью отсутствуют другие микролиты. Острия встречены в небольшом количестве, только со скошенным концом. Интересен подовальный топор, лезвие которого оформлено траншевидными сколами.

В области техники обработки кремня можно отметить преобладание одноплощадочных нуклеусов с подправленной площадкой, от пластин и отщепов, при наличии многоплощадочных нуклеусов от отщепов. Правильных ножевидных пластин почти вдвое больше, чем грубых, при очень малом количестве ребристых, что свидетельствует о высокой технике скалывания пластин. Грубый облик значительной части резцов свидетельствует о деградации техники резцового скола. Для изготовления рубящих орудий применялись как техника двусторонней оббивки, так и подправка края сколами и ретушью, причем большая часть поверхности заготовки оставалась необработанной.

По составу кремневого инвентаря и технике обработки кремня стоянку Старокопстантиновская III следует датировать поздним мезолитом. Вопрос о культурной принадлежности данного памятника представляется более сложным. По ряду признаков (поствидерские наконечники стрел, преобладание концевых скребков на правильных пластинах и резцов на углу сломанной пластинки, крупные ножи на пластинах, развитая пластинчатая техника) эта стоянка близка к таким памятникам, как Лукино⁵, Соболево V⁶, Скнятино⁷ и др., объединяемым Л. В. Кольцовым в позднебутовскую культуру. Однако есть сходные черты и с такими памятниками, как Черная Грязь I⁸, Старокопстантиновские IV⁹ и VI¹⁰,

⁵ Бадер О. Н., Кольцов Л. В. Мезолитические стоянки близ города Калинина.— СА, 1974, № 1.

⁶ Кольцов Л. В. Раскопки у дер. Соболево.— АО — 1971. М., 1972; АО — 1972. М., 1973.

⁷ Третьяков П. Н. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюп.— МИА, № 13, 1950.

⁸ Крайнов Д. А. Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I.— КСИА АН СССР, № 131, 1972.

⁹ Крайнов Д. А. Исследования Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Ивановской и Калининской областях.— АО — 1971. М., 1972.

¹⁰ Бодунов Е. В., Воробьев В. М. Мезолитическая стоянка Старокопстантиновская VI.— СА, 1974, № 4.

Журавец¹¹, Дальний Остров¹², Пеньково¹³ и др., которые Л. В. Кольцов включает в иеневскую культуру (наконечник стрелы с боковой выемкой, резцы с ретушированной площадкой скола, своеобразный топор на отщепе, большая серия орудий на отщепах, комбинированных орудий и т. д.).

Видимо, стоянку Старокопстантиновская III все же следует отнести к позднему этапу бутовской культуры, но не к самому ее концу. Наличие ряда признаков иеневской культуры может говорить о влиянии последней на позднебутовскую, хотя не исключена и другая возможность — механическое смешение материала, так как рядом находится стоянка Старокопстантиновская IV — типичный памятник иеневской культуры.

---

¹¹ Крайнов Д. А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции.— АО — 1973. М., 1974.

¹² Сидоров В. В., Жилин М. Г. Мезолитическая стоянка Дальний Остров в Подмосковье.— СА, 1975, № 2.

¹³ Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. Раскопки Пеньковской мезолитической стоянки.— АО — 1976. М., 1977.

В. Т. ПЕТРИН, А. Ф. ШОРИН

АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА ЭПОХИ БРОНЗЫ С ЮЖНОГО УРАЛА

В 1975 г. при исследовании Восточного берега Аргазинского водохранилища (Аргаяшский р-н Челябинской обл.) на поселении Сигаево III в составе подъемного материала была найдена каменная антропоморфная скульптурка.

Находки с этого поселения относятся к эпохам начиная с неолита до позднего средневековья включительно. Они представлены керамикой, каменным инвентарем, обломками талька и тальковых литейных форм, ни одна из которых, к сожалению, реконструирована полностью быть не может. Основная масса керамики может быть отнесена к эпохе бронзы, меньшая ее часть — к эпохе неолита и энеолита, раннего железа и средневековья.

Найденная на поселении статуэтка представляет собой тальковый стержень, слегка сужающийся к одному концу, размерами 65 × 20—16 × 15 — 11 мм. Сечение заготовки первоначально было округлым, но поскольку фронтальная часть уплощена, сечение скульптурки неправильно округлое. На верхнем участке (около 1/3 его длины) поверхности скульптурки за счет углублений изображено лицо человека. Лицо выделено двумя линиями глубиной несколько больше 1 мм, причем верхняя прямая линия ограничивает кромку лба, выше нее имеется скол, уничтоживший часть скульптурки.

Нижняя линия образует очертания подбородка. Само лицо состоит как бы из двух плоскостей. Одна из них объединяет лоб и нос, другая — глаза, щеки и подбородок. Рот обозначен небольшой выемкой. Прослеживается некоторая покатость лба в направлении от бровей и то же самое — от линии овала лица к переносице¹.

Каково функциональное назначение скульптурки? Неглубокие пропилы на обеих торцовых гранях могли служить для закрепления скульптурки при подвешивании. Эта деталь, а также незначительные размеры, по-

---

¹ По классификации С. В. Иванова, данная скульптурка может быть отнесена к изображениям первого уральского типа. См. Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири. Л., 1970, с. 284.

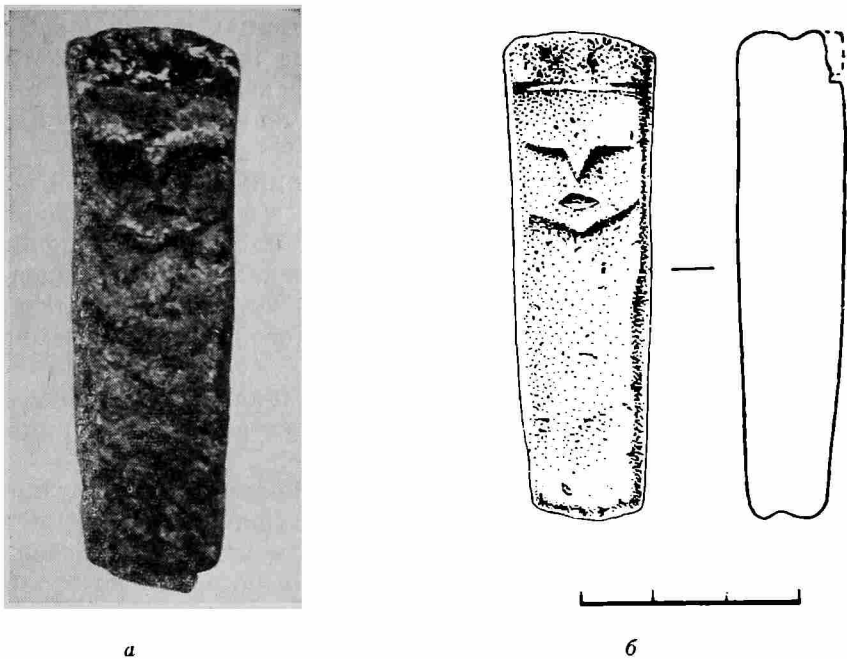

Рис. 1. Каменная антропоморфная скульптура с поселения Сигаево III. а — фотография, б — рисунок

видимому, свидетельствуют об индивидуальном использовании скульптурки. Вероятно, она использовалась в качестве оберега или талисмана. Манера передачи лица очень близка деревянным шигирскому и горбуновскому идолам, культовое назначение которых бесспорно.

Определенная близость скульптурки по манере передачи лица шигирскому первому и горбуновскому идолам важна и в плане возможной даты антропоморфной скульптурки. Следует, впрочем, отметить, что датировка шигирского и горбуновского идолов вызывает разногласие среди исследователей. Д. Н. Эдинг связывает горбуновского идола с нижним слоем 6-го разреза Горбуновского торфяника² (середина III тысячелетия до н. э.), В. М. Раушенбах — со средним горизонтом (начало II тысячелетия до н. э.)³. В. И. Мошинская полагает, что его нельзя отнести к эпохе более ранней, чем бронзовый век⁴.

Еще более дискуссионна датировка первого шигирского идола. Е. М. Берс относит его к эпохе неолита⁵. В. Я. Толмачев считал, что он должен быть датирован последними столетиями до нашей эры⁶. В. И. Мошинская предлагает как вероятную дату время более позднее, чем неолит и бронза, может быть, ранний железный век⁷.

Что касается нашей скульптурки, то бесспорных данных о ее дате у нас нет. Еще раз вернемся к характеристике находок поселения Сигаево III, где она была найдена. Обломки тальковых литейных форм (скульптурка изготовлена из того же материала) не могут относиться к эпохе неолита. Основная масса керамики с этого поселения относится к

² Эдинг Д. Н. Идолы Горбуновского торфяника.— СА, IV, 1937, с. 134.

³ Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы.— Тр. ГИМ, вып. 29, 1956, с. 24, 25.

⁴ Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976, с. 61.

⁵ Берс Е. М. Археологическая карта Свердловска и его окрестностей.— МИА, № 21, 1951, с. 189.

⁶ Толмачев В. Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника.— ИАК, вып. 60, 1916.

⁷ Мошинская В. И. Древняя скульптура..., с. 47.

бронзовому веку. Пропилы, нанесенные на торцах скульптурки, идентичны прорезям на глиняных грузилах, которые широко распространяются с начала II тысячелетия до н. э. Эти факты в комплексе дают определенные основания предполагать датировку каменной скульптурки эпохой бронзы.

Близкие по времени антропоморфные каменные изваяния и небольшие фигурки окуневской культуры⁸, а также скульптурные изображения головы человека на поселении Самусь IV⁹ по технике выполнения во многом отличны от публикуемой, но их объединяет самая идея изображения человеческого лица и миниатюрность. Окуневская культура датируется¹⁰ (датировка Н. Л. Членовой стоит особняком)¹¹ эпохой ранней бронзы.

Отметим и такой интересный факт, как наличие и на Урале, и в окуневской культуре антропоморфных фигур двух размеров, крупных и миниатюрных.

Возвращаясь к предлагаемой дате антропоморфной скульптурки с восточного побережья Аргазинского водохранилища, отметим, что В. И. Мошинская, склонная давать уральским идолам наиболее поздние из всех предложенных в литературе дат, в то же время не отрицает, что подобная манера изображения человеческого лица, возникшая в дереве, а затем перенесенная на другие материалы, появилась, может быть, уже в эпоху мезолита¹².

⁸ Вадецкая Э. Б. Древние изваяния эпохи бронзы на Енисее. Автореф. канд. дис. Л., 1965.

⁹ Магющенко В. И. Некоторые новые материалы по самусьской культуре.— В сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 191—198.

¹⁰ Максименков Г. А. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине.— КСИА АН СССР, № 101, 1964, с. 19—23; *его же*. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины.— В сб.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 49.

¹¹ Членова Н. Л. Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами? — В сб.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 98—99.

¹² Мошинская В. И. Ук. соч., с. 100.

А. С. САГДУЛЛАЕВ

РАСКОПКИ ДРЕВНЕБАКТРИЙСКОЙ УСАДЬБЫ КЫЗЫЛЧА 6

(по итогам работ 1974—1976 гг.)

Узбекистанская искусствоведческая экспедиция под руководством Г. А. Пугаченковой с 1970 г. проводит систематические раскопки памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа, расположенных в Миршадинском оазисе, в 9 км к северо-западу от райцентра Шурчи Сурхандарьинской обл.¹

В 1971—1973 гг. в оазисе были обследованы мелкие памятники, которые концентрировались вокруг крупного формирующегося города раннежелезного века — Кызыл-Тепе². Они получили условное название — Кызылча (рис. 1).

¹ Предварительные публикации см. Пугаченкова Г. А. Новый памятник древнебактрийской культуры.— УСА, вып. 1, 1972; Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде.— В сб.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

² Сагдуллаев А. С. К эволюции древних поселений Южного Узбекистана.— «Строительство и архитектура Узбекистана», № 9. Ташкент, 1976, с. 34. Всего обнаружено шесть усадеб, которые в значительной мере размыты в древности саем. Удовлетворительно сохранились лишь две усадьбы.

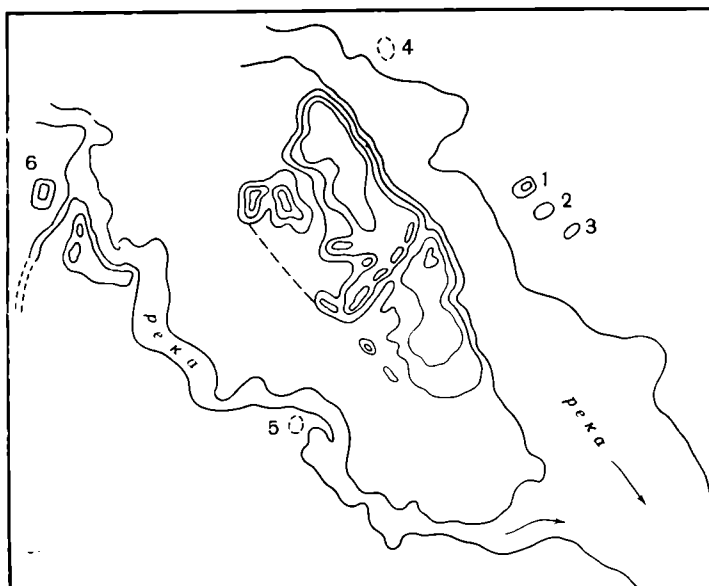

Рис. 1. Схема расположения усадеб в округе Кызыл-Тепе. 1—6 — усадьбы Кызылча

Три усадьбы располагались на левом берегу Кызылсу на незначительном расстоянии друг от друга (30—70 м). Усадьба Кызылча 1 имела прямоугольную планировку, размеры 45×25, достигала 2—3 м в высоту. Размеры Кызылча-Тепе 2 — 35×24 м, высота 2 м. В 70 м к ЮВ от него находилось Кызылча-Тепе 3, размерами 35×15 м, высотой 1 м. На указанных памятниках собран подъемный материал, главным образом цилиндрикоконическая керамика, известная в оазисе по раскопкам Кызыл-Тепе.

Наиболее крупная и хорошо сохранившаяся усадьба Кызылча 6 расположена в 500 м к западу от цитадели Кызыл-Тепе на правом берегу Кызылджара. Памятник имеет четкий прямоугольный план (размерами 50×32 м) и состоит из двух частей — северной, высотой около 3 м, и прилегающей южной, высотой 1—2 м. Микрорельеф тепе частично разрушен поздними землянками, однако планировка восстанавливается полностью. Раскопки усадьбы начаты автором осенью 1974 г. и продолжены летом 1976—1977 гг.³ Они проводились в северной части холма, где намечаются контуры крупного архитектурного комплекса (рис. 2).

Основной жилой комплекс имеет квадратную планировку, размеры по осям северной и западной стороны 29,7×29,7 м. Массивные внешние стены шириной 3 м изучены на всем протяжении на северном и западном фасаде раскопа. С юга к жилому комплексу, видимо, прилегали небольшие подсобные хозяйственные постройки, поэтому высота холма здесь менее значительна.

В помещениях 6 и 1 заложены стратиграфические шурфы, которые выявили четыре строительных горизонта. Самая нижняя прослойка в пределах шурфов не содержит строительных остатков. Мощность этой прослойки 30 см. Выше расположены остатки архитектуры первого строительного горизонта.

В VI ярусе прослежено основание стен из сырца размерами 40×20×12 и 41×24×13 см. Здесь проходит уровень пола горизонта 1. В верхней части IV яруса пол горизонта 2, который имеет мощную горелую про-

³ Сагдуллаев А. С. Раскопки древнеземледельческих памятников в Северной Бактрии. — АО — 1976. М., 1977, с. 542. Осенью 1978 г. памятник был вскрыт полностью.

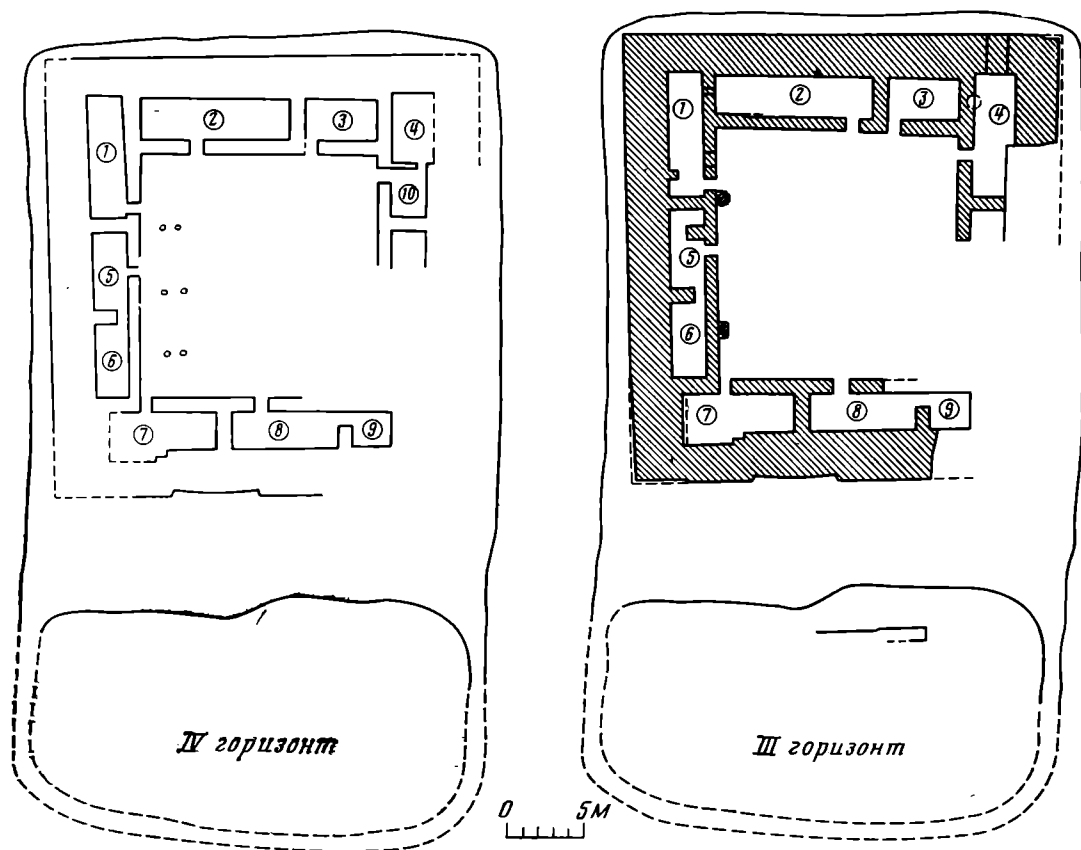

Рис. 2. Верхний слой. План усадьбы по уровню III—IV горизонта

слоя. Сильно обожжены и стены. Размеры сырца $43 \times 25 \times 11$ см. Пол горизонта 3 прослежен в средней части III яруса, где обнаружено большое количество находок, в том числе каменных орудий труда. Размеры сырцовых кирпичей $42 \times 28 \times 9$, $41 \times 28 \times 12$, $37 \times 25 \times 10$ см. Уровень пола горизонта 4 — в середине I—II ярусов, где под промазкой прослежен горелый слой толщиной 10—15 см, — очевидно, следы сгоревшего перекрытия. Помещения горизонта 3 и 4 от пола забутованы вертикальными рядами сырца, ($33 \times 23 \times 10$, $32 \times 24 \times 10$ см — гор. 4; $35 \times 23 \times 9$, $38 \times 24 \times 9$ см — гор. 3). Горизонты 1 и 2, а также предшествующая им прослойка составляют нижнюю часть культурного слоя мощностью 1,6 м. Горизонты 3 и 4 относятся к верхней части слоя мощностью 1,4 м.

Общая толщина культурных напластований Кызылча 6 достигает 3 м. Это очень значительная величина для подобных мелких памятников. Это скорее всего свидетельствует об интенсивной строительной деятельности и длительности обитания на памятнике. В верхнем слое раскопа выявлено 10 помещений горизонта 4 и девять помещений горизонта 3 (рис. 2). Они расположены по периметру усадьбы. Центральная часть, восточный и южный фас Кызылча 6 изучены частично.

Как показывают данные шурфов и раскопа, на протяжении формирования верхнего строительного горизонта отдельные помещения жилого комплекса, видимо, не изменяли своей планировки. Так, стены горизонта 4 надстроены над стенами горизонта 3 и совпадают с ними как по размерам, так и по направлению. Приблизительно теми же остаются и площади помещений (рис. 2).

Рассмотрим помещения горизонта 3. На западном фасе околонуено три коридорообразных помещения — 1, 5, 6. Их размеры соответственно

8×2,5, 5,2×3, 5×2,3 м. Ширина стен 1—1,1 м (рис. 2). Помещение 1 площадью 20 м² представляло собой хранилище — хумхану. Хумы располагались вдоль стен. В помещении 5 обнаружены галечники — заготовки для каменных орудий, со следами шлифовки и первичной обработки. Здесь же найдены пряслица и керамические диски, выточенные из стенок или днищ сосудов. Видимо, помещение 5 было производственной мастерской, где изготовлялись орудия труда. Большое количество фрагментов хумов фиксируется в помещении 7 (площадь 20 м²). Сосуды предназначались для хранения сыпучих и жидких сельскохозяйственных продуктов. На полу помещения 4 в восточной части усадьбы отмечаются очажные пятна и скопления фрагментов керамики, каменных орудий и костей домашних животных.

Помещения 2, 3, 6, 8 были жилыми. Производственно-бытовой инвентарь встречается здесь довольно часто. Как правило, на полу комнат сохранились остатки камышовых циновок. Площадь помещений 2, 3, 6, 8 соответственно 26; 13,5; 12 и 18 м². В центральную часть основного комплекса ведут проходы шириной 60—80 см.

В центральной части усадьбы выделяется подквадратный двор (16,2×16 м) с утрамбованной прослойкой пола. У стен помещения 5 и 6 находятся два очага (рис. 2), один прямоугольный, другой представляет собой тандыр с кирпичной обкладкой.

В западной стороне двора обнаружены овальные ямки для опорных столбов (горизонт 4).

Горизонт 4 характеризуется некоторыми перестройками, хотя основы планировки остаются прежними. Архитектурные остатки этого уровня значительно разрушены и размыты, поэтому культурный слой на отдельных участках не превышает 20—40 см. Мощный горелый слой на полу — угольки, зола и пепел, обугленные кости домашних животных и обожженные прослойки, фрагменты керамики, а также каменные орудия, покрытые копотью, — достаточно ярко свидетельствуют о том, что усадьба разрушена при пожаре. Последний строительный период связан с забутовкой отдельных помещений. Однако интенсивно усадьба более не обживалась.

Основным датированным материалом является керамика, которая по стратиграфическим данным и технологическим признакам делится на два комплекса. Первый связан с нижним слоем. Эта керамика представлена круговой и лепной (рис. 3).

Цвет черепка лепной керамики коричневый, в тесте примесь песка. Характерны круглые короткие сливы и петлевидные ручки. В одном случае встречен процарапанный орнамент. Эти сосуды известны в оазисе по раскопкам безымянного тепе, Буйрачи II и Кызыл-Тепе. Лепная керамика Кызылча 6 генетически связана с лепной посудой, которая появляется в оазисе на грани II—I тысячелетий до н. э. и широко распространяется в начале I тысячелетия до н. э. Это подтверждается стратиграфией Буйрачи-Тепе I, где лепная керамика перекрывает слои с сосудами типа Нмз VI. О дальнейшем распространении такой керамики свидетельствуют нижние слои поселения Буйрачи II и цитадели Кызыл-Тепе.

Круговая керамика нижнего слоя Кызылча 6 представлена цилиндрикоконическими сосудами со светло-желтым ангобом на внешней поверхности. Цвет черепка красный и светло-коричневый. Примеси в тесте редки (иногда мелкие зерна гипса). Основные формы: чаши с цилиндрическим туловом и коническим дном, хумча с прямым утолщенным венчиком и хумы с резко выраженным отогнутым венчиком.

Керамические комплексы верхнего и нижнего слоя различаются между собой. В верхнем слое наряду с цилиндрикоконической керамикой, которая генетически связана с керамикой нижнего слоя, обнаружена совершенно иная керамика. Она представлена фрагментами сосудов, характерной особенностью которых является светло-желтый и сероватый ангоб

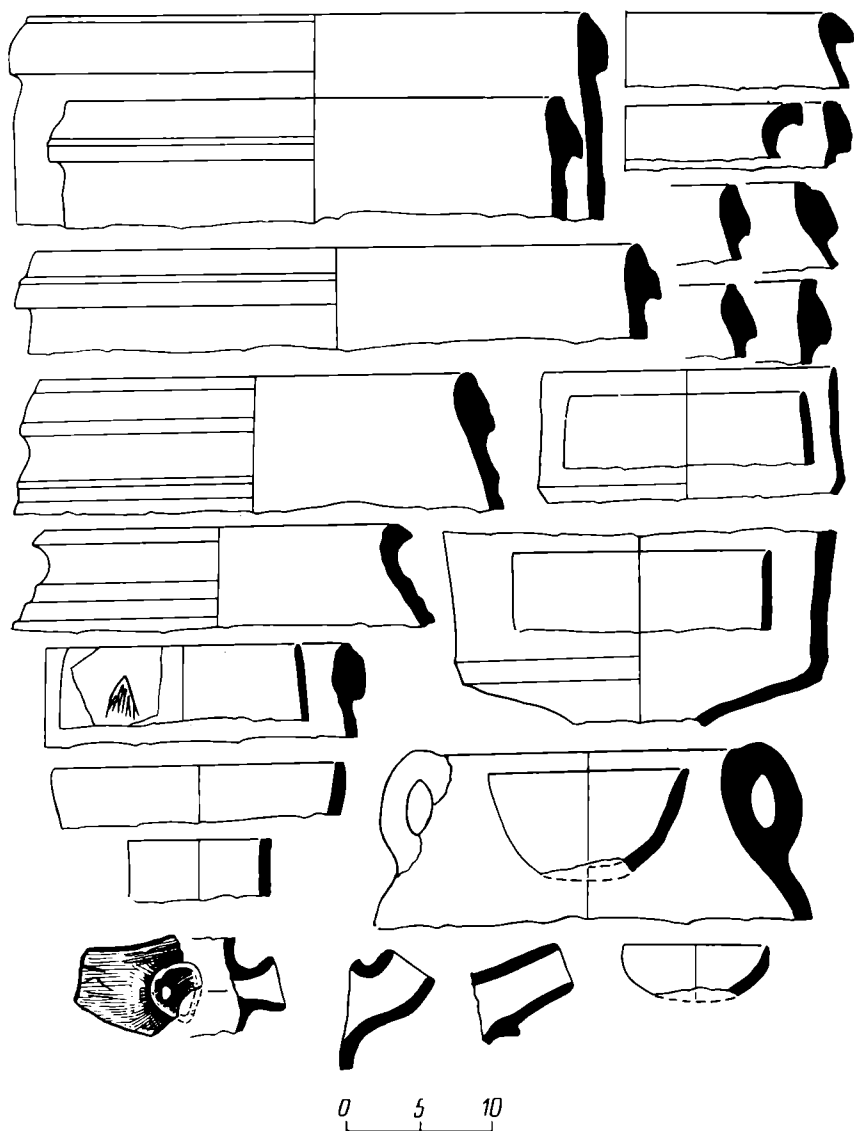

Рис. 3. Керамика нижнего слоя

или же сохраняется цвет черепка (рис. 4, 5), чаще всего коричневый и розовый. Примеси в тесте — песок и зерна гипса. Некоторые котлы сероглиняные. Подавляющее большинство сосудов изготовлено на круге. Керамика верхнего слоя представлена хозяйственными сосудами. Интересны и разнообразны профили венчиков хумов и хумча — клювовидный или закругленно-утолщенный прямой, или же сильно отогнутый наружу (рис. 5). Своеобразна форма котлов и изящной столовой посуды. Эта керамика в оазисе обнаружена впервые. Она имеет некоторые сходства с сосудами Халчаяна из нижнего слоя⁴ и Афрасиаба⁵, датирующихся IV в. до н. э.

Из других находок следует выделить изделия из бронзы — гвоздь и фрагмент сосуда (гор. 2), серп (гор. 1) (рис. 6, 2), двугранный черешковый наконечник стрелы (гор. 3), заклепки и штыри (гор. 4), каменные серпы (гор. 1, 2) (рис. 6, 1, 4).

⁴ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 32, рис. 11.

⁵ Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе.— Афрасиаб, вып. 1. Ташкент, 1969, с. 214, рис. 3.

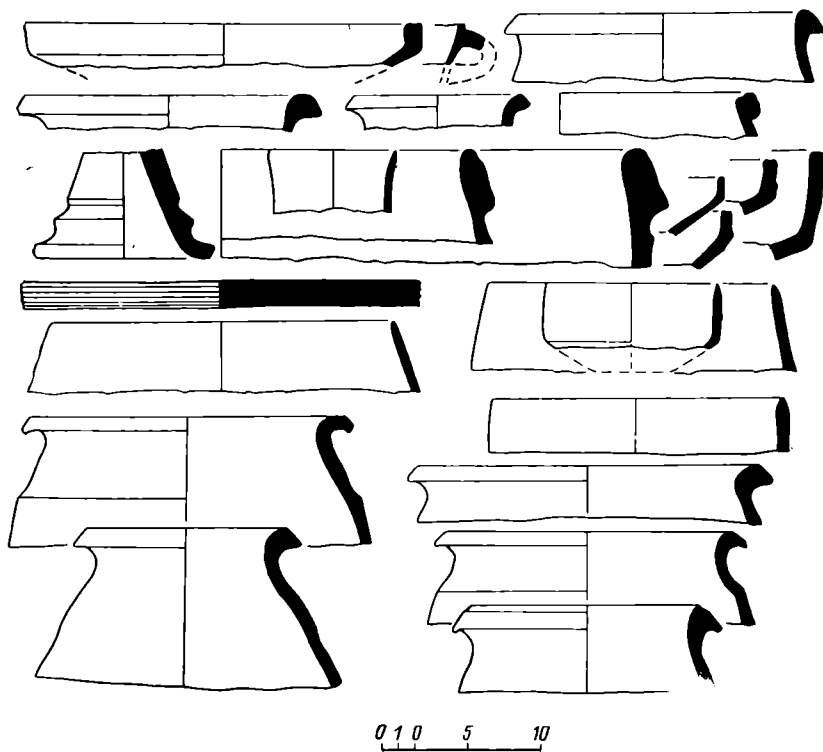

Рис. 4. Керамика верхнего слоя

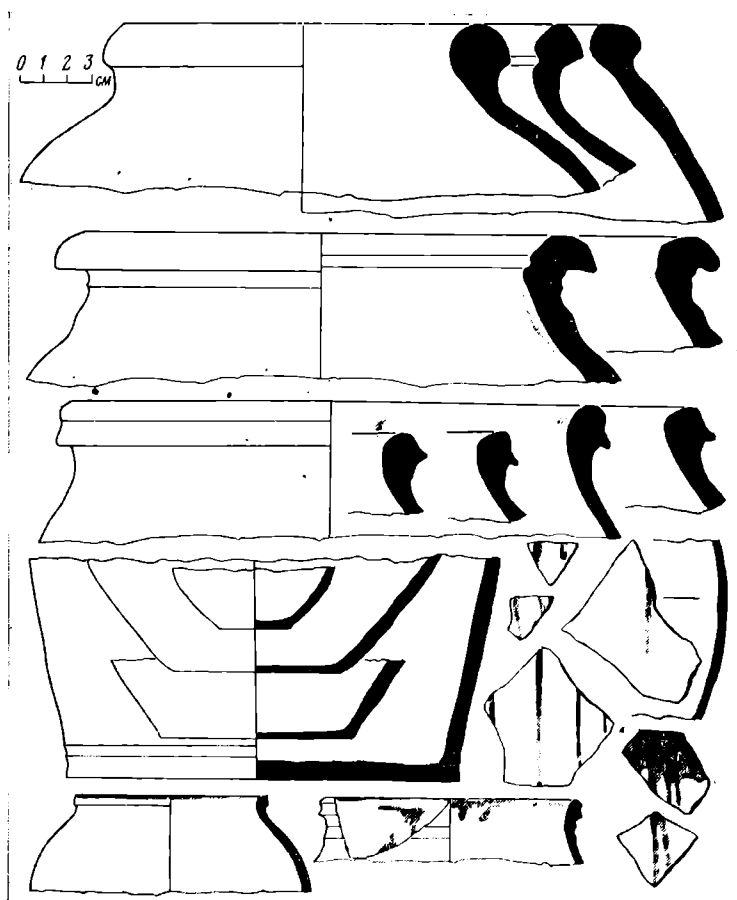

Рис. 5. Керамика верхнего слоя

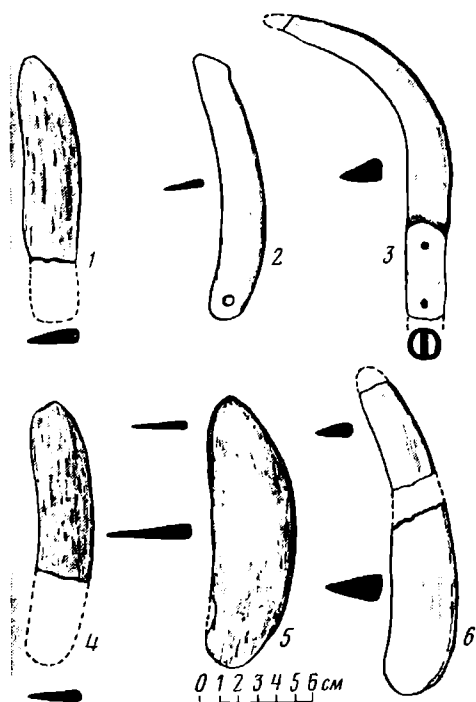

Рис. 6. Серпы из Миршадинского оазиса

Для окончательного решения датировки памятника материал пока недостаточен. Хронология усадьбы может быть основана на стратиграфических данных, которые связаны с последовательной сменой строительных горизонтов.

Лепная керамика из VI яруса Кызылча 6 характерна для памятников оазиса начала I тысячелетия до н. э. — Безымянного тепе⁶, Буйрачи II и нижнего слоя цитадели Кызыл-Тепе⁷. Аналогичная посуда составляет 27–30% в слое VII–VI вв. до н. э. Кызыл-Тепе, где уже преобладает круговая керамика цилиндрикоконических форм⁸. Хумы и хумча с отогнутым венчиком и цилиндрикоконические чаши нижнего слоя Кызылча 6 находят аналогии в комплексе Бандыхан-Тепе 2⁹, который также можно датировать VII–VI вв. до н. э.

Для определения хронологии усадьбы особое значение имеют металлические изделия. Бронзовый серп изогнутой формы из Кызылча 6 находит близкие параллели среди серпов, обнаруженных на памятниках Восточного Казахстана¹⁰, чувстской и бургулюкской культуры¹¹. Эти изделия датируются исследователями не позже VIII в. до н. э.¹² Отдельные серпы раннетагарской культуры в Сибири относятся к VII–VI вв. до н. э.¹³ Серп Кызылча 6, видимо, с комплексом керамики нижнего слоя может датироваться VII–VI вв. до н. э.

Горизонт 3, где обнаружен двугранный наконечник стрелы, и горизонт 4, вероятно, следует относить к V–IV вв. до н. э. Керамический комплекс верхнего слоя усадьбы дает переходные формы от цилиндрикоконической («ахеменидской») керамики к сосудам раннеантичных типов.

В оазисе можно выделить два типа усадеб. В планировке первого читается укрепленный жилой комплекс и прилегающий к нему участок с подсобными строениями. Площадь крупных усадеб от 840 до 1650 м². Второй тип представляют небольшие, видимо, неукрепленные усадьбы, общей площадью 400–525 м².

В Средней Азии аналогичные памятники изучены слабо, и, за исключением Дингильдже¹⁴, в литературе фактически нет сравнительных ма-

⁶ Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде. — В сб.: Из античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 37, рис. 3.

⁷ Сагдуллаев А. С. Раскопки древнеземледельческих памятников, с. 542.

⁸ Сагдуллаев А. С., Хакимов З. Археологическое изучение городища Кызыл тепе (По итогам работ 1973–74 гг.). — Бактрийские древности, Л., 1976, с. 26, 27.

⁹ Рувеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. — Бактрийские древности, Л., 1976, с. 99; рис. 4.

¹⁰ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, № 88, 1960, табл. XXXVI, 19.

¹¹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 118, 1962, табл. XXI, 7; Дукс Х. К вопросу о Бургулюкской культуре. — ОНУ, № 8, 1976, с. 49.

¹² Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ, вып. 134 — 9. М., 1966, с. 55.

¹³ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 229, прим. 2, с. 258.

¹⁴ Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973.

териалов. Уже подъемная керамика с поверхности усадеб типа Кызылча свидетельствовала о том, что сами объекты несколько древнее усадьбы Дингильдже. В Северной Бактрии указанные памятники открыты впервые. Вместе с тем они расположены в ирригационном районе, который был освоен еще в эпоху поздней бронзы, и не исключено, что формирование усадеб раннежелезного века связано с обособлением землевладения крупной семейной общины.

Ясно выступает земледельческий характер усадьбы. Об этом свидетельствуют хранилища — хумхаца, большое количество орудий, связанных с земледелием, а также топографическая ситуация — расположение памятника на берегу сая, что характерно для всех земледельческих поселений Северной Бактрии эпохи раннего железа.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ КИНЖАЛ ИЗ БАРАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1972 г. в сарматском кург. 17 Барановского курганного могильника в основном и единственном погребении был найден кинжал с бронзовыми перекрестием и навершием, а также золотой обкладкой деревянных пожен (рис. 1—3). Особенности устройства и формы этого кинжала заслуживают того, чтобы они были опубликованы отдельно¹.

Барановский курганный могильник расположен близ с. Барановка Черноярского р-на Астраханской обл. на правом берегу Волги. Кург. 17 имел высоту 50 см, диаметр 20 м. В насыпи были найдены куски дерева от перекрытия могилы, пятна золы, обломки лепного сосуда. Кург. 17 был ограблен. Прослежены следы кольцевого ровика около 60 см шириной. Радиус рва около 6 м.

Прямоугольная могильная яма имеет в ширину 1,65 м, в длину 2,3 м. Она была ориентирована по линии ССЗ — ЮЮВ. Стенки ямы вертикальные, дно плоское. В заполнении могилы были найдены кости человека: череп, плечевые кости, часть таза, плашки перекрытия. Кости погребенного были сложены кучей в одном из углов могильной ямы. В различных местах ямы на разной глубине обнаружены черепки двух лепных сосудов, форма которых не восстанавливается.

У ЮВ угла ямы на глубине 1,5 м от уровня материка найден миниатюрный лепной сосуд с шаровидным асимметрическим туловом и небольшой шейкой (рис. 4, 2). В насыпи найдены также кости барана. Глубина ямы 1,5 м от уровня материка. Дно ямы покрыто темным песком. Часть костяка оказалась не тронутой грабителями (кости правой ноги и часть таза). Покойник был положен на спине, головой на ЮЮЗ, с вытянутыми ногами. У правой ноги найдена костяная ручка пагайки или пожа (рис. 4, 4), круглая в сечении, и медная обоймочка (рис. 4, 3), которая, возможно, утяжеляла хлыст. С одной стороны на рукояти пагайки был найден золотой листочек в виде ивового листа, возможно, след от обкладки рукояти. Под правой бедренной костью обнаружен обоюдоострый железный кинжал с бронзовыми навершием и перекрестием в ножнах, обложенных золотой фольгой. Под тазом обнаружены остатки тканей. Под костяком прослеживаются следы меловой подсыпки.

Кинжал лежал таким образом, что золотая обкладка его пожен была обращена к земле. Навершие кинжала (рис. 2) было изготовлено спосо-

¹ В настоящее время хранится в Астраханском историко-архитектурном музее. Реставрация кинжала выполнена в ВЦНИИЛКР М. С. Шемаханской. Ею было проведено изучение технологии изготовления кинжала. Пользуюсь случаем выразить М. С. Шемаханской глубокую благодарность.

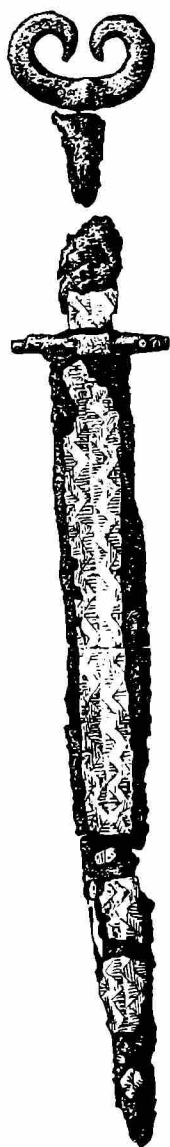

Рис. 1. Кинжал из Барановского могильника

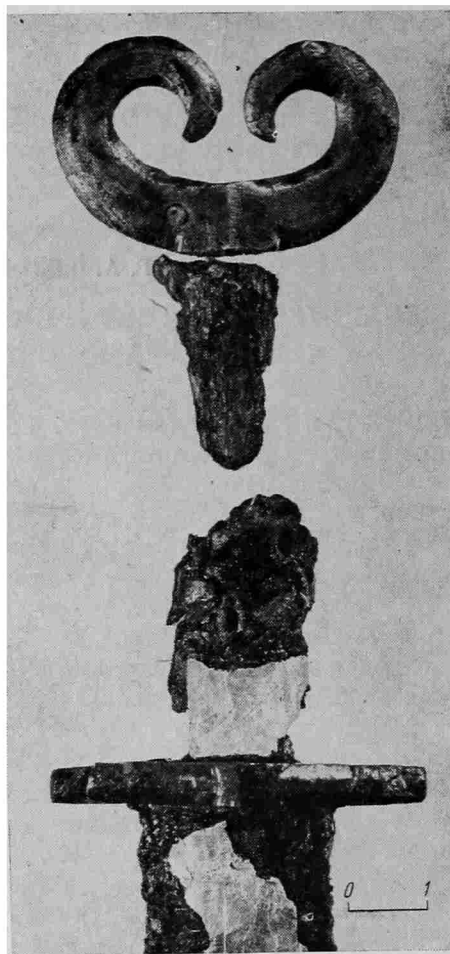

Рис. 2. Рукоятка кинжала

бом горячейковки и обрублено зубилом из литой заготовки. Невооруженным глазом хорошо видны линии на металле — следы сгибания заготовки в процессековки. В серединековки сделано утолщение и в этом месте к бронзовому навершию была прикреплена двумя бронзовыми заклепками железная подтреугольная деталь, вероятно, вставлявшаяся в паз и приклепывавшаяся к рукоятке кинжала (сама рукоятка плохо сохранилась). Бронзовое перекрестие изготовлено таким образом: прямоугольная литая заготовка в виде бруска была разрезана вдоль, но не до конца. Затем две половины бруска были разведены и в полученную щель продето железное тело кинжала так, чтобы брусок пришелся на то место, где лезвие переходит в рукоять. Затем концы разрезанного бруска были сжаты так, что они плотно охватили лезвие кинжала, были соединены и склепаны двумя бронзовыми заклепками (рис. 4, 1). Противоположный конец перекрестия оказался разорванным, видимо, уже в период использования оружия. На одной стороне бруска был с самого начала выступ с концами, оформленными в виде ласточкиного хвоста. Железная основа кинжала

Рис. 3

Рис. 3. Золотая обкладка ножен

Рис. 4. 1 — схема посадки перекрестия, 2 — лещной сосуд, 3 — обоймочка бронзовая, 4 — костяная рукоять пагайки

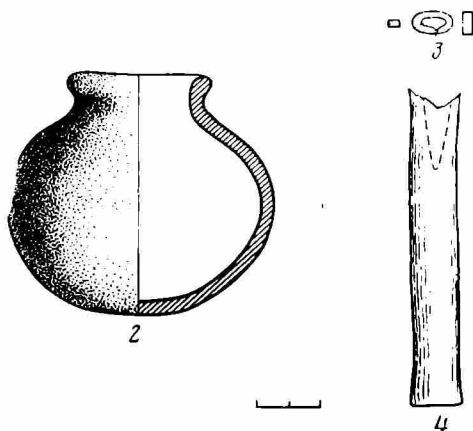
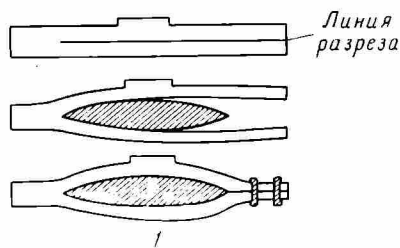

Рис. 4

была выкована в виде обоюдоострой полосы и несколько более узкой овальной в сечении рукояти. Общая длина кинжала 35 см. Ширина наверху 4,5 см, ширина перекрестия 4,9 см.

Кинжал был найден в очень плохо сохранившихся дубовых ножнах. Дерево сохранилось в виде следов только на той стороне лезвия, которая была покрыта золотой обкладкой (рис. 3). Деревянные детали ножен имели по краям пазы, в которые была вставлена полоска золотой фольги с гравированным орнаментом. Такие же полоски в виде фрагментов фольги сохранились и на рукоятке кинжала. Видимо, они украшали ножны и рукоять. Орнамент представлял собой две зигзагообразные полосы с поперечными по отношению к оси кинжала прямыми насечками между ними.

Обращает внимание явная односторонность изделия. Та сторона, которая была обращена к земле, не только имела покрытие ножен и рукояти золотой фольгой, но и орнаментальные выступы у наверху и перекрестия. При пошеении, судя по тому как был найден кинжал, оружие было обращено лицевой, парадной частью направо, так как кинжал пошеялся на правом боку.

Все в этом кинжале говорит о том, что это было парадное оружие и сделано оно было особым способом, каким не могло изготовляться обычное оружие. Особенно ярко эти черты выступают при сравнении с найденным также в 1972 г. и тоже биметаллическим кинжалом аналогичной формы у с. Сидоры в Волгоградской обл.² Навершие у Сидорского кин-

² Скрипкин А. С., Мамонтов В. И. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов.— СА, 1977, № 4, с. 285—287.

жала литое, оно имело клиновидный штырь, при помощи которого крепилось к рукояти. На Барановском кинжале навершие кованое с орнаментальным выступом и было приклепано к железному клиновидному штырю, который в свою очередь прикреплялся к железному телу рукояти. Перекрестие Сидорского кинжала не имело в отличие от Барановского орнаментального выступа. Кроме того, парадность Барановского кинжала подчеркнута золотой обкладкой ножен.

В остальном и по форме, и по размерам, и по способу ношения эти кинжалы друг от друга не отличаются и, вероятно, одновременны. Сидорский кинжал лучше датирован сопровождающим инвентарем. Он относится к II—III вв. н. э. Очевидно, к этому времени следует отнести и Барановский кург. 17 с описанным биметаллическим кинжалом.

И Барановский и Сидорский биметаллические кинжалы позднесарматского времени имеют явные архаические черты. Их навершия в виде волют похожи на «когтевидные», характерные для савроматской культуры. Биметаллизм при изготовлении оружия характерен для самого начала железного века. Он известен в гальштате, в ананьинской, ранней тагарской культуре, в предскифских памятниках, в памятниках первой половины I тысячелетия до н. э. на Кавказе, в памятниках Переднего Востока с XII в. до н. э.³ Биметаллические кинжалы описанного типа характеризуют те тенденции нарочитой архаизации предметов, которые, по-видимому, имелись в позднесарматском обществе.

---

³ *Hodges H. W. M., Maxwell-Hyslop K. R.* A note on the significance of the technique of «casting on» as applied to a group of daggers from North — West Persia.— *Iraq*, v. 26, № 1, 1964, p. 50—53. Ранние биметаллические кинжалы имели цельную бронзовую рукоятку, отлитую таким образом, что верхняя часть железного лезвия оказывалась внутри бронзовой рукояти. На Барановском позднесарматском кинжале железо с бронзой соединено механически.

Т. Б. ШИТОВА

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ КЕРАМИКА IX В. ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Вопрос о международных связях древней Ладogi специальному рассмотрению не подвергался, но в работах многих исследователей были намечены основные направления этих связей: Скандинавия, Прибалтика, страны Западной Европы и Ближнего Востока, Причерноморье. Среди предметов импорта указывалось и на наличие привозной посуды¹. Коллекция импортной керамики Ладogi значительно пополнилась в результате раскопок 1972—1976 гг. близ Варяжской улицы: здесь обращают на себя внимание многочисленные обломки амфор, фрагменты лощеной керамики. Особый интерес представляют обнаруженные в слое IX в., но, к сожалению, не увязывающиеся ни с каким комплексом несколько мелких фрагментов гончарной керамики с росписью люстром (рисунок).

Форму сосуда восстановить очень трудно, но, судя по имеющимся обломкам венчика и части кольцевого поддона, можно предположить, что это было небольшое блюдо или чашечка на поддоне. Такие формы широ-

---

¹ Я. В. Станкевич, например, отметила среди керамики горизонта «Е₃» фрагменты лощеного сосуда-чаши, орнаментированного в верхней части косыми перекрещивающимися линиями (*Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi.— *СА*, XIV, 1950, с. 193—195); при раскопках кургана 7 в урочище Плакун были найдены обломки фризского кувшина, датирующегося IX в. (*Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун близ Старой Ладogi.— *КСИА АН СССР*, № 125, 1971, с. 61); наиболее многочисленную группу импортной керамики составляют обломки амфор (см., например, *Равдоникас В. И.* Старая Ладoga (из итогов археологических исследований в 1938—1947 гг.), ч. II.— *СА*, XII, 1950, с. 35).

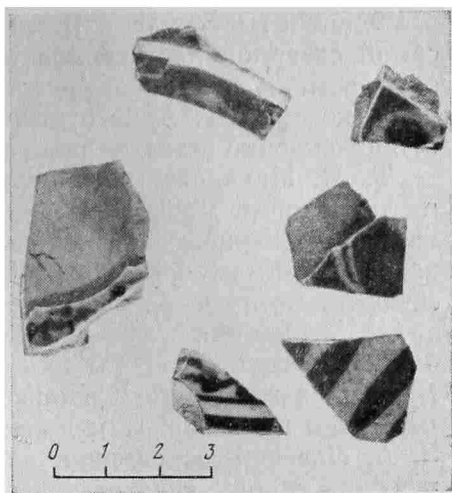
ко представлены среди люстровой посуды Ирака, Египта, Сирии, Ирана². Сосуд изготовлен из плотной хорошо обожженной глины и расписан полихромным люстром с преобладанием желто-коричневых тонов.

Керамика с росписью люстром известна и в некоторых других городах Древней Руси: 14 фрагментов в Саркеле — Белой Веже³, один фрагмент с арабской надписью в Смоленске⁴, 22 — в Новгороде⁵, 32 — в Новогрудке⁶. Фрагменты из Ладоги относятся к наиболее раннему, так называемому месо-потамскому этапу производства такой керамики, датирующемуся IX в.⁷ Для этого времени характерен орнамент в виде полупальметок, елочек, точек.

Внешняя сторона сосуда расписана зелеными листочками⁸. Аналогии ладожскому сосуду находятся среди керамики Самарры, бывшей резиденцией халифов с 836 по 892 г.⁹

На территории Европейской части СССР известен всего один черепок, аналогичный керамике Самарры, — это фрагмент блюда из Саркела, найденный в слое второй половины X в.¹⁰ Остальная люстровая керамика Саркела — Белой Вежи относится к следующему, так называемому египетскому (X—XII вв.) или иранскому (XII—XIV вв.) этапу производства такой посуды¹¹. Для X—XII вв. характерна роспись люстром с преобладанием синего кобальтового тона. Полупальметки, ёлочки и т. п. все чаще выступают в качестве фона для изображения людей, птиц, животных. Эти же черты характерны и для последующего времени, но тогда цветовая гамма еще более упрощается и становится монохромной¹².

Подобная керамика в Новгороде найдена исключительно в слоях XI—XII вв.¹³, но, по мнению Т. И. Макаровой, «новгородская коллекция сосудов... представляет собой имитацию люстра, выполненную, вероятно, в одном из среднеазиатских центров»¹⁴. Сосуды из Новогрудка относятся к третьему, иранскому этапу и связываются с центрами в Рее и Кашане¹⁵.

² Lane A. Early Islamic Pottery. London, 1947.

³ Шелковников Б. А. Поливная керамика Саркела — Белой Вежи, в кн. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. II. — МИА, № 75, 1959, с. 303—306.

⁴ Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. — САИ, в. Е1-38, 1967, с. 33.

⁵ Медведев А. Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде. — В кн.: Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции (МИА, № 117). М., 1963, с. 270.

⁶ Любезное сообщение Ф. Д. Гуревич.

⁷ Приношу искреннюю благодарность сотрудникам Отдела Востока Гос. Эрмитажа Б. И. Маршаку и А. А. Иванову за помощь в определении керамики и предоставленную возможность ознакомиться с аналогиями, хранящимися в Эрмитаже.

⁸ Тип А или В по Е. Grube; Grube E. Islamic Pottery of the eighth to the fifteenth century in the Keir Collection. London, 1976, p. 49, № 12—13, p. 51, № 14. 16; p. 57, № 15.

⁹ Lane A. Op. cit., p. 14—16, pl. 10, 11; один черепок из Самарры хранится в От-

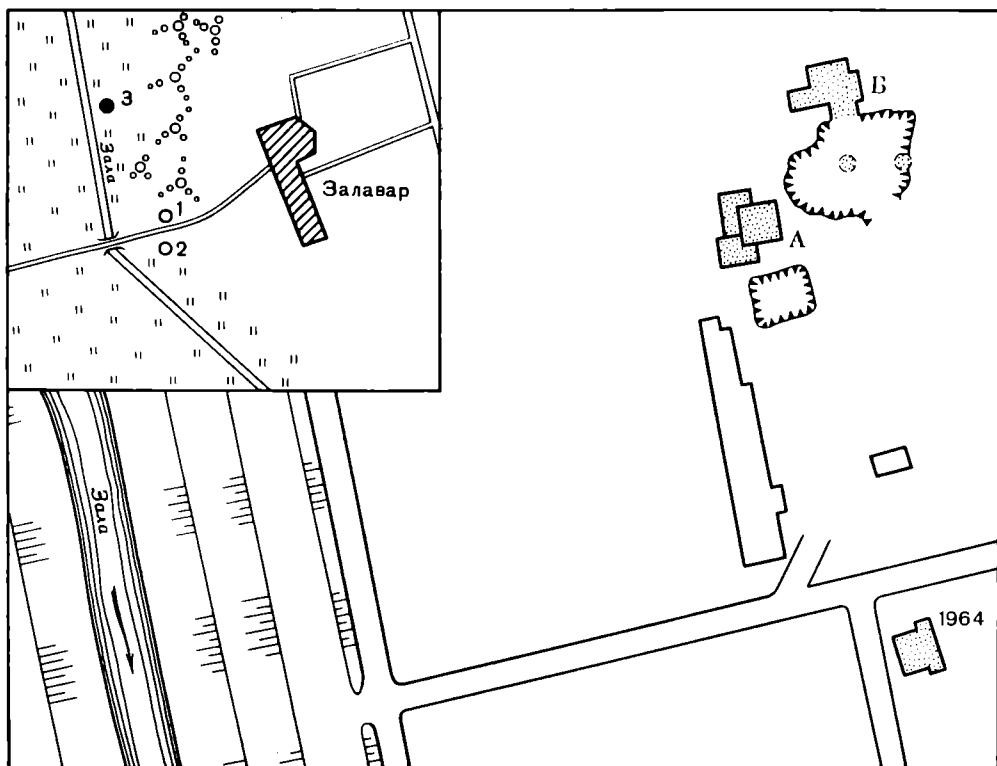

Рис. 1. План раскопок на поселении Залавар-Резеш

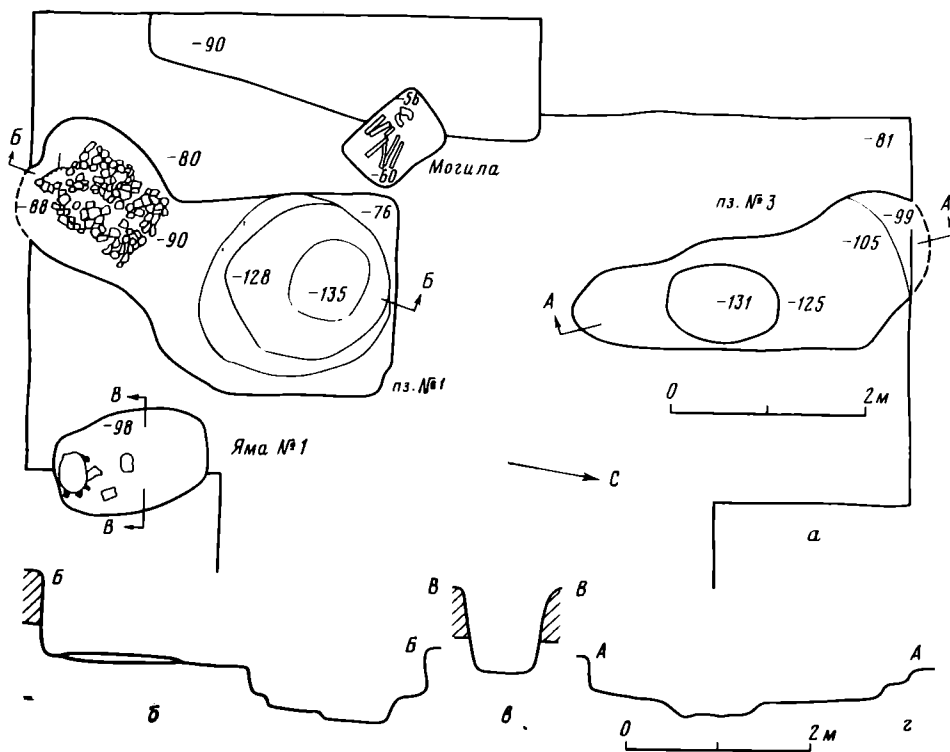

Рис. 2. Полуземлянки 1 и 3, хозяйственная яма № 1 и детское погребение на поселении в Залавар-Резеш. Раскоп 1. Глубина указана от поверхности земли

Весной 1966 г. в связи с корчеванием леса и новыми лесопосадками автором на средства Будапештского Национального музея были проведены спасательные раскопки на площади около 100 м². Выяснилось, что могильник в этом направлении не продолжается. Два скелета без вещей, обнаруженные при выборке песка, как оказалось впоследствии, относятся к эпохе меди. Раскопками выявлен культурный слой толщиной 0,6—0,8 м с материалами эпохи меди и IX в. Стратиграфически они не разделяются. Культурный слой представляет собой коричневатый суглинок наиболее темный в верхней части и постепенно светлеющий книзу. Дерновой слой с гумированной верхней прослойкой отсутствовал.

Полуземлянка 1 (рис. 2) исследована в раскопе А. Слабые очертания ее прослеживались уже с глубины 0,65 м и более отчетливо с глубины 0,8 м от поверхности. Ее северная часть неправильно четырехугольная, к ней примыкает закругленная южная часть с развалом керамики. Размеры сооружения 3,5×2 м. Оно углублено в материк на 0,12 м в месте развала керамики и на 0,45—0,7 м в средней части (глубина от современной дневной поверхности 0,92—1,5 м). Стены отвесные, пол покатый с округлым трехступенчатым углублением в центре, сужающимся книзу (размеры его 2×1,9 м; 1,7×1,5 м; 0,9×0,7 м). Каких-либо столбовых ям, входа и отопительных сооружений не обнаружено. На расстоянии 0,1 м к северо-западу от полуземлянки 1 на глубине 0,56—0,6 м находилось детское захоронение, ориентированное ЗСЗ—ВЮВ (рис. 2). Скелет длиной 0,7 м лежал скорченно на спине, с поднятыми вверх коленями. После того, как органические связи истлели, кости ног упали на бок, первоначальное положение сохранили лишь череп и позвоночный столб. Погребальный инвентарь отсутствовал. По определению Н. Калица, лепная керамика из полуземлянки 1 относится к эпохе меди. Вероятно, к этому же времени относится и скорченное детское погребение.

Полуземлянка 2 (рис. 3) расположена в раскопе Б, углублена в материковый грунт на 0,35—0,8 м (глубина от современной дневной поверхности 0,95—1,4 м). Она неправильной пятиугольной формы с выступающей глинобитной печью. Размеры ее 3,30—3,40×3,05—3,20 м. Пол покатый, хорошо утрамбованный, стены отвесные с уступом. Следы столбовых ям и входа в землянку отсутствуют. Стены полуземлянки 2 вырыты в твердом грунте. Найдены куски обмазки со следами прутьев. Жилища без столбовых ям встречаются на поселении конца IX—X в. близ с. Гергенугорня (район Вашарошнамень, область Саболч-Сатмар)⁵, а также на поселениях Балкано-Дунайской культуры, где на некоторых селищах они найдены в значительном количестве. Так, на поселении Калфа, которое датируется VIII—X вв., среди 10 жилищ, обитаемых до X в., пять были без столбовых ям⁶.

Глинобитная печь 1 (рис. 3) расположена впритык к западной стене полуземлянки 2. От нее сохранился лишь развал. Устье ее обращено к жилищу. Под печи подковообразный (2,1×1,6 м). Разрез пода представляет следующую картину: паверху залегал слой плотной, хорошо прокаленной серооливчатой глины толщиной 0,05 м. Под ним находился слой рыхлой обожженной глины розового цвета, толщина которого колеблется от 0,05 м до 0,06 м. Ниже был положен слой битой керамики, в том числе фрагменты с линейно-волнистым орнаментом. Черепками была выстлана в основном центральная часть пода, по его краям керамическая подстилка отсутствовала. Здесь были помещены небольшие плоские камни, наиболее крупные из которых достигают размеров 0,13×0,15 м. По этнографическим данным под «печи, используемый летом, покрывали одним, а часто

⁵ Эрдели И., Симонова Е. Раскопки в окрестностях Вашарошнамень.— В кн.: III Международный конгресс славянской археологии. Братислава, 1975.

⁶ Хынку И. Г. Этнические черты в жилищах населения Молдавии X—XIV вв.— В кн.: Доклады и сообщения советской делегации. Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест 4—10.IX.1974 г.). М., 1974, с. 4, 5.

и двумя рядами обломков сосудов, обмазывали глиной, чтобы она лучше сохраняла тепло и тем самым была пригодна для выпечки хлеба. Для этой цели использовали обломки глазированных горшков и разбитых сосудов для приготовления пищи»⁷. Печи подобной формы и конструкции известны с территории Венгрии на поселении конца IX—X вв. у с. Гергеугорня в жилище 18⁸, на городище IX—X вв. близ с. Зимпе (Волинской области)⁹ и на поселениях Балкано-Дунайской культуры¹⁰.

На расстоянии 0,15 м к северо-востоку от полуземлянки 2 находилась внешняя глинобитная печь 2 (рис. 3). От нее сохранился лишь овальный под с подстилающим слоем из фрагментов керамики, который залегал на глубине 0,35 м от поверхности. В данном случае керамические обломки также были сконцентрированы лишь в центре пода печи, край его шириною 0,08—0,20 м не вымощен. Толщина вымостки 0,05—0,08 м. Размеры пода печи 1,6×1,10 м. Входила ли внешняя глинобитная печь 2 в единый комплекс с полуземлянкой 2, сказать трудно.

К западу от полуземлянки 2 вскрыта хозяйственная яма 2 (рис. 3), из заполнения которой происходят фрагменты керамики с линейно-волнистым орнаментом, камни, куски обмазки и большое количество кусочков древесного угля. У восточного края ямы находились остатки пода глинобитной печи 3 (рис. 3), толщина розового прокаленного слоя обмазки 0,15 м. Восточную границу пода проследить не удалось. К западу от хозяйственной ямы 2 вскрыта часть еще одной ямы неправильной четырехугольной формы, вокруг нее — скопление древесного угля, обмазки и отдельные сильно обожженные камни (рис. 3).

Полуземлянка 3 (рис. 2) углублена в материк в среднем на 0,2—0,6 м (глубина от современной поверхности 1—1,25 м). Размеры ее 3,65××0,80—1,50 м. Полом служил слегка утрамбованный материк, столбовые ямы не обнаружены. Вход скорее всего находился в северной части жилища, где наблюдается плавное падение материка (1,0 м — 1,1 м — 1,2 м) и вырисовывается нечто вроде ступеньки шириною 0,26 м. В южной части, ближе к центру жилища, вскрыта слегка углубленная в пол (0,2 м, от современной поверхности 1,4 м) овальная очажная яма (1,18×0,86 м) с прокаленным нижним слоем толщиной 0,04—0,08 м. В ее заполнении, состоящем из большого количества древесного угля и золы, был найден железный нож. Керамика и кости животных были рассеяны по всей площади жилища. Следует отметить, что полуземлянка 3 отличается по своему заполнению от полуземлянки 2. Слой заполнения на глубине 1,2 м от современной поверхности (толщиною 0,4 м) представляет собою темный, почти черный чернозем, смешанный с большим количеством золы и насыщенный вкраплениями древесного угля, обмазки и камешей. Бесспорно, что это остатки развала очага, помещавшегося в очажной яме. Ямные очаги, устроенные в круглой или овальной яме глубиной 0,2—0,3 м и нередко расположенные почти в центре жилища, исследовались И. Г. Хынку на поселениях Балкано-Дунайской культуры в Калфе, которое датируется VIII—X вв., и Лукашевке¹¹. К юго-востоку от землянки 3 на расстоянии 3,7 м вскрыта хозяйственная яма 1 (рис. 2), овальная с ровным дном. Из ее заполнения происходят черепки с липейным и погтевым орнаментом, относящиеся к IX в., обломок железного ножа, камни и кости животных.

На поселении найдено относительно небольшое количество гончарной керамики как с орнаментацией, так и без нее. Она происходит из куль-

⁷ Szabó K. Az alföldi magyar nép művelődéstörténeti emlékei. Kemencék.— Biblioteka Humanitatis Historica. 3. Budapest, 1938, s. 88, 89 old.

⁸ Эрдели И., Симонова Е. Ук. соч.

⁹ Багрий Р. С. Нові слов'янські і дrevньоруські пам'ятки на території Волині.— МДАПВ, вип. 4. Київ, 1962, с. 120—130.

¹⁰ Хынку И. Г. Ук. соч., с. 8, 9.

¹¹ Хынку И. Г. Ук. соч., с. 8, 9.

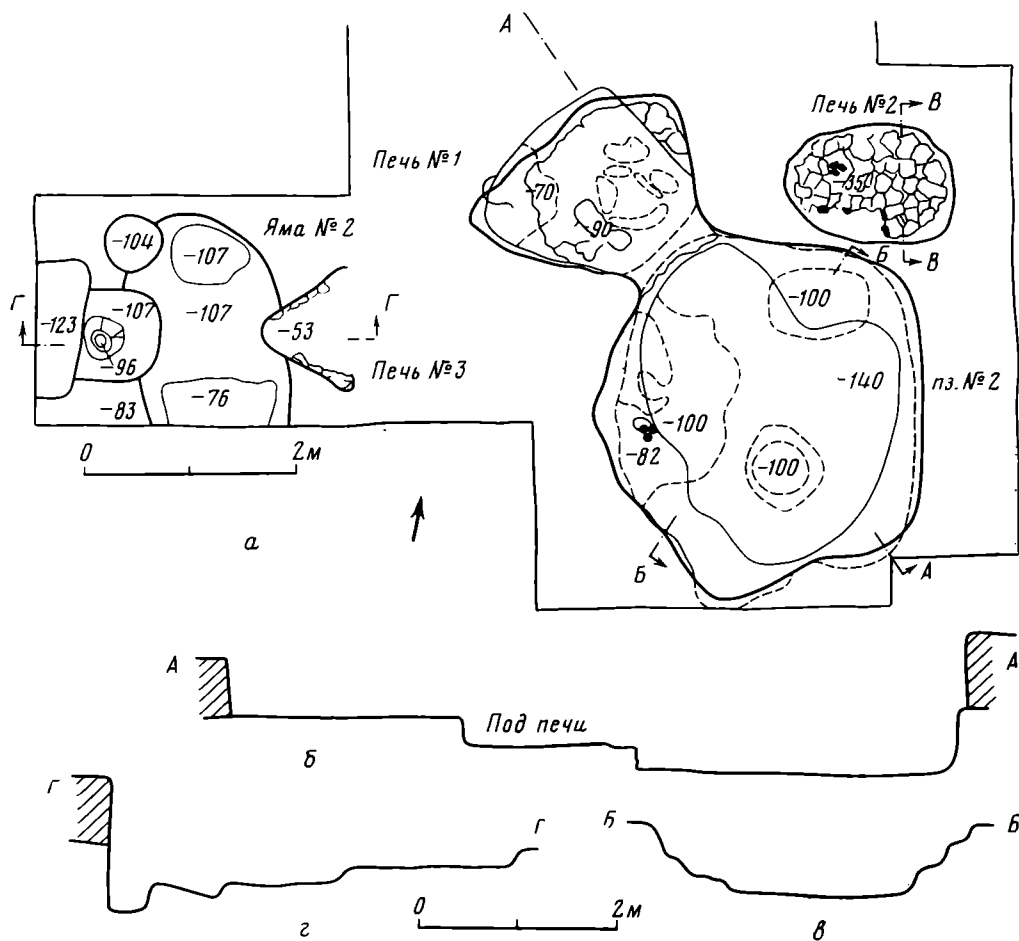

Рис. 3. Полуземлянка № 2, глинобитные печи № 2 и 3, хозяйственная (№ 2) и предпечная ямы на поселении в Залавар-Резеш. Раскоп Б. Глубина указана от поверхности земли

турного слоя, из заполнения жилищ, хозяйственных ям, глинобитных печей и очага. Керамика изготовлена на примитивном гончарном круге и довольно однородна. Обжиг довольно хороший, цвет черепков серый и розоватый, в профиле, как правило, однослойный или двухслойный. Поверхности шероховатые, примесь в тесте — кварцевый песок, иногда органические добавки, выгоревшие в период обжига. Обычно толщина стенок сосудов колеблется в пределах от 0,5 см до 1 см. Исключение составляет небольшое количество фрагментов, толщина стенок которых колеблется от 1,3 до 3,5 см.

Из фрагментов керамики, выстилавших под печи 1 в полуземлянке 2, удалось восстановить четыре горшка (рис. 4, 1, 3, 4, 5). Ниже указаны их высота, диаметры горловины и дна, толщина стенок в последовательности расположения горшков на рисунке: 13—12—9—0,7 см; 22—14—10—0,7 см; 19—12—9,5 — от 0,5 до 0,7 см; 18,5—16—9—0,7 см. Горшок, собранный из нижней части заполнения полуземлянки 3 (с глубины 0,8—1 м), имеет размеры 14,5—14,5—8—0,5 см (рис. 4, 2). Тесто горшков плотное однородное, с вкраплениями кварцевого песка.

Можно указать аналогии для отдельных сосудов. Например, горшок на рис. 4, 3 имеет близкие аналогии по форме на поселении VIII—IX вв. Радванка (окраина г. Ужгорода)¹², а сосуд на рис. 4, 5— в

¹² Бернякович К. В. Исследования древнеславянского поселения VIII—IX вв. в г. Ужгороде.— КСИА АН УССР, № 3, 1954, с. 39—48.

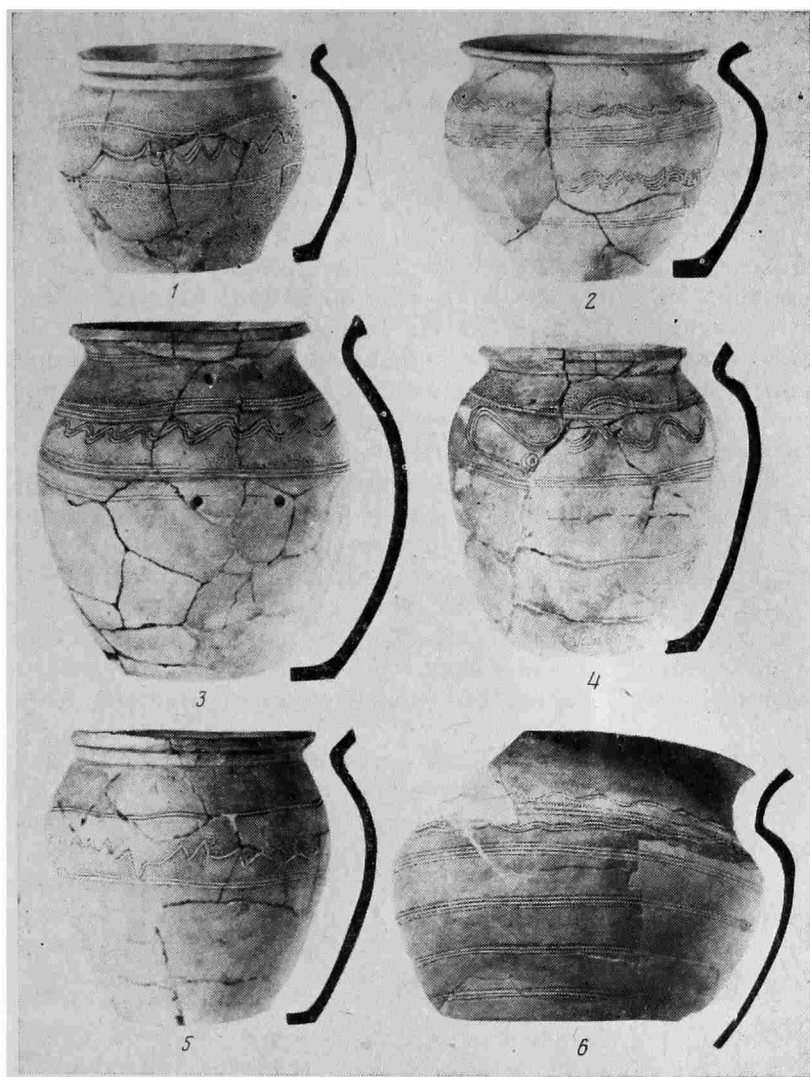

Рис. 4. Горшки с поселения в Залавар-Резеш (1, 3—6 — из полуземлянки 2; 2 — из полуземлянки 3)

Блужине (Чехословакия)¹³. В целом же керамический материал с поселения Залавар-Резеш, так же как из Залавара и Фепекпусты, по форме, орнаментации сосудов и по технике их изготовления ближе всего к славянской посуде из Моравии и Южной Словакии, согласно периодизации И. Поулика относящейся к среднегородищенскому периоду, который датируется 800—950 гг.¹⁴ Аналогии прослеживаются в керамическом материале поселений IX—X вв. у с. Гергеугорня¹⁵, у Радванки (окрестности Ужгорода)¹⁶, на Волыни¹⁷ и в Молдавии¹⁸.

На поселении в Залавар-Резеше эпохой меди датированы жилище 1 и детское скорченное погребение, остальные находки относятся к IX в.

¹³ Poulik J. Staroslavanska Morava.— Monumenta Archaeologica, I. Praha, 1948, с. 181—192.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Эрдели И., Симонова Е. Ук. соч.

¹⁶ Бернякович К. В. Ук. соч., с. 39—48.

¹⁷ Багрий Р. С. Ук. соч., с. 120—130.

¹⁸ Хынку И. Г. Ук. соч.

К ДЕНДРОХРОНОЛОГИИ СМОЛЕНСКА

(по материалам раскопа XI по ул. Соболева)

Дендрохронологическая шкала для средневекового Смоленска была создана Н. Б. Черных в 1967—1972 гг. Ее протяженность — 635 лет, крайние точки — 1605 г. и 70-е годы XI в.¹ В 1976 г. были закончены археологические работы на раскопе УС—XI, причем собрана новая коллекция спилов. Она насчитывает 380 образцов, взятых с сооружений, вскрытых за период 1971—1976 гг. Все образцы относятся к хвойным породам деревьев — сосне и ели обыкновенной. Для дендрохронологического анализа оказались пригодными 258 образцов. Выбраковка 122 штук произошла по их недостаточному возрасту.

Образцы распределяются по 18 нижним ярусам раскопа — с третьего по 20-й — и представляют 56 сооружений. К числу положительных сторон коллекции относится хорошая сохранность древесины и ее удовлетворительный возрастной состав. Наибольшее количество образцов падает на возрастные категории 30—40, 40—50, 50—60 лет (27, 26 и 17%), 14 деревьев коллекции имеют очень высокий возраст — свыше 100 лет. Средний возраст деревьев 52 года. К сожалению, в изученной коллекции явно недостаточно количество (не больше 1—2) образцов по каждой отдельной постройке, хотя образцы брались экспедицией везде, где это было возможно.

При работе использована общепринятая методика. Замер годичных колец производился на бинокулярном стереоскопическом микроскопе МБС-2. По результатам замеров были построены полулогарифмические кривые роста деревьев. Сначала были сопоставлены между собой кривые образцов одного и того же яруса. Затем на основе долголетних кривых ярусы удалось связать между собой. Абсолютная привязка нового материала во времени осуществлялась путем сопоставления кривых по минимумам и максимумам с дендрошкалами Новгорода и Смоленска (рис. 1, 2, 3, 4).

Новая дендрохронологическая шкала, составленная на материале раскопа УС—XI, строится на основе 186 полулогарифмических кривых и имеет протяженность 495 лет. Ее крайние точки — 1064 и 1559 г. Наибольшее сходство с имеющимися шкалами Новгорода и Смоленска обнаруживают кривые, относящиеся к XIII в. Общая дендрошкала Смоленска имеет теперь протяженность 541 г. и крайние точки 1064 и 1605 г.

На основе абсолютных дат рубки 186 бревен можно предложить следующую датировку строительных ярусов раскопа и некоторых его сооружений.

3-й ярус (4 датированных образца) — 50-е годы XVI в. **4-й ярус** (14 обр.). Хорошо представленный частокол сруба 19 можно достаточно уверенно датировать началом 20-х годов XVI в., сруб 16—1526 г., а ярус в целом — 10—20-ми годами XVI в. **5-й ярус** (9 обр.). Компактную группу сооружений яруса — сруб 20, настил и частокол — можно предположительно датировать 1506—1509 г., 5-й ярус получает дату — последнее десятилетие XV — первое десятилетие XVI в. **6-й ярус** (20 обр.) — начало 70-х — конец 80-х годов XV в. В ярусе можно датировать два частокولا 1483 и 1473 г., а одно из сооружений — 1484 г. **7-й ярус** (13 обр.) — 50-е — 60-е годы XV в. Можно датировать 1462 г. частокол, образцы

¹ Черных Н. Б. Абсолютные даты деревянных сооружений древнего Смоленска. — Материалы по изучению Смоленской области, вып. VI. М., 1967; *е е же*. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы. — В сб.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972, с. 101. Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Н. Б. Черных за оказанную помощь в работе.

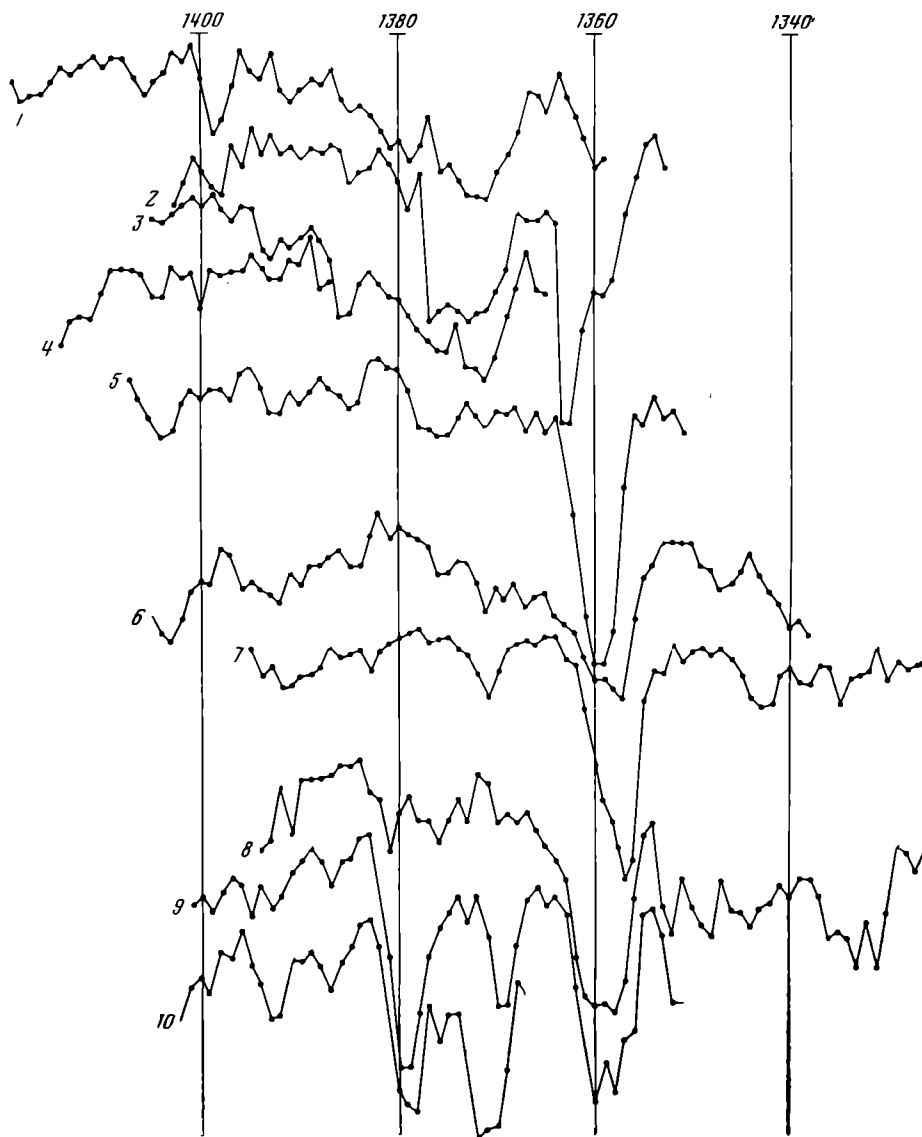

Рис. 2. Сводная таблица сопряженных кривых роста годичных колец дерева 8-го яруса раскопа XI по ул. Соболева (XIV—XV вв.)

ские группы. Даты рубки бревен этих хронологических групп отстоят друг от друга на интервал в 50 лет. Если предположить, что даты поздней группы располагаются около 1110 г., то даты ранней попадают на 60-е годы XI в.

При сопоставлении дат, полученных Н. Б. Черных для строительных ярусов раскопов УС—VIII, IX, с новыми датами для раскопа УС—XI обнаружилось совпадение дат ярусов с 8-го по 13-й. 12-й ярус совпадает точно: 50-е годы XIII в. Датировка материала 9-го и 13-го ярусов обеих коллекций дополняют одна другую, становятся шире. Время ярусов 14, 15, 16 первой коллекции приходится на период от 1200 до 1112 г. По данным раскопа УС—XI в этот период включаются и более нижние ярусы, с 15-го по начало 20-го. Материал обеих коллекций для этого периода немногочислен.

Доверять датировке на основе коллекции раскопа УС—XI можно по следующим соображениям: 1) в коллекции имеется многолетняя кривая (190 лет, образец № 301), которая сопоставляется с кривыми образцов 11—19-го ярусов и синхронизируется с кривыми новгородской шкалы на уча-

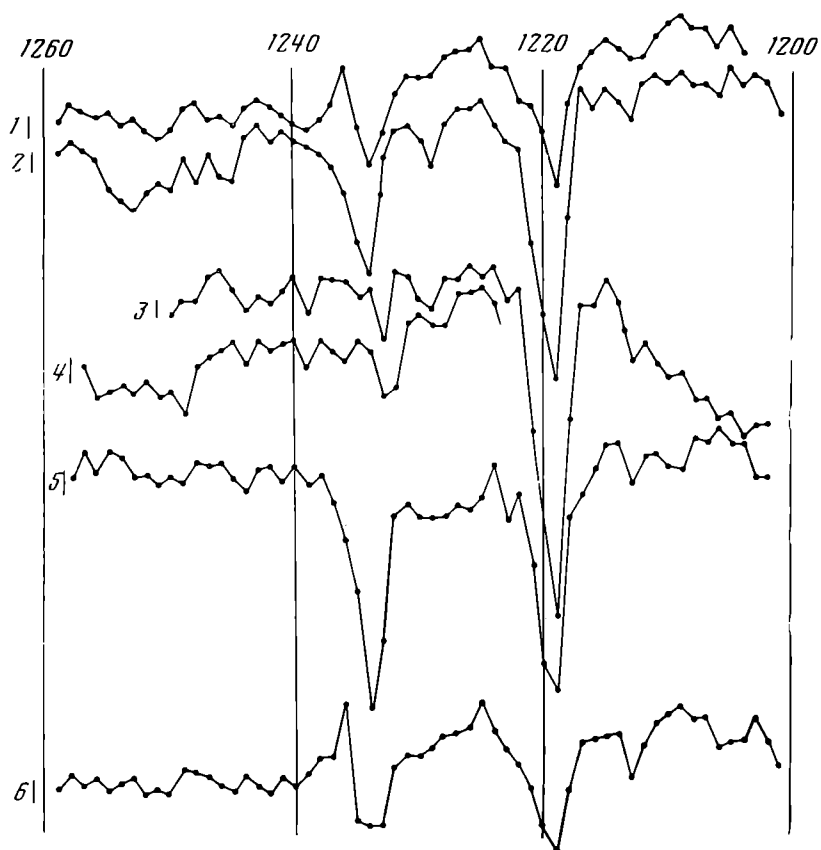

Рис. 3. Сводная таблица сопряженных кривых роста годичных колец дерева 12-го яруса раскопа XI по ул. Соболева (XIII в.)

Рис. 4. Сводная таблица сопряженных кривых роста годичных колец дерева 18-го яруса раскопа XI по ул. Соболева (XII в.)

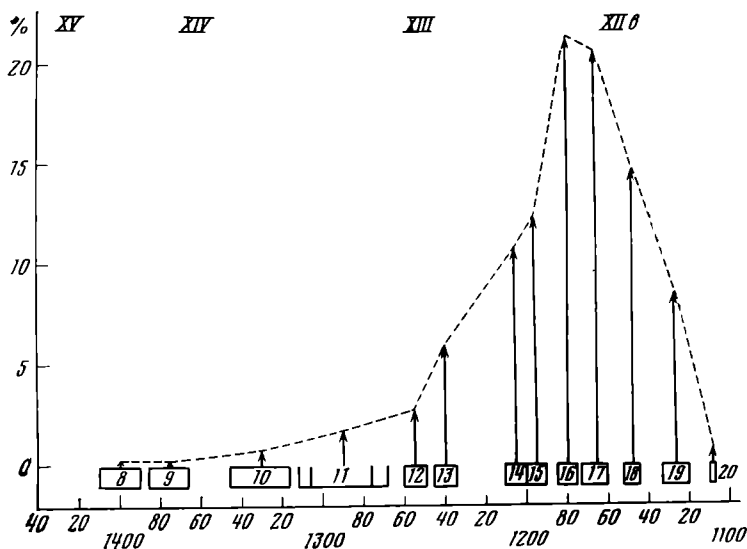

Рис. 5. Хронологический график распространения стеклянных браслетов. (На хронологической оси абсцисс прямоугольниками обозначены дендрохронологические даты ярусов. Хронологический отрезок 11-го яруса отмечен прямой линией с вертикальными штрихами. По оси ординат над каждым прямоугольником стрелкой обозначено количество стеклянных браслетов, соответствующее данному ярусу, в процентах относительно всего количества стеклянных браслетов, найденных на раскопе XI по ул. Соболева.)

стке 1102—1293 гг., а также с кривыми шкалы смоленских раскопов УС—XIII и IX на том же участке; 2) представленность срубов; 3) хорошая представленность образцами 16-го и 19-го ярусов (16 и 15 шт).

Даты верхних ярусов обеих коллекций показывают значительные расхождения. Это возможно по следующим причинам: 1) материал, представляющий ярус в коллекции, является выборкой из всего дерева яруса и поэтому даты рубки бревен отмечают на шкале только часть времени его существования. Это особенно относится к верхним ярусам, так как они представлены наиболее отрывочно вследствие плохой сохранности дерева; 2) периоды строительства жилых сооружений разных частей улицы могут не совпадать (в противоположность периодам строительства мостовых). В то время как на одном участке существуют сооружения одного яруса, на близлежащем может возникнуть следующий ярус; 3) в верхних слоях изученных раскопов зафиксированы перекопы, что также могло стать причиной расхождений; 4) возможен пропуск яруса при возобновлении работ на раскопе после консервации.

На раскопе УС—XI был найден ряд вещей, по типологическим классификациям имеющих дату (бусы, ключи и замки различных типов, шпory, кресала, трехбусинные височные кольца, костяные шахматные фигурки). Археологическая датировка не противоречит полученным дендрохронологическим датировкам тех строительных ярусов, в которых найдены вещи.

Случай более ранней (по сравнению с ярусом) датировки некоторых вещей можно объяснить сохранением вещей в быту в более позднее время.

Распределение во времени стеклянных браслетов, основанное на новых дендродатах для раскопа УС—XI, относится к промежуточному между I и II типами распределений, выделяемых Ю. Л. Щаповой для городов с браслетами в основном киевского производства и городов с собственным производством стеклянных браслетов. В послемонгольских слоях раскопа УС—XI (13—18-й ярусы) зафиксировано 12,6% всех находок (для про-

межучного типа характерно наличие в послемонгольских слоях от 0,05 до 0,3 находок)². Для Смоленска промежуточный тип распределения стеклянных браслетов является подтверждением их местного производства, доказанного особенностями химического состава и цветовой гаммы изделий³ (рис. 5).

Распределение шифрных пряслиц раскопа УС—ХІ соответствует новгородскому⁴.

Дендродаты для раскопа УС—ХІ не вносят существенных корректив в предложенную Т. В. Юркиной хронологическую характеристику смоленской чернолощеной керамики. Первое заметное увеличение ее производства приходится на 6-й ярус — начало 70-х — конец 80-х годов XV в., второе — на 4-й ярус — 10-е — 20-е годы XVI в.⁵

² Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 173, 174.

³ Там же, с. 136—142.

⁴ Рыбина Е. А. Из истории южного импорта в Новгород.— СА, 1971, № 1, с. 261, 262, рис. 1.

⁵ Юркина Т. В. О чернолощеной керамике Смоленска XIV—XVII вв.— В сб.: Проблемы истории СССР, вып. V. М., 1976.

И. В. БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ, Н. В. САПОЖНИКОВ

О ВЯТИЧСКИХ ДРЕВНОСТЯХ ИЗ СМОЛЕНСКА

В 1890 г. в Смоленске на территории усадьбы Станиславского, расположенной на Безымянной улице в западной части смоленской крепости начала XVII в., была найдена серия бронзовых украшений, включавшая один разломанный на части перстень, сломанное височное кольцо, поломанный на несколько частей витой браслет из тонкой проволоки и два целых браслета (рис. 1). Обстоятельства находки этих украшений неизвестны, за исключением того, что вещи найдены на усадебной земле в саду около обрыва¹. Украшения были переданы в дар Археологической комиссии и после регистрации поступили в Смоленский историко-археологический музей, где экспонировались в 1908 г.² Дальнейшая судьба вещей неизвестна.

В течение долгого времени эти украшения не привлекали к себе внимания исследователей, краткая информация о них содержалась в отчете Археологической комиссии и в работе А. А. Спицына³. Между тем этот комплекс вещей является пока единственной подобной находкой в Смоленске.

Рассмотрим находки подробнее. Кольцо височное (рис. 1, 1), на рисунке из архивного дела изображено пятилопастным, но между лопастями кольца проходит трещина, а в самом деле оно описано как состоящее из двух обломков. Вероятнее всего, две лопасти утрачены. А. А. Спицын называет кольцо семиллопастным. По классификации В. П. Левашевой, оно относится к типу простых с округлыми лопастями, без колечек у основания дужек и датируется XI — началом XII в.⁴ Т. В. Равдина от-

¹ Книга записей кладов. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1887, № 72, л. 180 об.; Дело ИАК о древних бронзовых украшениях, найденных в городе Смоленске на усадьбе г-на Станиславского на Безымянной улице. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1890, № 105, л. 1—5. Вещи публикуются впервые по рисунку из указанного архивного дела (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1890, № 105, л. 3).

² Грачев В. И. Краткий каталог предметов древностей Смоленского городского историко-археологического музея. Смоленск, 1908, с. 12.

³ ОАК за 1890 г. СПб., 1893, с. 113, 146, 147; Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей в археологическом отношении.— ЗРАО, СПб., 1899, т. XI, вып. 1—2, с. 184.

⁴ Левашева В. П. Височные кольца.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 44.

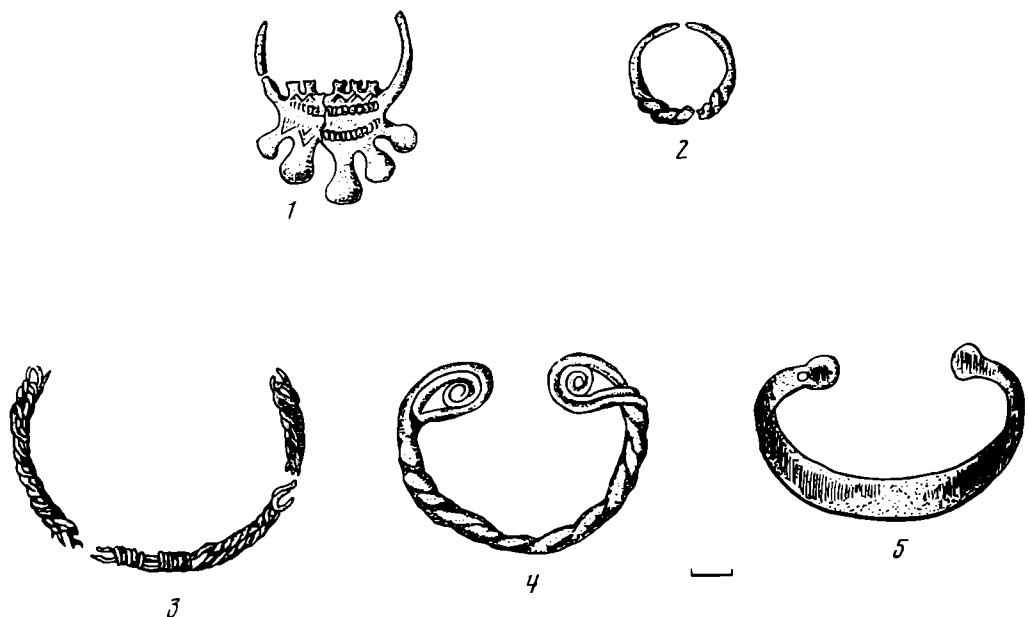

Рис. 1. Вятичские древности из Смоленска. 1 — височное кольцо; 2 — перстень; 3—5 — браслеты

носит подобные кольца к IV типу колец с закругленными лопастями, без колечек у основания дужек и датирует их первой четвертью — серединой XII в.⁵ Если предположить, что на рисунке соединены части двух разных семилопастных височных колец (поскольку на рисунке орнаментация двух частей кольца не совпадает), то оба они относятся к одному типу простых семилопастных колец. Если предположить, что одно из них было пятилопастным, то оно относится к типу простых без колечек у основания дужек и датируется XI—XII вв.⁶ Таким образом, дата рассматриваемого кольца не позже начала — середины XII в.

Перстень с несомкнутыми концами (рис. 1, 2), по архивному рисунку невозможно установить его тип. Это или рубчатый, или, и это скорее всего, ложновитой простой перстень, которые имели широкое распространение на территории Древней Руси в X—XIII вв.⁷

Браслет плетеный без каркаса, завязанный (рис. 1, 3), представлен тремя фрагментами. В архивной записи назван витым. Этот тип браслетов бытует в XI—XII вв., он известен в смоленских захоронениях, курганах радимичей, южной Белоруссии и т. д.⁸

Браслет витой, тройной, петлеконечный (рис. 1, 4). Подобные браслеты встречаются на широкой территории, в частности в пределах Смоленской земли, в слоях XI—XIV вв. Новгорода, курганах вятичей и Ленинградской обл.⁹

Браслет пластинчатый овальноконечный (рис. 1, 5). На территории Смоленской земли подобные браслеты встречены в погребальных комп-

⁵ Равдина Т. В. Хронология «вятических» древностей. Канд. дис. М., 1975; Архив ИА АН СССР, р-2, № 2154, с. 47, 77, рис. 4, 17.

⁶ Левашева В. П. Ук. соч., с. 34, 45.

⁷ Недошивина Н. Г. Перстни.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 264.

⁸ Спицын А. А. Радимические курганы.— ЗРАО, т. VIII, вып. 1. СПб., 1896, с. 95, 96, табл. V, 3; Успенская А. В. Курганы Южной Белоруссии.— Тр. ГИМ, вып. 22, 1953, рис. 4, 2.

⁹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, 1959, № 65, с. 247, рис. 8, 1; Арцизовский А. В. Курганы вятичей.— ТСА РАНИОН, М., 1930, с. 138; Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского.— МАР, № 20, 1896, табл. II, 8.

лексах всего два раза и датируются XI — началом XII в.; аналогии им известны из вятичских курганов и слоев XII—XIII вв. Новгорода¹⁰.

По своему составу рассматриваемый комплекс очень близок к женским погребальным инвентарям курганских захоронений юго-восточной и восточной частей Смоленской земли (поречье Угры с притоками Воря и Сигоза, Снопоти). В основном только в этой части Смоленщины зафиксированы массовые находки семилопастных височных колец в погребениях, немногочисленные находки пластинчатых овалноконечных браслетов также сосредоточены в этом районе (реки Снопоть, Воря)¹¹. Именно в этой части древней территории Смоленской земли встречено такое разнообразие типов браслетов, сопровождающих одну погребенную. Так, например, в кург. 20 у дер. Бочарово найдено пять браслетов, среди них один витой четверной, один пластинчатый овалноконечный и три пластинчатых браслета других форм; в кург. 37 у дер. Коханы найдено восемь браслетов, среди них витые, «шумящий», пластинчатые; в кург. 46 той же группы обнаружено шесть браслетов¹².

Установить, каким образом этот комплекс вещей попал в пределы городской территории Смоленска, весьма сложно. Можно рассматривать эти вещи как составные части вещевогоклада, сложившегося не позднее начала — середины XII в. На эту дату указывает время наибольшего распространения рассмотренного типа височных колец и овалноконечных пластинчатых браслетов. Но скорее всего этот вещевой комплекс представляет собой погребальный инвентарь, сопровождающий захоронение сельского типа и, вероятно, вятичской женщины. В таком случае остатки этого погребения, датирующегося началом — серединой XII в., интересны тем, что это самая западная находка вятичского захоронения в Смоленской обл., пока единственная находка на территории города. Вероятно, вплотную к Смоленску, так же как и к другим древнерусским городам, подступали сельские поселения со своими кладбищами курганного типа, уничтоженные по мере роста города.

На видах Смоленска 1611 и 1627 гг. изображен вал, который шел с востока на запад и делил крепость на две части. По мнению С. П. Писарева, этот вал являлся одним из древнейших укреплений города и относился к домонгольскому времени. Правда, точка зрения С. П. Писарева ничем не аргументировалась¹³. Применительно к топографии города конца XIX в. вал, по описанию С. П. Писарева, проходил таким образом, что местоположение Безымянной улицы и вместе с тем погребения с рассмотренным комплексом вещей по отношению к нему неизвестны. Если предположить, что погребение находилось за пределами этого земляного укрепления, то вал был насыпан к началу — середине XII в.; если захоронение располагалось внутри этого укрепления, то вал был возведен после середины XII в.

---

¹⁰ Белоцерковская И. В. Этнический состав населения Смоленской земли в XI—XII вв. (по данным погребального обряда). Канд. дис. М., 1976, с. 155; Седова М. В. Ук. соч., с. 252; Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв.—МИА, № 177, 1963, с. 234; Левашева В. П. Браслеты.—Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 238, 239, 251.

¹¹ Белоцерковская И. В. Ук. соч., с. 43, 155.

¹² Булычев Н. И. Раскопки по среднему течению р. Угры (Ока), бассейн Волги.—ЗМАИ, т. XXXI, 1913, с. 74, 75, табл. VII, рис. 49, 50; *его же*. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, с. 74, 75; Фонды ГИМ, II отдел, хр. № 119/54^a, 125/33^b, 101/22^a.

¹³ Писарев С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 201.

Критика и библиография

Kalicz N., Makkay J. *Die Linienbandkeramik in der Grossen Ungarischen Tiefebene.*— *Studia Archaeologica*, Bd VII. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1977, 385 S., 47 Abb., 189 Taf. und 8 Karten.

В серии «*Studia Archaeologica*», которую издает Археологический институт Венгерской Академии наук¹, в конце 1977 г. вышла в свет монография, подготовленная сотрудниками института Н. Калицем и Я. Маккаи. Авторы книги хорошо известны археологической общественности работами в области неолита, медного и бронзового века Карпатско-Дунайского бассейна. Н. Калиц — автор ряда книг о раннем бронзовом веке Северо-Восточной Венгрии², о связях баденской культуры медного века и Анатолии³, об общих проблемах неолита и медного века Венгрии⁴, изложенных достаточно популярно, чтобы стать достоянием широкого читателя. Его статья о баденских повозках была недавно опубликована в журнале «Советская археология»⁵. Я. Маккаи работает над проблемами южных связей неолитических и энеолитических культур Венгрии⁶, занимается вопросами изучения первобытной идеологии⁷.

Настоящую монографию давно уже ожидали специалисты в области неолита Средней и Восточной Европы. К сожалению, между ее написанием и выходом в свет прошло много времени. Рукопись книги была уже готова в 1971 г. Ее окончательный вариант был завершен, вероятно, в конце 1972 — начале 1973 г., судя по тому, что последние работы, включенные в библиографию книги, относятся к 1972 г. За истекшие с тех пор пять лет проводились новые раскопки и разведки, в том числе и авторами монографии, в результате которых были получены новые и важные материалы, вышли новые книги⁸ и статьи по той тематике, которой посвящена книга. В таких случаях авторы поступают по-разному: одни стараются дополнить и переработать свой текст, другие, как например И. Бона⁹, в конце каж-

¹ Об изданиях Института археологии ВАН см. подробнее: *Титов В. С., Эрдели Н.* Современная организационная структура археологии в Венгерской Народной Республике.— *СА*, 1973, № 3.

² *Kalicz N.* Die Frühbronzezeit in Nordostungarn.— *АН*, XLV. Budapest, 1968.

³ *Kalicz N.* Die Pécelér (Badener) Kultur und Anatolien.— *StA*, II. Budapest, 1963.

⁴ *Kalicz N.* Clay Gods. The Neolithic Period and Copper Age in Hungary. Budapest, 1970.

⁵ *Калиц Н.* Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестностей Будапешта.— *СА*, 1976, № 2.

⁶ *Makkay J.* Zur Geschichte der Erforschung der Körös — Starčevo — Kultur und einigen ihrer wichtigsten Probleme.— *ААН*, № 21. Budapest, 1969; *idem.* «Das Frühe Neolithikum auf der Otzaki Magula» und die Körös — Starčevo — Kultur.— *ААН*, № 26, 1974; *idem.* Problems concerning copper age chronology in the Carpathian Basin.— *ААН*, № 28, 1976.

⁷ *Makkay J.* Die balkanischen sog. kopflosen Idole. Ihr Ursprung und ihre Erklärung.— *ААН*, № 14, 1962; *idem.* Adatok a péceli (badeni) kultúra vallásos elképzeléséhez.— *АЕ*, № 90, 1963; *idem.* Early Near Eastern and South European Gods.— *ААН*, № 16, 1964.

⁸ Например: *Vizdal J.* Zemplín v mladšej dobe kamennej. Košice, 1973; *Lichardus J.* Studien zur Bükker Kultur.— In: Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, Bd 12. Bonn, 1974.

⁹ *Bóna I.* Die mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen.— *АН*, II, 1975.

дой главы своей книги помещают небольшой раздел с итогами рассмотрения новых данных, полученных с момента окончания работы над рукописью и передачи ее в издательство, трети оставляют текст рукописи без значительных изменений, хотя позиция авторов могла уже измениться. Н. Калиц и Я. Маккаи, по-видимому, избрали этот последний путь. Тем труднее положение рецензента, поскольку ему иногда, возможно, придется говорить о взглядах, которые в действительности уже изменились, и возражать против позиций, которых уже не придерживаются.

Монография начинается с предисловия (с. 9, 10), в котором авторы указывают на значительное увеличение объема материалов по линейно-ленточной керамике Восточной Венгрии с момента появления в 1929 г. широко известной книги Ф. Томпы «Ленточная керамика в Венгрии»¹⁰. Новые материалы нуждаются в публикации, и этим целям в значительной степени посвящена рассматриваемая работа. Многие материалы, вошедшие в монографию, получены самими авторами в ходе археологических исследований за последние 20—25 лет. Однако, как подчеркивают авторы, изучение экономических и общественно-исторических проблем раннего и среднего неолита Алфёлда является задачей будущего.

В разделе «История изучения» (с. 11—17), отправной точкой которого является книга Ф. Томпы, авторы останавливаются на исследованиях, проведенных венгерскими археологами в 30—60-х годах XX в. в области среднего неолита, а именно на важных работах Я. Баннера в районе г. Ходмезёвашархей и Ш. Галлуса в районе Тальи, на взглядах Й. Чалого и И. Куциан, раскопках Й. Корека и П. Патаи и на статьях некоторых словацких археологов по вопросам, так или иначе связанным с линейно-ленточной керамикой в восточной части Карпатского бассейна. В заключение раздела Н. Калиц и Я. Маккаи формулируют свое представление о культуре линейно-ленточной керамики на Большой Венгерской низменности (Алфёлде) следующим образом: «...специфическая керамика с линейно-ленточными узорами, встречающаяся в Карпатском бассейне между Дунаем и Семиградьем, принадлежит к одной культуре, которая должна быть названа линейно-ленточной керамикой Большой Венгерской низменности (Алфёлда)» (с. 17). Далее авторы подчеркивают, что этот термин объединяет все то, что другие исследователи называли керамикой протобюкк, восточнословацкой и восточнокарпатской линейной керамикой. Далее Н. Калиц и Я. Маккаи включают в него и «...те локальные группы, в материале которых продолжают жить далее еще элементы и традиции АЛК¹¹, но которые, однако, показывают также уже отклоняющиеся черты» (с. 17). Имеются в виду группы Тисадоб, Бюкк, Силмег, Эстар. Особое место, по мнению авторов, занимает только группа Сакалхат, на которую при ее возникновении воздействовали более сильные западные и южные влияния.

Такая концепция культуры АЛК представляется недостаточно четкой и содержащей некоторые противоречия. Одно из них выступает уже в вышесказанном: если группы Тисадоб, Силмег, Бюкк и Эстар являются частью АЛК, то как в их материалах могут продолжать жить далее элементы АЛК?! Очевидно, авторы пользуются двумя разными понятиями — культура АЛК в широком и в узком смысле. Группа Силмег не обнаруживает в своей керамике даже самых типичных признаков линейно-ленточной керамики, как линейная орнаментация, не говоря уже о формах сосудов. Между тем авторы включают ее в культуру АЛК. Группа Сакалхат имеет очень типичную ленточную орнаментацию, но эту группу авторы «рассматривают особо». Далее при столь широком понимании культуры АЛК невозможно вывести общие черты, свойственные всей культуре, в керамике, ее формах, технике и системе орнаментации. Культура АЛК в широком смысле слова — это скорее

¹⁰ *Tompa F. Die Bandkeramik in Ungarn.* — АН, V—VI, 1929.

¹¹ Калиц и Маккаи в своей монографии используют сокращение AVK венгерского термина «alföldi vonaldiszes kerámia». Оно не объяснено в тексте и, поскольку в остальных случаях используется немецкий термин «Linienbandkeramik», остается непонятным. Сам термин «линейно-ленточная керамика Алфёлда» представляется не вполне удачным, поскольку лента как таковая в данной культуре появляется

(хотя бы по топонимии) не производится, а количество дворов в XVI в. не дает права высчитывать механически дворы домонгольского города — их разделяют 400 лет! (с. 33). О достоинствах и недостатках описаний раскопок автора уже сказано и еще будет речь впереди. Здесь отмечаем лишь излишнюю схематичность приводимых (и в малых количествах) планов. Возможно, это происходит от масштаба, в котором сделаны оригиналы — 1/40 вместо общепринятого 1/20 или 1/10 (см. рис. 19, 21, 25).

Разделы о культуре древнего Полоцка оставляют желать лучшего. Крест Евфросиньи 1161 г. знаменит как в русском искусстве, так и в истории русского ремесла. Стоящая на нем дата, надписи, имя мастера — все это ставит его в число перворазрядных ценностей Руси. Ему здесь уделено несколько строк и отмечены лишь черты, «доказывающие», как считает автор, его местное происхождение (орнаментальные розетки «свойственны» ювелирным изделиям, «производимым в Полоцке» — каким? — доказательств нет). Сейчас выяснено, что Богша был знаменитым киевским ювелиром¹⁰. Столь же бегло описываются и другие памятники культуры, среди которых речь идет и о Борисовых и Роговолодом камнях, имеющих к теме лишь опосредственное отношение. Наличие граффити (они почти неизвестны!) свидетельствуют, оказывается, о грамотности не только верхов, но и ремесленников и простых горожан (с. 117).

В Полоцке известно свыше десятка великолепных памятников архитектуры, начиная с середины XI в. и до 70-х годов XII в. Специально архитектурными памятниками Г. В. Штыхов не занимался, однако у него есть довольно обстоятельная статья об архитектуре Полоцка, написанная в основном по материалам И. М. Хозе-рова. Однако здесь автор предлагает лишь краткие, почти популярные выжимки из нее, без всяких попыток историко-культурных выводов. Здесь он даже не использует цитированную им выше работу В. Л. Янина о «матриархате», где есть уникальные наблюдения над наименованиями полоцкой церкви-усыпальницы в Евфросиньевском монастыре (Преображенская), раскопанной М. К. Каргером. О многом можно было бы при желании сказать, и прежде всего о местной школе зодчих, существование которой доказывается уже упорным нежеланием полоцких мастеров переходить вслед за всей Русью к новой технике порядовой кладки. Кладка с утопленным рядом, ненужная при новой технике производства плитф, держится в обособившейся политической Полоцкой земле весь XII в., а при усилившемся влиянии на Полоцк Смоленска (не наоборот!) в конце XII в. неожиданно переходит и в этот город (церковь Архангела Михаила, конец XII в.). В Смоленск и другие земли Руси переходит и идея строительства трехпритворных храмов, один из первых образцов которых был возведен в полоцком Бельчицком монастыре в начале XII в. На многие мысли наводит изучение культуры Полоцка, но в специально посвященной «древнему Полоцку» книге их почему-то нет. Лишь пассивный пересказ общеизвестного... Повторяю, вина здесь лежит не целиком на авторе: нельзя было такой капитальной и важной для истории Белоруссии теме отводить подобно древнему Волковыску 10 п. л., но вина автора в неверном, на мой взгляд, планировании изложения в сложных условиях, в которых он оказался.

Книга П. Ф. Лысенко имеет ряд несомненных достоинств: впервые публикуются исторические данные о ряде городов Турово-Пинской земли, которые почти целиком получены самим автором путем многолетних исследований. Не все его выводы могут быть приняты, так как многие раскопки носили предварительный и часто мизерный характер, однако о четырех городах земли получены вполне убедительные данные (Туров, Пинск, Давид-Городок, Слуцк). К сожалению, как и в предыдущем издании, П. Ф. Лысенко ведет повествование не комплексно — снизу вверх, а наоборот, что затрудняет знакомство с общей картиной истории поселения, однако во всех четырех случаях ставится вопрос о происхождении города, что чрезвычайно ценно. Приходится пожалеть, что эта тема начинается каждый раз не с археологического рассмотрения округа, в которой возник центр (что можно было бы изучить, хотя бы по скопленню и характеру курганов), а с общих рассуждений (однажды, правда, и об округе Турова в самом общем плане — с. 9) о плодородности

¹⁰ Макарова Т. И. Перегородчатые эмали древней Руси. М., 1975.

окружающих почв, наличии торговых путей (Пинск, см. с. 117), политической обстановке (Давид-Городок, с. 141, 142) и т. д. На с. 9, 34, 117 говорится о большой роли путей сообщения в образовании многих туровопинских городов, однако в конце книги отмечается, что города Турово-Пинской земли от основных торговых путей были удалены (с. 181, 191). Если автор разработал карту торговых коммуникаций, хотя бы по находкам монетных кладов и отдельных монет, это недоразумение не возникло бы, а многое могло бы значительно проясниться.

П. Ф. Лысенко удалось обнаружить в архивах план Пинска 1774 г., по которому удалось установить со всей определенностью действительное место расположения детинца этого города. Ведшая ранее в Пинске раскопки Т. В. Равдина видела его совсем в ином месте. Четкое представление о топографии древнего города позволило автору верно выбрать места раскопок, как и места, которые необходимо держать под постоянным археологическим наблюдением при строительных работах в Пинске. Получен интересный разрез сохранившейся части вала и рва окольного города, автору удалось проследить даже деревянные конструкции оборонительных сооружений домонгольского времени, выяснить планировку и характер построек в древнем городе (где сохраняется дерево), как на детинце, так и в окольном городе.

Давид-Городок исследовался в 30-х годах Р. Якимовичем; обнаруженная им при раскопках уникальная деревянная церковь, остатки построек и некоторые вещи кратко описаны в популярной книжечке, изданной в Пинске. Материалы (вещи, фотографии раскопок), как я выяснил, хранятся в Варшавском музее и архиве, документация же утрачена. Опрос местных жителей позволил П. Ф. Лысенко удачно «привязаться» к раскопу Р. Якимовича и фактически продолжить его работы. Остается пожалеть, что до выхода книги автору не удалось ознакомиться с варшавской коллекцией и отразить в своих исследованиях материалы раскопок своего предшественника. Вывод, что город возник в начале XII в. как феодальная усадьба Давида Игоревича, по-видимому, справедлив (с. 141, 142).

К сожалению, вопрос о происхождении Слуцка и о характере его первоначального поселения решается П. Ф. Лысенко на столь ограниченном материале (раскоп 6×6 м с 2-м глубины был еще более уменьшен — до 18 м²!), что его выводы, основанные на отсутствии предметов вооружения, снаряжения всадника и коня в предматериковом слое, не убедительны. Непонятно почти полное умолчание автора о его интереснейших работах последних лет в Бресте (с 1968—1970 гг. проводятся ежегодно), о которых сам автор неоднократно сообщал в печати. Нет в исследовании П. Ф. Лысенко, с моей точки зрения, и решения некоторых общих вопросов: о соотношении в городах Туровщины детинца, окольного города и посада, выяснения (более фундированного), каким населением они были заселены. Подкупает в выводах автора отсутствие декларативности, отчетливое понимание того, что многое окончательно не может быть решено на малом еще материале, но некоторые общие вопросы все же ставить и по возможности разрешать уже следовало.

Я. Г. Зверугу сравнительно с другими авторами в лучшем положении. Маленький Волковыск легче втиснуть в прокрустово ложе 10 п. л. (хотя это и для такой темы маловато). Пользуясь указанной «привилегией», автор досконально исследует свой материал, доводя детализацию иногда даже до излишнего (размеры предметов, часто имеющих на рисунках масштаб — например, на с. 35). Пристальное внимание Я. Г. Зверуги к деталям, пожалуй, мешает ему взглянуть на все раскопанное в Волковыске с «птичьего полета», соотнести историю этого города с историей других городов Руси, что здесь и следовало бы сделать, так как листаж особенно не лимитировал автора. Хотелось бы, чтобы в разделе о культуре автор вышел за рамки чистой конкретности (раз найдены писала, значит была грамотность; то же о церкви на городище и т. д.); взглянул на Волковыск глазами ученого, изучающего историю древней Руси вообще (я не говорю о «вписании» города в округу, что, по мнению автора, сделать «представляется невозможным» (?), с. 137). Книга Я. Г. Зверуги представляет собой сравнительно хорошее руководство по волковыским древностям, но тогда почему же книга названа столь «широко»?

В целом же книги Г. В. Штыхова, П. Ф. Лысенко и Я. Г. Зверуги, при всех их недостатках, — важный вклад в археологию, для исторической же интерпретации изучаемых городов этих исследований, к сожалению, еще недостаточно.

Хроника

VII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (ЧЕРКЕССК, 1977 г.)

12—16 апреля 1977 г. в г. Черкесск (Карачаево-Черкесская автономная область, Ставропольский край) состоялась очередная региональная конференция по археологии Северного Кавказа, посвященная памяти Е. И. Крупнова. В работе конференции приняли участие археологи Москвы, Киева, Ставрополя, Краснодара, Новороссийска, Северной и Южной Осетии, Абхазии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Дагестана и Чечено-Ингушетии. За время работы прочитано 35 докладов по вопросам древнейшей, древней и средневековой археологии Северного Кавказа.

Первый день работы конференции был посвящен специально запланированной теме — проблемам урбанизации. Было заслушано и обсуждено шесть докладов (Х. Х. Биджиев, В. А. Кузнецов, В. Г. Котович], И. М. Чеченов, А. А. Кудрявцев, В. Б. Ковалевская). Х. Х. Биджиев (Черкесск) остановился на истории и последних результатах исследования Хумаринского городища. В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) посвятил свой доклад общей характеристике и структурным особенностям Нижнеархызского городища. Докладчик особо подчеркнул важность географического расположения городища на скрещении перевальных путей, что в немалой степени способствовало его росту и значению как одного из центров древней Алании X—XIV вв.

В. Г. Котович (Махачкала) в докладе «О процессе урбанизации в древнем Дагестане» предложил опыт реконструкции процесса формирования древних городов на указанной территории. На основе изучения ряда городищ, таких, как Новая надежда, Бавтугайское, Махачкалинское, Урцекинское, Таргу и др., В. Г. Котович считает возможным ставить вопрос о существовании в Дагестане древних городов «как особой исторической категории, сложившейся в ходе социально-экономического развития местного общества, основанного на земледелии». Им выделено четыре последовательных этапа урбанизации в Дагестане, от поселений «протогородского типа начала I тысячелетия до н. э.» до развитых средневековых городов.

Доклад И. М. Чеченова (Нальчик) «Нижний Джулат как раннефеодальный город» посвящен характеристике Нижне-Джулатского городища и причинам, способствовавшим формированию на Тереке этого средневекового города. По мнению докладчика, структура города, его планировка отражают последовательное заселение укрепленной территории, а также его формирование сначала как центра родовой общины на рубеже нашей эры, позднее постепенно развивающегося в раннефеодальный город с полиэтничным населением.

А. А. Кудрявцев (Махачкала) в докладе «Этапы становления средневекового города (по материалам Дербента)» проследил пути сложения крупного феодального города. Основываясь на анализе материалов многолетних раскопок, докладчик выделяет три этапа становления Дербента как крупного военно-политического центра. По мнению А. А. Кудрявцева, уже в раннесасанидский период складывается двухчастная структура города, причем он превращается из военно-административного центра в торгово-ремесленный. На втором (VIII—X вв.) и третьем (XI—XII вв.) этапах Дербент предстает уже как крупный развитый торгово-ремесленный город и важный транзитный пункт на пути с запада на восток.

В. Б. Ковалевская (Москва) представила доклад «Основные итоги и задачи изучения раннесредневековых поселений Карачаево-Черкесии», где изложен опыт изучения одного микролокального района. На примере Малокарачаевского района Ставропольского края прослежена система создания раннесредневековых поселений, характер их группировок в основном по долинам рек в местах, близких к торговым и скотопрогонным путям. Важной частью доклада оказалось изложение результатов раскопок на поселении «Указатель» по р. Аликоновке близ Кисловодска. Материалы из слоя позволяют определить время появления в этих районах тюркского элемента VIII—IX вв. и прояснить спорные вопросы алаано-болгарских отношений.

По докладам первого дня выступили В. И. Марковин, В. Г. Котович, М. Х. Багаев, В. А. Кузнецов. Всеми отмечена важность разработки проблемы истории городов на Северном Кавказе. В. А. Кузнецов указал, что процесс возникновения городов на Кавказе, протекая в том же русле, что и в Европе, имел свои специфические особенности. Специфика заключалась в том, что в отличие, например, от античных городов они вырастали из родовых поселков. Кроме того, долго сохранялся их полуаграрный характер, обусловленный долгим сохранением патриархально-родовых отношений. В. Г. Котович, соглашаясь с тем, что в общих чертах процесс становления городов был единым, тем не менее подчеркивал в своем выступлении, что этот процесс протекал в разных частях Северного Кавказа далеко не одинаково. По его мнению, это обусловлено различием в хозяйственном укладе, что прослеживается в материалах оставленных городищ. На северо-западе Кавказа памятники свидетельствуют об оседло-земледельческом характере населения. На северо-востоке открыты памятники с зачатками укреплений городского типа. В центральной части Кавказа сложение городов шло более медленными темпами, и они оформились позднее здесь, чем в других местах региона. Ранее всех поселения с зачатками укреплений городского типа, по мнению В. Г. Котовича, сложились на северо-востоке. В связи с дискуссией об отождествлении некоторых известных в источниках названий городов и имеющихся в наличии городищ, В. И. Марковиным был поднят вопрос о чрезвычайно спорном отождествлении В. Б. Виноградовым Алханкалпского городища в Чечено-Ингушетии с древним городом Магасом. Сомнения в этой идентификации отразились в выступлениях М. Х. Багаева и В. А. Кузнецова. В. А. Кузнецов указал на ценность раскопанных В. Б. Ковалевской на городище «Указатель» остатков юрты — важного свидетельства симбиоза болгаро-аланской культуры в изучаемом районе.

На второй день заседаний заслушано 10 докладов по раннесредневековой тематике и проблемам бронзового века Кавказа. Доклад Е. П. Алексеевой (Черкесск) «Происхождение абазин и расселение их в средние века» был посвящен абазинам и абхазам — близкородственным народам, заселявшим территорию современной Абхазии и восточное побережье Черного моря. По мнению докладчика, предки абхазов и абазин проникли на северные склоны Кавказского хребта еще в III—II тысячелетиях до н. э. (дольмены Закубанья). В более позднее время с этим населением связаны погребения с трупосожжениями V—XV вв. В VII—XII вв. абазины проникли в Закубанье; в VIII—IX вв. отдельные протоабазинские группы по Клухорскому перевалу проходили в Карачаево-Черкесию. В XIII—XIV вв. и до XVII в. началось массовое переселение абазин (тапантовцев, шакурцев) на Северный Кавказ.

Доклад М. Г. Магомедова (Махачкала) и М. П. Абрамовой (Москва) «К вопросу о происхождении раннесредневековой культуры Северного Дагестана» подводил некоторые итоги исследования керамики Андреяульского городища в Приморском Дагестане. Представлена попытка воссоздания процесса формирования культуры раннесредневековых памятников, связанных с формированием Хазарского каганата. Стратиграфия городища и генезис керамики, по мнению докладчиков, свидетельствуют о единой непрерывной линии развития местной культуры, «которая лишь модифицировалась в последующих этапах». Наиболее ранние слои городища и могильники, расположенные рядом, уходят во II—III вв. н. э. Отложения верхних слоев связаны с хазарским периодом и находят «неслучайные параллели в памятниках салтово-маяцкой культуры». Основа культуры Андреяульского городища оказалась местной, «развившейся под влиянием культурных традиций Кавказской Албании». Доклад М. Н. Ложкина (ст. Отрадная Краснодарского края) «Новые историко-архитектурные памятники в Отраденском районе Краснодарского края» был посвящен исследованию двух раннехристианских часовен X—XII вв. в верховьях Кубани. По планировке и некоторым строительным и архитектурным деталям эти памятники близки сооружениям Нижне-Архызского городища. Г. Х. Текеев (Черкесск) сообщил о раскопках 1976 г. раннесредневекового городища «Амгата» близ аула Нижняя Теберда. О древностях Хумаринского района в Карачаево-Черкесии доложил С. Д. Мастепанов (Черкесск). Им обследованы оборонительные сооружения в округе городища Хумара, а также многочисленные и разновременные могильные сооружения (катакомбы, грунтовые могилы, менгиры) и пункты отдельных находок.

Докладом У. Э. Эрдниева (Элиста) «Об идеологических представлениях племен катакомбной культуры» была начата серия докладов по теме бронзового века Северного Кавказа. Доклад посвящен отдельным археологическим находкам, свидетельствующим о религиозных представлениях у племен катакомбной культуры с территории Калмыкии. В известной степени с этим сообщением перекликался доклад В. М. Котович (Махачкала) «К вопросу о календарных знаках и счете времени у древних охотников горного Дагестана». На основе изучения наскальных рисунков пещеры Чинна-Хитта и Чувал-Хвараб В. М. Котович высказала мнение о существовании представлений о счете времени по лунному календарю у населения Дагестана с эпохи мезолита. Об интересных результатах раскопок 1976 г. курганов майкопской культуры около аула Кубина в Карачаево-Черкесии сообщил Х. Х. Биджиев (Черкесск). Докладом О. М. Давудова (Махачкала) «О возникновении склепов в Дагестане в скифский и албано-сарматский периоды» и сообщением П. А. Дитлера (Майкоп) и А. М. Ждановского (Краснодар) «Новый памятник раннего железного века Прикубанья» завершился второй день работы конференции.

В прениях по докладам второго дня выступили Ю. Н. Воронов, А. В. Дмитриев, В. Б. Ковалевская, В. Г. Котович, В. И. Марковин, А. Л. Нечитайло, И. М. Чеченов и У. Э. Эрдниев. Выступавшие отметили большой интерес доклада Е. П. Алексеевой, но не все в этом сообщении показалось убедительным. Вряд ли возможно только с тюрками связывать обряд трупосожжения (В. Б. Ковалевская, А. Д. Дмитриев), так как он не всегда является этническим показателем (Ю. Н. Воронов). В. Г. Котович, выступая по докладу М. Г. Магомедова и М. П. Абрамовой, согласился с основной мыслью докладчиков, но все же указал на отсутствие, с его точки зрения, убедительных данных, доказывающих непрерывность керамической традиции в слое Андрейаульского городища. По его мнению, при сравнении нижних и самых верхних слоев ощущается разрыв керамической традиции. Выступавшие по докладу У. Э. Эрдниева высказали пожелание о более тщательном и осторожном подборе аналогий (В. И. Марковин, И. М. Чеченов). А. Л. Нечитайло выразила несогласие с У. Э. Эрдниевым в вопросе происхождения катакомбной культуры, которую докладчик склонен выводить с Кавказа. А. Л. Нечитайло и В. И. Марковин обратили внимание Х. Х. Биджиева на «срубидные» элементы в его новых материалах из аула Кубина. Выступавшие единодушно расценили как особо выдающееся событие раскопки П. А. Дитлером и А. М. Ждановским меотского кургана IV в. до н. э. с остатками конских захоронений, многочисленным оружием, панцирем и предметами античного импорта (гемма и сосуды).

Из 11 докладов третьего дня заседаний большинство было посвящено проблемам раннего железного века Северного Кавказа. Доклад В. И. Козенковой (Москва) «К вопросу о границах западного варианта кобанской культуры» был посвящен уточнению ареала западной группы Кобани. На основе картографирования материалов кобанского облика (керамики, комплексов могил и отдельных находок) в докладе поставлен вопрос о неправомерности термина «прикубанская культура» применительно к верховьям Кубани. Анализ комплексных находок, пересмотр старых материалов и новейшие историко-металлургические изыскания дают, по мнению В. И. Козенковой, серьезные основания рассматривать Верхнюю Кубань в начале I тысячелетия до н. э. и до V—IV вв. до н. э. как район западного варианта кобанской культуры, а в металлургическом аспекте как один из западных периферийных очагов металлообработки на ее территории.

Б. В. Техов (Цхинвал) посвятил свой доклад «К вопросу об определении южной границы кобанской культуры» анализу новых находок из Юго-Осетии, в основном Стырфазского могильника, позволивших уточнить южную границу кобанской культуры по среднему течению Большой Лиахвы. Именно здесь, по мнению Б. В. Техова, прослеживается контактная зона кобанской культуры с культурой внутренней Картли и восточной Грузии вообще.

В докладе С. Л. Дударева (Грозный) «К интерпретации некоторых комплексов VII в. до н. э. из Пятигорья» предпринята попытка уточнения времени и условий появления предметов скифских типов в памятниках кобанской культуры района Пятигорска и Кисловодска.

А. Л. Нечитайло (Киев) в докладе «Новые памятники прикубанской культуры у истоков Теберды» проанализировала некоторые комплексы из разрушенных могильников в бассейне рек Домбай-Ульген и Алибек. Дата этих комплексов определена ею VI—V вв. до н. э.

Доклад Н. Л. Членовой (Москва) «Раскопки памятника Султан-гора III под Кисловодском» посвящен предварительной интерпретации новых памятников на Султан-горе. Особо примечательно открытие погребальных сооружений первой половины VI в. до н. э. типа каменных оград из песчанниковых плит вокруг нескольких каменных ящиков. Внутри ограды имелись каменные отомстки. По мнению Н. Л. Членовой, погребения оставлены смешанным скифо-кобанским населением. Слой поселения, подстилающий могильник, отнесен исследовательницей к VIII—VII вв. до н. э. Результатам раскопок кургана майкопской культуры в поселке Иноземцево под Пятигорском был посвящен доклад В. Г. Петренко (Москва). Доклад В. И. Марковина (Москва) «Из опыта изучения Сентинского храма и его раскопки в 1976 году» ознакомил слушателей с великолепными находками из южной части храма, где было обнаружено богатое средневековое захоронение с 15 золотыми украшениями. Многие из них византийского происхождения.

Интересные материалы из погребения гуниского времени близ с. Кишпек (Кабардино-Балкарская АССР) были продемонстрированы Р. Ж. Бетровым (Нальчик). В докладе Ю. Н. Воронова (Сухуми) «Из истории перевальных путей, связывавших Восточное Причерноморье с Северным Кавказом» были рассмотрены важнейшие свидетельства о путях через перевалы Псеашхо, Санчар, Марух и Кодор. По мнению докладчика, функционирование большинства из них фиксируется с эпохи средней бронзы, а Кодорского — с III тысячелетия до н. э. Герзеульской крепости в Абхазии как одному из оборонительных узлов Клухорского перевального пути посвятил сообщение О. Х. Бгажба (Сухуми).

Исследование этой крепости позволило впервые получить интересные данные об организации обороны Клухорского перевала в раннем средневековье. А. В. Дмитриев (Новороссийск) сделал сообщение о реконструкции седла гуниского времени на основе материалов из района Новороссийска.

В дискуссии по докладам третьего дня приняли участие Ю. Н. Воронов, А. В. Найденко, В. Г. Котович, И. М. Чеченов, В. И. Марковин, А. В. Дмитриев, В. И. Козенкова, Б. В. Техов, Н. Л. Членова, В. А. Кузнецов, С. Л. Дударев, М. Х. Багаев, В. Б. Ковалевская. Активно прошло обсуждение докладов по кобанской тематике. Аргументированность точки зрения В. И. Козенковой о так называемой прикубанской культуре и о принадлежности верхнекубанских древностей эпохи поздней бронзы — раннего железного века к кобанской культуре поддержали Ю. Н. Воронов, А. В. Найденко, В. Г. Котович, Н. Л. Членова, В. И. Марковин, Б. В. Техов и С. Л. Дударев призвали докладчика к осторожности в общей оценке материалов и к необходимости ориентации на полноценные источники по данному вопросу. Выступившие по докладу Б. В. Техова, Ю. Н. Воронов, А. В. Найденко, В. Г. Котович, И. М. Чеченов, В. И. Козенкова в целом поддержали его точку зрения о южной границе кобанской культуры. Однако прозвучали пожелания более обстоятельной аргументации хронологии и периодизации ряда комплексов из Тли и Стырфаза (В. Г. Котович, В. И. Козенкова).

Не менее оживленно прошло обсуждение одного из важных аспектов кобанской тематики, прозвучавшего в докладах С. Л. Дударева и Н. Л. Членовой: о взаимодействии местной и скифской культур, о качественном вкладе последней в культуру второго этапа Кобани и о возможности выделения собственно скифских памятников на Северном Кавказе. По поводу некоторых положений доклада С. Л. Дударева прозвучали пожелания более основательной аргументации конкретными материалами. В частности, относительно интенсивного использования перевалов скифами (Ю. Н. Воронов, В. Г. Котович, Б. В. Техов, В. И. Марковин, М. Г. Магомедов) и о датировке некоторых западнокубанских комплексов (В. И. Козенкова, Н. Л. Членова). Н. Л. Членова предостерегла исследователя от механического привлечения некоторых дальних аналогий (тагарские зеркала) для хронологических построений. Положительную оценку получили в выступлениях Ю. Н. Воронова, А. В. Дмитриева, Б. В. Техова, С. Л. Дударева, В. И. Козенковой новые раскопки Н. Л. Членовой, благодаря которым значительно обогатились представления о погребальном обряде кобанских племен в районе Кисловодской котловины. Большую значимость материалов из раскопок В. Г. Петренко в Иноземцево отметили И. М. Чеченов и В. И. Марковин. Этот курган относится ко второму этапу майкопской культуры и не уступает по значимости Нальчикской гробнице. Реконструкция седла гунинского времени, предложенная А. В. Дмитриевым, была положительно оценена В. А. Кузнецовым и В. Б. Ковалевской. М. Х. Багаев обратил внимание докладчика на находку близких деталей седла в северо-восточной Чечне. Выступая по докладу Ю. Н. Воронова, В. И. Марковин посоветовал докладчику в дальнейшем картографировать данные о перевальных путях и сопоставить их с известными этнографическими материалами о скотопрогонных путях через Кавказский хребет. Отмечая большой интерес погребения у сел. Кишпек, раскопанного Р. Ж. Бегрозовым, В. А. Кузнецов, В. Б. Ковалевская и М. Х. Багаев высказали мнение, что оно относится к эпохе переселения народов и может быть датировано V—VI вв. В. А. Кузнецов, выступая по поводу блестящих находок В. И. Марковина в Сентинском храме, согласился с предложенной докладчиком датой захоронения и привлеченным аналогиями. По мнению В. А. Кузнецова, этот памятник необходимо изучать в комплексе с мавзолеем V—X вв., расположенным вблизи храма. В. А. Кузнецов обратил внимание докладчика на грузинские ремни-сценции в росписях Сенты.

Последний день заседаний был посвящен в основном средневековой тематике. Заслушано 8 докладов. Доклад Н. В. Анфимова (Краснодар) был посвящен памятникам Черноморского побережья (Сопинский могильник и крепость в сел. Ново-Михайловское). Погребальный инвентарь из могильника, а также керамика из обоих памятников близко сопоставимы, по мнению докладчика, с уже известными материалами из могильников этого же района (Агейский, Небугский, Борисовский), Прикубанья (Пашковский I, Елизаветинский II) и из закубанских городищ Адыгей. Единство культуры всей группы, а также известные исторические свидетельства о расселении племен на данной территории в эпоху раннего средневековья позволили Н. В. Анфимову относить рассматриваемые памятники к зихам.

Во втором докладе А. В. Дмитриева «О раннем этапе могильника Дюрсо» сообщалось о материалах V—VIII вв. н. э. По погребальному обряду (трупосожжение) и инвентарю, а также по данным письменных источников докладчик склонен относить раннюю группу могил к крымским готам, возможно, готам-тетракситах Прокопия Кесарийского. Детали конской сбруи и седел, мечи с широкими перекрестиями свидетельствуют о тесных контактах указанной группы с гуннами.

В докладе Г. Е. Афанасьева (Москва) «К вопросу об общественном устройстве раннесредневекового населения Северного Кавказа» предпринята попытка на основе топографии могил в катакомбном могильнике «Мокрая балка» под Кисловодском и по данным поселений уловить формы патронимии, существовавшей у населения этого района. По мнению докладчика, на протяжении 10 поколений. Выводы, сделанные на материалах «Мокрой балки» подтверждаются, с точки зрения Г. Е. Афанасьева, и материалами скальных могильников.

В докладе В. М. Батчаева (Нальчик) «О многоугольных склепах Северного Кавказа» выдвинута гипотеза о происхождении наземных многоугольных склепов с пи-

рамиально-шатровым перекрытием. Докладчик сторонник точки зрения рассматривающей указанные склепы как реминисценцию многоугольных жилищ, характерных для кочевников на стадии перехода к оседлости. Появление этих склепов связывается, в частности, с предкавказскими тюрками — половцами. В XIII—XIV вв. они имели близкие по плану жилища. Приблизительно в это же время, по мнению В. М. Батчаева, возникли многоугольные склепы, сочетавшие в себе своеобразную форму и элементы горской архитектуры. О новых материалах XIV—XVII вв. из кабардинских курганов у сел. Чегем II (Кабардино-Балкарская АССР) доложил А. Х. Нагоев (Нальчик). Докладчик заострил внимание на признаках, свидетельствующих о влиянии половецкой кочевнической культуры на кабардинскую (погребальные ямы с уступами, балбалообразные камни в насыпи). О погребальном комплексе VII—VIII вв. из сел. Чишки (Чечено-Ингушская АССР) рассказал М. Х. Багаев (Грозный). Найденные здесь поясные накладки, пряжки, украшения и сосуды сохранили черты местной, аланской и салтовомаяцкой культур. О разведках последних лет экспедиции исторического факультета МГУ в верховьях Кубани (ущелья Индыша, Аманкола и др.) сообщили в своем докладе Я. А. Федоров и У. Ю. Эльканов. Разведенные средневековые памятники (городища, скальные катакомбы, наземные и полуподземные гробницы и подземные склепы) относятся к западному варианту аланской культуры Северного Кавказа. В. Я. Сергин (Москва) в докладе «Раскопки В. А. Городцова и вопрос о палеолитическом жилище в Ильской» высказал мнение о недостоверности данных о наличии остатков жилища в Ильской стоянке. По тематике докладов последнего дня выступили А. В. Дмитриев, В. И. Марковин, В. Б. Ковалевская, Г. Е. Афанасьев, В. А. Кузнецов, Х. Х. Биджиев, Керейтов, В. М. Батчаев. Важность доклада Н. В. Анфимова отметили А. В. Дмитриев и В. Б. Ковалевская. Соглашаясь с точкой зрения докладчика о принадлежности Солинского могильника зихам, А. В. Дмитриев относит смешанный характер его материалов за счет влияния крымских готов. На значимость материалов из могильника «Дюрсо» для решения вопроса о сложении адыгской народности указали Н. В. Анфимов, В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов. Принимая точку зрения А. В. Дмитриева о большой роли в сложении культуры могильника готов-тетракситов (украшения, тип костюма), в то же время все выступавшие высказались против излишней категоричности и прямолинейности, прозвучавшей в докладе в отношении этнической (готской) интерпретации материалов. Нельзя исключить в такого рода памятнике и полиэтничность (В. А. Кузнецов), тем более что керамика в нем не готская, а местная (Н. В. Анфимов). Об актуальности доклада Г. Е. Афанасьева говорили В. И. Марковин и В. Б. Ковалевская. Не подвергая сомнению логичность и серьезность выводов докладчика, выступавшие отмечали недостаточность материалов. Оживленно обсуждался доклад В. М. Батчаева. Выступившие по нему В. И. Марковин, В. Б. Ковалевская, Х. Х. Биджиев, Керейтов высказались за возможность постановки вопроса в плане, предложенном докладчиком, но в то же время указали, что предположение о том, что прототипом многоугольных склепов была юрта, можно рассматривать лишь как гипотезу, как один из вариантов подхода к вопросу. Скептическое отношение к построениям В. М. Батчаева прозвучало в выступлении В. А. Кузнецова. Существенным аргументом, противоречащим гипотезе В. М. Батчаева, является, по мнению В. А. Кузнецова, тот факт, что в Тагаурии (Осетия) тюрков не было, а многоугольные склепы есть. Возражая В. А. Кузнецову, Х. Х. Биджиев и Керейтов привели данные о пребывании ногайцев в Осетии, впрочем, в более позднее время, чем дата многоугольных склепов.

В заключение участниками конференции была принята резолюция, подводившая итоги работы. Во время пребывания в Карачаево-Черкесии присутствовавшие ознакомились с экспозицией и фондами краеведческого музея и посетили Нижне-Архызское городище. Необходимо отметить прекрасную организацию конференции, которая могла быть осуществлена только благодаря помощи руководящих органов Карачаево-Черкесии и большой работе сотрудников научно-исследовательского института.

В. И. Козенкова

VIII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (НАЛЬЧИК, 1978 г.)

С 11 по 15 апреля 1978 г. в Нальчике состоялись очередные VIII Крупновские чтения, организованные сектором археологии Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики. Кроме археологов из автономных областей и республик Северного Кавказа в ней приняли участие представители вузов и научных учреждений Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Краснодарского и Ставропольского краев, Юго-Осетии и Абхазии. Основное внимание конференция уделила проблемам этнической истории северокавказского региона. Всего было заслушано 39 докладов.

С методологической точки зрения большой интерес вызвал доклад С. А. Арутюнова и А. М. Хазанова (Москва) «Проблема археологических критериев этнической специфики». В докладе говорится об этносах в первобытном обществе и сущности археологической культуры в связи с проблемой этнической интерпретации архео-

логического материала. Распространенное представление, что археологическая культура непременно должна соответствовать определенной этнической общности, в свете этнографических параллелей представляется не совсем верным. По мнению авторов, археологическая культура может охватывать не один, а несколько различных этносов, возможны и явления обратного порядка. Встречающиеся иногда попытки выделения этноса на основе отдельно взятых элементов культуры несостоятельны. Предостерегая от переоценки археологического материала в качестве основы реконструкций этнической карты, докладчики указали на необходимость дальнейшего совершенствования методики таких изысканий.

В докладе И. М. Чеченова (Нальчик) «Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии» содержится обзор и краткая интерпретация материалов новоэпохных экспедиций сектора археологии Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики в 1972—1977 гг. По предположению И. М. Чеченова, миграция племен майкопской культуры из Прикубанья в центральные и восточные районы Северного Кавказа происходила двумя основными потоками: в самом конце I этапа этой культуры и в конце III тысячелетия до н. э. Памятники последующих эпох свидетельствуют об инфильтрации во II тысячелетии до н. э. степняков-катакомбников в предгорные и горные районы края, а в I тысячелетии до н. э. — отдельной группы киммерийцев. Проникновение кочевников (гуннов, болгар) в предгорья Центрального Кавказа прослеживается и в средневековых памятниках (гуннский курганный могильник у с. Кишпек, Жанхотекское поселение и т. д.).

Доклад В. И. Марковина (Москва) «Памятники эпохи бронзы Кавказа и некоторые вопросы их интерпретации» был посвящен критическому разбору изданных в последние годы работ по дольменам Западного Кавказа. Существенным недостатком некоторых из этих работ докладчик считает чрезмерную широту обобщений при слабом знании авторами литературы, а также исходного материала, слабую аргументацию отдельных выводов и т. д.

С докладом «Проблемы этнической принадлежности носителей ямной и катакомбной культур в отечественной литературе» выступил У. Э. Эрдиев (Элиста). Исходя из существующего в науке представления об ираноязычном происхождении ямников и катакомбников, автор относит время распада общеарийского единства (соответствующего эпохе ямной культуры) ко второй половине III — началу II тысячелетия до н. э. Под натиском племен катакомбной культуры одна часть ариев отошла на запад, другая ассимилировалась с пришельцами. Впоследствии рост населения вынудил самих катакомбников мигрировать в поисках пастбищ в Заволжье, Приаралье, Среднюю Азию. Судя по обнаруженным на Кавказе катакомбам, движение степняков могло происходить и в южном направлении, через Дербентский и другие проходы.

Об этническом составе древнего населения Северо-Западного Кавказа говорилось в докладе Н. В. Анфимова (Краснодар) «Вопросы этнической истории синдо-меотов». Полемицируя с О. Н. Трубачевым, считающим синдо-меотов «местными праиндийцами», автор предполагает их принадлежность к кавказской языковой семье (протоадыгской ветви). Помимо письменных и археологических источников это положение аргументируется данными лингвистики, топонимики, ономастики.

Ю. Н. Воронов (Сухуми) выступил с докладом «Западнокавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа». Выделяя на территории Кавказа эпохи бронзы две основные культурные области (восточнопричерноморскую, или западнокавказскую, и западноприкаспийскую, или восточнокавказскую), автор склонен видеть в населении этих областей предков современных абхазо-адыгских и нахско-дагестанских народов. В X—VII вв. до н. э. на западном Кавказе, по его мнению, существовала единая колхидско-кобанская культура (или этнокультурная общность), северокавказские варианты которой возникли в результате миграции части колхидских племен. В пределах колхидско-кобанского ареала докладчик выделяет 12 локальных вариантов этой культуры.

Вопросы изучения проблем этногенеза по археологическим данным рассмотрены в докладе В. И. Козенковой (Москва) «Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (на материалах кобанской культуры)». По мнению автора, такими критериями могут служить традиционный для каждого памятника комплекс признаков, массовый и компактный характер распределения специфических черт культуры в пределах ареала и т. д.

В докладе Б. М. Керефова (Нальчик) «К этнической истории племен центральной части Северного Кавказа в сарматское время» предпринята попытка, привлекая новые данные, охарактеризовать процесс сарматизации центральнопредкавказских племен. Опираясь на анализ материалов, полученных в результате раскопок крупнейшего кургана-кладбища II в. до н. э. — II в. н. э. у с. Чегем II, автор высказал мысль, что долгое и тесное взаимодействие сарматов и местных племен должно было привести к ассимиляции одного из них и созданию нового этнического образования, отличного от обоих слагаемых компонентов и вместе с тем впитавшего в себя наиболее устойчивые традиции их духовной и материальной культуры.

По мнению Б. М. Керефова, открытие катакомбных захоронений II—I вв. до н. э. предполагает присутствие в Центральном Предкавказье последних веков до нашей

ры представителей северокаспийских аорсов и каких-то среднеазиатских (сако-массагетских) племен. Докладчик ставит вопрос о возможности сложения центрально-предкавказских алан в рамках аорской конфедерации племен.

В своем докладе «Хазария и Северный Кавказ» М. Г. Магомедов (Махачкала) анализирует роль хазар в сложных этнических процессах, особенно в Приморском Дагестане.

Некрополь древнего политического центра Хазарии — Верхнечирюртского городища — докладчик связывает с кочевниками-тюрьками. Верхнечирюртский курганный катакомбный могильник VII—VIII вв. связывается им с пришлой хазарской знатью. Конструктивные особенности и специфика инвентаря могильника необычны для аланских погребений и характерны для тюрок и авар Среднего Подунавья. Немаловажное значение имеют также антропологические данные верхнечирюртских катакомб и особенности погребального ритуала. В заключение отмечено, что аланы не являются единственными носителями катакомбного обряда захоронения и культуры верхнечирюртского типа на Северном Кавказе. Этот обряд в условиях Кавказа теряет свою устойчивость и исключительность. Носителями катакомбного обряда здесь выступают также тюркоязычные кочевники (гунны, савиры и хазары и т. д.), с которыми связано распространение этого обряда и в Юго-Восточной Европе.

В докладе В. М. Батчаева (Нальчик) «К этнической истории балкарцев и караевцев» охарактеризован завершающий этап формирования этих народностей, который обычно принято связывать с проникновением в высокогорные районы Центрального Кавказа группы половцев. Основное внимание докладчик акцентировал на дате и причинах, вызвавших эту миграцию: нашествие монголов в 1237—1239 гг., в результате чего часть половцев была вытеснена из степи и вынуждена заселить плоскостные районы Алании, и разгром Тамерланом алапо-половецкого населения Северного Кавказа и последовавшая за этим адыгская миграция в центральные районы края. Такая постановка вопроса расходится с тезисом Л. И. Лаврова, считавшего основной причиной миграции половцев нападение на них монголов в 1222 г. По мнению В. М. Батчаева, первое появление монголов не могло повлечь за собой столь заметные изменения на этнической карте Северного Кавказа.

В дискуссиях по докладам первого дня заседаний приняли участие К. Ф. Смирнов, М. П. Абрамова, Б. В. Техов, В. И. Козенкова, С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов, В. А. Сафронов, И. М. Мизиев, Х. Х. Биджиев. Отметив актуальность доклада С. А. Арутюнова и А. М. Хазанова, выступавшие (К. Ф. Смирнов, В. И. Козенкова) подчеркнули сложность, но небесперспективность поставленной проблемы, в разрешение которой определенный вклад должны внести археологи.

Выступая по докладу И. М. Чеченова, В. А. Сафронов отметил ценность представленных материалов: особое внимание было обращено на открытие в высокогорной зоне катакомбы эпохи бронзы, дополняющей наряду с синхронной катакомбой, раскопанной в Дигорском ущелье, традиционное представление об этнокультурной истории края во II тысячелетии до н. э.

Наиболее оживленную дискуссию вызвал доклад Ю. Н. Воронова. Выступившие в прениях Б. В. Техов и В. И. Козенкова возражали по поводу предложенной докладчиком схемы локальных вариантов «колхидско-кобанской» культуры. Б. В. Техов указал на некоторую искусственность этой схемы, в основу которой положены лишь отдельные бронзовые предметы. Что же касается бронзовой культуры Абхазии, то она выступает как совершенно самостоятельная культура. И. М. Мизиеву также показалась малоубедительной попытка Ю. Н. Воронова объединить колхидскую и кобанскую культуры в единое целое. Спорным представляется и последний тезис Ю. Н. Воронова об этнической интерпретации доантичной культуры Восточного Причерноморья. Б. В. Техов указал на неправомерность сопоставления населения этого региона только с гениохами.

При обсуждении доклада Б. М. Керефова М. П. Абрамова решительно возразила докладчику по вопросу о принадлежности центрально-предкавказских катакомб II—I вв. до н. э. сарматам, в частности аорсам, отмечая при этом местный характер этих погребений. Докладчика поддержал К. Ф. Смирнов, который заметил, что во всяком случае идея катакомбных захоронений на эту территорию была занесена сарматами.

Давая в целом положительную оценку докладу В. И. Козенковой, Б. В. Техов вместе с тем критически отнесся к ее попытке интерпретировать материальную культуру большей части Северного Кавказа (от Кубани до Дагестана) I тысячелетия до н. э. как некую культурную общность. Хороший отзыв получили доклады М. Г. Магомедова и В. М. Батчаева.

Во второй день конференции было заслушано еще 13 докладов. С докладом «К вопросу о расселении племен майкопской культуры в центральных районах северного Кавказа» выступил Р. Ж. Бетров (Нальчик). Постановка вопроса о времени миграции «майкопцев» стала возможной в связи с обнаружением и исследованием многочисленных памятников этой эпохи в районах к востоку от Прикубанья. Отсутствие среди них ранних комплексов майкопской культуры позволяет датировать этот процесс преимущественно средней ступенью ее развития. На рубеже II—I тысячелетия до н. э. в Южном Дагестане появляется обряд захоронения в грунтовых

могилах с деревянными перекрытиями и каменными выкладками на поверхности. Возникновению этого обряда посвящен доклад О. М. Давудова (Махачкала) «О происхождении обряда грунтовых захоронений конца II — начала I тысячелетия до н. э. в Южном Дагестане». Автор связывает указанный тип погребальных сооружений с миграцией группы населения из Закавказья. И. Г. Волков (Краснодар) ознакомил участников конференции с материалами последних исследований в степном правобережье Кубани. Особенности погребального обряда и инвентаря свидетельствуют об инфильтрации сарматов во II в. до н. э. в меотскую среду. Большой интерес вызвал доклад В. Б. Ковалевской (Москва) «Анализ погребальных сооружений эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе». В нем говорилось о необходимости унифицировать характеристики погребальных сооружений. Это могло бы облегчить типологическую классификацию средневековых памятников и их этнокультурную интерпретацию. В докладе «К вопросу о катакомбных и склеповых сооружениях юга Восточной Европы» М. П. Абрамова (Москва) сделала попытку проследить схему развития погребальных сооружений камерного типа. Если для территории Европейского и Азиатского Боспора, а также некрополей северопричерноморских городов однотипные сооружения известны под наименованием «склепы» — земляные или каменные, то на Северном Кавказе сосуществуют два термина: «склепы» — для обозначения подземных каменных сооружений — и «катакомбы» — могилы аналогичной формы, вырытые в земле. Оба термина на Северном Кавказе стали служить для выделения этнической специфики местного и ираноязычного населения. Анализ катакомб или склепов различных территорий позволил докладчику выявить своеобразные их черты в каждом из районов. История развития склепов на Северном Кавказе несколько иная, чем на других территориях. Это объясняется тем, что здесь каменные подземные склепы известны с эпохи бронзы. Начало распространения земляных склепов (катакомб) следует отнести к III—II вв. до н. э., что по времени совпадает с распространением их в более западных районах (Прикубанье, Крым). Это свидетельствует, по мнению М. П. Абрамовой, о единой линии развития племен разных районов Северного Кавказа и Крыма. Обстоятельная характеристика и критический анализ имеющихся в кавказоведческой литературе версий об этногенезе вайнахов содержится в докладе М. Х. Багаева (Грозный) «Гипотезы о происхождении чеченцев и ингушей». В докладе использованы сведения античных и средневековых авторов, а также данные археологии, этнографии, лингвистики и других наук. Х. Х. Биджиев и Н. Х. Татаркулов (Черкесск) рассказали об итогах раскопок Хумаринского городища в 1977 г. Установлено, что его восточная часть состоит из двух основных культурных слоев: верхнего (VIII—X вв.), относящегося к хазарскому периоду, и нижнего (IV—VII вв.), связываемого преимущественно с аланским населением городища. Авторы отождествляют Хумару с древним Схимарисом. Кроме того, высказано предположение о значительной инфильтрации тюрков (хазар, болгар) на территорию Карачаево-Черкесии в период усиления Хазарского каганата и об ассимиляции ими части алан. Средневековым памятникам адыгов посвящены доклады Е. П. Алексеевой (Черкесск) «Кабардинские и западночеркесские курганы Карачаево-Черкесии как источник по изучению этнической истории адыгов» и А. Х. Нагоева (Нальчик) «К вопросу о месте кабардинской культуры в культуре адыгских и соседних северокавказских народов». В первом докладе курганы Северо-Западного Кавказа сопоставляются с курганами центральных и восточных районов Предкавказья по погребальному обряду и инвентарю. Нижней датой адыгских курганов Е. П. Алексеева считает XIII в. Во втором докладе культура средневековой Кабарды рассматривается в сравнении с культурой других народов Северного Кавказа, из которых наиболее близки к кабардинцам по основным элементам материальной и духовной культуры балкарцы и карачаевцы. Этнической интерпретации трупосожжений конца VIII — начала IX в. в районе Новороссийска — Геленджика был посвящен доклад А. В. Дмитриева (Новороссийск). Докладчик связывает этот погребальный обряд с проникновением группы тюрков из Южной Сибири в VIII в. В. А. Петренко (Грозный) выступил с докладом «Погребальный обряд Ханкальского могильника как показатель его этнической принадлежности». Докладчиком прослежена эволюция погребального ритуала на протяжении нескольких столетий (V в. до н. э. — начало I в. н. э.); население, оставившее Ханкальский могильник, отождествляется с гаргареями Страбона, а изменения в материальной культуре аборигенов связываются с влиянием сарматов. С большим интересом был прослушан доклад Б. Техова (Цхинвали) «О культурных связях Северного Кавказа и Закавказья в древности». На обширном археологическом материале автор показал существование тесных и всесторонних культурно-экономических контактов между двумя регионами начиная с эпохи неолита. В отдельные периоды истории они сопровождались этническими связями. О другом направлении культурных связей аборигенов Северного Кавказа говорилось в докладе В. Я. Кияшко (Ростов-на-Дону) «Кавказские черты погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье». Автором выявлен ряд элементов погребального обряда и инвентаря в памятниках степного Предкавказья, свидетельствующих о влиянии горных районов края: захоронения в глубоких прямоугольных ямах, иногда с уступами вдоль стен и остатками деревянных и камышовых конструкций, западная ориентировка скорченных скелетов, частицы древесного угля, чернолощенная керамика с налепами и т. д.

В прениях по докладам второго дня приняли участие К. Ф. Смирнов, В. А. Кузнецов, В. И. Марковин, Н. В. Анфимов, В. И. Козенкова, М. Г. Магомедов, И. М. Чеченов, Х. Х. Биджиев, Н. А. Николаева, В. А. Сафронов, А. В. Дмитриев, Х. Х. Мамаев. Выступившие по докладам М. П. Абрамовой и В. Б. Ковалевской (К. Ф. Смирнов, В. А. Кузнецов, В. И. Марковин, Н. В. Анфимов, В. И. Козенкова, Х. Х. Биджиев) единодушно отметили актуальность вопроса об унификации терминологии классификации типов погребальных сооружений. Разделяя мнение М. П. Абрамовой о том, что форма погребального сооружения не может служить надежным этническим индикатором, К. Ф. Смирнов указал на неудачное отождествление терминов «катакомба» и «земляной склеп», а также на слишком прямолинейную критику докладчиком исследователей, считающих катакомбы привнесенными на Северный Кавказ ираноязычными сарматскими племенами. В. А. Кузнецов заметил, что прозвучавший в докладе В. Б. Ковалевской вывод о возможной принадлежности скальных катакомб тюркоязычным племенам — смелая мысль, однако она требует тщательной проверки. Учитывая этническую неоднородность населения Алании, В. А. Кузнецов указал на необходимость интенсифицировать изучение отдельных микрорайонов. По его мнению, рубежом, который мог разделять тюркоязычный и ираноязычный мир в Карачае, скорее всего было верховье Кубани. Это становится очевидным при картографировании эпиграфических данных: в районе западнее Кубани отчетливо прослеживается пранский пласт, а восточнее, по правобережью Кубани до Эльбруса, — тюркский. В. И. Козенкова, не отрицая в принципе гипотезу О. М. Давудова о появлении в Южном Дагестане грунтовых могил типа мугерганских из Закавказья, указала на неудачный подбор аналогий. Выступая по докладу М. Х. Багаева, В. И. Марковин и Х. Х. Мамаев упрекнули автора в чрезмерном увлечении лингвистическими данными и недостаточном использовании археологических материалов. При обсуждении доклада Х. Х. Биджиева В. А. Кузнецов и И. М. Чеченов выразили сомнение относительно существования на Хумаринском городище нижнего хронологического слоя IV—VII вв. и возможности отождествления самого памятника с древним Схимарисом. Н. В. Анфимов в своем выступлении по поводу доклада А. В. Дмитриева отметил, что докладчик привел убедительные доказательства о связи обряда трупосожжения конца VIII — начала IX в. в районе Геленджика с кочевниками Южной Сибири. Вместе с тем Н. В. Анфимов указал на необходимость более осторожного подхода к материалу, поскольку еще в V в. в данном районе у зихов начинает распространяться обряд кремации. Выступавшие отметили высокий уровень докладов Б. В. Тихова и В. Я. Кияшко.

В последний день конференции было заслушано 15 докладов. Анализу северокавказской группы оленных камней посвятили свой доклад Д. Г. Савинов и Н. Л. Членова (Москва) — «Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии и вопрос об их культурно-этнической принадлежности». Намечая общие (для всего ареала) и специфические для данной группы черты оленных камней, Н. А. Членова отметила, что они должны быть связаны с памятниками каменноостско-березовскими и типа хут. Кубанского. Что же касается этнической принадлежности северокавказских оленных камней, то, по мнению авторов, она соответствует той же этнической основе, в которой они склонны видеть киммерийцев. С. Н. Корневский (Москва) в докладе «Новые данные по металлообработке майкопской культуры» подробно остановился на результатах спектрального анализа новой группы майкопского металла. Полученные данные позволили докладчику сделать вывод о кавказском характере не только мышьяковистых бронз, как отмечалось ранее, но и мышьяково-никелевых. Наибольшая концентрация находок из этого металла для Каказа в целом отмечается в майкопских памятниках Кабардино-Балкарии, что, по мнению докладчика, скорее всего объясняется близостью данного района к источникам меди с повышенным содержанием никеля. В заключение С. Н. Корневский подчеркнул, что майкопские ремесленники вплоть до исчезновения майкопских памятников работали на кавказском сырье. В докладе М. В. Андреевой (Москва) «Об изображениях на серебряных сосудах из Большого Майкопского кургана» высказано предположение, что истоки майкопского художественного стиля перспективнее искать в Северной Месопотамии и прилегающих к ней восточнесредиземноморских областях, а не в шумерском искусстве III тысячелетия до н. э. В докладе «Периодизация и хронология раннего и начала среднебронзового века Северной Осетии» В. А. Сафронов (Москва), опираясь на стратиграфические данные, уточняет предложенную им ранее хронологическую систему для среднебронзового века Северного Кавказа. В тесной связи с предыдущим был доклад Н. А. Николаевой (Москва) «Культура шаровидных амфор на территории Северной Осетии». Докладчик связывает появление на Северном Кавказе так называемых амфор с движением культуры шаровидных амфор с территории Польши и Западной Украины на юг во второй половине III тысячелетия до н. э. Время существования этой культуры в ее северокавказском варианте определяется XXI—XVII вв. до н. э. Ряд докладов был посвящен результатам археологических раскопок. В. Х. Тменов (Орджоникидзе) рассказал о последних раскопках в Северной Осетии. Раскопками выявлены: два погребения с типичным для II этапа северокавказской культуры материалом, каменный ящик с разнообразным инвентарем, обнаруживающим близость с памятниками восточного варианта кобанской культуры на II этапе ее развития, и захоронение

рубежа нашей эры с характерным материалом сарматских погребений. В совместном докладе Л. Г. Нечаевой, В. В. Кривицкого и Н. Л. Членовой (Ленинград, Москва) речь шла о помещении для кремации могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии. Судя по остаткам кальцинированных костей, в нем было сожжено не менее 50 умерших. Обнаружен довольно разнообразный инвентарь — керамика, украшения и оружие. А. П. Рунич (Пятигорск) сообщил об открытых в 1976 г. катакомбных могильниках II—IV вв. в Кисловодске и IV—VIII вв. на западном склоне Рим-Горы. В сообщении М. Н. Ложкина (ст. Отрадная) рассматривались материалы недавно открытых погребений с деформированными черепами в верховьях бассейна Кубани. В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) в докладе «К вопросу о раннесредневековом жилище Северного Кавказа» выступил с новой интерпретацией каменной постройки в «Мокрой балке», ранее считавшейся им святилищем огня типа айада. Произведенное исследование позволило В. А. Кузнецову пересмотреть свое предположение и отнести это здание к типу небольшого жилища, принадлежавшего воину-всаднику. Своеобразное расположение открытого очага в центре помещения напоминает план кочевнической юрты. О. Х. Бгажба (Сухуми), опираясь на металлографический анализ свыше 200 изделий, продемонстрировал интересные данные по истории металлообработки на Черноморском побережье Кавказа с VII в. до н. э. до позднего средневековья. Хронологии раннесредневековых катакомбных могильников Чечено-Ингушетии был посвящен доклад Х. М. Мамаева (Грозный). Анализ погребального инвентаря позволил автору создать дробную хронологическую классификацию для новых, а также уточнить традиционные датировки известных катакомбных могильников Чечено-Ингушетии. Раскопкам позднесредневековых (XIV—XVI вв.) курганов в урочище Байтал-Чапкан и наскальным рисункам VI—VIII вв., обнаруженным в Урупском районе Карачаево-Черкесии, было посвящено выступление Г. Х.-У. Текеева (Черкесск). М. Б. Мужухоев (Грозный), касаясь вопроса датировки циклопических сооружений Чечено-Ингушетии, отметил, что данные памятники имеют ряд признаков, указывающих на их разновременность. Докладчик указал, что пока трудно говорить о конкретной датировке памятников. Типологической классификации деревянной посуды из позднесредневековых склепов Малхисты и Майсты (Чечено-Ингушетия) и их интерпретации был посвящен доклад Р. А. Даутовой (Грозный). Технология изготовления деревянной посуды зависит от формы: предметы, обладающие стандартными симметричными формами, выточены на токарном станке, а посуда, имеющая более сложную форму, сделана вручную. Различная техника изготовления этой посуды, по мнению докладчика, не является хронологическим показателем. Р. А. Даутова отметила, что стандартизация и массовость отдельных категорий посуды позволяют ставить вопрос о существовании специализированного ремесленного производства расцвет которого падает на XV—XVI вв.

В обсуждении докладов последнего дня участвовали В. М. Батчаев, М. Г. Магомедов, В. Б. Ковалевская, Н. В. Анфимов, И. М. Мизиев, В. И. Козенкова, Х. Х. Биджиев, В. А. Кузнецов, Н. Л. Членова, В. А. Сафронов, М. Н. Ложкин, М. Б. Мужухоев, В. И. Марковин, В. А. Петренко, Р. Ж. Бетров, С. Н. Корневский. В. М. Батчаев, выступивший по докладу Д. Г. Савинова и Н. Л. Членовой, указал на несоответствие интерпретации оленных камней Восточной Европы как киммерийских с датировкой всех этих памятников временем скифской гегемонии (VII в. до н. э.). Он склонен допустить принадлежность оленных камней ранним скифам (VIII—VII вв. до н. э.), отмечая вместе с тем недостаточную изученность памятников, особенно в их исходном ареале — Монголии и Южной Сибири. Н. В. Анфимов и В. И. Козенкова, положительно оценив основную идею доклада, вместе с тем решительно возразили против объединения таких могильников, как Николаевский и Кубанский, в одну группу с каменноостско-березовскими. По мнению Н. В. Анфимова, Николаевский и Кубанский могильники являются протогеотскими и нет никаких оснований приписывать их киммерийцам. В ответном выступлении Н. Л. Членова не согласилась с мнением В. М. Батчаева о возможности интерпретировать северокавказские оленные камни как раннескифские. Она указала на существенное отличие скифского оружия от тех изображений, которые имеются на оленных камнях. При обсуждении доклада Н. А. Николаевой А. В. Дмитриев, В. А. Кузнецов, Н. В. Анфимов, И. М. Чеченов выразили серьезные сомнения в правильности терминологических определений, прозвучавших в докладе. В. И. Козенкова обратила внимание докладчика на недостаточность использованных материалов и излишнюю прямолинейность выводов. Р. Ж. Бетров и В. И. Козенкова, касаясь докладов С. Н. Корневского и М. В. Андреевой, указали на интересную постановку вопросов и перспективность дальнейшего исследования в этих направлениях. Выступавшие по докладу В. А. Кузнецова (М. Г. Магомедов, Х. Х. Биджиев, М. Б. Мужухоев) положительно приняли новую трактовку объекта в «Мокрой балке» и признали интересный вывод докладчика о наличии в Западной Алании двух традиций организации интерьера жилищ — местной и кочевнической. В. А. Сафронов, касаясь доклада С. Н. Корневского, указал, что предложенный им тезис заставляет отказаться от общепринятого мнения Е. Н. Черных о привозном характере майкопского металла. И упрекнул автора в чрезмерной категоричности выводов. В. Б. Ковалевская, М. Г. Магомедов, И. М. Мизиев обратили внимание на исключительно интересный материал, продемонстрированный М. Н. Ложкиным. М. Б. Мужухоев, выступая по

поводу доклада Р. А. Даутовой, отметил, что, по его мнению, деревянная посуда ручной и токарной работы все же может служить хронологическим показателем, поскольку в склепах с ярусами посуда, вырезанная вручную, встречается в нижних ярусах, а токарная — в верхних. В. И. Марковин коснулся доклада М. Б. Мужухоева и рекомендовал автору привлекать более широкие аналогии, в первую очередь закавказские материалы. В. А. Петренко выразил сомнение относительно предположения М. Б. Мужухоева о связи древних склепов с циклопическими сооружениями.

Подводя итоги проделанной работе, председатель оргкомитета Крупновских чтений В. А. Кузнецов отметил ценность большей части представленных докладов, а также выразил пожелание, чтобы и предь выносились на обсуждение малоразработанные и актуальные вопросы местной истории. В будущем предстоит устранить и определенные пробелы, такие, как слабое вовлечение в работу конференции специалистов по каменному веку, недостаточно полное освещение этнокультурных связей аборигенов Северного Кавказа с населением Предкавказской степи (особенно в эпоху средневековья) и т. д.

Следующие, IX Крупновские чтения по теме «Проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа и Предкавказья» решено провести в г. Элисте.

В. М. Батчаев, Б. М. Керефов

ПАМЯТИ ОТТО НИКОЛАЕВИЧА БАДЕРА

Советская археологическая наука понесла тяжелую утрату: скончался Отто Николаевич Бадер — один из крупнейших исследователей памятников древнейшей истории СССР, широко известный не только в нашей стране, но и за рубежом.

О. Н. Бадер родился в 1903 г. в Полтавской губернии. Его отец был лесничим. Юношеские годы Отто Николаевича прошли в Смоленской губернии около г. Белого. В 1922—1926 гг. он учился в Московском университете. Еще до окончания университета, с 1924 г. Отто Николаевич заведует археологическим отделом Музея Центрально-Промышленной области в Москве, затем работает научным сотрудником, а с 1931 г. ученым секретарем Института антропологии МГУ. Параллельно в 1927—1930 гг. он работает в Музейном отделе Главнауки Наркомата просвещения в качестве специалиста по археологии. С 1933 г. О. Н. Бадер становится старшим научным сотрудником Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры, где с 1939 г. назначается ученым секретарем. В 1937 г. ему присвоена ученая степень кандидата исторических наук по совокупности работ.

Великая Отечественная война прервала научную работу Отто Николаевича. В дни опасности, нависшей над Москвой, он вступает в ряды народного ополчения. В дальнейшем он работает в краеведческом музее Нижнего Тагила, а с 1946 г. становится доцентом Пермского университета. В 1955 г. О. Н. Бадер возвращается в Москву и продолжает работу в Институте археологии АН СССР в качестве старшего научного сотрудника. В 1964 г. он защищает докторскую диссертацию «Древнейшая история Прикамья».

Интересы Отто Николаевича в археологии, как и его научная продукция, чрезвычайно велики. Он занимался проблематикой многих периодов первобытной истории — от палеолита до эпохи раннего железа в ряде районов СССР: в Крыму, на Урале, в Верхнем и Среднем Поволжье, на Оке.

В области изучения палеолита одним из крупнейших достижений О. Н. Бадера было обследование и раскопки ряда стоянок Крыма, в том числе мустьерской стоянки Волчий грот. На основании этих работ исследователь приступает к созданию первой периодизации мустьерских поселений Крыма. Несколько статей Отто Николаевича посвящено проблемам антропогенеза на материале палеоантропологических местонахождений близ Хвалынского и на р. Сходне. Он исследовал стоянку им. Талицкого на р. Чусовой и открыл большую группу палеолитических пещер Урала. Мировую известность принесли Отто Николаевичу открытия на палеолитической стоянке Сунгирь, которые опубликованы в ряде работ, в том числе в двух монографиях. О. Н. Бадер — один из основных авторов книги «Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь», им написана монография «Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка» (1978). Не менее известны работы в Каповой пещере, где Отто Николаевич детально исследовал древнейшие на территории СССР великолепные наскальные рисунки. Несколько работ О. Н. Бадера посвящено проблемам расселения человека в палеолите.

Отто Николаевич был одним из пионеров исследования мезолита в нашей стране. Он изучал мезолитические памятники Крыма, одним из первых начал раскопки мезолитических поселений Верхнего Поволжья. Им впервые были выделены и исследованы мезолитические памятники Прикамья. Неолитические памятники изучались Отто Николаевичем в Крыму, на Оке, на Верхней Волге, на Урале. Им посвящен ряд фундаментальных исследований ученого.

Огромен вклад О. Н. Бадера в изучение бронзового века нашей страны. Им раскопаны многие поселения и могильники фатьяновской культуры и культур, впервые выделенных им самим: поздняяковской и турбинской. Результатом его работ по изучению бронзового века явились монографии: «Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье» (1961), «Балановский могильник» (1963), «Древнейшие металлургии Приуралья» (1964), «Бассейн Оки в эпоху бронзы» (1970).

В области раннего железного века О. Н. Бадером изучались памятники дьяковской, ананьинской и других культур. Ряд статей он посвятил и более поздним археологическим памятникам.

Отто Николаевич был неутомимым полевым исследователем, крупным знатоком полевой методики. Собранные им материалы к археологической карте Московской области не потеряли значения до сих пор. В течение многих лет он возглавлял несколько крупных экспедиций, в том числе и те, что проводились на новостройках: на канале им. Москвы, на строительстве Камской, Воткинской и Нижнекамской ГЭС.

О. Н. Бадеру принадлежат крупные заслуги в области организации археологической науки. Еще в 20-х годах он организовал археологические отделы в нескольких периферийных музеях; им создан археологический музей Пермского университета. Он был инициатором созыва Уральских археологических совещаний, одним из создателей Уральской четвертичной комиссии. Благодаря его энергии и настойчивости сооружается музей на палеолитической стоянке Сунгирь. Отто Николаевич был заместителем председателя Научно-методического совета по охране памятников истории и культуры при Министерстве культуры СССР, членом Четвертичной комиссии Отделения наук о земле АН СССР, Уральской археологической комиссии, советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода и т. д. Он был

избран членом ряда иностранных археологических институтов и обществ. Много сил О. Н. Бадер отдавал работе в редколлегии журнала «Советская археология», членом которой он был в течение многих лет.

Отто Николаевич вел непрерывную педагогическую деятельность, преподавал в Московском и Пермском университетах. Его ученики плодотворно работают в научных учреждениях и вузах Москвы, Ленинграда, Киева, Перми, Петрозаводска, Свердловска, Горького, Ижевска, Бийска и других городов.

О. Н. Бадер был неутомимым популяризатором археологии. Им прочитано множество лекций, написаны многочисленные научно-популярные статьи. Он один из авторов книги «На заре истории Прикамья» (1958).

Каждый из работавших рядом с Отто Николаевичем знал его и как обаятельного человека, и как принципиального ученого, отстаивавшего свои позиции при уверенности в своей правоте и не стеснявшегося отказываться от устаревших воззрений, и как отзывчивого педагога, всегда находившего время помочь советом. Память об Отто Николаевиче будет долго жить в сердцах советских археологов.

Л. В. Кольцов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЗ — Археологические известия и заметки Московского археологического общества
 АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
 АП — Археологичні пам'ятки. Київ
 АРТ — Археологические работы в Таджикистане
 АС — Археологический съезд
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. I. М., 1952. Т. II. 1958. Т. III, 1964
 АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. II. М., 1954
 БАН — Библиотека АН СССР. Ленинград
 ВВ — Византийский временник
 Вестн. МГУ — Вестник Московского государственного университета
 ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 ДГС — Древности Геродотовой Скифии. СПб., вып. I, 1866; вып. II, 1872
 ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950
 ДП — Ханенко Б. И. и В. Н. Древности Приднепровья. Киев
 ЗИМК — Запорожский историко-краеведческий музей
 ЗМАИ — Записки Московского археологического института
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
 ИЗ АН УССР — Институт зоологии АН УССР
 ИМФАН — Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев
 ИРОМК — Известия Ростовского областного музея краеведения
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
 ЛО ИВ АН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
 МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси
 МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
 МАР — Материалы по археологии России
 МДАПВ — Материалы і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МОКМ — Московский областной краеведческий музей
 МЮТАКЭ — Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
 ОАК — Отчет Археологической комиссии
 ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
 ПВЛ — Повесть Временных лет
 ПКМГ — Писцовые книги Московского государства, ч. I. СПб., 1872
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 ПЭБ — Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР
 САИ — Свод археологических источников
 Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 Смела — Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. СПб.
 СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
 Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
 Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 Тр. КРКМ — Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея. Элиста
 ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
 УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
 ХГЗЗК — Хортицкий Государственный заповедник Запорожского казачества
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М.
 ЭВ — Эпиграфика Востока
 ААН — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
 АЕ — Archaeologiai Értesítő
 АН — Archaeologia Hungarica. Budapest
 АР — Archeologia Polski. Wrocław — Warszawa — Kraków
 АR — Arheologické rozhledy
 Ath. Mitt. — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
 BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris
 DisArch — Dissertationes Archaeologicae. Budapest
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
 IOSPE — Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
 JAOS — Journal of the American Oriental Society
 SCIV — Studii și cercetări de istorie veche. București
 STA — Studia Archaeologica. Budapest